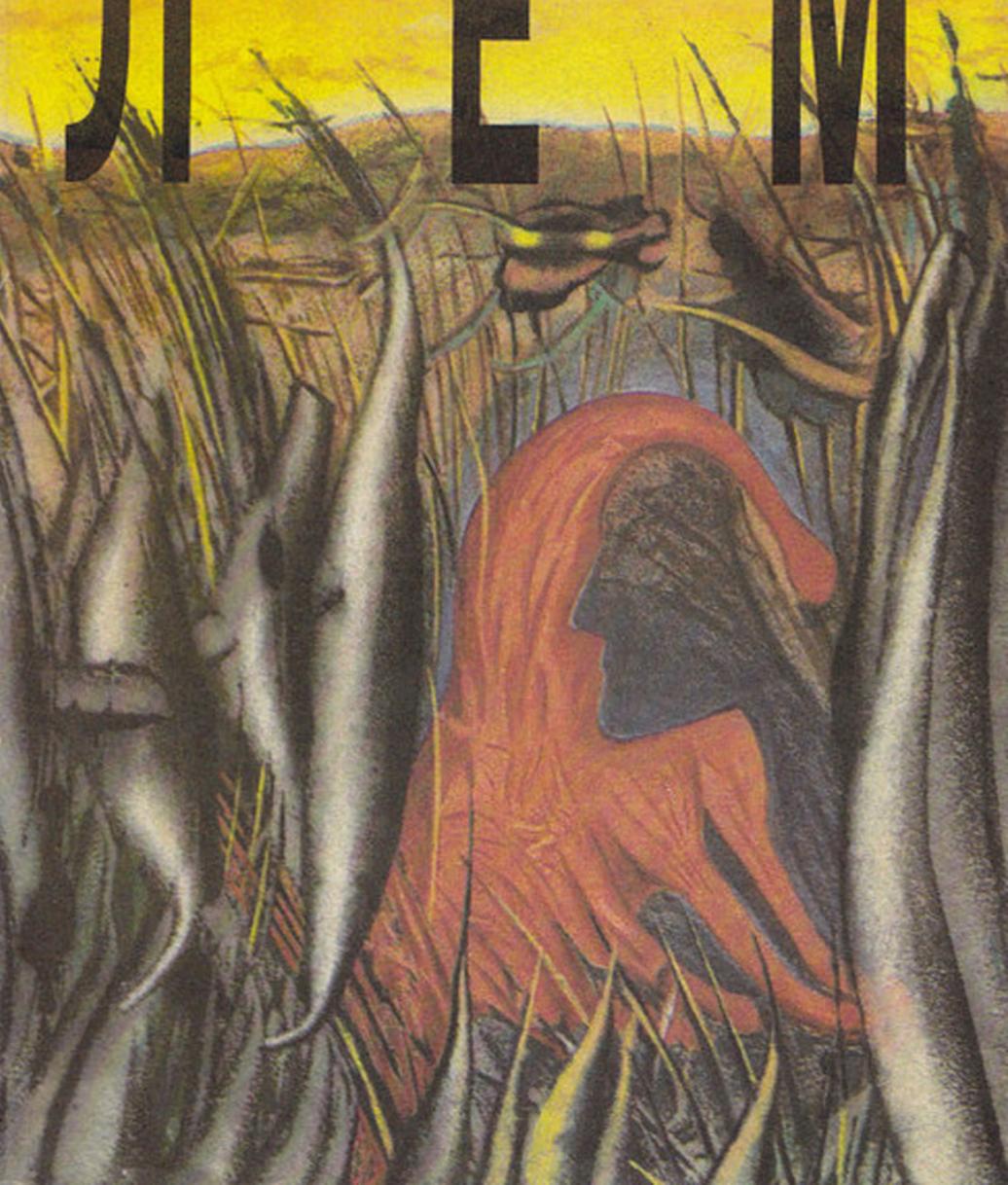

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

S T A N I S Ł A W

L E M

DZIEŁA ZEBRANE

С Т А Н И С Л А В
Л Е Е М

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОЯ ЖИЗНЬ
ЭДЕМ *роман*
РАССЛЕДОВАНИЕ *роман*

84.4П

Л44

Издание подготовлено совместно
с редакционно-издательской фирмой «РИФ»

С разрешения ЦСП «Восхождение»

Художники Лариса Денисенко, Валерий Черниевский

Ответственный редактор Александр Мирер

Л 4703010100-032 подп.
92

ISBN 5-87106-054-4

© С. Лем, 1958, 1983

© «Текст», 1992

ЧИТАЕМ ЛЕМА — ЗНАЧИТ, НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Станислав Лем — редкостное явление в культуре XX века. Блестящий и самобытный писатель и в то же время социолог, философ-рационалист, склонный к точному математическому мышлению. Неудержимый фантазер и — сухой аналитик. Писатель удивительно разносторонний; он, как сказал бы Достоевский, «выскочил из мерки». Кажется, он перепробовал все фантастические жанры — от классической «научной фантастики» до рецензий на фантастику, еще не написанную. Не делал он только одного: не писал на потребу рынка.

Он стал одним из первых, а может, и первым, кто еще в начале пятидесятых годов провидел кибернетическую революцию, перевернувшую нашу цивилизацию.

Книги Лема переведены на десятки языков, едва ли не раньше всех — на русский. В Польше он — известнейший человек, поляки им гордятся, но у нас его читают никак не меньше, чем на родине. Лем не раз говорил, что нигде его так не встречали, как в Москве, Харькове и Ленинграде.

Почему так — разговор особый; несомненно лишь одно: интеллектуальная проза Лема, до предела насыщенная мыслью, адресованная далеко не всякому, нашла самых горячих поклонников в нашей стране. Сейчас, во времена уныния и неверия в собственные силы, уместно вспомнить об этом, ибо — Лем по-прежнему *наш*. И сегодня есть в России люди, сохранившие вкус к игре ума, к анализу тончайших, невероятно запутанных связей между обыденной жизнью и огромным зданием научных идей, инженерных достижений, информационных потоков. Может быть, самый верный знак, что не все еще потеряно, — постоянные на протяжении последних тридцати лет издания Лема.

Символично, что именно теперь приходит к нашим читателям многотиражное собрание его сочинений — до сих пор только в Германии выходило систематическое собрание Лема, притом куда меньшим тиражом.

В десятитомник издательства «Текст» войдут только художественные произведения, в абсолютном большинстве — фантастические. В собрание не включены ранние вещи Лема: повесть «Человек с Марса», романы «Астронавты», «Магелланово облако» — последние годы он предпочитает их не публиковать. В остальном фантастика Лема войдет в собрание целиком, за исключением лишь романа «Фиаско» и нескольких рассказов.

В свое время Лема переводили на скорую руку, с купюрами — всюду работали цензорские ножницы. Поэтому все переводы тщательно сверяются с оригиналами, заново редактируются.

Вне собрания пока остаются художественно-философские сочинения: «Диалоги», «Сумма технологий», «Философия случайности», «Фантастика и футурология». У этих книг — как и у романа «Фиаско» — свой круг читателей. Издательство намерено провести читательский опрос и по возможности выпустить книги философской прозы дополнительно, меньшим тиражом.

Мы отказались от традиционной статьи о жизни и творчестве автора и отсылаем читателя к произведениям самого Лема, прежде всего к эссе «Моя жизнь», которым открывается первый том, и к автобиографическому роману «Высокий Замок», публикуемому в пятом томе. Бегло охарактеризовать, «разъяснить» этого уникального писателя — задача невыполнимая, хотя бы потому, что его творчество связано с огромным пластом европейской культуры, с трудами философов, социологов, корифеев точных наук, с современной инженерией и, разумеется, с мировой литературой. От Платона до Норберта Винера и от Аристотеля до Хорхе Луиса Борхеса — таков диапазон его привязанностей. Творчество Лема — это целый мир, читателя ждет увлекательное путешествие — каждого свое, ибо каждый найдет свой маршрут.

«Текст»

МОЯ ЖИЗНЬ

Эту автобиографию я писал, отдавая себе отчет в том, что мое перо притягивают два противоположных полюса. Один из них — это случайность, второй — организующая нашу жизнь закономерность. Чем было все то, в результате чего я появился на свет и, хотя смерть угрожала мне множество раз, выжил и стал писателем, и к тому же писателем, который пытается сочетать огонь и воду, фантастику и реализм? Неужели всего лишь равнодействующей длинного ряда случайностей? Или же тут было некое предопределение, не в облике какой-то сверхъестественной Мойры, которая предрекла мою судьбу уже в колыбели, но таившееся где-то во мне самом — скажем, как и подобало бы агностику и эмпирику, в моей наследственности.

Разумеется, от роли случайности в моей жизни я не могу отмахнуться. Когда в 1915 году пала крепость Перемышль, мой отец — он служил тогда врачом в австро-венгерской армии — оказался в русском плену. Почти пять лет спустя, пройдя через хаос русской революции, он вернулся в родной Львов, и из его рассказов я знаю, что по меньшей мере однажды его как офицера, а значит, классового врага должны были поставить к стенке. Спасся он по чистой случайности: когда его уже вели на расстрел по улице какого-то украинского местечка, его заметил и узнал еврейский парикмахер из Львова; тот брил самого коменданта города и имел свободный доступ к нему. Благодаря этому отцу (который, впрочем, тогда не успел еще

стать моим отцом) освободили, и он вернулся во Львов к своей невесте. Эту историю — разумеется, в художественно переработанном и усложненном виде — можно найти в моей псевдорцензии (на книгу «De Impossibilitate Vitae»* Цезаря Коуски) из сборника «Абсолютная пустота». Тогда случайность обернулась судьбой в облике человека, ведь если бы парикмахер свернул в эту улочку минутой позже, ничто не спасло бы моего отца. Я слышал это от него, когда мне было лет десять, и тогда, конечно, мне были недоступны абстрактные рассуждения, которые позволяли бы сопоставить категории случайности и судьбы. Мой отец был уважаемым в городе и весьма зажиточным врачом-ларингологом. В довольно-таки бедной стране, какой была довоенная Польша, я ни в чем не испытывал недостатка. У меня была французская гувернантка, множество игрушек, и я считал мир, в котором рос, чем-то абсолютно устойчивым. В таком случае почему же я, ребенок, любивший уединение, выдумал странную, диковинную игру, описанную в другой моей книге — «Высокий Замок»?

Я перенесся в вымышленный мир, который, однако, я не выдумал и не вообразил себе, так сказать, непосредственно. В школьные годы я изготавливал множество «важных бумаг»: документы, удостоверения, дипломы, наделявшие меня богатством, высокими званиями и тайной властью; и еще — «неограниченные полномочия», пропуска, шифрованные подтверждения своих высоких должностей — где-то там, в стране, которой не было ни на одной географической карте. Может быть, я ощущал какую-то неуверенность? Угрозу? И моя игра была как-то связана с этим, возможно даже неосознаваемым мною, ощущением? Не знаю. Я был хорошим учеником. Потом, уже после войны, я узнал от одного пожилого человека, который служил в школьном ведомстве довоенной Польши, что в 1936 или 1937 году измеряли коэффициент умственных способностей учеников всех гимназий; мой коэффициент интеллекта оказался около ста восьмидесяти, и, по словам этого человека, я был тогда чуть ли не самым способным ребенком во всей южной Польше. О чем сам я и понятия не имел, так как о результатах обследования не сообщалось. Итак, по крайней мере в этом смысле, с

* «О невозможности жизни» (лат.). Примечания, обозначенные звездочкой, принадлежат переводчику. Авторские примечания, обозначенные цифрами, см. в конце текста.

этой точки зрения я уже составлял исключение из общего правила. Хотя, конечно, совсем не поэтому мне удалось пережить оккупацию в «генерал-губернаторстве»*. Именно тогда я как нельзя более ясно, в «школе жизни», узнал, что я не «ариец». Мои предки были евреи. Я ничего не знал об иудейской религии; о еврейской культуре я, к сожалению, тоже совсем ничего не знал; собственно, лишь нацистское законодательство просветило меня насчет того, какая кровь течет в моих жилах. Нам удалось избежать переселения в гетто. С фальшивыми документами мы — я и мои родители — пережили эти годы**.

Но я хотел бы еще раз вернуться в свое довоенное детство. Мои первые книги были совершенно особого рода. Еще не умея читать, я листал анатомические атласы и медицинские пособия отца; понять в них что-либо мне было мудрено уже потому, что медицинская библиотека отца состояла частью из немецких, частью из французских книг. Только беллетристика была на польском. Мое первое знакомство с миром книг неразрывно связано с рисунками скелетов и аккуратно вскрытых черепов, подробными и многоцветными рисунками мозга, изображениями внутренних органов, препарированных и украшенных звучными магическими латинскими названиями. Разумеется, рыться в отцовской библиотеке мне было строжайше запрещено; именно поэтому она притягивала меня, как нечто запретное и таинственное. Пожалуй, я и теперь еще мог бы перечислить все человеческие кости. За остекленной створкой книжного шкафа лежала на полке одна из черепных костей (*os temporis****) с просверленным в ней отверстием, должно быть, на память о том времени, когда отец изучал медицину. Я не раз — и без какого-либо пиетета — держал эту кость в руках (для этого надо было только на время стянуть у отца ключ). Я знал, что это такое, но кость меня не пугала, а скорее вызывала какое-то удивление. То, что она лежала перед рядами толстых медицинских трудов, казалось мне совершенно естественным; ведь ребенок не отличает банального и будничного от необычайного — ему просто не с чем сравнивать. Эту кость — или, скорее, ее

* Официальное наименование оккупированных фашистской Германией польских территорий, не включенных непосредственно в состав третьего рейха.

** Впоследствии С. Лем писал: «Немцы убили всех моих близких, кроме отца с матерью...» (Lem S. Science-fiction: ein hoffnungsloser Fall mit Ausnahmen. Frankfurt a. M., 1987. S. 150).

*** Височная кость (лат.).

беллетристическое отражение — можно найти в другом моем романе («Рукопись, найденная в ванне») в виде очищенного до блеска черепа. Целый череп, такой, каким он описан в этом романе, где он играет какую-то не вполне ясную для меня самого роль, был раньше собственностью моего дяди с материнской стороны, тоже врача. Он был убит всего два дня спустя после вступления немецкой армии во Львов вместе со многими другими поляками, по большей части профессорами университета; среди них был Бой-Желеньский, один из самых известных польских писателей. Их взяли ночью на их квартирах и расстреляли.

И вот вопрос: была ли какая-нибудь объективная, то есть не вымышленная мною, не ограничивающаяся одними лишь ассоциациями связь между этими частями человеческого скелета и эпохой массового человекоубийства? Или же перед нами всего лишь серия случайных совпадений? Да, я считаю это совпадение совершенно случайным. Я не верю ни в Провидение, ни в предопределение. Мой жизненный опыт таков, что я могу представить себе — вместо предустановленной гармонии — разве что предустановленную дисгармонию, за которой следуют хаос и безумие. Мое детство, вне всякого сомнения, было мирным и идиллическим — особенно по сравнению с тем, что наступило потом.

Я был пожирателем книг. Я читал все, что попадало мне в руки: шедевры национальной поэзии, романы, научно-популярные книжки (я и теперь еще помню, что одна из таких книг, подарок отца, стоила семьдесят злотых, целое состояние по тем временам — за семьдесят злотых можно было купить костюм). Отец меня баловал, ничего не скажешь. А еще я рассматривал в отцовских анатомических атласах (это я тоже хорошо помню) женские и мужские гениталии — особенно женский «срам» казался мне чем-то паучьим, он не то чтобы вызывал у меня отвращение, но, во всяком случае, не имел для меня ничего общего с эротикой. Позже, став взрослым, в сексуальном отношении я, насколько мне представляется, был совершенно нормален. Но так как на медицинском факультете я среди прочих предметов изучал гинекологию и даже проработал месяц акушером в одной из клиник, то порнография поныне ассоциируется у меня не с сексуальным влечением, не с радостями соития, а с анатомическими картинками в отцовских атласах и с моими собственными занятиями гинекологией. Сама мысль о том, что мужчина может прийти в сильное возбуждение при одном виде женских гениталий, кажется

мне чрезвычайно странной. Я понимаю, конечно, что тут речь идет о «либидо», об ощущениях, «встроенных» в нашу психику и запрограммированных эволюцией; и все же секс без любви — это для меня примерно то же, что человек, который ест соль и перец целыми ложками потому, что без соли и перца еда будет пресной. Никакого отвращения, но также и никакого влечения, пока речь не идет о *настоящей* эротике, о том, что зовется любовью.

Восьми лет я влюбился в девочку-подростка. Я часто видел ее в городском саду неподалеку от нашего дома, а так как я ни разу не говорил с ней, она, разумеется, ни о чем не могла и догадываться и, скорее всего, просто не замечала меня. То была любовь пламенная, глубокая, как бы очищенная от всего конкретного, витающая в сферах полного исполнения желаний. Знакомиться с нею мне было совершенно незачем. Я страстно желал лишь одного — видеть ее издали; на этом все и кончалось. Пусть господа психоаналитики займутся этим детским чувством. Я же от комментариев воздержусь, ибо считаю, что подобные эпизоды можно истолковать на любой лад.

Я уже говорил о противостоящих друг другу понятиях «случай — закономерность» или же «стечение обстоятельств — предопределение». Лишь тогда, когда я взялся писать «Высокий Замок», я начал подозревать, что моя судьба, то есть мое писательское призвание, уже таилась во мне, когда я разглядывал скелеты, галактики в астрономических атласах, реконструкции чудовищных ящеров мезозоя и многоцветный человеческий мозг в анатомических справочниках. Возможно, все это были внешние причины или, лучше сказать, импульсы и раздражители, под влиянием которых складывалась моя душевная организация. О чем я, разумеется, ни малейшего понятия не имел.

Я не только выдумывал фантастические королевства и титулы; я еще занимался изобретательством и «конструировал» допотопных животных, неизвестных палеонтологам. Между прочим, я выдумал самолет в виде мощной вогнутой линзы; паровой котел располагался в ее фокусе, а подъемную силу обеспечивали турбины, размещенные по краям вертикально, как у вертолета. Все это приводилось в движение энергией солнечных лучей. Предполагалось, что эта нелепица будет летать очень высоко над облаками и, разумеется, только днем. Случалось мне изобретать вещи, давно уже существующие, хотя я об этом не знал — например, дифференциальную передачу. В свои толстые тетради я заносил истинно комические проекты, к примеру велоси-

пед, на котором надо было ехать, приподнимаясь и опускаясь, словно верхом на лошади. Нечто похожее я где-то видел недавно, кажется в английском журнале «Нью сайентист», но не поручусь, что именно там.

Любопытно, что я никогда не пробовал показывать свои рисунки, напротив, я тщательно скрывал их от школьных товарищей и родителей. Почему — я и сам не знаю; возможно, из-за свойственной детям склонности делать изо всего тайну. Но, скорее всего, *не была* случайной скрытность, с какой я играл в «удостоверения» и «пропуска», открывающие их предьявителю доступ в подземные сокровищницы. Думаю, что я боялся насмешек. Хотя я знал, что это всего лишь игра, для меня с ней было связано что-то очень серьезное. Правда, об этой игре я рассказал в «Высоком Замке», но туда вошла лишь малая доля моих воспоминаний. Почему? Что ж, на этот вопрос я могу ответить хотя бы отчасти. Во-первых, в «Высоком Замке» я хотел опять превратиться в ребенка, которым когда-то был, свести комментарий к минимуму (я имею в виду комментарий с точки зрения здравомыслящего взрослого). Во-вторых, в процессе своего возникновения эта книга породила свою собственную «нормативную эстетику» (как в ходе любого процесса самоорганизации), и оказалось, что многое в моих воспоминаниях грозит внести диссонанс в этот канон. Не то чтобы я хотел что-нибудь скрыть из чувства вины или стыда, но было нечто такое, что плохо вязалось с моим детством, каким я взялся его описать. Прежде всего я хотел — намерение вряд ли осуществимое! — выделить, дистиллировать из всей моей жизни детство в чистом виде так, словно бы всех последующих наслоений — войны, массовых убийств, истребления, воздушных тревог и ночевок в подвалах, фальшивых документов, игры в прятки, смертельных опасностей, словно бы всего этого никогда не было. Ведь всего этого, несомненно, не существовало, когда я был ребенком или шестнадцатилетним гимназистом. Но в тексте я все же дал понять, что я не обо всем умолчал или хотел умолчать, заметив (не помню точно где), что любой человек может написать множество мало похожих одна на другую автобиографий в зависимости от избранной точки зрения и критериев отбора.

Значение в человеческой жизни категорий «случайность» и «закономерность» я уяснил в военные годы, так сказать, инстинктивно, собственной кожей — не как мыслящий человек, но как преследуемый, загнанный зверь.

Я на практике мог убедиться, что жизнь и смерть зависят от мельчайших, пустячных обстоятельств: по этой или той улице ты пошел на работу, пришел ли ты к знакомому на час или двадцать минут позже, закрыты или открыты были двери подъезда во время уличной облавы. В то же время не следует думать, будто бы я, ведомый инстинктом самосохранения, выбирал — выражаясь языком естественных наук — оптимальную стратегию, стратегию максимальной предусмотрительности. Нет, нередко я шел навстречу опасности. Иногда потому, что считал это нужным, но иногда это было просто совершенной беспечностью и даже безумием. И теперь еще, вспоминая о такого рода отчаянных и идиотских поступках, я ощущаю страх, смешанный с удивлением, — отчего и зачем я вел себя именно так. К примеру, красть боеприпасы со «склада трофеев германских военно-воздушных сил» (я имел туда доступ как работник немецкой фирмы) и передавать их какому-то незнакомому мне человеку, о котором я знал лишь то, что он участник Сопротивления, я считал своим долгом. Но если мне надо было доставить в условленное место, допустим, какое-нибудь оружие как раз перед началом комендантского часа, а пользоваться трамваем при этом строжайше запрещалось (надо было идти пешком), я все же ехал трамваем. Однажды украинский полицейский в черной форме прыгнул на подножку трамвая и прижался ко мне сзади, чтобы ухватиться за ручку двери; это могло кончиться для меня очень плохо. Я проявил несубординацию, легкомыслие и глупость и все же поступил именно так. Что это было — вызов судьбе или недомыслие? Я и теперь не знаю.

Мне гораздо легче понять, почему я несколько раз побывал в гетто, когда оно еще существовало. Ведь там у меня были знакомые. Все они или почти все, насколько мне известно, погибли осенью 1942 года в газовых камерах концлагеря Белжец.

Здесь уже возникает вопрос: есть ли какая-нибудь причинно-следственная связь между тем, что я рассказал, и моим писательским призванием, и даже больше того — с тем, что мне удалось достичь как писателю? (Причем, разумеется, автобиографические тексты наподобие «Высокого Замка» исключаются из рассмотрения.)

Я думаю, что такая связь есть, что вовсе не случайно такую важную роль играет в моих книгах случай как создатель судьбы. Ведь мне довелось жить в совершенно различных общественных системах. Я уяснил себе огромные

различия между ними — бедная, но независимая капиталистическая (если это подходящее определение) довоенная Польша, *Paх Sovietica** 1939—1941 годов, немецкая оккупация, вторичный приход Красной Армии, послевоенные годы уже в совершенно иной Польше. Но не только различия. Я узнал еще, до какой степени хрупки общественные системы, как ведут себя люди в экстремальных условиях, насколько непредсказуемым становится человек под непереносимым давлением — его решения никогда или почти никогда нельзя предвидеть. Я хорошо помню, какие чувства я испытывал при чтении романа Сола Беллоу «Планета мистера Саммлера». Книга понравилась мне настолько, что я перечитал ее несколько раз. И все же большая часть переживаний его героя, мистера Саммлера, в оккупированной немцами Польше звучала как-то фальшиво. Беллоу, опытный романист, наверняка собирал необходимый материал для своей книги. Он, например, допустил лишь одну бросающуюся в глаза ошибку, дав горничной-польке имя, не встречающееся у поляков. Но это мелочь, которую можно исправить одним лишь взмахом пера. Хуже другое: не совпадает «атмосфера», неуловимое Нечто, которое, *быть может*, удалось бы выразить в словах тому, кто сам пережил все это. Речь идет не о правдоподобию тех или иных эпизодов. Тогда случалось самое неправдоподобное, самое невероятное. Речь идет об общем впечатлении — оно-то и заставляет меня предположить, что все это Беллоу знает лишь по рассказам, что он находился в положении исследователя, который получил составные части целого, упакованные порознь, и теперь пытается собрать их. Скомпоновать их таким образом, чтобы, к примеру, из кислорода, азота, водяного пара и аромата цветов возникла атмосфера определенного участка леса в определенный утренний час.

Не знаю, возможно ли это вообще; во всяком случае, это дьявольски трудно. Что-то ненастоящее, привкус какой-то фальши чувствуется в этой смеси. Та эпоха сокрушила и взорвала все прежние условности и приемы литературного повествования. Непостижимая ничтожность человеческой жизни перед лицом массового истребления не может быть передана средствами литературы, которая в центр повествования ставит отдельных людей или небольшие группы. Это все равно что пытаться изобразить Мэри-

* Мир по-советски (лат.).

лин Монро при помощи точного описания молекул, из которых состоит ее тело. Это попросту невозможно.

Я, право, не знаю, почему я выбрал путь научной фантастики; я могу лишь предположить — да и это слишком смело с моей стороны, — что научную фантастику я начал писать потому, что она имеет или должна иметь дело с человеческим родом как таковым (и даже с возможными видами разумных существ, одним из которых является человек), а не с какими-то отдельными индивидами, все равно — святыми или чудовищами.

Вероятно, по той же причине после своих первых серьезных попыток (то есть первых научно-фантастических романов) я взбунтовался против канонов жанра в том его виде, в каком он сформировался и окостенел в США. Пока я еще не знал американской научной фантастики (а я не знал ее довольно долго — примерно до 1956 или 1957 года в Польшу почти не доходили иностранные книги), я полагал, что она ушла далеко вперед по пути, намеченному Г. Дж. Уэллсом в «Войне миров». Ведь Уэллс первым взошел на ту высоту, с которой открывался вид на возможности жанра в самых крайних его проявлениях. Он предвидел облик катастрофы и предвидел верно: в этом я убедился во время войны, когда не раз перечитывал «Войну миров».

Своим первым научно-фантастическим романам я отказываю сегодня в какой-либо ценности (несмотря на то что они имели множество изданий по всему миру и сделали мое имя широко известным). Побуждения, которыми я руководствовался, когда писал эти романы, например «Астронавтов», я и теперь хорошо понимаю, хотя они противоречили моему тогдашнему жизненному опыту — это относится и к их сюжетной канве, и к изображенному в них миру. «Плохой» мир следовало превратить в «хороший».

Собственно говоря, в послевоенное время имелся лишь выбор между надеждой и отчаянием, между исторически необоснованным оптимизмом и хорошо обоснованным скептицизмом, от которого было рукой подать до нигилизма. И я, разумеется, дал увлечь себя оптимизму и надежде! Правда, сначала я написал реалистический роман, чтобы (хотя это опять-таки всего лишь предположение) освободиться от бремени воспоминаний, чтобы они, подобно выделенному гною, превратились в отвердевший сгусток и перестали меня угнетать (но, может быть, и для того, чтобы не забыть пережитого: одно ведь вовсе не исключает другого). Роман назывался «Больница Преобра-

жения». Один немецкий критик счел его чем-то вроде продолжения «Волшебной горы» Томаса Манна: то, что у Манна было всего лишь предзнаменованием, лишь раскатом невидимой, скрытой где-то за горизонтом истории грозы, обернулось реальностью — в виде массового истребления, последнего круга ада, в виде самых крайних последствий уже предсказанного «Заката Европы». Местность, в которой разворачивается действие, лечебница для душевнобольных, врачебный персонал, действующие лица — всего этого в действительности не было, все это я выдумал. Но в те времена в оккупированной Польше действительно совершались массовые убийства душевнобольных — и не только.

Этот роман я закончил писать в 1948 году, на последнем курсе университета. Но он не укладывался в схемы возобладавшему к тому времени соцреализма и был опубликован лишь в 1955 году. Я, без всякого преувеличения, работал не покладая рук.

Мы переехали из Львова в Краков, лишившись во время войны всего своего имущества. В свои семьдесят с лишним лет отец вынужден был работать в больнице; о частной практике не приходилось и думать. В Кракове мы жили в одной-единственной комнате, и отцу не на что было оборудовать собственный врачебный кабинет. Случайно я нашел способ поправить наше финансовое положение. Я начал писать длинные рассказы, которые брали у меня журналы для легкого чтения. В качестве триллеров они были даже неплохи. Одновременно я писал стихи, публиковавшиеся в краковском католическом еженедельнике «Tygodnik Powszechny». Там появились также два моих рассказа — собственно, вовсе не научно-фантастические, а лишь соприкасающиеся с фантастикой. Ну и вообще то да се, там и сям. Но эти свои писания я еще не принимал всерьез. Я стал одним из самых младших участников так называемого Науковедческого кружка, основанного доктором Мечиславом Хойновским. Ему я показал свои самые заветные тексты: сочиненную мною «Теорию функций мозга» и одну философскую работу. То и другое он объявил совершенным вздором и принял меня под свое покровительство. Мне пришлось взяться за учебники логики, методологии науки, психологии и психотехники (теория психологического тестирования), истории естествознания и за многое другое. Когда оказалось, что я не знаю английского, мне все же пришлось читать и английские книги без каких-либо языковых занятий. Эти книги были настолько

интересны, что я «разгадывал» их со словарем в руках, как Шампольон — египетские иероглифы. Так как я уже изучал латынь, французский, немецкий, а также русский, дело как-то пошло. Я и теперь могу лишь читать по-английски, но сам не говорю и не понимаю устную речь. В ежемесячнике «Życie Nauki» («Жизнь науки») я вел обозрение новой литературы — с науковедческой точки зрения. Из-за этого я впутался в злополучную аферу Лысенко. Дело в том, что в одном из своих обозрений я «тенденциозно» обработал отчет о дискуссии между этим ученым мужем и его противниками — советскими генетиками. Учение Лысенко я считал жульничеством, что и подтвердилось несколько лет спустя, однако для нашего журнала это имело плачевные последствия немедленно. Нечто подобное с нами случилось и немного позже, когда в винеровской и шенноновской кибернетике я увидел начало новой эпохи, и притом не только в технике, но и в цивилизации; тогда, однако, кибернетика считалась у нас «лженаукой». В те годы я был особенно хорошо информирован о новейших научных течениях. Дело в том, что краковский кружок был чем-то вроде коллектора научной литературы, поступавшей во все польские университеты из США и Канады. Распаковывая эти ящики с книгами, я мог «позаимствовать» заинтересовавшие меня труды, в частности «Кибернетику и общество» Норберта Винера. Все это я проглатывал по ночам, чтобы книги пришли к их истинным адресатам как можно быстрее. Набравшись так ума-разума, я в течение нескольких лет написал романы, за которые мне и теперь не стыдно, — «Солярис», «Эдем», «Неспобедимый» и т. д. На исходе пятидесятих годов, когда отца уже не было в живых, мы (то есть я и жена) смогли обзавестись маленьким домиком на южной окраине Кракова, где я живу по сей день (совсем рядом появился недавно гораздо более обширный дом, в гораздо более обширном саду; когда я пишу эти строки, его строительство подходит к концу).

Примерно в то же время я познакомился со своим будущим литературным агентом и родственной мне по духу натурой, Францем Роттенштайнером из Вены. Мы оба тогда публиковали довольно много критических статей — чуть ли не памфлетов — в англо-американских специальных журналах, чаще всего в австралийском «SF Commentary», что принесло нам обоим определенную популярность в научно-фантастическом гетто — популярность с отчетливым знаком минус. Теперь я склонен пола-

гать, что мы напрасно тратили силы. Сначала я никак не мог понять, с какой стати такое множество авторов *vigibus unitis** соорудили коллективную тюрьму для научной фантастики. Я думал, что, хотя бы на основании закона больших чисел, среди такого количества авторов обоего пола непременно должно найтись достаточно много писателей высшей квалификации как в литературном, так и в научном плане. Потрясающее научное невежество и жалкий литературный уровень научно-фантастической продукции казались мне чем-то совершенно необъяснимым.

Я ошибался и нескоро понял свою ошибку. В качестве читателя научной фантастики я ожидал того, что в природной эволюции называется видообразующей, веерообразно расходящейся радиацией. В своем невежестве я считал эпоху Верна, Уэллса и Стейплдона** началом, а не концом суверенитета авторской индивидуальности. Каждый из них создал не только нечто действительно новое, но еще и нечто совершенно иное, чем его современники. Каждый из них располагал огромной свободой маневра в пространстве научной фантазии, ибо это свободное от книг и людей пространство только что было открыто. Каждый из них вступил в Никогда-страну со своего конца, и каждый завладел своей собственной провинцией этой *terra incognita*. А их наследники действуют уже в такой тесноте, что поневоле все больше и больше уподобляются друг другу. Они поневоле становятся муравьями в муравейнике, прилежными пчелами, и, хотя каждая пчела строит из воска свою собственную ячейку, все ячейки в улье почти одинаковы. Таков закон массового производства. Дистанция между отдельными произведениями не возрастает, как я ошибочно ожидал, но сокращается. Мысль о том, что Уэллс или Стейплдон могли бы сочинять попеременно провидческую фантастику и типичные детективные романы, совершенно нелепа. Но для следующего поколения авторов это нечто совершенно нормальное!

Уэллс или Стейплдон были подобны изобретателям шахмат или шашек. Они изобретали правила игры, а наследники лишь применяли эти правила с теми или иными вариациями. Источники новых идей постепенно иссякали. Мотивы и темы окостенели. В конце концов появились гиб-

* Объединенными усилиями (лат.).

** Олаф Стейплдон (1886—1950), американский писатель-фантаст, творчество которого С. Лем оценивает очень высоко.

риды наподобие Science Fantasy*, а готовые образцы и схемы были поставлены на службу литературной игре. Чтобы создать что-то действительно новое, требовался уже прорыв в совершенно иное пространство возможностей. Я думаю, что в начале своего писательского пути я сочинял исключительно вторичную литературу. На втором этапе («Солярис», «Непобедимый») я достиг границ пространства, которое в общем-то было уже исследовано. На третьем этапе, например в своих псевдорецензиях, в предисловиях к книгам, которые «когда-нибудь будут написаны», или же (как теперь) в изложении книг, которые «должны были бы давно появиться, но которых все еще нет», я вышел за пределы уже исследованного пространства.

Проще всего пояснить это на конкретном примере. Два года назад** я написал небольшую книжку, озаглавленную «Провокация». Это псевдорецензия на несуществующее двухтомное сочинение вымышленного немецкого историка и антрополога (я дал ему имя Асперникус). Первая часть называется «Endlösung als Erlösung»***, вторая — «Fremdkörper Tod»****. Целое представляет собой новую историософическую гипотезу о корнях геноцида и роли, которую играла смерть, особенно массовая смерть, в человеческой культуре с древности до нашего времени. Литературные достоинства моей фиктивной рецензии (довольно-таки объемистой, иначе она не разрослась бы в целую книжку) в данном случае безразличны. Важно одно: нашлись профессиональные историки, которые приняли мою фантазию за критику реально существующего труда; об этом свидетельствуют попытки купить или заказать «всего лишь отрецензированную» мною книгу. Для меня «Провокация» тоже научная фантастика, ведь я стремлюсь не к тому, чтобы точно определить границы этого вида литературы, а к тому, чтобы раздвинуть их.

Примерно так я представляю себе все это сейчас. Однако ничего из написанного мной не обдумывалось заранее, чтобы затем быть воплощенным в литературной форме. И я никогда не искал сознательно какое-то иное «пространство возможностей» для фантазии. Это не зна-

* Сочетание научной фантастики со сказочной и магической фантастикой.

** То есть в 1981 году.

*** «Окончательное решение как избавление» (нем.).

**** «Иностранное тело Смерть» (нем.).

чит, что я совсем ничего не могу сказать о зачатии, беременности, родовых схватках, но это не значит также, что мне заранее известен «генотип» плода и будто я знаю, каким образом он превращается в свой фенотип — готовое произведение. Здесь, в области моего творческого «эмбриогенеза», с течением времени, то есть примерно за тридцать шесть лет, происходили существенные изменения.

Свои первые романы, в авторстве которых я признаюсь с чувством неловкости*, я писал почти по совершенно готовому плану. Все романы типа «Солярис» написаны одним и тем же способом, который я сам не могу объяснить. Акушерская терминология, к которой я только что прибегнул, может показаться неуместной, и все же она как-то передает суть дела. Я и теперь еще могу показать те места в «Солярис» или «Возвращении со звезд», где я во время писания оказался по сути в роли читателя. Когда Кельвин прибывает на станцию Солярис и не встречает там никого, когда он отправляется на поиски кого-нибудь из персонала станции и встречает Снаута, а тот его явно боится, я и понятия не имел, почему никто не встретил посланца с Земли и чего так боится Снаут. Да, я решительно ничего не знал о каком-то там «живом Океане», покрывающем планету. Все это открылось мне позже, так же как читателю во время чтения, с той лишь разницей, что только я сам мог привести все в порядок. В «Возвращении со звезд» я тоже натолкнулся на стену — когда астронавта пугается первая встреченная им девушка, а потом произносится слово «бетризация». Я не знал еще, что оно, собственно, означает, но кое-что я все-таки знал: я знал, что должно быть какое-то непреодолимое различие между культурой, с которой навсегда простился герой, отправляясь к звездам, и культурой, с которой он знакомится по возвращении. Сравнение, сформулированное в терминах из эмбриологического словаря, оказывается вовсе не столь уж нелепым: хотя беременная женщина знает, что вынашивает в себе плод, она понятия не имеет, каким образом семя превращается в ребенка. Признаваться в этом мне не так уж приятно, ведь я считаю себя рационалистом, и мне было бы куда приятней сказать, что я все или, во всяком случае, очень многое знал наперед, запланировал и скомпоновал, однако — «Платон мне друг, но истина дороже». И все же кое-что о моем писательском методе сказать можно.

* Имеются в виду «Астронавты» и «Магелланово облако».

Во-первых, нет какой-либо положительной корреляции между спонтанностью писательского труда и качеством написанного. Обе упомянутые выше книги «вынашивались» очень похожим образом, однако «Солярис» я считаю удачным романом, а «Возвращение со звезд» — неудачным (потому что центральная для этой книги проблема искоренения социального зла рассмотрена слишком уж примитивно и неправдоподобно. Если даже допустить возможность «фармакологического» устранения зла, причиняемого намеренно, то все же никакое химическое или любое другое воздействие на мозг не способно устранить общественные отношения, конфликты и противоречия, порождающие непреднамеренное социальное зло).

Во-вторых, спонтанность писательского труда не гарантирует даже того, что целое будет закончено, то есть не гарантирует фабулы, к которой не придется потом приделывать насильственную развязку. Гораздо больше начатых таким образом текстов было мной отложено *ad acta** или просто выброшено в корзину, чем передано издателям.

В-третьих, при таком методе работы (напоминающем метод проб и ошибок) то и дело возникают заминки, открываются ложные пути и приходится искать выход из тупика, а бывает и так, что накопленное где-то в голове «горючее» сгорает дотла. «Солярис» мне не удавалось закончить целый год, пока наконец я вдруг — неизвестно откуда — не узнал, какой должна быть последняя глава. (Я даже удивился тогда, как это мне сразу не пришло в голову.)

И наконец, в-четвертых, написанное спонтанно никогда не получает своей окончательной формы при «первом заходе». Ни одного сравнительно крупного сочинения (с рассказами дело обстоит иначе) я не написал сразу с начала и до конца, исключительно «линейным способом». Во время неизбежных пауз (по причинам чисто психологического порядка нельзя сидеть за письменным столом без перерывов) мне в голову приходили новые идеи, которые давали уже написанному или задуманному другой ход, обогащали и дополняли его.

Приобретенный в многолетних борениях с текстом опыт советовал мне ни в коем случае не торопиться продолжать только что написанное, пока оно хотя бы частично не вызрело, а вместо этого какое-то время (случалось, месяцы, а случалось, и годы) «потягаться» с новой вещью в уме. То

* В архив (лат.).

есть вести себя, как беременная женщина, которая знает, что преждевременные роды ничего хорошего ей не сулят. Тут, правда, возникает другая дилемма, ибо я, подобно подавляющему большинству писателей, часто пытаюсь изобрести отговорки, чтобы только не садиться писать. Лень, как известно, одна из главных помех работе. Если бы я ждал, пока выношу у себя в голове нечто «абсолютно готовое», я никогда ничего бы не создал.

Мой писательский метод (который я предпочел бы называть моим писательским поведением) на протяжении лет менялся, хотя и очень медленно. Я научился избегать чистой спонтанности раннего периода, когда я, бывало, начинал писать, не имея ни малейшего представления о целом, о фабуле, проблематике, действующих лицах и т. д., ибо продолжить начатое таким образом все чаще не удавалось. Как видно, дарованная мне сила воображения постепенно иссякала, как нефтеносный пласт, в котором поначалу черное золото бьет фонтаном из любой скважины, а потом приходится прибегать ко все более хитроумным способам, к «родовспоможению», к добыче под давлением, чтобы заставить подняться наверх то, что еще осталось. Так центр тяжести моей работы мало-помалу перемещался в сторону некой первоначальной идеи, концепции, замысла. Я уже не садился за пишущую машинку, как только в голове у меня складывалось несколько первых страничек, но писал все больше заметок, набросков, словарей вымышленных слов. И вот к чему это в конце концов привело: я стараюсь освоиться с создаваемым мной миром, сочиняя литературу этого мира. Но, конечно, не исчерпывающие компендиумы по социологии или космологии, скажем, ХХХ века, не вымышленные отчеты исследовательских экспедиций и тому подобные сочинения, в которых выражается «дух времени» чужого нам мира; это, впрочем, было бы и невозможно, хотя бы ввиду краткости человеческой жизни. Нет, идею, которая поначалу носила не слишком серьезный характер — сочинять рецензии на несуществующие книги или предисловия к несуществующим книгам («Абсолютная пустота» и «Мнимая величина»), я использую теперь не столько для написания текстов, рассчитанных на публикацию, сколько в своих собственных целях, — чтобы создать систему знаний о вымышленном мире, набросать ее в общих чертах и затем дать ей время созреть. Я как бы окружаю себя литературой будущего, литературой иного мира, иной цивилизации. Литературой, которая представляет собой его продукт, его отражение и отображение.

Словом, я пишу для себя самого краткие изложения или опять-таки «критические рецензии» на социологические трактаты, естественно-научные труды, технические пособия, описываю технологические нововведения, которые придут на смену самой литературе после того, как она окончательно отомрет (как телевидение в конце концов заменило «биоскоп» Люмьера, а стереовидение, наверное, заменит нынешнее телевидение). И еще — «историко-софические трактаты», лексика чужой цивилизации, ее военные доктрины (все это, разумеется, в кратком пересказе, иначе понадобился бы срок жизни не меньше, чем у Мафусаила). Что-нибудь из этой созданной для вполне определенной цели библиотеки я, вполне возможно, опубликую независимо от текстов, для которых эта библиотека служила строительными лесами и источником информации.

Но откуда же сам я беру все те сведения, которые содержатся в работах под такими впечатляющими названиями, как «Dehumanization Trend in Weapon Systems of the XXI Century»* или «Сравнительная культурология цивилизаций человеческого типа»?¹ В каком-то смысле «из головы», но в каком-то смысле и нет. Пробуя объяснить самому себе и другим свой метод работы, я придумал несколько наглядных сравнений.

1. Корова дает молоко, но оно не возникает из ничего; чтобы ее доить, нужно снабжать ее кормом; так и я должен проглатывать груды «настоящей», то есть не выдуманной мною специально, литературы, хотя конечный продукт столь же мало похож на переваренную духовную пищу, как молоко — на траву.

2. Подобно тому как обезьяна в психологических экспериментах Кёлера, не сумев дотянуться до высоко подвешенного банана, начинает сооружать помост из разбросанных в беспорядке ящиков и всего, что попадает под руку, так и я упорно и кропотливо сооружаю свой «информационный помост», без которого мне не дотянуться до своего «банана».

3. Третье и последнее сравнение может показаться слишком уж грубым и примитивным, однако оно неплохо передает суть дела. Как известно, в уборной имеется бачок, который постепенно заполняется водой, а потом достаточно нажать на рычажок, чтобы вода сильной

* Тенденция к «обезлюдиванию» в системах оружия XXI века (англ.).

струей стекла вниз. Затем какое-то время бачок остается пустым, и даже самым нетерпеливым дерганьем рычажка нельзя заставить пролиться маленькую Ниагару. Так и у меня, если я не желаю прекращать пополнение своей фиктивной библиотеки, наступает «состояние насыщения», и затем я уже ничего не могу «выудить» у себя в голове — поставщике информации. «Абсолютную пустоту» — собрание пятнадцати псевдорецензий — я написал чуть ли не за один присест, после чего «бачок опустел». Это сравнение можно попытаться продолжить. Так же как при преждевременном нажатии на рычажок прольется лишь «недоношенная Ниагара», так и я к концу работы над такими книгами, как «Абсолютная пустота», могу, правда, выжать из себя что-то еще, однако качество полученного таким образом текста настолько сомнительно, что эти остатки я откладываю ad acta.

Но мой писательский метод осложнен и обогащен еще тем, что время от времени я писал квазинаучные сочинения, которые уже не служили строительными лесами для беллетристики, а писались совершенно всерьез как самостоятельные книги: сочинение по теории литературы (но теории, основанной на эмпирических методах, чуждых гуманитариям)*, «Фантастика и футурология», «Сумма технологии» (своего рода «скептическая футурология»), «Диалоги» (о потенциально содержащихся в кибернетике крайних возможностях ее развития), эссе на различные темы («Биология и ценности», «Патология социализма»** и т. д.)².

Впоследствии оказалось, что многие идеи, возникшие при написании подобного рода «кирпичей» и изложенные там в качестве гипотез или примеров, — в общем, очень многое из того, что «попалось» мне на избранном мной исследовательском пути, — можно использовать и в беллетристике. Поначалу это получалось как бы само собой, совершенно неосознанно: впервые я услышал об этом «с третьей стороны», со стороны критиков; они решили, что разгадали мои намерения и разглядели мои будто бы сознательно сдерживаемые «колебания» между серьезной (дискурсивной) и фантастической литературой, хотя сам я

* Двухтомный трактат «Философия случайности: Литература в свете эмпирии» (1968).

** Имеется в виду опубликованная во II издании «Диалогов» (1972) работа «Прикладная кибернетика: пример из области социологии», в которой речь идет о неизбежном вырождении административной системы управления экономикой.

понятия не имел о подобного рода шатаниях. Но затем, когда на этот феномен обратили мое внимание, я просмотрел многие свои «кирпичи» как раз с «прикладной», «практической» точки зрения.

Оглядываясь назад, замечу, что в середине моего писательского пути меня, вообще говоря, очень мало заботило, в каком отношении к нашему миру находятся создаваемые мной миры. Между «иными состояниями цивилизации» в «Солярис», «Эдеме» или «Возвращении со звезд» и нынешним (фатальным) положением земных дел нет какой-либо отчетливой связи. Однако мои позднейшие книги совершенно отчетливо обращены к нашему собственному миру, то есть представляют собой попытку установить ту связь, о которой шла речь выше. Иногда я называю это: «моя тяга к реализму в научной фантастике». Вероятно — но это опять-таки мое предположение, и я не сумел бы его доказать, будучи приперт к стенке, — такого рода попытки в определенном смысле были как бы шагом назад. Это относится, например, к отречению от утопии и антиутопии как от двух крайностей, которые не отталкивают меня, но и не оставляют меня равнодушным, как не может быть равнодушен врач к неизлечимой болезни. Это вытекает из осознания того обстоятельства, что жить мне осталось недолго, поэтому хочется удовлетворить свое ненасытное любопытство относительно будущего человечества и Вселенной — хотя бы в виде догадок.

Эйнштейн, когда его попросили написать автобиографию, рассказал не о событиях своей жизни, но о своих любимых детищах — своих теориях. Я не Эйнштейн, но в этом отношении близок к нему: главным в своей биографии я считаю нелегкий духовный труд. Все остальное — житейские пустяки.

Я женился в 1953 году, моя жена была тогда студенткой медицинского факультета. Нашему сыну пятнадцать лет. Он неплохо относится к моим романам, но, пожалуй, по-музыку, рок-н-ролл, «Битлз», свой мотоцикл и автомоторы он любит немножко больше.

Уже многие годы я не хозяин своих книг и своей работы, скорее это они стали хозяевами моей персоны. Встаю я обычно в пять утра и принимаюсь за работу: эти слова я выстукиваю на машинке в шесть часов. Я уже не могу непрерывно работать больше пяти-шести часов; раньше я мог писать до тех пор, пока не уставало мое седалище, а не мой мозг. Пишу я все медленнее; то есть, хотя я по-прежнему пишу очень много (судя по скорости, с какой

приходится менять ленту в пишущей машинке), я все более критически отношусь к написанному: все меньше и меньше из того, что приходит мне в голову, я считаю достаточно хорошим, чтобы пустить это в ход, даже действуя методом проб и ошибок. О том, где и как рождаются мои замыслы, я знаю не больше, чем любой другой человек. Я также не считаю себя лучшим знатоком своих текстов, то есть их специфической проблематики. Я написал много книг, о которых ничего не сказал здесь, например «Кибериаду», «Сказки роботов» или «Звездные дневники». Их место на карте литературных жанров — в провинциях гротеска, сатиры, иронии, юмористики свифтовского и вольтеровского образца — суховатой, язвительной и мизантропической; как известно, знаменитые юмористы были людьми, чье поведение человечества приводило в отчаяние и бешенство. Меня тоже.

Я (вероятно) недоволен и в то же время горжусь всем мной написанным; должно быть, я отмечен печатью высокомерия. Сам я этого, правда, не чувствую. Это проявляется «бихевиористически», то есть в моем поведении: я уничтожаю все свои рукописи, все неудавшиеся попытки, не поддаваясь на уговоры передать этот колоссальный материал куда-нибудь на хранение. Это я тоже могу пояснить наглядным примером. Пирамиды оставались одним из чудес света до тех пор, пока не удалось объяснить, как они были построены. Длинные наклонные плоскости, по которым толпы рабов катили на деревянных валиках массивные каменные блоки, были затем убраны, и теперь пирамиды высятся над плоской песчаной пустыней таинственно и одиноко. Так и я, должно быть, хочу разобрать и уничтожить свои наклонные плоскости, помосты и прочие строительные орудия, оставив лишь то, чего мне не приходится стыдиться. Не знаю, изложил ли я здесь чистую правду, во всяком случае, я попытался сделать это в меру своих возможностей.

Берлин, февраль 1983 г.

Примечания

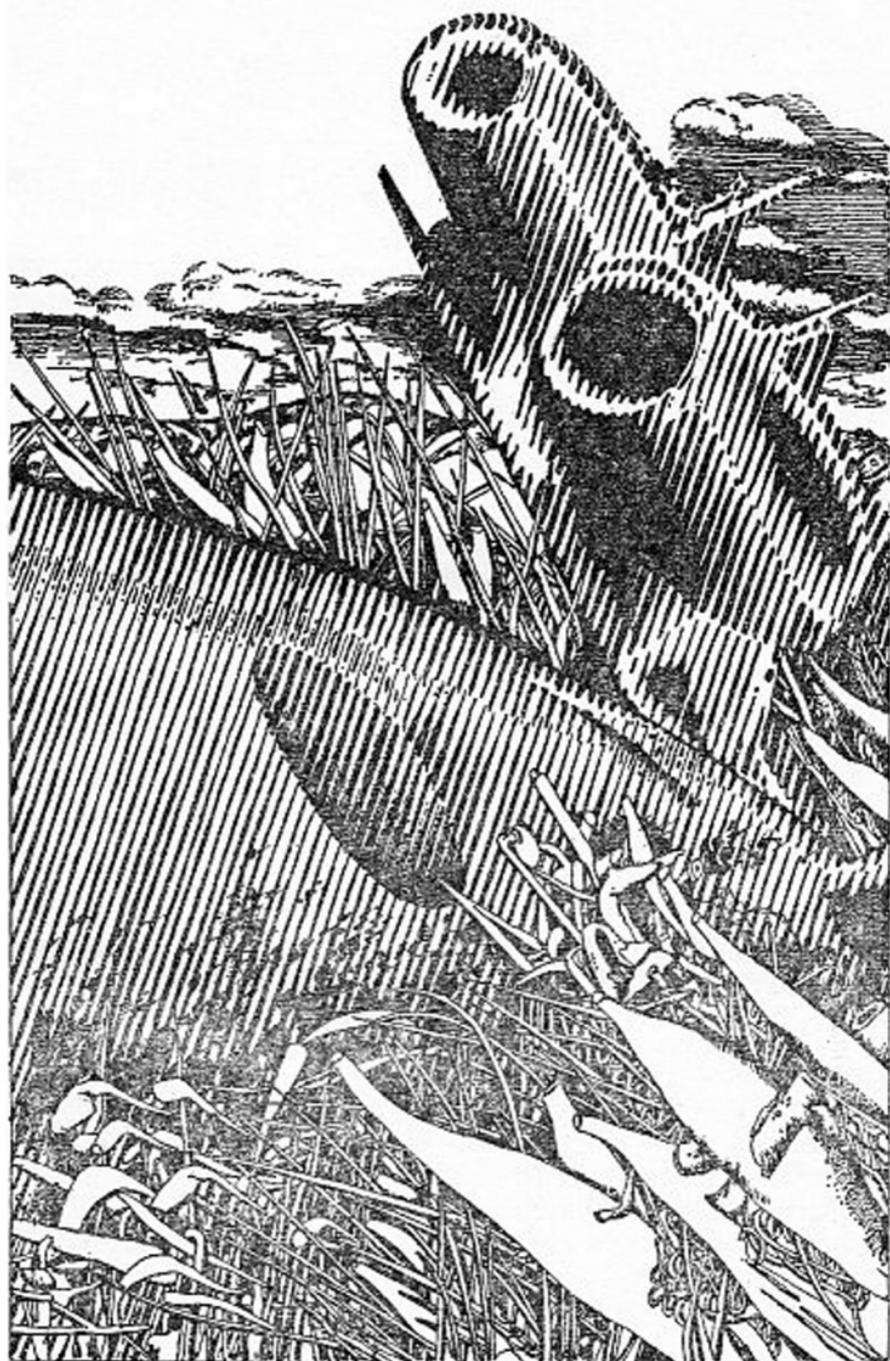
¹ В свое время Мишель Бюто предложил, чтобы большая группа писателей-фантастов, объединившись, создала вымышленный мир, его историю, включая историю природной эволюции, увенчанную возникновением разумных существ, его культуру, философские учения и т. д.,

так как подобный замысел невозможно осуществить в одиночку (именно этим Бюто объяснял плачевный уровень существующей научной фантастики). Тогда я не принял эту идею всерьез. Тем не менее много лет спустя я, хотя и в одиночку, попытался осуществить ее в наиболее существенной ее части. Впрочем, и у Борхеса в рассказе «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» можно прочесть о тайном обществе, которое создает вымышленный мир во всех его подробностях, с тем чтобы преобразовать в него наш собственный мир.

² Этот перечень своих дискурсивных сочинений я хочу дополнить замечанием автобиографического плана. Говоря коротко, я разочарованный усвершенствователь мира. Мои первые романы были наивными утопиями, так как мне хотелось видеть будущее таким умиротворенным, каким оно изображено в этих романах (и они плохи уже потому, что напрасные и наивные ожидания глупы). Моя монография о фантастике и футурологии была следствием разочарования в беллетристической, а также в выдающей себя за научную литературе, ибо и та и другая направляли внимание читателя не туда, куда действительно движется мир. Моя «Философия случайности» — это неудавшаяся попытка сформулировать основанную на эмпирических методах теорию литературы; впрочем, в одном отношении она оказалась удачной: благодаря ей я уяснил себе, от какого множества обстоятельств зависят оценка и переоценка литературного произведения. Однако моя «Сумма технологий» свидетельствует о том, что я, правда, разочаровавшийся, но все же не отчаявшийся окончательно усвершенствователь мира. Ибо я не оцениваю человечество как «совершенно безнадежный и неизлечимый случай».

ЭДЕМ

роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В расчеты вкралась ошибка. Они не прошли над атмосферой, а ударились о нее. Корабль врывался в воздух с грохотом, от которого у них лопались барабанные перепонки. Распластанные каждый на своем ложе, они чувствовали, как сжались до предела амортизаторы; передние экраны полыхнули ярким пламенем и погасли, — подушка раскаленных газов расплавила наружные объективы, торможение началось слишком поздно и было недостаточно интенсивным. Рубку наполнил чад от жженой резины. Под прессом перегрузки люди слепли и глохли. Близился конец, но даже об этом никто не мог думать: не хватало сил, чтобы расширить грудную клетку, глотнуть воздуха, — это делали за них все еще работающие кислородные пульсаторы, которые вталкивали воздух в людей, как в лопающиеся баллоны.

Внезапно рев стих. Вспыхнули аварийные лампы, по шесть с каждой стороны, люди зашевелились, над разбитым, сплюснутым в гармошку пультом двигателя багровел сигнал тревоги, куски изоляции, осколки плексигласа с шелестом елозили по полу, рева не было — все поглотил глухой усиливающийся свист.

— Что... — прохрипел Доктор, выплевывая резиновый мундштук.

— Лежать! — предостерег его Координатор, который смотрел в последний неповрежденный экран.

Ракета перекувырнулась, как будто в нее ударил таран. Нейлоновые сетки, в которые они были запеленуты, задро-

жали как струны, на мгновение все застыло словно на поднявшихся вверх качелях, потом на людей обрушился грохот.

Мышцы, напрягшиеся в ожидании последнего удара, обмякли. Ракета, стоя на вертикальном огненном столбе, медленно опускалась вниз, дюзы грохотали успокоительно; это длилось несколько минут. Внезапно по стенам прошла дрожь. Вибрация становилась все сильнее, турбины собирались сорваться с опор. Люди переглянулись. Никто ничего не говорил. Они знали, что все зависит от того, выдержат ли роторы.

Вдруг рубка заходила ходуном, как будто снаружи в нее с бешеной быстротой бил стальной молот. Толстая выпуклая линза последнего экрана в мгновение ока покрылась густой паутиной трещин, его фосфорический диск погас, в падающем снизу скудном свете аварийных ламп люди видели на наклонных стенах собственные увеличенные тени; грохот перешел в протяжный рык, под ними что-то трещало, ломалось, рвалось с металлическим скрежетом. Корабль, сотрясаемый чудовищными рывками, летел ослепленный, мертвый; люди сжались, затаили дыхание. Кромешная тьма, хаос; вдруг их тела, как стрелы, пронеслись, растягивая во всю длину нейлоновые тросы, но, к счастью, не достигли искореженных пультов и повисли, медленно покачиваясь, как тяжелые маятники.

Ракета повалилась, словно падающая гора. На этот раз грохот был далеким и тупым, глыбы выброшенного грунта с негромким стуком скатились по наружной обшивке.

Все замерло. Под ними урчали трубопроводы, что-то все быстрее и быстрее устрашающе булькало, слышался шум стекающей воды, смешанный с пронзительным, повторяющимся шипением, будто какая-то жидкость капала на раскаленные плиты.

— Живем,— произнес Химик в полной темноте.

Он не видел ничего. Висел в своей нейлоновой сетке, как в мешке, подвешенном на тросах за четыре угла. Это означало, что ракета лежит на боку. Если бы ракета стояла, сетка была бы натянута горизонтально. Что-то щелкнуло. Вспыхнул бледный бензиновый огонек старой зажигалки Доктора.

— Экипаж? — спросил Координатор.

Один трос его гамака лопнул; Координатор медленно, беспомощно раскачивался, просунув руку в ячейку нейло-

новой сетки, и безрезультатно пытался схватиться за что-нибудь выступающее из стены.

— Первый,— сказал Инженер.

— Второй,— отозвался Физик.

— Третий,— голос Химика.

— Четвертый,— сказал Кибернетик, держась за голову.

— Пятый,— кончил Доктор.

— Все. Поздравляю,— голос Координатора был спокоен.— Автоматы!

Полная тишина.

— Автоматы!!

Молчание. Зажигалка обожгла Доктору пальцы. Он погасил ее. Снова стало темно.

— Я всегда говорил, что мы сделаны из лучшего материала,— сказал в темноте Доктор.

— У кого-нибудь есть нож?

— У меня есть. Перерезать тросы?

— Если можешь выбраться без этого, еще лучше. Я не могу.

— Попробую.

Послышалась какая-то возня, учащенное дыхание, что-то стукнуло, заскрежетало стекло.

— Я на полу. То есть на стене,— сообщил Химик. Его голос доносился откуда-то из темноты.— Доктор, посветика минутку, я вам помогу.

— Только поторопись. Бензин кончается.

Снова вспыхнула зажигалка. Химик возился у гамака Координатора — он мог дотянуться только до его ног. Наконец ему удалось немного раскрыть боковую молнию, и Координатор тяжело упал на ноги. Вдвоем работали быстрее. Немного погодя все уже стояли на косо наклоненной, обитой эластичной массой стене рубки.

— С чего начнем? — спросил Доктор. Он стянул края раны на лбу Кибернетика и залепил ее пластырем, который достал из кармана.

— С выяснения вопроса, удастся ли нам выйти,— ответил Координатор.— Прежде всего нам нужен свет. Ну как там? Все? Доктор, посвети мне; может, на клеммах пульта есть напряжение, хотя бы в цепи тревожной сигнализации.

На этот раз зажигалка высекла только искру. Доктор стер себе кожу на пальце, пока крутил колесико, освещая обломки раздробленной панели, в которой копались, стоя на коленях, Координатор и Инженер.

— Есть? — спросил Химик, стоявший сзади. Для него уже не хватало места.

— Пока ничего. Ни у кого нет спичек?

— Нет. Последний раз я видел спички три года назад в музее, — невнятно пробормотал Инженер, пытаясь зубами содрать изоляцию с конца провода.

Вдруг маленькая голубая искра осветила сложенные ракушкой руки Координатора.

— Есть, — сказал он. — Теперь какую-нибудь лампочку.

Кто-то нашел в тревожном сигнализаторе уцелевшую лампочку. Резкий электрический огонек осветил рубку, похожую на часть косо поднимающейся трубы туннеля с конусными стенами. Высоко вверху, в том, что стало теперь потолком, виднелась закрытая дверь.

— Больше семи метров, — меланхолично сказал Химик. — Как мы туда доберемся?

— Я когда-то видел в цирке живую колонну — пять человек один на другом, — сообщил Доктор.

— Для нас это слишком трудно. Доберемся туда по полу, — ответил Координатор.

Он взял у Химики нож и начал делать широкие надрезы в губчатом покрытии пола.

— Ступеньки?

— Да.

— Почему не слышно Кибернетика? — удивился вдруг Инженер. Сидя на обломках разбитого распределительного пульта, он прикладывал вольтметр к вытянутым наружу кабелям.

— Он овдовел, — с усмешкой сказал Доктор. — Что такое Кибернетик без автоматов?

— Они у меня еще заработают, — бросил Кибернетик, заглядывая в отверстия выбитых экранов.

Электрический огонек постепенно желтел, становился все слабее и бледнее.

— Аккумуляторы тоже? — буркнул Физик.

Через четверть часа в глубины, а скорее на верх корабля двинулась экспедиция из шести человек. Сначала люди выбрались в коридор, а из него — в остальные помещения. В каюте Доктора нашли карманный фонарик. Доктор любил собирать ненужные на каждый день вещи. Фонарик забрали с собой. Разрушения обнаружились везде. Мебель, прикрепленная к полу, уцелела, но из приборов, инструментов, вспомогательного оборудования,

припасов образовалось какое-то невероятное крошево, в которое люди погружались выше колен.

— Теперь попробуем выйти,— объявил Координатор, когда они снова оказались в коридоре.

— А скафандры?

— В шлюзе. С ними ничего не должно случиться. Да они и не понадобятся: на Эдеме вполне сносная атмосфера.

— А здесь вообще кто-нибудь когда-нибудь был?

— Да, десять или одиннадцать лет назад космический зонд поискового патруля, когда пропал Альтаир со своим кораблем. Помните?

— Но из людей никто?

— Нет, никто.

Внутренний люк шлюза наклонно нависал над их головами. Странное первое впечатление, вызванное тем, что в знакомых помещениях все приняло новые очертания: стены стали теперь полами, а потолки — стенами, постепенно проходило.

— Тут без живой лестницы не обойтись,— заключил Координатор. Фонариком Доктора он осветил крышку люка. Световое пятно обошло ее кругом. Крышка прилегла герметично.

— Выглядит неплохо,— сказал Кибернетик, задрал голову.

— Да,— согласился Инженер.

Он подумал, что чудовищная сила, которая сдавила стрингеры так, что раскололся вделанный между ними главный распределительный пульт, могла заклинить люк, но оставил эту мысль при себе. Координатор бросил взгляд на Кибернетика и уже хотел попросить, чтобы тот наклонился и стал у стены, но, вспомнив про исковерканные обломки в отсеке автоматов, обратился к Химику:

— Поставь ноги пошире, руки — на колени, так тебе будет удобнее.

— Я просто мечтал выступать в цирке. Всю жизнь! — сообщил Химик и наклонился.

Координатор вскарабкался ему на плечи, выпрямился и, прижимаясь к стене, кончиками пальцев дотянулся до утолщенного на конце никелированного рычага.

Потянул, потом дернул, наконец, повис на нем. Тогда рычаг подался с хрустом, как будто замочный механизм был набит мелким стеклом, сделал четверть оборота и остановился.

— А ты в нужную сторону тянешь? — спросил Доктор, который светил снизу.— Ракета лежит.

— Я это учел.

— А сильнее не можешь?

Координатор не ответил. Распластавшись, он висел у стены, ухватившись одной рукой за рычаг. Потом попробовал медленно подтянуть другую руку. Это было очень трудно, но в конце концов удалось. Вися теперь как на трапеции, он поджал ноги, чтобы не ударить съжившегося под ним Химика, и рванулся несколько раз, подтягиваясь на руках и обрушиваясь вниз всей тяжестью, со стоном ударяясь о стену.

Рычаг с ужасным скрежетом ударился о стопор. Внутренняя задвижка была открыта.

— Пошло как по маслу,— обрадовался Физик.

Инженер молчал. Он знал, в чем дело. Открыть крышку люка оказалось потруднее. Инженер попробовал сдвинуть ее, нажимая ручку гидравлического устройства, хотя заранее знал, что из этого ничего не получится. Трубы полопались во многих местах, и вся жидкость вытекла. Доктор направил фонарик вверх, и штурвальчик ручного привода засиял над ними как ореол. Для их гимнастических возможностей было слишком высоко — больше четырех метров.

Пришлось из всех помещений стаскивать поломанные приборы, подушки, книги; особенно пригодилась библиотека, и прежде всего — атласы звездного неба, очень большие и толстые.

Из книг, как из кирпичей, возводили пирамиду. Через какой-нибудь час она достигла двухметровой высоты. Один раз часть пирамиды обвалилась, и с этого момента работа велась более систематично — под руководством Инженера.

— Физический труд — это какой-то ужас! — пыхтел Доктор. Фонарик, втиснутый в щель климатизатора, освещал им путь в библиотеку, откуда они возвращались обратно, нагруженные книгами. — Никогда не думал, что к звездам можно путешествовать в таких примитивных условиях.

Говорил только он один. Наконец Координатор, поддерживаемый товарищами, осторожно влез на воздвигнутую пирамиду и дотянулся пальцами до штурвала.

— Мало,— сказал он.— Не хватает пяти сантиметров. А подпрыгнуть не могу — все развалится.

— Тут у меня «Теория скоростных полетов», — сказал Доктор, взвешивая в руке толстый том. — Думаю, будет в самый раз.

Координатор вцепился в штурвал. Его тень металась по белой поверхности пластика. Внезапно гора книг заколебалась.

— Осторожно! — крикнул Физик.

— Не на что опереться, — выдохнул Координатор. — Держите же, черт побери! — рывкнул он.

Штурвал вырвался у него из рук, Координатор покачнулся, но сумел восстановить равновесие. Вверх уже никто не смотрел — взявшись за руки, они со всех сторон подпирали колеблющееся сооружение, чтобы оно не рассыпалось.

— Только не ругайся, нам стоит раз начать — конца не будет, — предостерег снизу Доктор.

Координатор снова ухватился за штурвал. Неожиданно послышался протяжный скрип, а потом глухой шорох расползающихся томов. Координатор висел в воздухе, но штурвал, за который он уцепился, сделал полный оборот.

— И так далее, еще одиннадцать раз, — сказал он, прыгнув на рассыпавшиеся книги.

Через два часа под триумфальные крики люк был побежден. Открывшаяся крышка повисла на уровне половины высоты коридора и образовала как бы горизонтальный помост, по которому можно было войти в шлюз без большого труда.

Скафандры в плоском стенном шкафу оказались в полной сохранности. Теперь шкаф лежал горизонтально. Они ступали по его дверцам.

— Выходим все или как? — спросил Химик.

— Сначала попробуем открыть наружный люк...

Крышка люка была зажата так, словно составляла единый монолит с корпусом. Сдвинуть рычаги не удалось, хотя на них навалились вшестером, плечом к плечу.

— Оказывается, долететь — это пустяки; труднее иногда выйти, — подвел итог Доктор.

— Очень остроумно, — пробормотал сквозь зубы Инженер. Пот заливал ему глаза.

Все уселись на дверцы стенного шкафа.

— Я проголодался, — признался среди полного молчания Кибернетик.

— Значит, нужно что-нибудь съесть, — заявил Физик и вызвался сходить на склад.

— Лучше на кухню. В холодильнике может что-нибудь...

— Мне одному не справиться. Нужно перебросать с полтонны всякого хлама, чтобы добраться до припасов. Кто со мной?

Доктор отозвался первым. Химик встал, немного помедлив. Когда их головы исчезли за краем откинутой крышки и последний отсвет фонарика, который они забрали с собой, погас, Координатор сказал приглушенным голосом:

— Я не хотел говорить. Вы более или менее представляете, как обстоят дела?

— Да,— ответил Инженер черному мраку перед собой. Он коснулся ноги Координатора вытянутой рукой и не убрал пальцев. Он ощущал потребность в этом прикосновении.

— Думаешь, разрезать крышку не удастся?

— Чем? — спросил Инженер.

— Горелкой, электрической или газовой. У нас есть автоген и...

— Ты слышал об автогене, который может разрезать четверть метра керамика? А?

Они помолчали. Из глубины корабля, как из железного подземелья, доносился глухой шум.

— Так что же? Что? — нервно спросил Кибернетик.

Координатор и Инженер слышали, как хрустнули его суставы. Кибернетик встал.

— Садись,— мягко, но решительно сказал Координатор.

— Вы думаете, что... крышка сплавилась с корпусом?

— Не обязательно,— ответил Инженер.— Ты вообще понимаешь, что произошло?

— Не совсем. Мы попали с космической скоростью в атмосферу там, где ее не должно было быть. Почему? Автомат не мог ошибиться.

— Автомат не ошибся. Мы ошиблись,— сказал Координатор.— Забыли о поправке на хвост.

— На какой хвост? Что ты говоришь?

— На газовый хвост, который растягивает за собой каждая имеющая атмосферу планета в направлении, противоположном ее движению. Ты не знаешь об этом?

— Ну да, конечно. Мы врезались в этот хвост? Но он должен быть страшно разреженным.

— Десять в минус шестой,— ответил Координатор,— или что-то около этого, но у нас было больше семидесяти километров в секунду, дорогой мой. Нас как будто стена остановила, помните?

— Да,— подтвердил Инженер.— А когда мы вошли в атмосферу, скорость была еще десять, а то и все двенадцать километров. Она должна была вообще развалиться, удивительно, что выдержала.

— Ракета?

— Она рассчитана на двадцатикратную перегрузку, а прежде чем экран лопнул, я своими глазами видел, как стрелка выскочила за шкалу. Шкала имеет резерв до тридцати.

— А мы?

— Что мы?

— Как мы могли выдержать? Ты же хочешь сказать, что было постоянное торможение тридцать «же»?

— Нет, не постоянное. Но в пиках наверняка. Ведь тормозные двигатели работали на пределе. Поэтому и началась вибрация.

— Но автоматы не подвели, и если бы не компрессоры...— упрямо сказал Кибернетик.

Он не договорил — в глубине корабля что-то покати-лось со звоном, как будто железные колеса по металлу. Потом все стихло.

— Чего ты хочешь от компрессоров? — сказал Инженер.— Вот придем в машинное отделение, и я тебе покажу, что они сделали в пять раз больше, чем могли. Это ведь только вспомогательные агрегаты. Сначала раскачало подшипники, а когда началась вибрация...

— Думаешь, резонанс?

— Резонанс само собой. Вообще-то мы должны были размазаться на протяжении пары километров, как тот грузовик на Нептуне, понятно? Сам убедишься, когда увидишь машинное. Могу тебе заранее сказать, как оно выглядит.

— А я вовсе не рвусь увидеть машинное. Какого черта, почему они так долго не возвращаются? Темно, аж глаза болят.

— Свет у нас будет, не бойся,— сказал Инженер.

Он все еще как бы случайно касался пальцами ноги Координатора, который сидел неподвижно и молчал.

— А в машинное пойдем так, со скуки. Все равно делать больше нечего!

— Ты серьезно думаешь, что нам отсюда не выбраться?

— Нет, шучу. Обожаю такие шутки.

— Перестань,— произнес Координатор.— Во-первых, есть резервный люк.

— Ну, знаешь! Резервный люк как раз под нами. Корабль должен был основательно зарыться в грунт, я не уверен, что даже этот люк выступает над поверхностью планеты.

— Ну и что? У нас есть инструменты, мы можем выкопать туннель.

— А грузовой? — сказал Кибернетик.

— Залит, — коротко ответил Инженер. — Я заглядывал в контрольный колодец. Должно быть, дала трещину одна из главных цистерн — там минимум два метра воды. Вероятно, радиоактивной.

— С чего ты взял?

— А с того, что так всегда бывает. Охлаждение реактора летит в первую очередь. Для тебя это новость? Лучше забудь о грузовом люке. Мы должны выйти через этот, если...

— Выкопаем туннель, — тихо повторил Координатор.

— Теоретически это возможно, — неожиданно согласился Инженер.

Все трое замолчали. Послышались приближающиеся шаги, в коридоре под ними стало светло, их ослепило, и они зажмурились.

— Ветчина, сухари, тушенка или что там в этой коробке — все из аварийного запаса! Тут шоколад, а здесь термосы. Давайте наверх! — обернувшись, сказал Доктор и первым вскарабкался на крышку.

Он осветил Физику и Химику, пока они входили в шлюз и расставляли банки и алюминиевые тарелки. Ели молча.

— Термосы уцелели? — внезапно удивился Кибернетик, наливая кофе в свою кружку.

— Удивительно, но это так. С консервами неплохо. Но морозилка, холодильники, хлебные печи, малый синтезатор, очистная аппаратура, водяные фильтры — все в порошок.

— Очистная аппаратура тоже? — забеспокоился Кибернетик.

— Тоже. Может, ее удалось бы исправить, если бы было чем. Но это заколдованный круг: чтобы запустить хотя бы простейший ремонтный полуавтомат, нужен ток, чтобы иметь ток — нужно отремонтировать агрегат, а для этого нужен полуавтомат.

— Вы тут посоветовались, гиганты техники? И что? Где луч надежды? — спросил Доктор, толсто намазывая маслом сухари и укладывая сверху ломти ветчины. Не ожидая

ответа, он продолжал: — Сопливым мальчишкой я прочитал, наверное, больше книг о космонавтике, чем весит наша покойница, но там не было ни одного рассказа, ни одной истории, даже анекдота о чем-нибудь похожем на то, что случилось с нами. Почему — не понимаю!

— Потому что это скучно, — язвительно обронил Кибернетик.

— Да, это что-то новое — межпланетный Робинзон, — сказал Доктор, завинчивая термос. — Когда вернусь, опишу, если талант позволит.

Внезапно стало тихо. Все принялись собирать банки. Наконец Физик сообразил, что их можно спрятать в шкаф со скафандрами. Все отошли к стене — иначе нельзя было отворить дверцы в полу.

— Знаете, мы слышали какие-то странные звуки, когда возились на складе, — сказал Химик.

— Какие звуки?

— Потрескивания, как будто ракету сдавливает пресс.

— Думаешь, на нас какая-нибудь скала свалилась? — спросил Кибернетик.

— Это совсем другое, — вмешался Инженер. — Наружная обшивка при вхождении в атмосферу нагрелась, нос, возможно, даже оплавился, а теперь части конструкции остывают, смещаются, возникают внутренние напряжения, и отсюда эти звуки... О, и сейчас слышно, прислушайтесь...

Все замолчали. Лица освещал фонарик, лежащий на плоском кольце над люком. Внутри корабля послышался протяжный стон, серия коротких слабеющих потрескиваний, и наступила тишина.

— А может, это какой-нибудь автомат? — с надеждой в голосе сказал Кибернетик.

— Ты ведь сам видел.

— Да, но мы не заглядывали в отсек резерва.

Кибернетик высунулся в темноту коридора и, стоя на самом краю крышки, крикнул:

— Автоматы резерва!!!

Его голос загрохотал в замкнутом помещении. Ответом ему была тишина.

— Иди сюда, посмотрим как следует люк, — сказал Инженер.

Он опустился на колени перед плавно вогнутой плитой и, приблизив лицо к кромке, освещал ее сантиметр за сантиметром. Он водил световым пятнышком по уплотнению, которое прочертила еле заметная сетка трещин.

— Внутри нигде не расплавилось; впрочем, это не Удивительно: керамика очень плохо проводит тепло.

— Может, попробуем еще раз? — предложил Доктор, берясь за рукоятку.

— Это бессмысленно, — запротестовал Химик.

Инженер приложил ладонь к крышке люка и вскочил:

— Ребята, нужна вода! Много холодной воды!

— Зачем?

— Дотроньтесь до крышки — горячая, а?!

К крышке прикоснулось несколько одновременно протянутых рук.

— Почти обжигает, — сказал кто-то.

— Это наше счастье!

— Почему?

— Корпус разогрет, он расширился, и крышка тоже. Если мы будем ее охлаждать, она сожмется и, может, удастся ее открыть.

— Вода — это мало. Может, есть лед. Он должен быть в морозилках, — сказал Координатор.

Один за другим Физик, Химик, Кибернетик, Доктор соскакивали в коридор, который грохотал под тяжестью их шагов.

Координатор остался около люка вместе с Инженером.

— Поддастся, — сказал он тихо, как бы про себя.

— Если не заплывала, — буркнул Инженер. Разведя руки, он водил ими по кромке люка, проверяя температуру. — Керамика начинает плавиться при температуре выше трех тысяч семисот градусов. Ты не заметил, сколько под конец было на обшивке?

— Под конец все приборы показывали данные прошлогоднего календаря. Во время торможения было больше двух с половиной, если не ошибаюсь.

— Две с половиной тысячи градусов — это еще не страшно.

— Да, но потом!

Над горизонтальным изломом крышки показалось разгоряченное лицо Химика. Фонарик, висевший у него на шее, качался, огонек прыгал по кускам льда, которые торчали из ведра. Химик подал ведро Координатору.

— Погоди-ка... а как мы, собственно, будем охлаждать... — забеспокоился Инженер. — Сейчас.

Он исчез в темноте. Снова слышались шаги. Доктор принес два ведра воды с плавающим в ней льдом. Химик светил, Доктор вместе с Физиком начали поливать крышку люка водой. Вода стекала на пол, в коридор. Кибернетик

принес ведро мелко расколотого льда и пошел за новой порцией. Когда они поливали крышку в десятый раз, им показалось, что они слышат слабенькие потрескивания.

Появился Инженер. Он прикрепил себе на грудь большой фонарь со скафандра. Сразу стало светло. Инженер бросил на пол охапку пластиковых плит из рубки. Все начали старательно обкладывать крышку кусками льда, прижимая их пластиком, надувными подушками, книгами — всем, что приносил Физик. Наконец, когда они едва могли разогнуть спины, а от ледяной стенки почти ничего не осталось — так быстро таял лед, соприкасаясь с разогретой крышкой люка, — Кибернетик обеими руками схватился за рукоятку и попробовал ее повернуть.

— погоди, еще рано! — сердито крикнул Инженер, но рукоятка повернулась удивительно легко.

Все вскочили. Рукоятка крутилась все быстрее. Инженер схватился за ручку предохранительного тройного ригеля, дернул. Раздался такой звук, словно треснуло толстое стекло, крышка навалилась на них сначала легко, потом вдруг ударила тех, кто стоял слишком близко, и из раскрывшейся темной пасти с грохотом выплеснулась черная лавина, засыпая по колено людей, стоявших напротив. Химик и Координатор, бывшие ближе всех, оказались отброшены в сторону. Крышка прижала Химику к боковой стене, так что он не мог шевельнуться, хотя и не получил никаких повреждений. Координатор в последний момент едва успел отскочить и чуть не сбил с ног Доктора. Все замерли.

Засыпанный комьями фонарик Доктора погас, светил только рефлектор на груди Инженера.

— Что это? — чужим голосом сказал Кибернетик. Он стоял позади всех, у самого выхода из шлюза.

— Проба грунта планеты Эдем, — ответил Координатор, помогая Химику выбраться из-под откинутой вбок крышки.

— Да, — подхватил Инженер. — Весь люк засыпан. Должно быть, мы здорово зарылись в грунт!

— Это первая посадка под поверхность неизвестной планеты, правда? — спросил Доктор.

Неожиданно все начали смеяться. Кибернетик закатывался так, что у него выступили слезы.

— Хватит! — резко крикнул Координатор. — Не стоять же так до утра. За инструментами, ребята, нам нужно откапываться.

Химик наклонился и поднял с холмика, выросшего на полу перед люком, тяжелую спрессованную глыбу. Из овального отверстия люка продолжал вываливаться грунт, время от времени жирно поблескивающие темные комья скатывались по поверхности небольшой осыпи даже в коридор.

Все спустились вниз: в шлюзе стало тесно. Координатор и Инженер прыгнули в коридор последними.

— Как глубоко мы могли воткнуться? — вполголоса спросил Координатор Инженера.

Они шли рядом по коридору. Далеко впереди прыгало быстродвигающееся пятно света. Инженер отдал фонарь Химику.

— Как глубоко?.. Это зависит от слишком многих факторов. Тагерссен зарылся в грунт на восемьдесят метров.

— Да, но что осталось от ракеты и от него!

— А тот зонд на Луне? Чтобы его вытащить, пришлось пробить в скале штольню. В скале!

— На Луне пемза...

— А откуда мы знаем, что здесь?

— Ты же видел. Это похоже на мергель.

— У самого люка, а дальше?

С инструментами было очень плохо. Как и на всех кораблях дальнего радиуса действия, здесь на борту имелся двойной комплект автоматов и дистанционно управляемых полуавтоматов для различного рода работ, в том числе на поверхности, каких могут требовать разнообразные планетные условия. Однако эти устройства сейчас бездействовали, и без подачи электроэнергии нечего было и думать о том, чтобы привести их в движение. Единственная большая землеройная машина с приводом от атомного микрореактора, которой они располагали, также требовала электроэнергии для запуска. Пришлось пустить в ход самые примитивные инструменты — лопаты и кирки. Но сначала их нужно было сделать, а это оказалось совсем не просто. После пяти часов тяжелой работы экипаж возвращался к шлюзу, неся три расплющенные и изогнутые на концах мотыги, два стальных лома и волоча большие листы жести, которые должны были служить для укрепления стен туннеля. Кроме ведер для переноски грунта приспособили несколько больших пластиковых коробок, прикрепив к ним с двух сторон короткие алюминиевые трубки вместо ручек.

С момента катастрофы прошло три четверти суток, и все падали от усталости. Доктор объявил, что нужно по-

спать хотя бы несколько часов. Но сначала необходимо было устроить какие-то постели, хотя бы временные, так как койки в спальнях помещениях, наглухо прикрепленные к полу, стояли теперь вертикально. Переставлять их было слишком сложно, поэтому в библиотеку, которая пострадала меньше всего (почти половину книг уже вытащили в коридор), снесли надувные матрацы, и все легли на них вповалку.

Скоро выяснилось, что, кроме Химика и Инженера, никто не может заснуть. Доктору пришлось встать и отправиться с фонарем на поиски снотворного. Это заняло у него почти час, он вынужден был пробираться в медпункт через маленький тамбур, заваленный битым стеклом и грудой исковерканных приборов. Все это вывалилось из стенных шкафов и закрывало доступ к двери. Наконец (его ручные часы показывали четыре утра бортового времени) снотворное было роздано, фонарь погашен, и вскоре беспокойное дыхание наполнило темноту.

Все проснулись неожиданно быстро. Только Кибернетик, который принял слишком большую дозу снотворного, был как пьяный. Инженер жаловался на острую боль в плече. Доктор обнаружил у него болезненную опухоль — вероятно, Инженер повредил себе сустав, когда возился с рычагами люка.

Настроение было унылое. Почти никто не разговаривал, даже Доктор. До остатков продуктов в шлюзе добраться не удалось — на дверцах шкафа со скафандрами покоился большой холм вынутой породы, поэтому Физик и Химик еще раз пошли на кухонный склад и принесли оттуда банки с консервами. Было девять, когда начали копать туннель.

Работа продвигалась черепашьим шагом. В овальном отверстии люка нельзя было как следует развернуться. Передние разбивали мотыгами спрессованные глыбы, стоящие сзади оттаскивали их в коридор, а оттуда в навигационную рубку — она находилась ближе всего и в ней не было ничего, что могло бы понадобиться в ближайшее время.

Через четыре часа рубка по колено заполнилась вынутым грунтом, а длина туннеля не превышала двух метров. Мергель поддавался плохо — он был не очень твердый, но острия ломов и мотыг увязали в нем, а железные стержни, на которые слишком сильно нажимали остервенело работающие люди, гнулись; лучше всего действовала стальная мотыга в руках Координатора.

Инженер беспокоился, как бы «земляной» потолок не начал оседать, и следил за тем, чтобы его как следует крепили. Под вечер, когда перемазанные глиной люди уселись перскутить, туннель, ведущий от люка круто вверх, с наклоном почти семьдесят градусов, углубился в грунт едва на пять с половиной метров.

Инженер еще раз заглянул в колодец, ведущий в нижний отсек, где в тридцати метрах от главного люка ближе к корме находился грузовой, но увидел только черное зеркало воды; она стояла выше, чем накануне, — видимо, еще какая-нибудь цистерна текла и ее содержимое медленно просачивалось сюда. Вода — он сразу же обнаружил это с помощью переносного счетчика Гейгера — была радиоактивна. Он наглухо закрыл колодец и вернулся к товарищам, ничего не сказав о своем открытии.

— Если все пойдет хорошо — выберемся отсюда завтра, если похуже — через два дня, — объявил Кибернетик, выпивая третью кружку кофе из термоса.

Все очень много пили.

— Откуда ты знаешь? — удивился Инженер.

— Да так, чувствую.

— Он обладает интуицией, которой лишены его автоматы, — засмеялся Доктор.

К концу дня настроение у него повысилось. Когда другие сменяли его в туннеле, он отправлялся в экскурсии по кораблю; в результате экипаж разбогател на два фонарика, машинку для стрижки волос, витаминизированный шоколад и целую стопку полотенец. Все были перемазаны, комбинезоны пестрели пятнами и подтеками, конечно, никто не брился из-за отсутствия электричества; машинку для стрижки, которую принес Доктор, они презрели. Сам он, впрочем, тоже ею не воспользовался.

Весь следующий день ушел на рытье туннеля. Навигационная рубка была забита породой настолько, что ее все труднее было высыпать через дверь. Дошла очередь до библиотеки. У Доктора возникли по этому поводу некоторые сомнения, но Химик, в паре с ним таскавший сделанные из листовой жести носилки, без колебания высыпал кучу мергеля на книги.

Выход из туннеля открылся совершенно неожиданно. Правда, Физик уверял, что грунт уже стал более сухим и как будто менее плотным, но другие этого не подтвердили. Мергель, который они таскали внутрь ракеты, казался им таким же, как и раньше. Сменившие своих товарищей Инженер и Координатор только что приняли инструменты,

еще хранившие тепло чужих рук, и нанесли первые удары по глыбам, выступавшим из неровной стены, как вдруг одна из глыб словно испарилась, и через образовавшееся отверстие повеяло легким ветерком. Чувствовалось плавное движение воздуха — давление снаружи было немного больше, чем в туннеле, а значит, и в ракете. Мотыга и стальной лом начали работать в бешеном темпе, грунт уже никто не выносил, те из экипажа, кто не мог помогать передним — для этого было слишком мало места, — стояли, сгрудившись за ними. Сделав несколько последних ударов, Инженер собрался вылезти наружу, но Координатор остановил его. Он хотел сначала расширить выход и распорядился вынести последнюю порцию грунта в ракету, чтобы ничто не мешало двигаться в туннеле; с добрый десяток минут прошло, прежде чем шестеро людей выползли через отверстие с неровными краями на поверхность планеты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спускались сумерки. Черная дыра туннеля зияла на пологом склоне невысокого, метров в десять, холма; дальше простиралась огромная равнина — до самого горизонта, над которым сверкали первые звезды. Кое-где на значительном удалении возвышались неясные, стройные, похожие на деревья силуэты. Света, который давала низкая полоса заката, было так мало, что все краски сливались в однородный серый туман. Слева от неподвижно стоявших людей косо врезался в грунт гигантский цилиндрический корпус ракеты. Инженер оценил его длину метров в семьдесят — значит, корабль зарылся в холм больше чем на сорок метров. Но сейчас никто не обращал внимания на эту выступающую на фоне неба огромную трубу с беспомощно торчащими кольцами рулевых дюз. Они глубоко вдыхали холодный воздух с едва уловимым незнакомым, неопределенным запахом и молча смотрели вперед. Только теперь их охватило ощущение полного бессилия — железные мотыги как будто сами выпали из рук. Они стояли, медленно обводя глазами необъятное пространство — пустое, с горизонтом, залитым тьмой, с лениво, равномерно дрожащими звездами в вышине.

— Полярная? — спросил вдруг Химик, бессознательно понизив голос, и показал на низкую звезду, слабо мерцающую в темном небе на востоке.

— Нет, отсюда ее не видать. Мы сейчас... да, над нами Южный полюс Галактики. Минутку... где-то должен быть Южный Крест...

Подняв головы, они всматривались в небо, уже почти совсем черное, с ярко искрящимися звездами. Начали называть созвездия, показывать их друг другу пальцами — единственное не совсем чужое над мертвой пустынной равниной. Ненадолго это оживило всех.

— Становится холодно, как в пустыне,— сказал Координатор.

— Сегодня мы все равно ничего не сделаем. Нужно возвращаться внутрь.

— Что, в эту гробницу?! — возмутился Кибернетик.

— Без этой гробницы мы погибли бы тут через два дня,— сухо ответил Координатор.— Не ведите себя как дети.

Не сказав больше ни слова, он повернулся, медленным, ровным шагом подошел к лазу и, спустив вниз ноги, сполз в туннель. Секунду еще виднелась его голова, потом и она исчезла.

Оставшиеся молча переглянулись.

— Пошли,— полувопросительно, полуутвердительно буркнул Физик.

Остальные, помешкав, двинулись за ним. Пока первые вползали в тесную дыру, ожидавший своей очереди Инженер спросил стоявшего рядом Кибернетика:

— Заметил, как странно пахнет здесь воздух?

— Да. Горький какой-то... Ты знаешь состав?

— Он похож на земной. Есть еще какая-то примесь, но безвредная. Сейчас не помню. Все данные — в таком маленьком зеленом томике, на второй полке в библио...

Инженер оборвал себя на полуслове, вспомнив, что сам засыпал библиотеку кучами мергеля.

— А, чтоб его...— сказал он без всякой злости, с грустью и начал протискиваться в черное отверстие.

Кибернетик, оставшись один, вдруг почувствовал, что ему не по себе. Это был не страх, а гнетущее чувство затерянности, ужасающей чуждости пейзажа. Да и в необходимости возвращаться в глубь глинистого туннеля было что-то унижительное.

«Как червяки», — подумал он, опустил голову и полез в дыру вслед за Инженером. Но не выдержал и, уже скрывшись в туннеле по плечи, поднял голову, посмотрел вверх и попрощался взглядом со спокойно мерцающими звездами.

Назавтра кто-то предложил вынести припасы на поверхность, чтобы там позавтракать, но Координатор воспротивился, считая, что это только создаст ненужные осложнения. Поэтому ели при свете двух фонарей под крышкой люка, запивая еду уже совсем остывшим кофе.

Внезапно Кибернетик спросил:

— Слушайте, а как это получилось, что у нас все время был хороший воздух?

Координатор улыбнулся. На его впалых щеках выделились серые морщины.

— Баллоны с кислородом уцелели. Хуже с очисткой. Только один автоматический фильтр работает нормально — аварийный, химический; все электрические, естественно, полетели. Через какие-нибудь шесть-семь дней мы начали бы задыхаться.

— Ты знал об этом?.. — медленно спросил Кибернетик.

Координатор ничего не ответил, только его улыбка на мгновение стала какой-то другой — почти жесткой.

— Что будем делать? — спросил Физик.

Они мыли посуду в тазу с водой. Доктор вытирал ее одним из своих полотенец.

— Здесь есть кислород, — сказал Доктор, — значит, здесь есть жизнь. Что об этом известно?

— Да в общем-то ничего. Пробу атмосферы брал космический зонд, отсюда вся наша информация.

— Как это? Он даже не садился?

— Нет.

— Вот уж действительно изобилие сведений, — сказал Кибернетик.

Он пытался вымыть лицо спиртом, который лил из маленькой бутылочки на клочок ваты. Воды, пригодной к употреблению, оставалось очень мало, и никто не мылся уже вторые сутки. Физик, используя в качестве зеркала полированную поверхность кондиционера, рассматривал свое лицо.

— Это очень много, — спокойно ответил Координатор. — Если бы состав воздуха был иной, если б в нем не было кислорода, я убил бы вас.

— Что? — Кибернетик чуть не уронил бутылку.

— Естественно, и себя тоже. У нас не было бы даже одного шанса на миллиард. Теперь он у нас есть.

Все замолчали.

— Раз есть кислород — значит, должны быть растения и животные? — спросил Инженер.

— Не обязательно,— ответил Химик.— На планетах Альфы Малого Пса есть кислород, но нет ни растений, ни животных.

— А что есть?

— Светляки.

— Люменоиды? Бактерии?

— Это не бактерии.

— Да будет вам! — бросил Доктор. Он убрал посуду и закрывал коробки с продовольствием.— На самом деле у нас сейчас другие заботы. Защитника не удастся привести в порядок, а?

— Защитника я даже не видел,— признался Кибернетик.— До него невозможно добраться. Все автоматы вырваны из стоек. Похоже, там понадобится двухтонный кран, чтобы растащить весь этот железный лом. А Защитник в самом низу.

— Но какое-нибудь оружие нам нужно! — воскликнул Кибернетик.

— Есть электрожекторы.

— Интересно, чем ты их зарядишь?

— Разве в рубке нет тока? Был ведь!

— Нет, вероятно, короткое замыкание в аккумуляторном отсеке.

— А почему электрожекторы не заряжены?

— По инструкции перевозить заряженные запрещается,— неохотно буркнул Инженер.

— Черт бы побрал ин...

— Перестань.

Услышав голос Координатора, Кибернетик отвернулся, пожав плечами. Доктор вышел. Инженер принес из своей каюты легкий нейлоновый рюкзак и принялся укладывать в его кармашки плоские банки с неприкосновенным запасом продуктов. Доктор вернулся, держа в руке короткий вороненый цилиндр, заканчивающийся штуцером.

— Что это? — заинтересовался Инженер.

— Оружие.

— Какое оружие?

— Усыпляющий газ.

Инженер рассмеялся.

— Откуда ты знаешь, можно ли усыпить то, что живет на этой планете, твоим газом! И, самое главное, как ты собираешься обороняться этим газом в случае нападения — будешь давать капельный наркоз?

— Во всяком случае, при большой опасности сможешь дать наркоз себе,— сказал Химик.

Все засмеялись. Доктор смеялся громче всех.

— Этим можно усыпить любое существо, дышащее кислородом,— сказал он,— а что касается обороны — смотри!

Он нажал спусковой крючок у основания цилиндра. Тонкая, как игла, струйка мгновенно испаряющейся жидкости выстрелила в мрачную глубину коридора.

— Ну... за неимением лучшего...— с сомнением сказал Инженер.

— Идем? — спросил Доктор, опуская цилиндр в карман комбинезона.

Солнце стояло высоко. Оно было меньше, дальше, но и горячее земного. Но не это поразило всех: оно было не совсем круглым. Люди разглядывали его сквозь щели между пальцами, сквозь темно-красную полупрозрачную бумагу — обертку от индивидуальных антирадиационных комплектов.

— Оно сплюснуто из-за быстрого вращения вокруг оси, да? — обратился Химик к Координатору.

— Да. Это было намного заметнее во время полета. Не помнишь?

— Вероятно, тогда меня это... так сказать, не интересовало...

Отвернувшись от солнца, все посмотрели на ракету. Цилиндрический белый корпус наискось торчал из низкого холма. Он напоминал ствол какого-то гигантского орудия. Обшивка, молочная в тени, серебристая на солнце, казалась неповрежденной. Инженер подошел к тому месту, где корпус вонзился в грунт, перебрался через выброшенные наверх глыбы, которые словно воротником окружали врезавшийся в склон корабль, и провел рукой по плите обшивки.

— Неплохой материал этот керамит,— сказал он, отворачиваясь.— Если бы я только мог заглянуть в дюзы...— Он беспомощно смотрел вверх, на корму, повисшую высоко над равниной.

— Успеется,— сказал Физик.— Ну что, двинулись? Небольшая разведка, а?

Координатор поднялся на вершину холма. Остальные пошли за ним. Залитая солнцем равнина разбегалась во все стороны, совершенно однообразная, гладкая, бледно-желтая. Вдалеке высились стройные, замеченные ими еще вчера силуэты. При ярком свете было видно, что это не деревья. Небо, над головой голубое, как на Земле, у горизонта приобретало отчетливо зеленоватый оттенок. Проз-

рачные перистые облака почти незаметно двигались на север. Координатор определил стороны света по маленькому компасу, надетому на запястье. Доктор, низко наклонившись, ковырял ногой грунт.

— Почему здесь ничего не растет? — сказал он удивленно.

Это поразило всех. Действительно, насколько охватывал взгляд, равнина была голой.

— Мне кажется, эта местность высыхает, — неуверенно сказал Химик. — Там дальше — видите те пятна? — гораздо больше желтизны... вон, на западе. Я полагаю, что там пустыня, из которой ветер нагоняет сюда песок. Ведь наш холм глинистый.

— Ну, это мы проверили на совесть, — сказал Доктор.

— Нужно набросать хотя бы в самых общих чертах план экспедиции, — заговорил Координатор. — Запасов, которые мы взяли, нам хватит на два дня.

— Не совсем, воды у нас мало, — вмешался Кибернетик.

— Воду придется экономить, пока не найдем ее здесь; раз есть кислород, найдется и вода. Думаю, начнем с нескольких прямолинейных маршрутов. Уходить от ракеты будем каждый раз не слишком далеко, так чтобы иметь возможность спокойно и без излишней спешки вернуться.

— Максимум тридцать километров в один конец, — заметил Физик.

— Согласен. Речь идет только о чем-то вроде предварительной разведки.

— Подождите, — сказал Инженер, который до сих пор стоял поодаль, как бы погружившись в невеселые мысли. — А вам не кажется, что мы ведем себя, как будто малость свихнулись? Мы потерпели аварию на неизвестной планете. Нам удалось выбраться из корабля. Вместо того чтобы взяться за самое важное, вместо того чтобы все силы вложить в ремонт, наладить то, что удастся, освободить корабль и так далее, мы отправляемся на какие-то экскурсии, без оружия, без всяких средств защиты, не имея понятия, с чем мы здесь можем столкнуться.

Координатор слушал его молча. Он оглядел поочередно всех членов экипажа. Все были небриты, трехдневная щетина придавала им довольно дикий вид. Слова Инженера, вероятно, произвели впечатление, но никто не ответил, как будто все ждали, что скажет Координатор.

— Вшестером нам ракету не откопать, Генрих, — сказал Координатор осторожно, взвешивая слова. — И ты это

отлично знаешь. В нашем нынешнем положении запуск самого простенького агрегата требует времени, которое мы даже не можем определить. Планета обитаема. Но мы не знаем о ней ничего. Мы даже не облетели ее перед катастрофой. Мы шли от ночного полушария и из-за роковой ошибки попали в газовый хвост. Падая, мы перешли линию терминатора. Я лежал у экрана, который лопнул последним. Я видел — во всяком случае, мне так показалось — что-то, напоминавшее... город.

— Почему ты не сказал нам об этом? — медленно спросил Инженер.

— Да, почему? — поддержал его Физик.

— Потому, что я в этом не уверен. Я не знаю даже, в какой стороне его искать. Ракета крутилась. Я потерял ориентацию. И все-таки существует шанс, хотя и незначительный, что мы получим какую-то помощь. Я предпочел бы об этом не говорить, но каждый из вас и так хорошо это знает — наши шансы вообще очень малы. Кроме того, нам нужна вода. Основная часть запаса вылилась в нижний отсек, и Генрих установил, что она радиоактивна. Таким образом, я считаю, что мы можем позволить себе некоторый риск.

— Я согласен с этим, — сказал Доктор.

— Я тоже, — присоединился Физик.

— Ладно, — буркнул Кибернетик и отошел на несколько шагов, глядя на юг, словно не хотел слышать, что скажут остальные.

Химик кивнул головой. Инженер не ответил; он только спустился с холма, забросил за спину рюкзак и спросил:

— Куда?

— На север, — сказал Координатор.

Инженер двинулся вперед, остальные присоединились к нему. Когда немного погодя они обернулись, холма уже почти не было видно, только корпус ракеты вырисовывался на фоне неба, словно дуло полевого орудия.

Было очень жарко. Их тени постепенно укорачивались, ботинки проваливались в песок, слышались только мерные шаги и учащенное дыхание. Они приближались к одному из тех изящных образований, которые в сумерках приняли за деревья. Из бурого грунта вертикально возвышался серый, словно кожа слона, ствол со слабым металлическим блеском. Этот ствол, у основания не толще мужской руки, постепенно переходил в чашевидное расширение; плоская кромка чаши находилась на высоте двух метров. Снизу не было видно, открыта сверху чаша или нет.

Люди остановились в нескольких метрах от причудливой фигуры, а Инженер импульсивно шагнул к ней и уже поднял было руку, чтобы дотронуться до ствола, когда Доктор крикнул:

— Стой!

Инженер попятился. Доктор потянул его к себе за плечо, поднял камешек величиной с фасолину и бросил высоко в воздух. Камешек описал крутую дугу и упал на слегка рифленый и плоский верх чаши. Все вздрогнули — такой бурной и неожиданной была реакция. Чаша заволновалась, съежилась, послышался короткий свист, как будто из нее вырвалась струя газа, и вся, теперь лихорадочно дрожащая, серая колонна провалилась, словно всосанная внутрь планеты. Образовавшееся отверстие моментально наполнила коричневая пенящаяся масса, потом ее поверхность покрылась песчинками, пленка становилась все толще, и через несколько секунд от отверстия не осталось и следа — поверхность песка стала совершенно гладкой, как все вокруг.

Никто еще не успел прийти в себя от изумления, когда Химик крикнул:

— Смотрите!

Все оглянулись. Вокруг на расстоянии десятков метров только что высились три или четыре такие же высокие и стройные чаши — сейчас не было ни одной.

— Все провалились?! — воскликнул Кибернетик.

Через час путешественники растянулись длинной цепочкой. Первым шагал Доктор, который теперь нес рюкзак, за ним Координатор. Колонну замыкал Химик. Все расстегнули комбинезоны, кое-кто закатал рукава; залитые потом, с пересохшими ртами, они медленно тащились равниной. Вдали замаячила длинная горизонтальная полоса.

Доктор остановился и подождал Координатора:

— Как ты думаешь, сколько мы прошли?

Координатор взглянул назад, в сторону солнца, туда, где осталась ракета. Ее уже не было видно.

— Радиус планеты меньше земного, — сказал Координатор, откашливаясь и вытирая платком лицо. — Километров восемь, — заключил он.

Доктор еле смотрел щелками опухших глаз. Его черные волосы покрывал платок. Он то и дело смачивал его водой из фляжки.

— Знаешь, это просто безумие, — сказал Доктор и неожиданно улыбнулся.

Оба они смотрели сейчас туда, где еще недавно еле заметной косой черточкой у самого горизонта виднелась ракета. Теперь там возвышались только бледно-серые изящные силуэты чаш. Когда они снова вынырнули, никто не заметил. Подошли остальные члены экипажа. Химик бросил скатанный брезент палатки и уселся, вернее, свалился на него.

— Что-то не видно следов здешней цивилизации, — сказал Кибернетик. Он достал витамины в помятом пакете и угощал всех.

— На Земле такого пустыря не найти, — добавил Инженер. — Ни дорог, ни летательных аппаратов.

— Не думаешь же ты, что именно здесь мы найдем точную копию земной цивилизации? — фыркнул Физик.

— Эта система стабильна, — начал Химик, — и цивилизация могла развиваться на Эдеме дольше, чем на Земле, а потому...

— При условии, что это цивилизация человекоподобных существ, — прервал его Кибернетик.

— Послушайте, не будем задерживаться здесь, — сказал Координатор. — Пошли дальше, за полчаса мы должны добраться вон до той полоски. — Он показал на тонкую лиловую линию у горизонта.

— А что это?

— Не знаю. Может, мы там найдем воду.

— Для начала мне бы хватило и тени, — прохрипел Инженер и прополоскал рот глотком воды.

Заскрипели ремни надетых на плечи рюкзаков, группа снова растянулась и размеренно двинулась через пески. Они прошли мимо нескольких чаш и нескольких более крупных образований, которые, казалось, опирались на опустившиеся до поверхности лианы, но до ближайшего из них было метров двести, а им не хотелось сворачивать в сторону. Солнце подходило к зениту, когда пейзаж начал меняться.

Песка становилось все меньше, длинными, плоскими горбами из-под него выныривала рыжая, сожженная солнцем почва. Кое-где ее покрывали островки седого мертвого мха. Задетый ботинками мох курился, распадаясь на истлевшую, похожую на бумажный пепел труху. Лиловая полоса отчетливо разделялась на отдельные группы приземистых форм, они стали светлее, это была скорее зелень, отливающая голубизной. Северный ветерок принес слабый тонкий запах, который люди втягивали с осторожным любопытством. Передние пошли медленнее, остальные

подтянулись, и вскоре вся группа остановилась перед слегка изогнутой неподвижной стеной, образованной странными переплетенными фигурами.

На расстоянии ста шагов это еще могло показаться зарослями каких-то кустов, усеянных большими синеватыми птичьими гнездами, — не столько из-за того, что действительно напоминало заросли, сколько из-за стремления человеческого глаза найти в чуждых образах аналогию с чем-нибудь привычным.

— Какие-то пауки? — неуверенно сказал Физик, и тогда всем сразу же показалось, что перед ними и вправду похожие на пауков существа с маленькими веретенообразными туловищами, покрытыми густой взъерошенной щетиной, неподвижно стоящие на необыкновенно длинных и тонких ногах.

— Да ведь это растения! — воскликнул Доктор.

Он не спеша подошел к высокому серо-зеленоватому «пауку». И в самом деле, «ноги» оказались чем-то вроде толстых стеблей, чьи шершавые, покрытые волосками изгибы очень напоминали суставы членистоногого. Эти стебли — их было шесть, семь или восемь, — выходя из мшистого грунта, дугообразно сходились вверх к шишковатому, пухлому, напоминающему приплюснутое брюшко «телу», окруженному сверкающими на солнце ленточками паутинок. Растения-пауки стояли довольно близко друг от друга, но между ними можно было пройти. Кое-где стебли выпускали более светлые, почти цвета земных листьев, побеги со свернувшимися почками на концах.

Доктор опять сначала бросил камешек в подвешенное в нескольких метрах над поверхностью «брюшко», а когда ничего не случилось, осмотрел стебель и наконец надрезал его ножом; из него закапал светло-желтый водянистый сок, он сразу же начал пениться, стал оранжевым и рыжим, а через несколько минут застыл в напоминающий смолу сгусток с сильным ароматом. Сначала все нашли его приятным, но скоро решили, что в нем есть что-то отталкивающее.

В глубине этой своеобразной рощи было немного прохладней, чем на равнине.

Пухлые «брюшки» растений давали немного тени; ее становилось все больше, по мере того как люди углублялись в эти дебри, стараясь по возможности не касаться стеблей, а особенно белесых отростков, которыми кончались молодые побеги, — они вызвали необъяснимое отращение.

Пористый, мягкий грунт выделял влажные испарения, в которых трудно было дышать; по лицам, по рукам проползали тени «брюшков», то более высоких, то пониже, больших и маленьких, одни были эластичные, с ярко-оранжевыми шипами, другие — засохшие, увядшие, трухлявые, с них свисали длинные тонкие полоски паутины. Когда налетал ветер, заросли издавали глухой, неприятный звук, не похожий на мягкий шум земного леса, — казалось, шелестели тысячи и тысячи листов жесткой бумаги. Иногда растения, переплетаясь, преграждали дорогу, и приходилось искать проход между ними. Идти здесь было труднее, чем по равнине, и через некоторое время никто уже не глядел вверх, на усеянные шипами «брюшки», и не искал в них подобия гнезд, шишек или коконов.

Внезапно Доктор, шедший впереди, увидел прямо перед собой толстый, черный, вертикально свисающий волос, похожий на блестящую грубую нить или на лакированную проволоку. Он уже хотел было отодвинуть его рукой в сторону, но, поскольку ничего подобного им до сих пор не встречалось, машинально поднял глаза и застыл на месте. Что-то бледно-жемчужное, неуклюже свисающее со стеблей у самого основания одного из «брюшков», неподвижно смотрело на него. Доктор чувствовал этот взгляд, хотя не мог сообразить, где находятся глаза бесформенного существа, у которого нельзя было различить ни головы, ни конечностей. Он видел только вспученный, как будто набитый округлыми комьями, слегка лоснящийся кожаный мешок. Из темной продолговатой воронки свисал на два метра вниз толстый черный волос.

— Что там? — спросил Инженер, подходя ближе.

Доктор не ответил. Инженер взглянул вверх и тоже замер.

— Чем он смотрит? — спросил Инженер и отступил на шаг — такое отвращение вызывала эта тварь, которая словно впивалась в них жадным, необыкновенно сосредоточенным взглядом; впрочем, он тоже не видел ее глаз.

— Ох! Ну и мерзость! — воскликнул сзади Химик. Все остальные подошли и остановились за Инженером.

Доктор, выбравшись из-под нависшего над ним существа и подождав, пока другие расступятся в стороны, достал из кармана комбинезона вороненый цилиндр, не спеша прицелился в более светлое, чем окружающая растительность, пузырчатое тело и нажал спуск. И тогда — за долю секунды — случилось очень много всего.

Сначала они увидели блеск, такой яркий, что он совершенно ослепил всех, за исключением Доктора, в этот момент как раз моргнувшего.

Тоненькая струйка из цилиндрика еще была вверх, когда стебли подогнулись, затрещали, их обволокли клубы черного пара. Существо с тяжелым мокрым шлепком грохнулось вниз. Какую-то секунду оно лежало неподвижно, словно шишковатый серо-телесного цвета шар, из которого выпустили воздух, только черный волос извивался и плясал над ним, как сумасшедший, судорожно рассекая воздух. Потом волос исчез, и по губчатому мху начали во все стороны расползаться бесформенные пузырчатые членики существа. И прежде чем кто-нибудь из людей успел сказать слово или шевельнуться, все кончилось. Последние частички существа, маленькие, как гусеницы, деловито ввинтились в грунт у подножия стеблей и исчезли. Только в ноздри людям ударил нестерпимый сладковатый запах.

— Это была какая-то колония? — неуверенно спросил Химик. Он поднес руки к глазам, потер их; остальные жмурились, в ослепленных вспышкой глазах все еще носились черные круги.

— *E. Plurimus unum*, — ответил Доктор. — Или, точнее, *E. Uno plures* — за свою латынь я не ручаюсь, но это именно такое множественное существо, которое разделяется в случае необходимости...

— Ужасная вонь, — сказал Физик, — пошли отсюда.

— Пошли, — согласился Доктор. А когда они уже отошли от этого места, неожиданно добавил: — Любопытно, что бы случилось, если бы я коснулся этого волоса...

— Удовлетворение этого любопытства могло бы дорого стоить, — бросил Химик.

— А может, и нет. Ты ведь знаешь, как часто совершенно безобидные создания эволюция облекает во внешне пугающие формы.

— Ох, да бросьте вы эту дискуссию — там вроде какой-то просвет, — воскликнул Кибернетик. — И за каким чертом мы вообще влезли в этот паучий лес?

Они услышали шум ручья и приостановились, потом снова пошли дальше; временами он ослабевал, иногда пропал совсем, иногда становился громче, но обнаружить ручей не удалось. Заросли редели, почва становилась заметно мягче, она напоминала подсохшее болото, идти было неприятно, время от времени что-то чавкало под

ногами, как намокшая трава, но нигде не было и следа воды.

Внезапно люди оказались на краю округлого углубления поперечником в несколько десятков метров. Несколько восьминогих кустов росли внутри него, они стояли далеко друг от друга и выглядели очень старыми — стебли разошлись, словно неспособные поддерживать центральные утолщения, и от этого растения еще больше напоминали огромных высохших пауков. Дно углубления местами покрывали ржавые зубчатые наплывы пористой массы, частично вдавленные вглубь, частично оплетенные побегами растений. Инженер сразу же спустился по невысокому, но обрывистому склону, и удивительная вещь — как только он очутился внизу, тем, кто смотрел сверху, углубление показалось взрывной воронкой — местом происшедшей когда-то катастрофы.

— Похоже на след бомбы, — сказал Физик. Он стоял на вершине вала и смотрел, как Инженер подошел к большим обломкам у подножия самого высокого «паука» и попытался сдвинуть их с места.

— Железо?! — крикнул Координатор.

— Нет, — ответил Инженер и исчез между крутыми изломами конструкции, напоминавшей растрескавшийся конус.

Немного погодя Инженер вынырнул из зарослей, с хрустом ломая толстые стебли, с другой стороны рощи. К нему тотчас же протянулось несколько рук, он выбрался из ямы и, видя выражение ожидания на их лицах, пожал плечами.

— Я не знаю, что это, — признался он. — Понятия не имею. Там пусто, внутри ничего нет. Коррозия зашла слишком далеко. Это что-то очень старое, может, сто, может, триста лет...

Они молча обошли кратер и снова углубились в заросли, туда, где они были пониже. Неожиданно кусты расступились, посредине возник проход, такой узкий, что человек мог двигаться в нем с трудом, — что-то вроде идеально прямого коридора. По обе его стороны стебли были как будто подрублены и сломаны, большие шишковатые утолщения свалены набок, на другие кусты, а некоторые вдавлены в грунт; их сплюснутые ломкие оболочки трещали под ногами, как высушенная древесная кора. Люди решили идти по этой вырубленной в зарослях дороге гуськом; нужно было раздвигать обломки высохших стеблей, и все же группа продвигалась быстрее, чем до сих пор.

Просека по большой дуге все отчетливее отклонялась к северу. Изломанные мертвые кусты становились все ниже, и наконец люди снова оказались на равнине, с другой стороны роши.

Там, где обрывались заросли, от просеки отходила неглубокая выемка; в первый момент они приняли ее за тропинку, но ошиблись. В бесплодной поверхности была вырыта бороздка глубиной в десяток сантиметров и чуть больше в ширину, поросшая зеленовато-серебряными бархатными на ощупь лишайниками. Этот странный, прямой, как стрела, «газончик» — так назвал его Доктор — уходил вдаль, обрываясь у светлой полосы, которая стеной, протянувшейся от одного края равнины до другого, закрывала весь горизонт.

Над этой полосой поблескивали остроконечные выступы, похожие на верхушки готических, обшитых серебряными плитами башен. Люди шли быстро, и почти с каждым шагом перед ними открывались все новые детали стены. На многие километры в стороны раскинулась поверхность, изогнутая равновеликими дугами, будто крыша невероятно большого ангара. Дуги были обращены выпуклостями вниз, под ними мерцало что-то серое, как будто сверху сыпалась мелкая пыль или текли тончайшие струйки мутной воды. Когда они подошли еще ближе, на них повеяло чужим запахом, горьковатым, но приятным, будто от неведомых цветов. Они шли, сократив между собой дистанцию. Дугообразная крыша, казалось, поднимается все выше и выше. Каждая ее дуга, как гигантский перевернутый мостовой пролет, была длиной в километр. Там в вышине, где на фоне туч соединялись две арки, что-то ярко светилось, как будто вмонтированные туда зеркала отбрасывали вниз солнечные лучи. Свет этот равномерно мигал.

Стена, растянувшаяся перед ними, состояла из струек серо-желтого цвета; она двигалась — слева направо через одинаковые промежутки времени по ним пробегали волны. Она походила на изготовленный из необычного материала занавес, за которым на равных расстояниях друг от друга проходят, касаясь его боками, слоны или даже животные гораздо крупнее слонов. Когда люди подошли к стене, в том месте, где узкая, поросшая бархатным лишайником дорожка кончалась тупиком, горький аромат стал невыносимым.

Кибернетик закашлялся.

— Возможно, это какие-нибудь ядовитые испарения, — сказал он.

Люди стояли, отбрасывая короткие, бесформенные тени, и смотрели на мерное движение волн. Когда они двинулись вновь и уже только несколько шагов отделяло их от «занавески», она показалась им однородной, как будто сплетенной из толстых матовых волокон. Доктор поднял с земли камешек и бросил в стену. Все видели, как камешек летел, и вдруг он исчез, будто испарился, даже не коснувшись шевелящейся поверхности.

— Влетел внутрь? — с сомнением сказал Кибернетик.

— Ну да! — крикнул Химик. — Он даже не коснулся этого...

Доктор поднял целую горсть камешков и комков и начал бросать их один за другим — все исчезали, не долетая до «занавеса» нескольких сантиметров. Инженер отцепил от маленького колечка ключ и последовал примеру Доктора. Ключ звякнул, как будто ударился о металл, и тоже исчез.

— Что дальше? — спросил Кибернетик, глядя на Координатора.

Тот не ответил. Доктор сбросил с плеч рюкзак, вынул из него банку консервов, вырезал ножом кубик мясного желе и швырнул его в «занавес». Кусок желе прилип к матовой поверхности и некоторое время висел на ней, потом начал пропадать — как будто таял.

— Знаете что? — сказал Доктор; глаза у него блестящие. — Это какой-то фильтр — избирательная диафрагма или что-то в этом роде...

Химик нашел в кольце на лямке своего рюкзака высохший обломок ветки «паучьего» растения, который, должно быть, застрял, когда они продирались сквозь заросли, и, не раздумывая, кинул его в волнующуюся завесу — хрупкая веточка, отскочив, упала у его ног.

— Селектор... — произнес он неуверенно.

— Ну конечно! Наверняка! — Доктор подошел поближе, так что тень его скользнула по краю «занавеса», достал свое черное оружие и нажал спуск. Едва тонкая, как игла, струйка коснулась вздувающейся преграды, в ней образовалось отверстие веретенообразной формы, открыв огромное, мрачное, иссеченное искрящимися точками пространство, в глубине которого порхало множество беловатых и розовых огоньков. Доктор, кашляя и давясь, резко отскочил — ноздри и горло ему обжег горький аромат; все немного отошли и снова остановились.

Продолговатое отверстие сужалось. Набегающие волны замедляли свое движение, приближаясь к нему, обхо-

дили его сверху и снизу и поспешно плыли дальше. Отверстие становилось все меньше. Вдруг изнутри высунулось что-то черное, оканчивающееся пальцеобразным отростком, молниеносно обежало кромку отверстия, оно мгновенно закрылось, и снова люди стояли перед размеренно стягивающейся и вздувающейся завесой.

Инженер предложил обсудить положение. Собрание, по словам Доктора, было демонстрацией полной беспомощности. Наконец решили идти дальше вдоль огромного сооружения, подняли рюкзаки и двинулись в путь. Прошли километра три. По дороге пересекли несколько уходящих к равнине узких «газончиков». Некоторое время размышляли над тем, что это такое — гипотеза о причастности «газончиков» к сельскому хозяйству была отброшена сразу же как совершенно неправдоподобная. Доктор даже попытался исследовать несколько лишайников, вырванных из темно-зеленой полосы; они немного напоминали мох, но корешки их были усеяны похожими на жемчужинки утолщениями, в которых прятались маленькие твердые черные зернышки.

Уже давно минул полдень. Так как все проголодались, сделали привал. Есть пришлось под палящим солнцем — тени нигде не было, а к зарослям, тянувшимся метрах в восьмистах, возвращаться никому не хотелось: «пауки» не оставили приятного впечатления.

— Если бы все шло как в книгах, которые я читал мальчишкой, — заговорил Доктор с полным ртом, — в этой проклятой занавеске сейчас бы образовалась пышущая огнем дыра и оттуда бы вылез тип с тремя руками и только одной, но зато очень толстой ногой. Под мышкой он тащил бы интерпланетарный телекоммуникатор или сам был бы звездным телепатом. Он дал бы нам понять, что является представителем невероятно развитой цивилизации и...

— Перестань нести чепуху, — прервал его Координатор. Он налил воду из термоса-фляги в кружку, которая сразу же запотела. — Лучше подумаем, что делать.

— Я считаю, что нужно войти туда, — сказал Доктор и встал, как будто собирался осуществить свое намерение.

— Любопытно, каким образом? — лениво поинтересовался Физик.

— Ты что, ошалел? — высоким голосом крикнул Кибернетик.

— Почему ошалел? Конечно, мы можем бродить так и дальше, при условии, что типы на одной ноге подбросят нам какую-нибудь еду.

— Ты это серьезно? — сказал Инженер.

— Вот именно! И знаешь, почему? Да просто потому, что мне надоело. — Он круто повернулся на пятке.

— Стой! — крикнул Координатор.

Доктор шел прямо на стену, не обращая на крики ни малейшего внимания. Он был в метре от завесы, когда все вскочили и бросились за ним. Услышав топот ног, он вытянутой рукой коснулся завесы.

Рука исчезла. Доктор стоял без движения, может быть, секунду, потом сделал шаг вперед и перестал существовать. Пятеро людей, затаив дыхание, остановились на том месте, где виднелся след его левого ботинка; ноги у них подкашивались. Вдруг в воздухе над завесой появилась голова Доктора с аккуратно, словно ножом, отрезанной шеей; из глаз у него текли слезы, он громко, раз за разом, чихал.

— Тут немного душно внутри, — сказал он, — и в носу ужасно свербит, но пару минут, пожалуй, можно будет выдержать. Какой-то лакриматор, что ли. Лезьте за мной, это не больно, вообще ничего не чувствуется.

И на высоте, где должно было находиться плечо Доктора, высунулась из воздуха его рука.

— А, чтоб тебя! — воскликнул не то с испугом, не то с восхищением Инженер и схватил эту руку.

Доктор потянул Инженера к себе, и тот исчез. Один за другим люди подходили к волнующейся завесе. Последним остался Кибернетик. Он заколебался, в горле у него першило, сердце било, как молот. Он закрыл глаза и сделал шаг вперед. Его охватила мгновенная темнота, потом стало светло.

Он находился вместе со всеми посреди огромного пространства, насыщенного шумным астматическим пылением. Наискось снизу вверх, с вышины отвесно вниз, от одного края к другому, пересекаясь, тянулись огромные, разной толщины, валы, трубы или колонны; кое-где они раздувались, в других местах становились тоньше, одновременно они вращались вокруг своих длинных осей, заслоняли друг друга, вибрировали. Из глубины этого раскинувшегося во все стороны непрерывно двигающегося леса блестящих конструкций слышалось все убыстряющееся чавканье; внезапно оно прекратилось, донеслось несколько булькающих отголосков, и вся серия звуков повторилась снова.

Горький запах трудно было вытерпеть. Один за другим люди принялись чихать, из глаз потекли слезы. Прижимая

к лицам платки, они немного отошли от завесы — черной, похожей на сироп, жидкости, которая изнутри выглядела как водопад.

— Ну, наконец мы в помещении — это завод, автоматический завод! — чихая, выдавил из себя Инженер.

Понемногу они как будто начали привыкать к горькому запаху, перестали чихать и стали осматриваться, щуря слезящиеся глаза.

Еще десяток шагов по эластично прогибающемуся, словно натянутая резина, полу, и стали видны черные колодцы, из которых выскакивали светящиеся предметы — с такой скоростью, что разглядеть их форму не удавалось. Предметы были размером с человеческую голову и, казалось, пылали. Они взмывали вверх, и одна из множества изогнутых, словно трубки, колонн, не переставая вращаться, всасывала их. Но исчезали эти предметы не сразу: сквозь дрожащие стенки колонны, как сквозь темное стекло, пробивалось, постепенно слабея, их розоватое сияние, и видно было, как они проплывают внутри колонны куда-то дальше.

— Серийное производство по заданной программе, — буркнул Инженер из-под носового платка.

Он осторожно обошел колодец. Как этот завод освещался? Потолок был полупрозрачный, серое однообразное свечение терялось в хаосе гибких, извивающихся, вращающихся, текущих, как воздушные ручьи, конструкций. Все эти упругие устройства, казалось, действовали по одной команде, в одинаковом темпе, фонтаны раскаленных предметов рвались вверх; то же самое происходило на большой высоте — там, под потолком, протянулись дуги, прочерченные в воздухе красным бисером порхающих глыб.

— Нужно найти склад готовой продукции или хотя бы то, что является здесь конечным продуктом! — выпалил Инженер.

Координатор коснулся его руки:

— Как ты думаешь, какой это вид энергии?

Инженер пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Боюсь, что готовой продукции мы не найдем и через год: этот зал тянется на километры, — предупредил Физик.

Странное дело, в глубине зала дышалось легче, как будто горький запах выделялся только вблизи «занавеса».

— А мы не заблудимся? — забеспокоился Кибернетик.

Координатор поднес к глазам компас:

— Не должны. Работает нормально... Тут, наверное, нет никакого железа... Электромагнитов тоже нет.

Больше часа блуждали люди в вибрирующем лесу необыкновенного завода. Наконец вокруг стало просторней. Повеяло свежим, морозным воздухом, как будто его специально охлаждали, переплетения колонн расступились, а люди очутились перед горловиной огромной куполообразной улитки. С высоты к ней сходились рассекающие воздух, словно бичи, зигзагообразные рукава с тупыми, закругленными утолщениями на концах. Из них падал густой град беспорядочно кувыркающихся, черных, как будто покрытых блестящим лаком, предметов, которые врывались внутрь улитки где-то на высоте нескольких метров над их головами через невидимое снизу отверстие.

Неожиданно чечевицеобразная выпуклая бурая стена улитки вздулась прямо напротив них: что-то распирало ее изнутри, она вспухала; люди невольно отступили назад — так грозно выглядел раздувающийся бледно-серый пузырь, — вдруг он бесшумно лопнул, и из круглого отверстия брызнул поток черных тел. В этот самый момент ниже, из широкого колодца, вынырнул лоток с отогнутыми краями; черные предметы, барабаня, словно они ударялись о толстую резиновую подушку, падали в него, а он подскакивал от ударов, и эти рывки непонятным образом укладывали предметы правильными рядами. Через несколько секунд неглубокое дно лотка покрывал аккуратно уложенный четырехугольник.

— Готовая продукция! — крикнул Инженер, подбежал к краю колодца, не задумываясь, низко наклонился и схватился за выступ ближайшего черного предмета.

Координатор поймал его в последний момент за ремень комбинезона, и только благодаря этому Инженер не свалился головой вниз в лоток, так как отпустить тяжелый предмет он не хотел, а поднять его один не мог. С помощью Физика и Доктора ему удалось вытащить наверх тяжелый груз.

Размером предмет не превышал торса взрослого человека. На его темном фоне проступали более светлые, полупрозрачные сегменты, в которых сверкали точки постепенно уменьшающихся, отливающих металлом кристалликов. Поверхность его, усеянная отверстиями, окруженными скобками утолщений, представляла собой шероховатую на ощупь мозаику выступов из темно-фиолетовой, а на свету черной, необыкновенно твердой массы — словом, предмет был достаточно сложным. Инженер опустил

перед ним на колени, заглядывал с разных сторон в отверстие, пытался найти какие-нибудь подвижные части, ощущивал, выстукивал — никто ему в этом не мешал. Продолжалось это довольно долго.

Тем временем Доктор наблюдал за лотком. Сформировав геометрически правильный четырехугольник из точно таких же предметов, как тот, у которого возился Инженер, лоток медленно поднялся на толстом, дрожащем словно от напряжения штоке вверх, внезапно размягчился с одной стороны, начал изменять форму и стал похож на огромную ложку. С другой стороны выдвинулось что-то вроде большого рыла, оно распахнулось, оттуда пахнуло горячим горьким газом, зияющая пасть с устрашающим чавканьем всосала все предметы, закрылась, как бы проглатывая их, и вдруг эта рылоподобная громада засветилась изнутри. Доктор видел раскаленное огненное ядро, расплавляющее предметы, они расплылись, образовали однородную пылающую оранжевым пламенем кашу, свет померк, пасть потемнела. Доктор, забыв о товарищах, пошел вдоль двух больших, косо поднимающихся колонн, внутри которых, словно по чудовищному пищеводу, плыли сейчас огненные сгустки массы, и углубился в лабиринт; задрал голову, то и дело вытирая слезящиеся глаза, он пытался проследить путь раскаленной каши. Временами она пропадала из вида, потом он снова наткнулся на ее след, она просвечивала в глубине черных, извивающихся, как змеи, струй, пока наконец он не пришел к месту, которое показалось ему знакомым. Он увидел, как огненные пылающие тела, уже частично сформированные, летят в какое-то жерло, а рядом выскакивают другие, будто выброшенные из открытого колодца вверх; их поглощали свисающие сверху частоколом толстые черные колонны, похожие на слоновьи хоботы. Розовыми вереницами остывающих углей тела, уменьшаясь, проплывали в глубине этих колонн наверх. Доктор шел и шел, задрал голову; он забыл обо всем. Светящиеся предметы опережали его, но это не имело значения — они двигались непрерывной цепочкой. Вдруг он едва не свалился и издал сдавленный крик.

Вокруг снова стало просторно, перед Доктором возвышалась огромная куполообразная громада улитки, и град уже совсем остывших во время длинного путешествия черных предметов посыпался сверху в ее чрево. Доктор обошел боковину улитки, уже зная, где нужно ожидать родов, и оказался рядом с товарищами, окружавшими Инженера,

который все еще исследовал черный предмет, в тот самый момент, когда большой лопающийся волдырь брызнул готовой продукцией в лоток, снова высунувшийся из колодца.

— Алло! Можете не трудиться! Я все понял! Сейчас я вам расскажу! — крикнул Доктор.

— Где ты был? Я уже начал беспокоиться, — сказал Координатор. — Ты действительно что-нибудь обнаружил? Инженер ничего не понимает.

— Если бы ничего, то это было бы еще не так плохо! — гаркнул Инженер. Он поднялся, яростно пнул черный предмет и смерил Доктора сердитым взглядом. — Ну, и что же ты обнаружил?

— Стало быть, это происходит так, — со странной улыбкой сказал Доктор. — Эти штуки всасываются туда, — он показал на открывшуюся в этот момент пасть. — Теперь они внутри нагреваются, видите? Потом все расплавятся, перемешаются, поедут порциями наверх, там начинается их обработка; еще слегка вишневые от нагрева, они проваливаются вниз, там должен быть еще один ярус, там с ними еще что-то происходит, они возвращаются через колодец, здесь, уже остывающие, но еще светящиеся, отправляются на экскурсию под самую крышу, попадают в этот пирог, — он показал на улитку — потом на склад готовой продукции, из него идут обратно в эту пасть, расплавляются в ней, и так по кругу, без конца формируются, обрабатываются, расплавляются, формируются.

— Ты с ума сошел? — шепотом сказал Инженер. На его лбу выступили крупные капли пота.

— Не веришь? Можешь проверить сам.

Инженер проверил — два раза. Это длилось добрый час. Когда все снова оказались у лотка, в который как раз ровными четырехугольниками укладывалась очередная порция «конечного продукта», начало смеркаться, и зал стал серым.

Инженер словно помешался: он трясся от возбуждения, его лицо судорожно подергивалось. Остальные, не менее удивленные, не переживали, однако, этого открытия так бурно.

— Нужно уходить отсюда сейчас, — сказал Координатор. — В темноте это может быть сложно.

Он взял Инженера за плечо. Тот безвольно двинулся за ним, но вдруг вырвался, подскочил к оставленному черному предмету и с трудом поднял его.

— Хочешь забрать с собой? — спросил Координатор. — Ладно. Ребята, помогите ему.

Физик ухватился за ушки выступов, и они вдвоем с Инженером потащили бесформенный черный предмет. Так они добрались до вогнутой границы завода. Доктор спокойно шагнул в лоснящуюся сиропообразную стену «водопада» — и очутился на равнине; на него пахнуло свежим вечерним воздухом. Он с наслаждением втягивал его и подставлял лицо порывам ветра. Другие вынырнули за ним. Инженер и Физик с трудом донесли свой груз до места, где было оставлено снаряжение, и бросили его.

Зажгли плитку, подогрели немного воды, развели в ней мясной концентрат и набросились на еду. Ели молча. Тем временем совсем стемнело, вспыхнули звезды, их холодный электрический блеск с каждой минутой становился ярче. Неясные заросли далекой рощи растаяли во мраке, только голубоватое пламя горелки, шевелящееся под слабыми порывами ветра, давало немного света. Из-за погруженной во мрак высокой стены завода не доносилось ни звука, не было даже видно, плывут ли еще по ней горизонтальные волны.

— Здесь темнеет, как у нас в тропиках, — сказал Химик. — Мы ведь упали в районе экватора?

— По-моему, да, — ответил Координатор. — Хотя я даже не знаю наклона планеты в эклипнике.

— Как так? Ведь это должно быть известно?

— А как же, но данные на корабле.

Они замолчали. Чувствовалась ночная прохлада, все закутались в одеяла, а Физик принялся ставить палатку. Он накачал полотнище, так что оно натянулось и стало похоже на сплющенное полушарие с маленьким лазом в самом низу, и стал искать какие-нибудь камни, чтобы понадежнее прижать края палатки — там имелись специальные штыри, но их нечем было вбить в почву, — но наткнулся только на мелкие камешки. К сидящим вокруг голубоватого огонька друзьям он вернулся с пустыми руками.

Вдруг его взгляд упал на принесенный ими тяжелый предмет. Физик поднял его и придавил им край палатки.

— Хоть на что-то пригодилось, — сказал наблюдавший за ним Доктор.

Инженер сидел съежившись, опустив голову на руки, в состоянии полной подавленности. Он долго не произносил ни слова, потом что-то невнятно пробормотал — просил передать тарелку.

— И что теперь, родные мои? — внезапно заговорил он, выпрямляясь.

— Спать, ясное дело, — спокойно ответил Доктор, благоговейно достав из портсигара сигарету и с наслаждением затягиваясь.

— А завтра что? — спросил Инженер, и было видно, что его спокойствие — тонкая, до предела натянутая струна.

— Генрих, ты ведешь себя, как ребенок, — сказал Координатор, чистивший кастрюлю песком. — Завтра обследуем следующую секцию. Я полагаю, мы сегодня осмотрели около четырехсот метров.

— И ты думаешь, мы найдем что-нибудь другое.

— Не знаю. У нас есть еще один дснь. После полудня придется возвращаться к ракете.

— Я безумно рад, — буркнул Инженер. Он встал, потянулся и охнул. — У меня как будто все кости переломаны, — признался он.

— У нас тоже, — добродушно заверил его Доктор. — Слушай, ты и вправду ничего не можешь сказать об этом? — Он показал горящим концом сигареты на едва видимый предмет, который прижимал край палатки.

— Могу. А почему бы нет? Конечно, могу. Это устройство, которое служит для того, чтобы его сначала...

— Нет, серьезно. Ведь там есть какие-то части. Я-то в этом не понимаю.

— А я, ты думаешь, понимаю?! — взорвался Инженер. — Это создание сумасшедшего. — Он ткнул рукой в сторону невидимого завода. — Вернее, сумасшедших. Цивилизация душевнобольных — вот что такое этот проклятый Эдем! То, что мы притащили, прошло целую серию процессов, — продолжал он спокойнее. — Прессовка, вдавливание прозрачных сегментов, термическая обработка, шлифовка. Здесь какие-то высокомолекулярные полимеры и какие-то неорганические кристаллы. Это часть, не целое. Для чего она может служить, не знаю. Но даже вынутая из этой сумасшедшей мельницы — сама по себе — она кажется мне ненормальной.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Координатор.

Химик убрал посуду и припасы, развернул одеяло. Доктор погасил сигарету и заботливо спрятал недокуренную половинку в портсигар.

— У меня нет никаких аргументов. Там внутри есть какие-то элементы — они не соединяются ни с чем. Как бы

замкнутая электрическая цепь, но расчлененная изоляционными вставками. Это... это не может работать. Так мне кажется. В конце концов, за столько лет в человеке вырабатывается какая-то профессиональная интуиция. Я, конечно, могу ошибиться, но... нет, я предпочитаю об этом вообще не говорить.

Координатор встал. Остальные последовали его примеру. Когда погасла горелка, их поглотила абсолютная тьма — далекие звезды не давали света, они лишь ярко сверкали в каком-то удивительно низком небе.

— Денёб,— тихо сказал Физик.

Все смотрели на небо.

— Где? Там? — спросил Доктор.

Они бессознательно перешли на полусшепот.

— Да. А та, рядом, поменьше,— это Гамма Лебедя. Страшно яркая.

— Раза в три ярче, чем на Земле,— согласился Координатор.

— Холодно и до дому далеко,— протянул Доктор.

Ему никто не ответил. По одному они влезли в надутый купол палатки. Все так устали, что, когда Доктор по обыкновению сказал в темноте «доброй ночи», ему ответило только дыхание спящих.

Сам Доктор еще не заснул. Он подумал, что они поступают опрометчиво: из ближних зарослей ночью может вылезти какая-нибудь пакость, нужно выставить охрану. С минуту Доктор размышлял, не должен ли он добровольно занять этот пост, но только еще раз иронически улыбнулся в темноте, повернулся и вздохнул. Он не заметил, как провалился в сон.

Утро следующего дня встретило людей солнцем, хотя белых кучевых облаков стало больше. Съели скудный завтрак, оставив немного продуктов, чтобы закусить перед дорогой.

— Хоть бы раз умыться! — жаловался Кибернетик.— Такого со мной еще не случалось — человек весь провонял потом, кошмар! Всдь должна же здесь быть где-нибудь вода!

— Где вода — там и парикмахер,— безмятежно ответил Доктор, глядясь в маленькое зеркало. Он строил скептические и героические гримасы.— Только я боюсь, что парикмахер на этой планете сначала бреет, а потом вытывает все волосы обратно; знаешь, это очень правдоподобно.

— Ты в могиле тоже будешь шутить? — выпалил Инженер и, смутившись, пробормотал: — Извини. Я не хотел...

— Ничего, — ответил Доктор. — В могиле это вряд ли возможно, но пока я туда не попал... Ну, пошли!

Они выпустили воздух из палатки, упаковали вещи и, забрав свое снаряжение, двинулись вдоль размеренно волнующейся завесы, пока не удалились от лагеря на добрый километр.

— Может, я ошибаюсь, но здесь она как будто повыше, — сказал Физик и, сощурившись, оглядел разбегающиеся в обе стороны арки. Их стыки далеко вверху сверкали серебряным огнем.

Сбросив поклажу в одну кучу, они направились к заводу. Вошли без всяких приключений, как и накануне. Физик и Кибернетик немного задержались.

— Что ты думаешь об этом исчезновении? — спросил Кибернетик. — Тут столько всего происходит, что вчера я совсем о нем забыл.

— Что-нибудь с рефракцией, — не очень уверенно ответил Физик.

— А на что опирается перекрытие? Не на это же, — Кибернетик показал на взбухающую волнами завесу, к которой они подходили.

— Не знаю. Может, опоры укрыты как-нибудь внутри или с другой стороны.

— Алиса в стране чудес, — встретил их голос Доктора. — Начинаем? Сегодня я чихаю меньше. Может, это адаптация. В какую сторону пойдём сначала?

Здесь все было похоже на то, что люди видели накануне. Они двигались уверенно и быстро. Сначала им даже казалось, что вообще ничего не изменилось. Колонны, колодцы, лес наклонных пульсирующих и вращающихся трубопроводов, вспышки, сверканье — весь круговорот процессов проходил в одинаковом темпе. Но, присмотревшись к «готовым изделиям», через некоторое время люди обнаружили, что они другие — больше и иной формы, чем вчсрашние. И это еще не все. Изделия, которые тоже вводились в замкнутый цикл, не были абсолютно идентичны. В основе своей они напоминали часть рифленой у вертушки половинки яйца. Следы обработки на них показывали, что они должны соединяться с другими частями; кроме того, из них выступали рогатые утолщения, что-то вроде отрезков труб, в которых помещались чечевицеобразные пластинки, похожие на дрессельные заслонки или

клапаны. Однако при сравнении большого количества этих предметов выяснилось, что одни имеют два открытых рога, другие — три или даже четыре, причем эти дополнительные выступы были меньше и часто как бы не окончены, словно процесс обработки прерывался где-то в середине. Чечевицеобразная пластинка иногда целиком заполняла отверстие трубы, иногда — только его часть, порой ее не оказывалось вовсе, некоторые изделия были гладко отполированы, другие — шероховаты, втулки «заслонок» тоже различались. Они обнаружили два совершенно одинаковых изделия, спаянных друг с другом и сообщающихся через небольшое отверстие. Чечевицеобразные пластинки образовывали как бы восьмерку — Доктор назвал их сиамскими близнецами. У них было целых восемь — мал мала меньше — рогов, из которых самые маленькие совсем не имели отверстий.

— Ну, что скажешь? — стоя на коленях, спросил Координатор Инженера, копавшегося в коллекции, извлеченной из лотка.

— Пока ничего. Пошли дальше, — сказал Инженер, вставая, но было видно, что настроение у него немного улучшилось.

Постепенно становилось ясно, что зал как бы разбит на несколько секций, правда, ничем друг от друга не отделенных, но отличных по внутренним циклам выполняемых процессов. Производственное оборудование — весь этот извивающийся, корчащийся, пыхтящий лес — было везде одинаково.

Через несколько сотен метров люди наткнулись на секцию, которая, выполняя те же операции, что и предыдущая, извиваясь, чавкая, пыхтя, несла в своих трубопроводах, сбрасывала в открытые колодцы, спускала сверху, поглощала, обрабатывала, складывала и плавил... ничто.

В остальных секциях можно было наблюдать путешествующие вверх и вниз раскаленные заготовки или остывающие, уже обработанные изделия; здесь же все эти сложные эволюции производились с абсолютной пустотой.

Решив сначала, что продукт совершенно прозрачен и потому просто невидим, Инженер высунулся далеко над выбрасывателями и попытался схватить рукой то, что вылетало из открывающихся пастей, но не обнаружил ничего.

- Какое-то сумасшествие, — испуганно сказал Химик. Но Инженер почему-то совсем не был потрясен.
- Очень интересно, — сказал он, и все пошли дальше. Было около четырех часов, когда Координатор решил возвращаться. Когда они вышли на равнину, освещенную еще высоко стоявшим солнцем, и зашагали к оставленному неподалеку снаряжению, Инженер сказал:
- Ну, понемногу проясняется.
- Серьезно? — с оттенком иронии бросил Химик.
- Да, — подтвердил Координатор. — Что ты об этом думаешь? — обратился он к Доктору.
- Это труп, — ответил Доктор.
- Что значит — труп? — спросил Химик, который ничего не понимал.
- Труп, который двигается, — добавил Доктор. Некоторое время шли молча.
- Могу я наконец узнать, что это значит? — спросил не без раздражения Химик.
- Дистанционно управляемый комплекс для производства различных деталей, который с течением времени совершенно разрегулировался, так как его оставили без всякого присмотра, — объяснил Инженер.
- Ага! И как давно, по-твоему?
- Этого я не знаю.
- С очень большим приближением и не меньшим риском можно высказать гипотезу, что... минимум несколько десятков лет, — сказал Кибернетик.
- Но возможно, еще раньше. Если бы я узнал, что это случилось двести лет назад, я бы тоже не удивился.
- Или тысячу, — флегматично добавил Координатор.
- Как ты знаешь, автоматы контроля разрегулируются в темпе, соответствующем коэффициенту иррадиации, — начал Кибернетик, но Инженер его прервал:
- Они могут работать на ином принципе, чем наш, да и вообще мы ведь даже не знаем, электронные ли это системы. Лично я так не считаю. Материал какой-то нематаллический, полужидкий.
- Дело не в деталях, — сказал Доктор, — но что вы думаете об этом? Есть у вас какие-нибудь соображения? Для меня все это совершенный туман.
- Ты имеешь в виду жителей планеты? — спросил Химик.
- Да, я имею в виду жителей планеты.

Поздней ночью они добрались до холма с высоко возвышающимся над ним корпусом корабля. Чтобы сократить путь и избежать встречи с обитателями зарослей, они пересекли паучий лес в том месте, где кусты расступались на несколько метров, как будто их выворотил из почвы какой-то гигантский плуг. На вывороченных глыбах земли буйно разросся лишайник.

Внезапные сумерки накрыли равнину, когда косой силуэт раксты был уже отчетливо виден, — не пришлось даже зажигать фонарей. Все проголодались, но еще больше устали, поэтому решили поставить палатку на поверхности. Мучимый жаждой Физик — вода кончилась у них на обратном пути — так хотел пить, что отправился по туннелю в корабль. Его не было довольно долго. Они уже установили палатку, когда из глубины раздался его крик. Они бросились к лазу и помогли ему выбраться на поверхность. У него тряслись руки. Он был так взволнован, что едва мог говорить.

— Что случилось? Успокойся! — закричали они один за другим.

Координатор крепко схватил его за плечи.

— Там, — Физик показал на темнеющий над ними корпус корабля, — там кто-то был.

— Что?

— С чего ты взял?

— Кто был?

— Не знаю.

— Как же ты узнал, что был?

— По... по следам. По ошибке я зашел в рубку. Там было полно грунта — сейчас его нет.

— Как это нет?!

— Нет. Там почти чисто.

— А где же грунт?

— Не знаю.

— Ты заглядывал в другие помещения?

— Да. То есть я... забыл, что в рубке был грунт, и сначала ничего такого не подумал, я хотел пить, пошел на склад, отыскал воду, но мне ее было не во что набрать, тогда я отправился в твою каюту, — он посмотрел на Кибернетика, — а там...

— Что там, черт подери?!

— Все покрыто слизью.

— Слизью?

— Да, липкой слизью. Наверное, она еще осталась у меня на ботинках! Я ничего не видел, только потом почувствовал, что у меня прилипают подошвы.

— Но, может, что-нибудь вытекло из цистерн или произошла какая-нибудь химическая реакция, ты же знаешь, в лаборатории перебита половина посуды.

— Не говори глупостей! Посвети мне сюда, на ноги.

Пятно света ушло вниз и вырвало из тьмы ботинки Физика, местами отсвечивающие, как бы обтянутые пленкой бесцветного лака.

— Это еще не доказывает, что там кто-то был,— неуверенно сказал Химик.

— Да я ведь даже тогда не сориентировался! Взял кружку и вернулся на склад. Я чувствовал, что подошвы у меня прилипают, но не обратил на это внимания. Напился воды, а на обратном пути мне взбрело в голову заглянуть в библиотеку, сам не знаю зачем. Мне было немного не по себе, но ни о чем таком я не думал. Открыл дверь, осветил, а там чисто — ни щепотки грунта! А ведь я сам туда грунт отбрасывал, я сразу же это вспомнил, а уж потом и про то, что в рубке тоже был грунт.

— А дальше что? — спросил Координатор.

— Ничего, побежал сюда.

— Может, он еще там — в рубке или в какой-нибудь каюте,— вполголоса сказал Кибернетик.

— Не думаю,— проговорил Координатор. Они стояли вокруг Физика, который все еще тяжело дышал.

— Сходить туда, или как? — громко размышлял Химик, но видно было, что он не особенно рвется осуществить этот проект.

— Покажи-ка еще раз свои ботинки,— произнес Координатор. Он внимательно осмотрел засохшую блестящую пленочку, которая прилипла к коже.

— Нужно что-то делать,— отчаянным голосом сказал Кибернетик.

— Еще ничего не случилось. Какой-то представитель здешней фауны влез в корабль и, не обнаружив для себя ничего интересного, удалился,— сказал Координатор.

— Наверное, дождевой червь, да? Величиной с акулу или в два раза больше,— бросил Кибернетик.— Так что же произошло с грунтом?

— Это действительно странно. Может...

Не договорив, Доктор начал кружить около ракеты. В свете фонарика они видели его удаляющийся силуэт.

Световое пятно то концентрировалось у самой поверхности, то, бледнея, убегало во мрак.

— Эй,— крикнул вдруг Доктор.— Эй! Нашел!

Все подбежали к нему. Он стоял над длинным, в несколько метров, валом мергеля, утрамбованного и кое-где покрытого клочьями блестящей, тонкой пленки.

— Кажется, это и вправду дождевой червь,— выдавил Физик.

— Придется нам, однако, ночевать в ракете,— внезапно решил Координатор.— Сначала обыщем ее для верности, а потом закроем люк.

— Да ты что? Это займет всю ночь: мы ни разу не заглядывали во все помещения,— простонал Химик.

— Ничего не поделаешь.

Они оставили надутую палатку на произвол судьбы и нырнули в туннель.

Время шло, а люди бродили по кораблю, тщательно осматривая каждый уголок. Физику казалось, что обломки пультов в рубке переложены с места на место, но никто не помнил точно, где они лежали раньше. Потом сомнения одолели Инженера. Ему казалось, что инструменты, которыми делали мотыги, он оставил в другом положении.

— Да хватит вам,— нетерпеливо сказал Доктор.— Нашли когда играть в сыщиков, скоро два!

Они улеглись на матрацах, снятых с подвесных кроватей, только в три, и то лишь потому, что Инженер предложил не осматривать оба яруса машинного отделения, а попросту запереть двери в стальной переборке, ведущие туда. Воздух в закрытом помещении был спертым, в нем висел какой-то неприятный запах, но они падали от усталости и едва сбросили с себя обувь и комбинезоны, едва погасили свет, как их сморил тяжелый, беспокойный сон.

Доктор проснулся с совершенно свежей головой. Вокруг было совсем темно. Он поднес к глазам часы, но никак не мог понять, который час; наконец, разглядев веночек зеленых искорок на циферблате, он разобрался, что скоро восемь. Это его удивило. Так мало спать! Он недовольно заворчал, хотел уже повернуться на другой бок и вдруг застыл.

В глубине корабля что-то происходило — он не столько слышал это, сколько чувствовал. От пола исходила слабая дрожь. Где-то очень далеко что-то звякнуло, звук еле слы-

шался, но Доктор сразу же сел на постели. Сердце его учащенно забилося.

«Вернулось!» — подумал он о существе, чьи слизистые следы обнаружил Физик. «Пытается справиться с люком», — это была следующая мысль.

Корабль вдруг задрожал, как будто гигантская сила хотела еще глубже вогнать его в грунт. Кто-то из спящих беспокойно застонал. Доктору на мгновение показалось, что волосы у него встают дыбом. Корабль весил шестнадцать тысяч тонн! Пол судорожно затрясся. Вдруг он понял: это был один из силовых агрегатов! Кто-то его пытался запустить.

— Вставайте! — крикнул Доктор, ощупью отыскивая фонарик.

Люди сорвались с постелей, в кромешной тьме они сталкивались друг с другом, вскрикивали наперебой. Наконец Доктор нашел фонарик и зажег его. В нескольких словах он объяснил, что происходит. Не совсем еще проснувшийся Инженер вслушивался в отдаленный звук. Корпус дернулся еще несколько раз, воздух наполнился надрывным воем.

— Компрессоры левых дюз! — крикнул Инженер.

Координатор молча застегивал комбинезон, остальные поспешно одевались. Инженер, как был, в рубашке и гимнастических шортах, вырвав фонарь из рук Доктора, выскочил в коридор и побежал к навигационной рубке. Все кинулись за ним. Пол дрожал все сильнее.

— Вот-вот сорвет лопасти! — выдохнул Инженер, врываясь в рубку, очищенную от грунта нахальным посетителем.

Он подскочил к главному рубильнику и перебросил ручку. В углу зажглась одинокая лампочка. Инженер и Координатор вытащили из стенного шкафа электрожектор, достали его из футляра и поспешно подключили к зарядным клеммам. Контрольный прибор был разбит, но продольная трубка на стволе засветилась голубым светом — тока для зарядки хватало.

Пол лихорадочно трясся, все незакрепленные предметы подскакивали, на полках прыгали металлические инструменты, что-то стеклянное упало и разбилось, слышно было, как зазвенели осколки. Остатки пластиковой облицовки все громче подпевали в унисон. Вдруг наступила мертвая тишина, и в ту же секунду единственная лампа погасла. Доктор сразу включил фонарь.

— Зарядили? — выкрикнул Физик.

— Максимум на две серии — и на том спасибо, — выкрикнул Инженер, не отсоединяя, а вырывая провода из зажимов.

Он подхватил электрожектор, опустил его алюминиевый ствол вниз, стиснул рукоятку и пошел по коридору в сторону машинного отделения. Они были уже на полдороге, около библиотеки, когда послышался адский протяжный скрежет, два-три судорожных рывка потрясли корабль, в машинном отделении что-то рухнуло со страшным грохотом, и наступила мертвая тишина.

Инженер и Координатор плечом к плечу подошли к бронированной двери. Координатор отодвинул заслонку глазка и заглянул внутрь.

— Дайте фонарик, — сказал он.

Доктор тут же сунул фонарик ему в руку, но светить внутрь сквозь узкое застекленное отверстие и одновременно смотреть было нелегко. Инженер открыл второй глазок, приложился к нему и вздохнул, задержав дыхание.

— Лежит, — немного погодя сказал он.

— Что? Кто? — спросили сзади.

— Гость. Свети лучше, ниже, ниже — так! Не двигается. Ничего не двигается. — Он помолчал и добавил глухо: — Большой, как слон.

— Он коснулся распределительных шин? — спросил Координатор; он ничего не видел — раструб фонаря целиком закрывал отверстие.

— Скорее, влез в разорванные провода. Из-под него торчат концы.

— Концы чего? — нетерпеливо спросил Физик.

— Кабеля высокого напряжения. Да, он не шевелится. Ну что, отпираем?

— Придется, — просто ответил Доктор и начал отодвигать задвижку.

— Может, он только притворяется! — засомневался кто-то сзади.

— Так хорошо притворяться может только труп, — бросил Доктор, который успел заглянуть в глазок, прежде чем Координатор выключил фонарик.

Стальные задвижки мягко скользнули в пазах. Дверь открылась. Какое-то мгновение никто не переступал порога; Физик и Кибернетик смотрели из-за стоявших впереди. В глубине, на покореженных плитах экранировки, втиснутая между раздавленными перегородками, лежала поблескивающая в свете фонаря горбатая нагая масса.

Время от времени по ее поверхности пробегала легкая дрожь.

— Живой,— сдавленно шепнул Физик.

В воздухе висел отвратительный чад, словно здесь жгли волос, жидкий синеватый дымок расплывался в полосе света.

— На всякий случай,— сказал Инженер, поднял электрожектор, прижимая прозрачный приклад к бедру, и прицелился в бок бесформенной массы.

Зашипело. Безыскровый заряд ударил в расплывшееся тело, чуть ниже круто поднимающегося посредине горба. Огромная масса напряглась, вздулась и опала, распластаваясь еще больше. Верхние края белых перегородок задрожали и разошлись в стороны.

— Конец,— сказал Инженер и перешагнул высокий стальной порог.

За ним вошли все. Напрасно они пытались обнаружить ноги, щупальца, голову этого существа. Беспомощная бесформенная масса покоилась на выломанной секции трансформатора, горб перевесился на одну сторону, как просторный мешок, наполненный желе.

Доктор притронулся к боку мертвого существа. Наклонился.

— Все это скорее...— буркнул он.— Понюхайте!

Он поднял руку — на концах пальцев что-то поблескивало, как капли рыбьего клея. Химик первый победил инстинктивное отвращение и удивленно вскрикнул.

— Узнаешь, а? — сказал Доктор.

Теперь нюхали все — и узнавали горький запах, наполнявший цеха завода.

Доктор нашел в углу рычаг, который удалось снять с оси, подsunул более широкий конец под тело и попытался перевернуть его. Вдруг он поскользнулся, конец рычага пробил кожу, и сталь вошла почти до половины в тканевую мякоть.

— Ну, дожили! Мало того, что корабль разбился вдребезги, так еще и в кладбище превратился! — яростно зашипел Кибернетик.

— Да помог бы ты лучше! — сердито бросил Доктор, который в одиночку бился, пытаясь перевернуть тело.

— Погоди-ка, дорогой,— сказал Инженер,— как могло случиться, что эта скотина запустила агрегат?

Все ошалело посмотрели на него.

— Действительно...— пробормотал Физик.— Ну так что? — добавил он глуповато.

— Мы можем лопнуть, а перевернуть его, говорю я вам, должны! — выпалил Доктор. — Идите все — нет, с этой стороны. Так! Нечего брезговать! Ну, что там?

— Подожди, — сказал Инженер.

Он вышел и минуту спустя вернулся со стальными ломками. Они подсунули ломы, как домкрат, под мертвое туловище и по команде Доктора рванули вверх. Кибернетик вздрогнул, когда его рука, съехав по скользкой стали, коснулась голой кожи существа. С громким шлепком оно безвольно перевалилось набок. Все отскочили. Кто-то вскрикнул.

Словно из гигантской веретенообразно вытянутой устрицы, из толстой складчатой мясистой сумки высунулось маленькое — не больше детского — двурукое туловище. От собственной тяжести оно осело вниз, коснулось пола узловатыми пальчиками, качаясь все медленнее и медленнее на растягивающихся перепонках бледно-желтых связок, пока наконец не замерло. Доктор первым отважился подойти к нему, подхватил мягкую многосуставчатую конечность. Маленький торс, исчерченный бледными прожилками, выпрямился, и все увидели плоское безглазое личико с зияющими ноздрями и чем-то разодранным, похожим на покусанный язык, в том месте, где у людей находится рот.

— Обитатель Эдема... — глухо сказал Химик.

Инженер, слишком потрясенный, чтобы говорить, уселся на вал генератора и, сам не замечая этого, непрерывно вытирал руки о комбинезон.

— Так это одно существо или два? — спросил Физик, наблюдая, как Доктор осторожно ощупывает беспомощное тельце.

— Два в одном или одно в двух. А может, это симбионты, не исключено, что они периодически разъединяются.

— Как тот уродец с черным волосом? — догадался Физик.

Доктор кивнул головой, не прерывая своих исследований.

— Но у этого, большого, нет ни ног, ни глаз, ни головы — ничего! — сказал Инженер и закурил, чего никогда не делал.

— Это пока неизвестно, — ответил Доктор. — Думаю, что вы не будете возражать против того, чтобы я его вскрыл. Так или иначе, труп придется расчленивать, иначе

его отсюда не вынести. Я взял бы кого-нибудь ассистировать, но это может быть... неприятно. Есть добровольцы?

— Я. Я могу, — почти одновременно откликнулись Координатор и Кибернетик.

Доктор поднялся с колен:

— Двое — еще лучше. Теперь я поищу инструменты, это займет некоторое время. Должен сказать, что наше пребывание здесь слишком усложняется. Еще немного — и понадобится неделя, чтобы вычистить себе один ботинок, — мы не можем кончить ничего из того, что начали.

Инженер и Физик вышли в коридор. Координатор, возвращавшийся из перевязочной уже в резиновом переднике, с засученными рукавами, задержался рядом с ними. Он нес никелированный поднос с хирургическими инструментами.

— Вы ведь знаете, как работает фильтр, — сказал он. — Если хотите курить, идите наверх.

Они пошли в туннель. Химик присоединился к ним, на всякий случай захватив электрожектор, оставленный Инженером в машинном отделении.

Солнце стояло высоко — маленькое, сплюснутое. Разогретый воздух дрожал над песками, как желе. Они уселись в полосе тени, которую отбрасывал корпус ракеты.

— Очень странное животное, и совершенно непонятно, как оно могло запустить генератор, — сказал Инженер.

Он потер щеку; щетина уже не кололась — у всех отросли бороды; то один, то другой заявлял, что нужно бы побриться, но ни у кого на это не находилось времени.

— Сейчас, честно говоря, меня во всей этой истории больше всего радует, что генератор вообще дал ток. Значит, по крайней мере обмотка цела.

— А замыкание? — заметил Физик.

— Выбило автоматический предохранитель, но это ерунда. Механическая часть рассыпалась целиком, но с этим мы справимся. Запасные комплекты подшипников есть, нужно только поискать. Теоретически, конечно, обмотку тоже можно привести в порядок, но голыми руками — с этим мы до седых волос провозимся. Теперь мне ясно — я просто не решался это проверить из опасения увидеть там одну лишь пыль, а тогда знаете, что бы с нами было.

— Реактор... — начал Химик.

Инженер скривился.

— Реактор — само собой. До реактора очередь дойдет. Сначала — ток. Без тока мы ничего не сделаем. Течь в

охлаждении можно устранить в пять минут, но нужно заварить трубопроводы. Для этого опять-таки необходим ток.

— И что, ты думаешь заняться машинами сейчас? — с надеждой в голосе спросил Физик.

— Да. Разработаем план очередности ремонта, я уже говорил об этом с Координатором. Сначала попробуем исправить хоть один агрегат. Конечно, придется рискнуть, потому что агрегат нужно запустить без атомной энергии — черт знает как! Разве что конным приводом... Чтоб его... Все это время, пока бездействует электрический распределитель, я понятия не имею, что делается в реакторе.

— Ничего страшного, нейтронные диафрагмы действуют даже без дистанционного управления, — сказал Физик. — Реактор автоматически перешел на холостой ход, самое большее — при предварительном запуске температура может повыситься несколько выше допустимого, если охлаждение...

— Благодарю. Реактор может расплавиться, и ты говоришь «ничего страшного»?

Они препирались все запальчивее, потом начался серьезный спор, а так как никому из них не хотелось спускаться в ракету, рисовали схемы на песке, пока из лаза в ракете не вынырнула голова Доктора.

Они вскочили.

— Ну, что там?

— С одной стороны, мы узнали мало, с другой, наоборот, много, — ответил Доктор, у которого был довольно своеобразный вид: над поверхностью торчала только его голова. — Мало, — тянул он, — потому что, как ни странно это звучит, я до сих пор не разобрался, одно это существо или два. Во всяком случае, это животное. Обладает двумя кровеносными системами, но они разделены не полностью. То, огромное, носитель, двигалось, как я думаю, скачками или шагами.

— Это большая разница, — сказал Инженер.

— А может, и так, и эдак, — объяснил Доктор. — То, что выглядело как горб... там находится пищеварительный тракт.

— На спине?

— Это была не спина! Когда его ударило током, оно упало брюхом вверх!

— Ты хочешь сказать, что то, маленькое, похожее на... — Инженер замаялся.

— На ребенка,— спокойно закончил Доктор.— Да, некоторым образом оно ездило верхом на этом носителе — во всяком случае, это можно допустить. Ну, не верхом,— поправился он.— Вероятно, чаще всего оно сидело внутри большого туловища — там есть сумчатое гнездо, его можно сравнить только с сумкой кенгуру, но сходство очень невелико и не имеет функционального характера.

— И ты допускаешь, что это существо разумно? — спросил Физик.

— Надо думать, если оно сумело открыть дверь и закрыть ее за собой, не говоря уже о запуске машины,— сказал Доктор, почему-то не проявлявший желанья выйти на поверхность,— загвоздка лишь в том, что оно не имеет нервной системы в нашем понимании.

— Как так? — подскочил Химик.

Голова Доктора подняла брови.

— Что делать? Это факт. Там есть органы, о назначении которых я не догадываюсь. Есть спинной мозг, но в черепе — в этом маленьком черепе — мозга нет. Вернее, там есть что-то, но любой анатом назвал бы меня профаном, если бы я попытался доказать ему, что это мозг... Какие-то железы, похожие на лимфатические... А между легкими — у него три легких — я обнаружил нечто весьма удивительное. Нечто такое, что очень не понравилось. Я это заспиртовал, потом посмотрите. А сейчас есть более срочная работа. Машинное отделение выглядит, увы, как бойня. Нужно немедленно выносить и закапывать все, в ракете слишком тепло, и поспешность в самом деле необходима — особенно при такой жаре. Можете надеть темные очки и завязать лица, запах не противный, но такое количество сырого мяса...

— Ты шутишь? — преодолевая тошноту, спросил Физик.

— Нет.

Доктор наконец вылез из туннеля. Поверх резинового халата на нем был надет второй, белый, снизу доверху в красных пятнах.

— Мне очень неприятно, это действительно может вызвать тошноту. Но что делать? Иного выхода нет. Идемте.

Доктор повернулся и исчез. Остальные переглянулись и поочередно нырнули в туннель.

Похоронные работы, как назвал это Химик, закончились только после полудня. Работали полуодетые, чтобы

не перепачкать комбинезоны. Расчлененные останки закопали в двухстах шагах от ракеты, на вершине холма, и, несмотря на призывы Координатора экономить воду, истратили на мытье пять ведер. Кровь огромного существа, пока она не свернулась, очень напоминала человеческую, но быстро становилась оранжевой и, высыхая, превращалась в желтоватую рассыпающуюся пыль.

Измученный экипаж расположился под ракетой, никто даже думать не мог о еде, все только жадно пили кофе и воду. Один за другим люди задремали, хотя собирались обсудить первый этап ремонтных работ. Когда они проснулись, уже наступила ночь. Снова надо было идти на склад за продуктами, открывать банки консервов, разогревать их, а после еды мыть посуду... В полночь неожиданно решили не ложиться, а приступить к подготовительным работам.

Сердца их бились быстрее, когда они освобождали аварийный генератор от заваливших его пластиковых и металлических обломков. Работали ручными домкратами, лебедками, часами раскапывали стальной хлам в поисках каждой запасной части, каждой мелочи — уровня или ключа; наконец генератор был целиком осмотрен, разбитый подшипник заменен новым, а лопасти самого маленького компрессора приведены в рабочее состояние. Инженер добился этого довольно простым и примитивным способом: поскольку запасных лопастей было слишком мало, он попросту снял каждую вторую лопасть — производительность крыльчатки, естественно, уменьшилась, но, во всяком случае, компрессор мог работать. В пять утра Координатор объявил об окончании работ — он сказал, что так или иначе придется предпринять еще не одну экспедицию, хотя бы для пополнения запасов воды, а впрочем, и по другим причинам, и нечего менять привычный ритм сна и отдыха. Поспим до рассвета и снова примемся за работу.

Остаток ночи прошел спокойно. Утром никто не изъявлял желания выйти на поверхность, все были готовы работать дальше — и немедленно. Инженер собрал что-то вроде комплекта инструментов первой необходимости, и больше не приходилось за каждым пустяком бегать по всем каютам. Сначала они установили, что распределительный щит, усеянный оспинами коротких замыканий, придется монтировать почти заново, заменяя изуродованные элементы деталями, безжалостно снятыми с других, неработающих агрегатов. Теперь оставалось запустить генера-

тор. Разработанный Инженером план был достаточно рискованным. Он предложил подать на крыльчатку компрессора сжатый кислород и, превратив таким образом компрессор в турбину, вращать с его помощью ротор генератора. В нормальных условиях аварийная система запускалась водяным паром высокого давления из реактора — реактор, сердце корабля, считался самым прочным из всех механизмов, — но теперь ввиду полного разрушения электросети об этом нечего было и думать. Приходилось расходовать неприкосновенный запас кислорода, но они рассчитывали снова наполнить опустошенные баллоны атмосферным кислородом, когда машинное отделение начнет работать. Другого пути не было, мечтать о запуске атомного реактора без электричества мог только сумасшедший. Правда, Инженер втайне от всех готов был и к такому безумному шагу, если бы «кислородный проект» подвел. Ведь никто не знал, удастся ли запустить реактор, прежде чем будет израсходован весь кислород.

Доктор стоял в узеньком колодце под полом верхнего яруса машинного отделения и возбужденным голосом считывал с кислородных манометров величину падающего давления. Остальные пятеро, работавшие наверху, метались, как ошпаренные. Физик возился у временного распределительного щита реактора, смонтированного так, что при виде его у любого земного инженера волосы встали бы дыбом. Перепачканный смазкой, черный, как негр, Инженер висел вниз головой под генератором и крепил щетки колец. Координатор застыл рядом с Кибернетиком — оба они смотрели на мертвую пока шкалу счетчика нейтронов, а Химик бегал от одного к другому, как мальчик для подноски инструментов.

Кислород шипел, компрессор в роли газовой турбины сердито урчал, слегка позвякивая и вздрагивая: крыльчатка, с которой Инженер обошелся по-варварски, не была как следует сбалансирована, обороты генератора росли, его вой становился все выше, лампы, свисающие с кое-как натянутых под потолком кабелей, уже давали яркий белый свет.

— Двести восемнадцать, двести два, сто девяносто пять, — слышен был монотонный, искаженный металлическим эхом голос невидимого Доктора.

Инженер вылез из-под генератора, вытирая смазку и пот с давно не бритого лица.

— Можно, — выдохнул он.

От огромного напряжения у него тряслись руки, он даже не испытал волнения, когда Физик сказал:

— Включаю первую.

— Сто семьдесят, сто шестьдесят три, сто шестьдесят,— мерно сообщал Доктор, перекрывая вой генератора, который уже начал давать пусковой ток на реактор и с каждой минутой требовал все больше кислорода для поддержания оборотов.

— Полная нагрузка! — простонал Инженер, наблюдающий за электроприборами.

— Включаю все! — отчаянным, ломающимся голосом выкрикнул Физик и, инстинктивно сжавшись, словно в ожидании удара, обеими руками вдавил черные ручки.

Он открыл рот. Координатор, сам того не замечая, все сильнее стискивал его плечо. Они смотрели на прямоугольные шкалы приборов с выбитыми стеклами, с наспех выпрямленными стрелками — счетчики плотности потока быстрых нейтронов, контроля циркуляции электромагнитных насосов, индикаторы радиоактивных загрязнений и комплексных внутренних термодар реактора. Генератор стонал, выл, с плохо контактирующих колец сыпались искры. Внутри реактора, за толстым блестящим панцирем, царило мертвое спокойствие. Стрелки даже не шевельнулись. Вдруг Физик показалось, что они помутнели, размазались, он зажмурился, а когда открыл слезящиеся глаза, увидел стрелки в рабочем положении.

— Прошел критический!!! — заорал Физик и заплакал, не выпуская ручек. Он чувствовал, как обмякают мышцы — он все время ожидал взрыва.

— Наверно, стрелки заело,— спокойно сказал Координатор, как будто не видел, что делается с Физиком. Ему трудно было говорить — так сильно он сжимал перед этим зубы.

— Девяносто, восемьдесят один, семьдесят два!..— равномерно выкрикивал Доктор.

— Пора! — взревел Инженер и рукой в большой красной перчатке перекинул главный переключатель.

Генератор взвыл и начал терять обороты.

Инженер бросился к компрессору и перекрыл оба входных вентиля.

— Сорок шесть, сорок шесть, сорок шесть,— мерно бубнил Доктор.

Турбина перестала забирать кислород из баллонов. Лампы быстро бледнели, становились все темнее.

— Сорок шесть, сорок шесть...— выкрикивал из колодца Доктор.

Внезапно лампы вспыхнули. Генератор едва вращался, но ток был, все включенные приборы показывали растущее напряжение.

— Сорок шесть... сорок шесть...— все повторял Доктор, который сидел в своем стальном колодце.

Физик уселся на пол и закрыл лицо руками. Было почти тихо. Ротор генератора басовито шумел, он вращался все медленнее, потом несколько раз качнулся, вздрогнул и остановился.

— Сорок шесть... сорок шесть...— продолжал Доктор.

— Какая утечка? — спросил Координатор.

— В норме, — ответил Кибернетик. — Видимо, пробило на максимуме торможения, но автомат успел зацементировать, прежде чем замкнуло.

Кибернетик больше ничего не сказал, но каждый понял, как он гордится этим автоматом. Одной рукой он украдкой придержал другую — у него дрожали пальцы.

— Сорок шесть...— причитал Доктор.

— Да перестань ты, парень! — заорал вдруг в глубину колодца Химик. — Уже не нужно! Реактор дает ток!

Все молчали. Реактор работал как всегда — бесшумно. В стальной горловине показалось бледное, окаймленное темной бородой лицо Доктора.

— Правда? — сказал он.

Никто ему не ответил. Все смотрели на приборы, словно не могли насытиться видом стрелок, неподвижно стоящих в рабочих положениях.

— Правда? — повторил Доктор и начал беззвучно смеяться.

— Да что это ты? — сердито сказал Кибернетик. — Перестань!

Доктор выбрался наверх, уселся рядом с Физиком и тоже стал смотреть на приборы.

Никто не знал, как долго это длилось.

— Знаете что...— молодым, свежим голосом сказал Доктор. Все посмотрели на него, словно проснувшись. — Я еще никогда не был таким счастливым, — прошептал он и отвернулся.

Поздними сумерками Координатор вместе с Инженером вышли на поверхность подышать свежим воздухом. Они сели на кучу грунта и загляделись на краешек красного, как рубин, солнечного диска.

— Я не верил,— буркнул Инженер.

— Я тоже.

— Этот реактор — неплохая работа, а?

— Солидная земная работа.

— Подумать только, выдержал.

Они помолчали.

— Прекрасное начало,— заговорил Координатор.

— Они работают слишком нервно,— заметил Инженер.— Знаешь, это ведь бег на длинную дистанцию. Между нами говоря, мы сделали не больше одной сотой того, что нужно сделать, чтобы...

— Я знаю,— спокойно ответил Координатор.— Впрочем, еще неизвестно...

— Гравиметрическое распределение, да?

— Не только. Рулевые дюзы, весь нижний отсек.

— Мы это сделаем.

— Да.

Невидящий взгляд Инженера неожиданно наткнулся на невысокую продолговатую насыпь за вершиной холма — место, где закопали останки обитателя планеты.

— Совсем забыл...— сказал он удивленно.— Как будто это случилось год назад. Знаешь?..

— А я нет. Все время думаю об этом... о нем. Доктор нашел в его легких...

— Что? А, верно, он что-то такое говорил. Что это было?

— Игла.

— Игла?!

— А может, и не игла — посмотри сам. Она в банке, в библиотеке. Кусочек тонкой трубки, обломанный, с острым концом, срезанным наискось, как у медицинских игл для уколов.

— Что же это?..

— Больше я ничего не знаю.

Инженер встал:

— Это поразительно, но... но я сам не понимаю, почему это меня так мало интересует. Собственно, если говорить честно, почти совсем не интересует. Знаешь, я чувствую себя сейчас, как перед стартом. Или как пасса-

жир самолета, который на несколько минут сел в чужом аэропорту, смешался с толпой туземцев, был свидетелем какой-то странной, непонятной сцены, но знает, что не имеет к этому городу отношения, что через минуту улетит, и все окружающее воспринимает как бы с большого расстояния, как чужое и безразличное.

— Сейчас мы не отлетим...

— Я знаю, но у меня такое ощущение.

— Пошли к ребятам. Нельзя ложиться, пока не заменим все времянки. И предохранители нужно установить как следует. Реактор может потом работать вхолостую.

— Ладно, пошли.

Ночь провели в ракете, не гася малых ламп. Время от времени кто-нибудь просыпался, бессмысленными глазами смотрел на горящие огоньки и, успокоенный, засыпал. Утром все встали отдохнувшими. Первым был запущен простейший полуавтомат-уборщик, который то и дело заклинивало, он беспомощно застревал в громоздившихся повсюду завалах. Кибернетик, ходивший за ним с инструментами, вытаскивал его, как таксу из лисьей норы, убирал обломки, слишком крупные для его глотки, и снова его запускал. Полуавтомат поспешно двигался вперед, яростно вгрызался в очередную грудку мусора, и все повторялось сначала. После завтрака Доктор опробовал свою бритву и появился перед товарищами как бы в бронзовой полумаске: верхняя часть лица у него была обожжена солнцем, а нижняя — совершенно белая. Все последовали его примеру и с трудом могли узнать друг друга в заморышах с выступающими скулами.

— Нужно получше питаться,— заключил Химик, с ужасом рассматривая в зеркале собственное отражение.

— Как ты относишься к свежей дичи? — поинтересовался Кибернетик.

Химик вздрогнул:

— Благодарю покорно. Даже не говори мне об этом. Только сейчас вспомнил. Мне снилась эта... это...

— Это животное?

— Черт его знает, животное ли?

— А что?

— Какое животное сумело бы запустить генератор?

Все прислушались к их разговору.

— Доказано, что все существа на высшей ступени развития изобретают ту или иную одежду,— сказал Инженер,— а это двутелое создание было голым.

— Как ты сказал? Голым?

— А что такое?

— А то, что о корове или обезьяне ты не сказал бы, что они голые.

— У них есть шерсть.

— У бегемота или крокодила нет шерсти, но их ты тоже не назвал бы голыми.

— Ну и что из этого? Просто я так сказал.

— Вот именно.

Они ненадолго замолчали.

— Скоро десять,— заговорил Координатор.— Мы отдохнули, думаю, что мы теперь сделаем бросок в другом направлении. Инженер должен был приготовить электрожесторы, как с этим?

— Есть пять штук, все заряжены.

— Хорошо. Мы шли на север, пойдем теперь на восток. С оружием, но, конечно, постараемся его не применять. Особенно если встретим этих, как их назвал Инженер... этих двутелов.

— Двutel? Двutel? — несколько раз повторил Доктор с неудовольствием, как бы проверяя это название.— Помоему, не очень удачно, и, наверно, поэтому приживется. Почему-то бывает именно так.

— Сейчас пойдем? — спросил Физик.

— Думаю, что да. Только закроем люк, чтобы избежать новых неожиданностей.

— А нельзя ли взять вездеход? — спросил Кибернетик.

— Да... пожалуй, нет. Нужно как минимум пять часов, чтобы его подготовить,— сказал Инженер.— Разве только отложить экспедицию на завтра.

Но откладывать поход никому не хотелось. Выступили около одиннадцати, так как некоторое время заняла подготовка снаряжения. Словно договорившись, хотя никто этого не предлагал, пошли двойками, с небольшими интервалами, а единственный безоружный — Доктор — находился в средней двойке. То ли грунт в этом направлении был удобнее для пешего хождения, то ли они шли бодрее, но уже через час ракета пропала из глаз. Ландшафт понемногу изменялся. Все больше встречалось тонких серых чаш, которые они обходили; вскоре вдали показались куполообразные, отлогие с севера возвышенности, спадающие к равнине довольно крутыми террасами и обрывами. Их покрывали более темные, чем почва, пятна растительности.

Под ногами шелестели лишайники, серые, словно присыпанные пеплом, но это был их натуральный цвет; из их

молодых побегов — трубочек с беловатыми прожилками — выглядывали маленькие, похожие на жемчужинки пузырьки.

— Знаете, чего тут больше всего не хватает? — вдруг сказал Физик.— Травы, обыкновенной травы. Никогда не думал, что она так...— он запнулся на мгновение,— нужна...

Солнце припекало. Когда люди подошли к возвышенности, до них донесся мерный далекий шум.

— Странно, ветра нет, а шумит,— заметил шагающий в первой двойке Химик.

— Это оттуда,— показал рукой шагающий за ним Координатор.— Видимо, там, выше, ветрено. Смотрите, это же совсем земные деревья.

— Они другого цвета и блестят, как...

— Нет, они двухцветные,— вмешался Доктор, обладавший хорошим зрением.— То фиолетовые, то голубые с желтым отливом.

Равнина осталась позади. Люди наугад вошли в широко раскрывшуюся горловину оврага с глинистыми осыпающимися стенками, покрытыми чем-то вроде тончайшей дымки, которая вблизи оказалась разновидностью лишайника или паутины — мнения на этот счет разделились. Эти образования немного напоминали рыхлые клубки нитей стеклянной ваты, слабо прикрепленной к склонам. Поравнявшись с первой группой деревьев, растущих несколькими метрами выше, на краю обрыва, люди задрали головы.

— Но это совсем не деревья! — разочарованно воскликнул Кибернетик, замыкавший колонну.

У так называемых деревьев были толстые, блестящие, словно натертые жиром стволы и многоярусные кроны, которые мерно пульсировали, то темнея, как бы наполняясь чем-то, то бледнея — тогда они пропускала солнечный свет. Этим изменениям сопутствовал вяло повторяющийся шум, словно кто-то, прижав ко рту эластичную материю, шепотом повторял: «фссс-ххааа-ффс-ххаа». Как следует присмотревшись к ближайшему дереву, люди обнаружили выступающие из его перепутанных ветвей длинные, как бананы, пузыри, усыпанные похожими на гроздь винограда выростами; они то вздувались и темнели, то опадали, светлея и бледнея.

— Эти деревья дышат,— пробормотал изумленный Инженер, вслушиваясь в непрерывно падающий с высоты звук, заполнявший весь овраг.

— Но заметьте: каждое в своем ритме! — воскликнул, словно обрадовавшись, Доктор.— Чем меньше дерево, тем оно быстрее дышит! Это... это деревья-легкие!

— Дальше! Пошли дальше! — звал Координатор, обогнавший остановившуюся группу на десяток шагов.

Все двинулись за ним. Овраг, вначале довольно широкий, суживался, его дно не очень круто поднималось в гору. Наконец путешественники вышли на куполообразную возвышенность между двумя раскинувшимися внизу группами деревьев.

— Если закрыть глаза, кажется, что стоишь на берегу моря. Попробуй,— сказал Физик Инженеру.

— Я предпочитаю не закрывать глаз,— буркнул Инженер.

Они приближались к самой вершине холма, немного уклонившись от маршрута. Перед ними лежала волнистая разноцветная равнина с разбросанными по ней рошицами мерцающих, то оливковых, то рыжих дышащих деревьев, со светлыми, как мед, склонами глинистых бугров и пятнами серебристого на солнце и серо-зеленого в тени мха. Все это пространство в разных направлениях пересекали тонкие узкие линии. Они бежали по дну впадин, огибали склоны холмов, одни бурые, другие почти белые, словно посыпанные песком тропинки, третьи совсем черные, как будто полосы угольной пыли.

— Дороги! — крикнул Инженер, но тут же поправился: — Нет, они слишком узки для дорог... Что это может быть?

— За тем паучьим леском тоже было что-то похожее, помнишь, газончик,— сказал Химик и поднял к глазам бинокль.

— Нет, те были другие...— начал Кибернетик.

— Смотрите! Смотрите! — От крика Доктора все вздрогнули.

Над желтой полоской, которая спускалась с широкой седловины между двумя холмами, в нескольких сотнях метров от них двигалось что-то просвечивающее насквозь. Это «что-то» слабо поблескивало на солнце, как полупрозрачное, быстро крутящееся колесо со спицами. На мгновение оно слилось с небом, стало почти невидимым и только ниже, у подножия склона, снова засияло ярче, будто вращающийся клубок с огромной скоростью рвануло по прямой, миновало рошу дышащих деревьев, ослепительно сверкнуло на их темном фоне и исчезло в устье далекого оврага.

Доктор повернулся к товарищам; лицо у него побледнело, глаза горели.

— Интересно, что это? — сказал он с ухмылкой, но в глазах его затаилась тревога.

— А, черт, забыл бинокль. Дай твой, — обратился Инженер к Кибернетику. — Театральный, — презрительно проворчал он и вернул бинокль.

Кибернетик сжал стеклянный приклад электрожектора и как бы прикинул, сколько он весит.

— Думаю, что вооружены мы, пожалуй, неважно, — пробормотал он с сомнением.

— Почему ты об этом подумал? — накинулся на него Химик. Они помолчали с минуту, осматривая местность.

— Пошли дальше, что ли? — помедлив, отозвался Кибернетик.

— Конечно, — ответил Координатор. — А вот второй! Смотрите!

Еще один светящийся круг, мчавшийся гораздо быстрее первого, двигался по зигзагообразной линии между холмами. Несколько раз он наклонялся совсем низко над поверхностью планеты, а когда он какое-то мгновение неся в их направлении, они совсем потеряли его из виду; и только когда он свернул, опять появился размазанный, туманно сверкающий, бешено вращающийся диск.

— Вроде бы какая-то машина... — буркнул Физик и, не отрывая глаз от сияния, которое, уменьшаясь, уже исчезало среди волнующихся рожиц, коснулся плеча Инженера.

— Я получил политехническое образование на Земле, — ответил Инженер, неизвестно почему вдруг раздражаясь. — Во всяком случае, — добавил он с сомнением, — там, в середине, что-то есть... выпуклое, как головка пропеллера.

— Да, в самом центре что-то блестит очень сильно, — подтвердил Координатор. — Какой величины оно может быть, как ты думаешь?

— Если деревья внизу такой же высоты, как в овраге... то самое меньшее десять метров.

— В диаметре? Я тоже так думаю. Минимум десять.

— Оба исчезли там, — Доктор показал на линию холмов, заслоняющую перспективу. — Мы ведь тоже туда пойдем, правда?

Он начал спускаться по склону, размахивая руками. Остальные потянулись за ним.

— Мы должны подготовиться к первому контакту,— сказал Кибернетик. Он то кусал, то облизывал губы.

— То, что произойдет, невозможно предвидеть. Спокойствие, благоразумие, самообладание — это единственное, чем мы можем руководствоваться,— сказал Координатор.— Но, пожалуй, нам следует несколько перестроиться. Один — разведчик — впереди и один сзади. И немного больше растянемся.

— Стоит ли нам себя обнаруживать? Пожалуй, лучше будет, если мы постараемся увидеть как можно больше, прежде чем нас заметят,— быстро сказал Физик.

— Ну... специально прятаться не стоит, это всегда выглядит подозрительно, но, естественно, чем больше мы увидим, тем выгоднее будет наше положение.

Обсуждая тактику, они спустились вниз и, пройдя несколько сотен шагов, оказались у первой загадочной линии.

Она немного напоминала след старого земного плуга: почва была неглубоко вспахана, как бы разрыхлена, и выброшена по обе стороны борозды шириной не больше двух ладоней. Поросшие мхом углубленные газончики, обнаруженные во время первой экспедиции, были тех же размеров, но существовало одно довольно серьезное отличие: там окружающий борозду грунт был незаросшим, а сама борозда покрыта мхом, здесь же, наоборот, через сплошной ковер беловатых лишайников шла полоса перемолотого обнаженного грунта.

— Странно,— проговорил Инженер, поднимаясь с колен и вытирая вымазанные глиной пальцы о комбинезон.

— Знаете что? — сказал Доктор.— Я думаю, что те газончики, на севере, должно быть, очень старые, давно заброшенные, потому они и заросли здешним райским мхом...

— Возможно,— бросил Физик,— но что это такое? Наверняка не колесо: от колеса был бы совсем другой след.

— А может, какая-нибудь сельскохозяйственная машина? — подсказал Кибернетик.

— И что, она обрабатывает полосу почвы шириной десять сантиметров?

Они перешагнули через борозду и пошли дальше, напрямик, к другим полосам. Они как раз шли вдоль опушки небольшой рощицы, которая своим глухим шумом мешала разговору, когда слышали доносящийся сзади

пронзительный заунывный свист и инстинктивно бросились за деревья. Из укрытия они наблюдали летящий над лугом по прямой со скоростью курьерского поезда сияющий вихрь. Его кромка была темной, а в центре ярко светился то фиолетовым, то оранжевым огнем чечевицеобразный выступ диаметром в два-три метра.

Как только эта сверкающая машина пролетела над ними и исчезла вдаль, они двинулись в том же направлении. Рошица кончилась, и они шли теперь по широкому открытому пространству, чувствуя себя довольно неуверенно и непрерывно оглядываясь назад. Цепь холмов, соединявшаяся неглубокими седловинами, была уже совсем близко, когда снова раздался протяжный свист. Укрыться было негде, и люди просто попадали вниз. В каких-нибудь двухстах метрах от них пролетел вращающийся диск на этот раз с центральным утолщением голубого, как небо, цвета.

— Этот, пожалуй, метров двадцать высотой! — возбужденно шепнул Инженер.

Они поднялись. Между ними и холмами раскинулась котловина, разделенная посередине странной цветной полосой. Подойдя к ней совсем близко, они увидели ручеек с просвечивающим чистым песчаным дном. Оба его берега переливались красками; воду обрамлял пояс синеватой зелени, по обеим сторонам тянулись бледно-розовые полосы, а еще дальше серебристо искрились гибкие растения, густо увешанные большими, с человечесью голову, пушистыми шарами; над каждым из них возносилась трехлепестковая чаша огромного, белого, как снег, цветка. Засмотревшись на эту необыкновенную радугу, они замедлили шаг; когда приблизились к пушистым шарам, ближайшие к ним белые «цветы» вдруг затрепетали и медленно поднялись в воздух. Мгновение они висели трепещущей стайкой над головами людей, издавая слабый звон, а потом взметнулись вверх, сверкнули на солнце ослепительной белизной взвихрившихся «лепестков» и улетели, чтобы опуститься в гущу светлых шаров на другой стороне ручья. Там, где к ручью подходила борозда, его берега, словно мостик, соединяла арка из стеклянистого вещества с правильно расположенными круглыми отверстиями. Инженер ногой попробовал прочность мостика и медленно перешел на другую сторону. Едва он очутился там, из-под его ног взметнулись тучи белых «цветов» — они начали беспокойно кружиться над ним, словно стая испуганных голубей.

Набрали воды из ручья, чтобы потом, вернувшись на корабль, исследовать ее состав, и двинулись дальше. Доктор сорвал одно из маленьких растений, образующих розовую полосу, и вставил его в петлицу своего комбинезона, словно цветок. Весь стебель растения был облеплен прозрачными шариками телесного цвета, запах которых показался Доктору чудесным. Хотя никто об этом не говорил, было как-то жаль покидать этот очаровательный уголок.

Дальше тянулся пологий склон, поросший шелестящим под ногами мхом.

— Там, на вершине, что-то есть! — вдруг сказал Координатор.

Выше, на фоне неба, шевелился предмет неопределенной формы, то и дело испускавший ослепительные вспышки. Когда до вершины оставалось несколько сотен шагов, люди разглядели на ней что-то вроде низкого вращающегося купола, покрытого зеркальными секторами. В нем отражались то солнечные лучи, то фрагменты окружающего пейзажа.

Чуть дальше, на одной из вершин, виднелось другое подобное сооружение; вернее, по равномерным вспышкам и мерцанию можно было догадаться о его существовании. А еще дальше искрящихся точек становилось все больше, они равномерно возникали на вершинах до самого горизонта.

С перевала люди наконец заглянули в глубь невидимого до тех пор пространства.

Плавный спуск переходил в волнистые поля, через которые тянулись длинные шеренги остроконечных мачт. Самые дальние исчезали у подножия еле различимой ажурной конструкции. Над ближними мачтами воздух отчетливо дрожал, образуя вертикальные столбы, как будто был сильно нагрет. Между рядами мачт вились десятки борозд, они сходились в пучки, разбегались, перекрещивались и вели все в одну сторону — на восток к горизонту. Там бледной, размазанной мозаикой неправильных изломов, возвышений, золотистых и серебристых шпилей вырисовывалось множество построек, слившихся в голубоватую с переливами массу. Небосклон в той стороне был немного темней, кое-где к нему взмывали струи молочного пара и расплывались грибами в тонком слое не то тумана, не то тучи, в которой, напрягая взгляд, можно было рассмотреть возникавшие и исчезающие черные точки.

— Город... — шепнул Инженер.

— Я его видел... тогда...— так же тихо сказал Координатор.

Они начали спускаться вниз. Первая шеренга мачт или столбов перерезала им дорогу у конца склона.

Мачты крепились в грунте конусными втулками с черной, как смола, поверхностью. В каких-нибудь трех метрах от поверхности втулка кончалась, дальше шел полупрозрачный столб с центральным отливающим металлом стержнем, воздух наверху сильно дрожал, и было слышно мерное глухое жужжание.

— Это какой-нибудь винт?— полувопросительно сказал Физик.

Сначала осторожно, потом все смелей люди начали дотрагиваться до конусного основания мачты. Ее не сотрясала даже легчайшая дрожь.

— Нет, там ничто не вращается,— сказал Инженер.— Не чувствуется никакой тяги. Это какой-то эмиттер...

Дальше местность пересекали плавные, едва выступающие складки. Город давно уже скрылся из глаз, но заблудиться было невозможно: не только длинные шеренги столбов, но и многочисленные борозды среди полей показывали направление. Время от времени в ту или другую сторону проносился сияющий вращающийся клубок, но всегда на таком большом расстоянии, что прятаться не имело смысла.

Впереди оливково-желтым пятном темнел перелесок. Сначала люди хотели его обойти, следуя за линией мачт, но он раскинулся в обе стороны слишком далеко, и они удлинили бы свой путь, поэтому решили идти напрямик через заросли.

Вокруг возвышались дышащие деревья. Поверхность Эдема, поросшую трубчатыми растениями и беловатым мхом, покрывали высохшие пузырчатые листья, неприятно скрипящие под ногами при каждом шаге. Тут и там между толстыми корнями высывались головки бледных мясистых цветов с торчащими изнутри, как иглы, шипами. По толстой коре стволов стекали капельки ароматной смолы. Шедший впереди Инженер вдруг замедлил шаг и неохотно сказал:

— К черту, не нужно было сюда забираться.

Среди деревьев открывалась глубокая траншея, ее глинистые стенки были покрыты фестонами длинных змеистых лишайников. Люди слишком углубились в лес, чтобы теперь возвращаться, и поэтому сползли по увитой гиб-

кими лианами стенке на дно, по которому струилась тоненькая ниточка воды. Противоположный скат оказался очень крутым, и они пошли по дну траншеи, высматривая место, где удалось бы вылезти наверх. Через сотню шагов траншея стала расширяться, ее берега понизились, немного посветлело.

— Что это? — сказал вдруг Инженер и умолк.

Ветерок принес приторный, сладковатый запах. Все остановились. Их то обсыпал дождь солнечных зайчиков, то накрывала тьма, высоко по верхушкам деревьев прокатывались глухие волны дыхания.

— Там что-то есть, — шепнул Инженер.

Они уже могли выйти на другой берег траншеи, плоский и низкий, но, держась вплотную друг к другу, наклонившись, шли дальше к стене зарослей. Иногда ветерок открывал в ней небольшие щели, и оттуда проглядывала какая-то удлинённая белая масса. Почва становилась топкой, чавкала под ногами. Никто не обращал на это внимания. За покрытыми гроздьями наростов стеблями раскинулась залитая солнцем полянка, деревья расходились и снова смыкались в глубине, разделенные только узкой просекой, из которой на полянку выбегала одинокая борозда. Она кончалась у прямоугольного рва, окруженного выброшенной из него глиной. Люди как вкопанные стояли у кромки зарослей, медленно раскачивающиеся стебли шуршали по их комбине зонам, лениво касались ног и словно нехотя отступали. Люди стояли и смотрели.

Громоздящийся над краем рва восковой вал показался им в первый момент монолитной вспухшей глыбой. Страшная вонь едва позволяла дышать. Взгляд с трудом выделял отдельные фигуры. Некоторые лежали горбами вверх, другие — на боку, из складок грудных мышц больших тел высывались болезненные, бледные торсы с вывернутыми, сплюснутыми личиками. Огромные тела, сжатые, сдавленные, и худые ручки с узловатыми пальцами, беспомощно свисающие вдоль раздувшихся боков, были покрыты большими желтыми потеками.

Доктор с силой сжал плечи стоявших перед ним товарищей, но те даже не почувствовали этого.

Медленно они сделали несколько шагов вперед.

Постепенно они подходили все ближе, не отрывая глаз от того, что наполняло ров, — он был огромен.

Большие капли водянистой жидкости, блестящей в солнечных лучах, стекали по восковым спинам, по бокам,

собирались во впадинах безглазых лиц, — людям казалось, что они слышат звук мерно падающих капель.

Далекий надвигающийся свист заставил их мышцы напрячься. В мгновение ока они бросились к зарослям, разорвали их стену, припали к почве, руки сами схватили приклады электрожекторов. Потревоженные стебли еще колыхались, когда из-за деревьев с противоположной стороны на поляну выкатился вертикальный круг, окруженный слабо светящимся ореолом взвихренного воздуха.

В нескольких шагах от рва он притормозил, но свист стал еще громче, рассекаемый вихрем воздух клокотал. Диск объехал ров, облако почти до половины закрыло сверкающий круг, град комьев посыпался на заросли, на людей, прижавшихся к поверхности планеты, послышался отвратительный тупой звук, как будто гигантская шпора раздирала мокрую холстину; вращающийся диск был уже у другого края полянки, потом снова приблизился, на мгновение остановился на месте, его дрожащая вертикальная кромка лениво склонялась то вправо, то влево, как бы прицеливаясь; вдруг он рванулся вперед, и другая сторона рва покрылась комьями выброшенной с шумом глины. Диск звенел, дрожал, казалось, раздувался; в зеркальных колпаках с обеих его сторон, уменьшаясь, отражались деревья и растения, внутри по-медвежьи шевелилась какая-то тень, резкий вибрирующий звук внезапно ослаб, и круг помчался обратно по той самой борозде, по которой сюда явился.

На полянке теперь возвышался выпуклый холмик свежей глины, окруженный глубокой, почти в метр, канавой.

Доктор первым взглянул на остальных. Они медленно поднялись, машинально отряхнули остатки растений и нити паутины с комбинезонов. Потом, словно сговорившись, пошли обратно. Они уже оставили далеко позади ров, деревья, ряды мачт и подходили к середине склона, над которым мерцал зеркальный купол, когда Инженер сказал:

— А может, это все-таки только животные?

— А мы кто? — таким же тоном, как эхо, отозвался

Доктор.

— Нет, я думаю...

— Вы видели, кто сидел в этом вращающемся круге?

— Я вообще не заметил, чтобы там кто-нибудь был, — сказал Физик.

— Был. А как же. Там, в центре,— как бы гондола. Поверхность полированная, но немного пропускает свет. Ты заметил? — обратился Координатор к Доктору.

— Заметил. Но не убежден, что...

— То есть предпочитаешь не убеждаться?

— Да.

Они пошли дальше. Молча миновали цепь высоких холмов, уже по другую сторону ручья, и, увидев катящиеся от очередной роши блестящие диски, залегли.

— У комбинезонов хороший цвет,— сказал Химик, когда они встали и двинулись дальше.

— А все-таки странно, что нас до сих пор не заметили,— бросил Инженер.

Координатор, который до этого момента молчал, вдруг остановился:

— Нижний трубопровод реактора не поврежден, правда, Генрих?

— Да, он в порядке. А в чем дело?

— У реактора есть резерв. Можно бы спустить немного раствора.

— Хоть двадцать литров! — сказал Инженер, и его лицо осветилось злой усмешкой.

— Не понимаю! — вмешался Доктор.

— Они хотят спустить раствор обогащенного урана, чтобы зарядить монитор,— объяснил ему Физик.

— Уран?!

Доктор побледнел:

— Не думаете же вы...

— Мы ничего не думаем,— ответил Координатор.— С того момента, когда я увидел это, я вообще перестал думать. Думать будем потом. Сейчас...

— Внимание! — крикнул Химик.

Все упали.

Сверкающий круг промчался мимо и уже начал уменьшаться, но вдруг затормозил и, описав большую дугу, стал приближаться к людям. Пять стволов поднялись над землей, маленькие, как игрушечные пистолетики, по сравнению с гигантом, который своим сверканием заслонил полнеба. Неожиданно диск остановился, звон усилился, потом ослаб, что-то вращалось все медленнее, внезапно проявилась многоугольная ажурная конструкция, она начала клониться набок, как будто собираясь упасть, но ее подперли две наклонно выброшенные лапы. Из центральной гондолы, утратившей зеркальный блеск, вылезло что-то небольшое, косматое, темное и, молниеносно перебирая

конечностями, соединенными складчатой перепонкой, спустилось по наклонной дырчатой стойке, спрыгнуло на грунт и, буквально прилипая к нему, поползло по направлению к людям.

Почти одновременно гондола открылась сразу во все стороны, как чаша цветка, и большая блестящая фигура съехала вниз на чем-то овальном и толстом, что моментально съежилось и исчезло.

Огромное существо, спустившееся из гондолы, не спеша выпрямилось во весь свой рост. Люди узнали его, хотя оно целиком было покрыто спиральными витками блестящей, как серебро, субстанции. Наверху в окаймленном черным отверстии показалось маленькое плоское лицо.

Косматое животное, которое первым выскочило из остановившегося круга, ползло ловко и быстро, не отрываясь от грунта. Только теперь люди заметили, что оно тащит за собой что-то похожее на большой, расплющенный, словно лопата, хвост.

— Стреляю,— негромко сказал Инженер, прижимая лицо к прикладу.

— Нет! — крикнул Доктор.

«Подожди»,— хотел сказать Координатор, но Инженер уже нажал спуск. Он целился в ползущее животное, но промахнулся. Полет электрического заряда был невидим, слышалось только слабое шипение. Инженер перестал нажимать спусковой крючок, но не снял с него палец. Сверкающее серебром существо не сдвинулось с места. Вдруг оно шевельнулось и свистнуло. Так им показалось.

Животное моментально оторвалось от грунта и одним прыжком пролетело метров пять; приземлившись, оно съежилось в шар, взъерошилось, странно распухло, лопатообразный хвост раздвинулся, поднялся вертикально, разошелся вверх и в стороны, в его вогнутой, как раковина, поверхности что-то бледно вспыхнуло и поплыло к людям как бы подгоняемое ветром.

— Огоны! — рявкнул Координатор.

Огненный шарик размером с орех плавно колыбался в воздухе, виляя то в одну, то в другую сторону, подплывал все ближе, люди уже слышали его потрескивание — казалось, капли воды пляшут на раскаленном листе жести. Все начали стрелять.

Пораженное несколькими попаданиями, животное, корчась, упало, веерообразный хвост накрыл его целиком, почти одновременно огненный орех начало сносить ветром

в сторону, как будто он потерял управление. Он пролетел в нескольких шагах от людей и потерялся из виду.

Серебряный гигант выпрямился еще больше, над ним появилось что-то тонкое, и он начал подниматься вверх к открытой гондоле. Заряды ударили в него с громким треском.

Он сломался пополам и глухо стукнулся о грунт.

Люди поднялись и подбежали к нему.

— Внимание! — опять крикнул Химик.

Два блестящих круга вынырнули из-за леса и неслись к холмам. Люди упали плашмя, готовые ко всему, но произошло что-то странное: оба круга, даже не замедлив движения, промчались дальше и исчезли за вершинами холмов.

Через несколько секунд из рощи дышащих деревьев послышался приглушенный рев. Одно из ближайших деревьев раскололось пополам и свалилось, извергая клубы пара.

— Быстро! Быстро! — крикнул Координатор.

Он подбежал к косматому животному, лапки которого торчали из-под накрывавшего их голого мясистого хвоста, и, опустив ствол, за несколько секунд превратил его в уголь, потом ногой разбросал остатки и втоптал их в землю. Инженер и Физик стояли перед серебряной глыбой под ажурным многоугольником, опирающимся на наклонные лапы. Инженер дотронулся до ее горба, вздутого и как будто медленно растущего.

— Его нельзя оставлять так! — крикнул Координатор, подбегая к ним. Он был очень бледен.

— Такую массу не сжечь, — буркнул Инженер.

— Посмотрим, — ответил сквозь зубы Координатор и выстрелил с двух шагов.

Вокруг ствола электрожектора задрожал воздух. Серебряная фигура мгновенно покрылась черными пятнами, вверх взметнулась сажа, разнесся отвратительный запах горелого мяса, что-то забулькало. Химик с минуту смотрел на это с побледневшим лицом, вдруг отвернулся и отбежал в сторону. Кибернетик пошел за ним. Когда Координатор разрядил свое оружие, он молча протянул руку к электрожектору Инженера.

Почерневшая туша, расплющиваясь, опадала, над ней вился дым, носились лохмотья копоти, бурлящий звук перешел в потрескивание, будто горело сухое полено, а Координатор все еще нажимал занемевшим пальцем спуск, пока останки не превратились в бесформенную груду

пепла. Подняв вверх электрожектор, он прыгнул в нее и начал разбрасывать пепел ногами.

— Помогите мне! — крикнул он хрипло.

— Не могу, — простонал Химик.

Он стоял с закрытыми глазами, на лбу у него блестели капельки пота, обеими руками он схватился за горло, как будто хотел себя задушить. Доктор стиснул зубы так, что они скрипнули, и прыгнул в горячий пепел за Координатором.

— А думаешь, я могу?! — заорал Координатор.

Доктор, не глядя под ноги, топтал и топтал. Они подскакивали на одном месте и, наверное, выглядели довольно забавно. Они вбили в грунт недогоревшие комки, вдавили в него пепел, потом сгребли почву со всех сторон прикладами и засыпали последние следы.

— Чем мы лучше их? — спросил Доктор, когда они на мгновение остановились, тяжело дыша, залитые потом.

— Он на нас напал, — буркнул Инженер, с яростью и омерзением вытирая следы копоти с ложки электрожектора.

— Идите сюда! Все кончилось! — крикнул Координатор.

В воздухе плавал резкий запах паленого, травянистые лишайники вокруг обуглились.

— А что с этим? — крикнул Кибернетик, показывая на ажурную конструкцию.

Она возносилась над ними на высоту четырех этажей.

— Попробуем привести в действие, — сказал Координатор.

У Инженера расширились глаза.

— Как так?

— Внимание! — крикнул Доктор.

Один за другим на фоне рощи появились три сверкающих круга. Люди отбежали на несколько шагов и снова залегли. Координатор проверил состояние зарядника и ждал, вдавив широко расставленные локти в жесткий мох. Круги миновали их и покатались дальше.

— Пойдешь со мной? — спросил Координатор, кивком головы показывая Инженеру на висящую в четырех метрах от поверхности планеты гондолу.

Тот молча подбежал к машине, обеими руками обхватил опору и, всовывая пальцы в отверстия, быстро полез вверх. Координатор взбирался вслед за ним. Инженер первым очутился под гондолой, схватился за один из нижних выступов, начал там что-то делать, слышно было, как металл звякает о металл, потом приподнялся и скрылся

внутри. Немного погодя высунулась его рука. Координатор схватил ее, и они оба очутились наверху. Довольно долго ничего не происходило, потом пять растопыренных лепестков гондолы медленно закрылись, не издав ни звука. Люди внизу невольно вздрогнули и отступили назад.

— Что это был за огненный шарик? — спросил Доктор Физика.

Они оба, не отрываясь, смотрели вверх. В гондоле двигались туманные неясные тени.

— Похоже на маленькую шаровую молнию, — неуверенно сказал Физик.

— Но его выпустило это животное!

— Да, я видел. Может, это какая-нибудь здешняя электрическая тварь... Смотри!

Ажурный многоугольник неожиданно вздрогнул и зазвенел, поворачиваясь вокруг своей вертикальной оси. Поддерживающие его лапы беспомощно разъехались, и он чуть не упал. В последний момент, когда он угрожающе наклонился, снова что-то зазвенело; на этот раз звук был резким, высоким, вся конструкция растаяла в сверкающем вращении, и слабый ветерок овеял стоявших внизу. Круг вращался то быстрее, то медленнее, но не двигался с места. Он взревел, как двигатель огромного самолета, комбинезоны стоявших поодаль людей рванула воздушная струя, люди отступили еще дальше, одна, потом другая опорные лапы поднялись и растворились в сверкающем вихре. Вдруг, словно выброшенный из пращи, огромный круг понесся по борозде, выскочил из нее и неожиданно затормозил. Он рыл и раскидывал грунт, устрашающе рыча, но двигался очень медленно. Наконец он снова попал в борозду, помчался по ней с бешеной скоростью и через несколько секунд превратился в маленький дрожащий огонек на склоне у леса.

Возвращаясь, он еще раз выскочил из пропаханной борозды и снова пополз лениво, как бы с усилием, окруженный у основания облачком взметенной в воздух перемолотой почвы.

Послышался звон, из сверкающего вихря возникла ажурная конструкция, гондола открылась, и Координатор, высунувшись, позвал:

— Лезьте наверх!

— Что? — удивился Химик, но Доктор понял сразу:

— Поедем на этой штуке.

— А мы поместимся все? — спросил Кибернетик, держась за металлическую опору.

Доктор уже карабкался вверх:

— Как-нибудь поместимся, давайте!

Несколько дисков промелькнуло у леса, но людей с них, очевидно, не заметили. В тесной гондоле могли как-нибудь устроиться четверо, но для шестерых места не было — двоим пришлось лечь ничком на вогнутое дно. Знакомый горьковатый запах неприятно защекотал ноздри, люди вспомнили все, что случилось, и их оживление угасло. Лежавшие внизу Доктор и Физик уперлись взглядом в стыки удлиненных плит, над их головами послышался пронзительный свист, и они почувствовали, что машина движется. Почти сразу же плиты днища, на котором они лежали, стали прозрачными, и с высоты двух этажей они увидели равнину, как будто плыли над ней на воздушном шаре. Вокруг что-то шумело. Координатор лихо радочно переговаривался с Инженером. Они управляли машиной, устроившись в неестественных, очень неудобных позах около перепончатого выступа в носу гондолы. Каждые несколько минут они сменялись, тогда Химику и Кибернетику приходилось почти падать на Доктора и Физика.

— Как это действует? — спросил Химик Инженера, который, всунув обе руки в глубокие отверстия перепончатой выпуклости, удерживал машину на прямой.

Машина быстро двигалась по борозде, пропаханной среди поля. Из гондолы вообще не было видно вращения, казалось, она плывет по воздуху.

— Понятия не имею, — простонал Инженер. — У меня сводит руки, давай ты! — Он отодвинулся, давая место Координатору.

Гигантский ревуший круг закачался, выскочил из борозды, резко затормозил и начал круто поворачивать. Координатор с трудом впихнул руки в отверстия рулевого устройства. Через мгновение он вывел гигантский волчок из виража, и ему удалось снова войти в борозду. Диск помчался быстрее.

— Почему эта штука так медленно едет вне борозды? — снова спросил Химик.

Чтобы не потерять равновесия, он опирался на плечи Инженера. Между его расставленными ногами лежал Доктор.

— Говорю тебе, не имею ни малейшего понятия! — заорал Инженер, массируя себе кисти, на которых багровели кровавые подтеки. — Равновесие удерживает по принципу гироскопа, а больше я ничего не знаю.

Вторая цепь холмов осталась позади. Местность, уже отчасти знакомая по пешей прогулке, с высоты просматривалась великолепно. Едва различимый обод со свистом рассекал воздух вокруг кабины. Борозда вдруг изменила направление. Чтобы вернуться к ракете, нужно было свернуть на целину. Скорость упала сразу же, диск не делал даже двадцати километров в час.

— Они почти беспомощны вне борозды, об этом нужно помнить! — заорал Инженер, перекрывая свист и звон.

— Смена! Смена! — скомандовал Координатор.

На этот раз маневр прошел довольно гладко. Диск поднимался на крутой склоне очень медленно — чуть быстрее, чем хороший пешеход. Инженер отыскал вдали выемку, которая вела к равнине. Машина уже въехала под нависшие над глинистым оползнем деревья, когда у него начались судороги.

— Бери! — пронзительно крикнул он и вырвал руки из отверстий.

Координатор почти вслепую рванулся, чтобы его заметить, огромный круг накренился и повис над рыжим обрывом. Вдруг что-то заскрежетало, раздался треск, свистящая мельница задела крону дерева, в воздухе закружились поломанные ветки, гондола резко подскочила и с адским грохотом свалилась набок. Вырванное с корнем дерево взметнулось к небу, в последний момент обод рванул его вниз, над разбитой машиной с шипением лопнули тысячи пузырьковых листьев, поднялась туча беловатых грибовидных семян, и все утихло. Гондола боком врезалась в откос.

— Экипаж! — машинально сказал Координатор, потрянув головой. Его оглушило, уши были словно заложены ватой. Он с удивлением смотрел на клубы парящих беловатых пылинок.

— Первый, — простонал Инженер, поднимаясь с пола.

— Второй, — голос Физика доносился снизу.

— Третий, — с трудом проговорил Химик, зажимая рот: с подбородка у него стекала кровь.

— Четвертый, — сказал Кибернетик; его отбросило назад, и с ним ничего не случилось.

— Пя... тый... — выдавил Доктор, он лежал под остальными на самом дне гондолы.

И вдруг все разразилось каким-то безумным смехом.

Они лежали друг на друге, засыпанные толстым слоем щекочущих пушистых семян, попавших внутрь через верхние прорези гондолы. Инженер мощными ударами пытался

открыть ее лепестки. Все, вернее те, кому позволяло место, уперлись плечами, руками, спинами в прогнутую поверхность. Обшивка задрожала, послышался слабый треск, но гондола не открывалась.

— Опять? — спокойно спросил Доктор. Он не мог даже пошевелинуться. — Знаете, мне это надоело! Эй, кто там — слезь с меня сейчас же, слышишь!

Хотя положение было невеселым, все действовали в каком-то лихорадочном возбуждении. Соединенными усилиями выломали кусок гребенчатой рамы и начали размеренно бить им, как тараном, в верхний лепесток гондолы. Он гнулся, покрывался вмятинами, но не поддавался.

— С меня хватит, — сердито рявкнул Доктор и напрягся, пытаясь встать. В этот момент под ним что-то треснуло, и люди посыпались вниз, как груши, скатываясь по пятиметровому склону на дно оврага.

— Никто не пострадал? — спросил вымазанный в глине Координатор, первым вскакивая на ноги.

— Нет, но... но ты весь в крови, ну-ка, покажись, — нахмурился Доктор.

У Координатора в самом деле была рассечена кожа на голове, рана доходила до середины лба. Доктор перевязал его, как сумел. Остальные отделались синяками, а Химик плевался кровью — он прикусил себе губу. Они двинулись к ракете, даже не оглянувшись на разбитую машину.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Солнце уже коснулось горизонта, когда они добрались до небольшой возвышенности. Ракета отбрасывала длинную тень, теряющуюся далеко в песках пустыни. Прежде чем войти внутрь, они добросовестно осмотрели местность, но не нашли никаких следов, указывающих на то, что кто-нибудь побывал здесь в их отсутствие. Реактор работал нормально. Полуавтомат успел очистить боковые коридоры и библиотеку, прежде чем безнадежно увяз в толстом слое пластиковых и стеклянных осколков, устилавших лабораторию.

После ужина, проглоченного молниеносно, Доктору пришлось зашить и перевязать все еще кровоточащую рану Координатора. Тем временем Химик успел произвести анализ воды, взятой в ручье, и убедился, что она пригодна для питья, хотя содержит значительную примесь солей железа, портящих вкус.

— Теперь мы можем наконец посоветоваться, — заявил Координатор.

Все собрались в библиотеке и расселись на надувных подушках. Координатор — в белом марлевом чепце на голове — устроился в центре.

— Что нам известно? — сказал он. — Нам известно, что планета населена разумными существами, которых Инженер назвал двутелами. Это название не отвечает... но не будем об этом. Мы встретились со следующими проявлениями цивилизации двутелов: во-первых, с автоматическим заводом, который мы сочли разрегулировавшимся и покинутым — теперь я не совсем в этом уверен; во-вторых, с зеркальными куполами неизвестного назначения на холмах; в-третьих, с мачтами, которые излучают что-то — вероятно, какой-то вид энергии, — их назначение нам также неизвестно; в-четвертых, с машинами, причем одну, подвергшись нападению, мы захватили, привели в действие и разбили; в-пятых, мы видели издалика их город, о котором нельзя сказать ничего определенного; в-шестых, упомянутое мною нападение выглядело так: двутел натравил на нас, ну, скажем, животное, вероятно соответственно выдрессированное, которое выстрелило в нас чем-то вроде маленькой шаровой молнии и дистанционно ею управляло, пока мы его не уничтожили. Наконец, в-седьмых, мы были свидетелями того, как засыпали ров — могилу, полную мертвых обитателей планеты. Это все, насколько я могу припомнить. Поправьте меня или дополните, если я ошибся или что-нибудь пропустил.

— В принципе все, почти... — сказал Доктор. — За исключением того, что случилось позавчера на корабле.

— Верно. Оказывается, ты был прав: то существо было голым. Возможно, оно просто пыталось где-нибудь спрятаться и в паническом бегстве заползло в первое попавшееся отверстие, а это был как раз туннель, ведущий в нашу ракету.

— Такая гипотеза очень соблазнительна, но и очень опасна, — ответил Доктор. — Мы, люди, рассуждаем по-земному и вследствие этого можем сделать серьезные ошибки, принимая чужую видимость за истину, то есть укладывая определенные факты в схемы, привезенные с Земли. Я совершенно уверен, мы все сегодня утром думали одно и то же: что наткнулись на могилу жертв насилия, убийства, но ведь в действительности я не знаю, мы все не знаем...

— Ты повторяешь это, хотя сам не веришь...— возбужденно начал Инженер.

— Речь идет не о том, во что я верю,— прервал его Доктор.— Если вера где-нибудь особенно неуместна, то именно здесь, на Эдеме. Гипотеза о натравливании электрического пса, например...

— Как так? Ты называешь это гипотезой? Но это факт! — почти одновременно воскликнули Химик и Инженер.

— Вы ошибаетесь. Зачем он на нас напал? Мы ничего об этом не знаем. Возможно, мы напоминаем ему каких-нибудь здешних тараканов или зайцев... У вас же, прошу прощения, у нас этот агрессивный поступок ассоциировался с тем, что мы видели в лесу и что произвело на нас такое потрясающее впечатление; в результате мы потеряли способность спокойно рассуждать.

— А если бы мы ее сохранили и не открыли немедленно стрельбу, наш пепел развеялся бы там, у леска. Разве не так? — зло выкрикнул Инженер.

Координатор молчал, переводя взгляд с одного на другого.

— Мы сделали то, что должны сделать, но весьма вероятно, что произошло недоразумение — с обеих сторон... Вам кажется, что все кубики уже на месте? А этот завод, якобы брошенный несколько сотен лет назад и регулировавшийся? Как быть с ним? Куда деть этот кубик?

Некоторое время длилось молчание.

— Думаю, что Доктор во многом прав,— сказал Координатор.— Мы знаем еще слишком мало. Ситуация для нас весьма благоприятна. Насколько можно судить, они не знают о нас ничего. Я думаю, главным образом потому, что ни одна из их дорог, этих борозд, не проходит вблизи места падения ракеты. Однако трудно рассчитывать на то, что подобное состояние продлится долго. Я хотел бы просить, чтобы вы взвесили ситуацию с этой точки зрения и высказали свои предложения.

— Сейчас мы в этом гробу в общем-то безоружны. Достаточно как следует закупорить туннель, чтобы мы здесь задохнулись как мыши. Именно потому, что каждую минуту нас могут обнаружить, нужно спешить. И хотя гипотеза об агрессивности двутелов всего лишь моя земная фантазия,— заявил Инженер,— я все же неспособен рассуждать иначе и предлагаю, вернее требую, безотлагательно приступить к ремонту всех систем и запуску агрегатов.

— Сколько, по-твоему, для этого потребуется времени? — перебил его Доктор.

Инженер заколебался.

— Вот видишь...— устало сказал Доктор.— Зачем заниматься самообманом? Нас обнаружат прежде, чем мы кончим, потому что, по-моему, хотя я и не специалист, речь идет о многих неделях...

— К сожалению, это правда,— поддержал Координатор.— Кроме того, нам нужно пополнить запасы воды, не говоря уже о хлопотах, которые доставит нам радиоактивная вода, залившая кормовой отсек. И неизвестно, сможем ли мы изготовить все, что понадобится для ремонта повреждений.

— Да, еще одну экспедицию, безусловно, придется совершить,— согласился Инженер.— Вероятно, даже больше, но можно делать вылазки ночью. И кто-то из нас — скажем, два человека — должны постоянно находиться в ракете. Но почему говорим только мы? — неожиданно обратился он к трем молчаливым слушателям.

— В принципе мы должны как можно интенсивней заниматься ремонтом и одновременно изучать местную цивилизацию,— медленно сказал Физик.— Это в значительной степени противоречивые задачи. Количество неизвестных настолько велико, что даже стратегический расчет немногим поможет. Однако не подлежит сомнению: риска, граничащего с катастрофой, нам не избежать, какой бы план действий мы ни избрали.

— Я вижу, к чему вы стремитесь,— тем же низким, усталым голосом сказал Доктор. — Хотите убедить самих себя, что дальнейшие экспедиции мы должны предпринимать, имея возможность наносить мощные, то есть атомные, удары. Разумеется, с оборонительной целью. Поскольку все кончится тем, что против нас будет вся планета, я не имею ни малейшего желания участвовать в этом пирровом начинании, которое останется пирровым, даже если им не известна атомная энергия... А за это поручиться нельзя. Какого рода двигатель приводил в действие их колесо?

— Не знаю,— ответил Инженер,— но не атомный. В этом я почти уверен.

— Это «почти» может нам дорого обойтись,— сказал Доктор.

Он откинулся назад и, закрыв глаза, оперся головой об угол висящей боком книжной полки, как будто устранился от участия в разговоре.

— Квадратура круга,— буркнул Кибернетик.

— А если бы мы попробовали... установить контакт? — начал, помедлив, Химик.

Доктор сел прямо и, глядя на него, произнес:

— Ну, спасибо тебе. А я уже начал бояться, что этого никто не скажет!

— Но пробовать установить контакт — значит отдаться им в руки! — крикнул Кибернетик, вскакивая с места.

— Почему? — холодно поинтересовался Доктор. — Мы можем сначала вооружиться даже атомными излучателями, но не будем подкрадываться ночью к их городам или заводам.

— Хорошо, хорошо. И как же ты себе представляешь такую попытку установления контакта?

— Да, скажи,— поддержал Координатор.

— Я согласен, что мы не должны предпринимать ее сейчас,— ответил Доктор. — Чем больше устройств на корабле мы успеем исправить, тем, конечно, лучше. Нам также нужно оружие — хотя и не атомное... Потом часть из нас будет продолжать работу в ракете, а часть — скажем, трое — отправится в город. Двое останутся сзади, чтобы иметь возможность наблюдать за третьим, который постарается установить контакт с населением.

— Ты продумал все очень детально. Разумеется, решил и то, кто пойдет в город,— зловещим голосом сказал Инженер.

— Да. Решил.

— А я не позволю тебе на моих глазах совершить самоубийство! — крикнул Инженер и, сорвавшись с места, подскочил к Доктору, который даже не поднял головы.

Инженер весь дрожал. Его еще не видели таким возбужденным.

— Уж если мы пережили — все! — такую аварию, если нам удалось выбраться из могилы, в которую превратилась ракета, если мы остались невредимыми, безумно рискуя в этих легкомысленных вылазках — словно планета, чужая планета, — место для туристских походов, — то не затем, чтобы из-за каких-то проклятых фантазий, из-за бредней... — Он задыхался от гнева. — Я знаю, о чем ты думаешь! — кричал он, сжимая кулаки. — Миссия человека! Гуманизм! Человек среди звезд! Благородство! Ты болван со своими идеями, понимаешь?! Никто не хотел нас сегодня убить! Не засыпали никакой массовой могилы!

Что? Верно?! Что? — Инженер наклонился над Доктором, тот поднял глаза, и Инженер умолк.

— Нас хотели убить. И очень возможно, что это была могила убитых, — сказал Доктор, и все видели, с каким трудом он сохранял спокойствие. — А пойти в город нужно.

— После того, что мы сделали? — проговорил Координатор.

Доктор вздрогнул.

— Да, — сказал он. — Мы сожгли труп... да. Делайте то, что считаете правильным. Я подчиняюсь.

Он встал и вышел, переступив горизонтально откинутую дверь. Еще минуту все смотрели ему вслед, как бы ожидая, что он передумает и вернется.

— Напрасно ты так разошелся, — тихо сказал Координатор Инженеру.

— Ты же знаешь... — начал Инженер, но, взглянув в глаза Координатору, повторил еще тише: — Да. Напрасно.

— Доктор прав в одном, — сказал Координатор и подтянул сползавшую повязку. — То, что мы обнаружили на севере, не увязывается с тем, что мы видели на востоке. Город находится от нас примерно на таком же расстоянии, как и завод, по прямой что-нибудь тридцать — тридцать пять километров.

— Больше, — сказал Физик.

— Возможно. Так вот, я не думаю, чтобы какие-нибудь элементы их цивилизации на юге или на западе находились так же близко — из этого следовало бы, что мы упали в самом центре какого-то локального пустыря цивилизации с диаметром шестьдесят километров. Это было бы слишком странно, а потому слишком неправдоподобно. Вы согласны со мной?

— Да, — согласился Инженер, не глядя ни на кого.

— Да, — кивнул Химик. — С самого начала нужно было говорить на таком языке.

— Я разделяю сомнения Доктора, — протянул Координатор, — но его предложение считаю наивным и неприменимым к ситуации. Это не тот уровень. Правила установления контакта с чужими существами вам известны, однако они не предусматривают ситуации, в которой оказались мы — почти безоружные обитатели зарытых в землю обломков. Естественно, мы должны исправлять повреждения корабля, но одновременно идет соревнование — кто быстрее соберет информацию, мы или они. До сих пор мы были впереди. Того, кто на нас напал, мы уничтожили. Мы не знаем, для чего он это сделал. Может, мы действи-

тельно напоминаем каких-то их врагов — это тоже нужно по мере возможности проверить. В связи с тем что запуск систем корабля в ближайшее время нереален, мы должны быть готовы ко всему. Если цивилизация, которая нас окружает, достаточно высоко развита, — а я думаю, это именно так, — то, что я сделал, что мы сделали, в лучшем случае лишь несколько отодвинет момент, когда нас обнаружат. Главные усилия нужно сейчас сосредоточить на вооружении.

— Могу я кое-что сказать? — заговорил Физик.

— Давай.

— Я хотел бы вернуться к точке зрения Доктора. Она, я бы сказал, прежде всего эмоциональна, но он располагает и кое-какими аргументами. Вы все знаете Доктора. Мне кажется, его бы не привело в восторг то, что я могу сказать в защиту его предложения, но все же я скажу. Так вот, совсем не безразлична ситуация, в которой произойдет первый контакт. Если они придут сюда, то придут по... следам. Тогда о взаимопонимании трудно будет даже думать... Без сомнения, на нас нападут, и мы будем вынуждены бороться за жизнь. Если же мы пойдем к ним, шанс взаимопонимания, хотя и ничтожно малый, все-таки будет существовать. Следовательно, со стратегической точки зрения лучше сохранить инициативу и активность, независимо от того, какие по этому поводу можно высказывать соображения морального характера...

— Ну хорошо, а как это будет выглядеть на практике? — спросил Инженер.

— На практике пока ничего не изменится. Нам нужно оружие — и как можно быстрее. Речь идет о том, чтобы мы, вооружившись, приступили к попыткам установления контакта... Но не на исследованной территории.

— Почему? — спросил Координатор.

— Весьма вероятно, что нас заставят драться, прежде чем мы доберемся до города. Невозможно установить контакт с существами, которые носятся в этих дисках, это наихудшие условия, какие можно себе представить.

— А ты уверен, что где-нибудь в другом месте мы наткнемся на лучшие?

— Не уверен, но знаю, что на севере и на востоке нам искать нечего. По крайней мере пока.

— Это мы обдумаем, — сказал Координатор. — Что дальше?

— Необходимо привести в действие Защитника, — сказал Химик.

— Много на это понадобится времени? — повернулся Координатор к Инженеру.

— Не могу сказать. Без автоматов мы до Защитника даже не доберемся. Он весит четырнадцать тонн. Пусть Кибернетик скажет.

— Чтобы его проверить, два дня. Как минимум, — подчеркнул последнее слово Кибернетик. — Но сначала нужно привести в порядок автоматы.

— За это время ты приведешь в порядок все автоматы? — с сомнением спросил Координатор.

— Где там! Два дня у меня займет сам Защитник — после того как я запущу хотя бы один ремонтный автомат. А для этого мне нужен еще один, грузовой. Чтобы его проверить, опять-таки потребуется два дня. И учтите: я не знаю, удастся ли вообще его наладить.

— А нельзя ли вытащить из Защитника сердечник и установить его за временным экраном здесь, на холме, под защитой корпуса? — продолжал спрашивать Координатор.

Он взглянул на Физика. Тот покачал головой:

— Нет. Каждый полюс сердечника весит больше тонны. Кроме того, их не протащить через туннель.

— Туннель можно расширить.

— Они не пройдут в люк. А грузовой люк в пяти метрах над поверхностью и залит водой из лопнувшей кормовой цистерны, ты ведь знаешь.

— Ты проверил зараженность этой воды? — спросил Инженер.

— Да. Стронций, цезий, изотопы бария и все, что хочешь. Ее нельзя ни спустить — это заразило бы всю почву в радиусе четырехсот метров, — ни очистить, пока в антирадиаторах не будет исправных фильтров.

— А я не могу отремонтировать фильтры без микроавтоматов, — добавил Инженер.

Координатор, который переводил глаза с одного на другого, по мере того как они говорили, вступил в разговор:

— Список наших «невозможностей» велик, но это ничего. Хорошо, что мы его рассмотрели с этой стороны. Я думаю о вооружении. Значит, остаются мониторы, так?

— Какие это мониторы, — с оттенком раздражения сказал Инженер. — Незачем обманывать самих себя. Доктор поднял из-за них такой шум, как будто мы собирались начать тут атомную войну. Конечно, из них можно выбрасывать обогащенный раствор, но дальность действия не

превышает семисот метров. Это ручные лейки, и ничего больше, да еще опасные для стреляющего, если на нем нет защитного скафандра. А скафандр весит сто тридцать килограммов.

— Конечно, у нас на борту все вещи страшно тяжелые,— сказал Координатор таким тоном, что никто не понял, насмехается он или нет.— Ты ведь хотел сделать расчет? — напомнил он Физику.

— Сделал. Есть еще такой вариант: два монитора, разнесенные на расстояние не меньше ста метров, стреляют так, чтобы обе выброшенные струи пересекались на цели. Тогда из обоих субкритических потоков образуется критическая масса и происходит цепная реакция.

— Это хорошо для развлечения на полигоне,— заметил Химик.— Не представляю себе такой точности в полевых условиях.

— Выходит, у нас нет вообще никаких атомных мониторов? — удивился Кибернетик. Его охватила злость.— Так для чего же была вся эта дискуссия, спор, ссора: должны ли мы выступать вооруженными до зубов или нет? Мы что, просто развлекаемся?

— Я согласен, что мы многое делаем не подумав,— сказал по-прежнему спокойно Координатор.— Делали до сих пор. Но больше мы не можем позволить себе такой роскоши. Все не совсем так, как ты говоришь,— он смотрел на Кибернетика,— потому что существует первый вариант использования мониторов: выброс половины содержимого резервуара. Тогда произойдет взрыв. Но нужно стрелять из хорошего укрытия и всегда на максимальную дальность.

— Значит, перед тем как открывать огонь, нужно закопаться на метр вглубь, так?

— Самое меньшее на полтора метра, с двухметровым бруствером,— вмешался Физик.

— Ну, это хорошо в позиционной войне. В экспедициях это бессмысленно,— пренебрежительно сказал Химик.

— Ты забываешь о нашем положении,— отпарировал Координатор.— Если не будет другого выхода, один человек с монитором прикроет отступление остальных.

— А! Без всяких метровых насыпей?

— Если не будет времени — без.

Помолчали.

— Сколько у нас еще годной для употребления воды? — спросил Кибернетик.

— Неполных тысяча двести литров.

— Это очень мало.

— Очень мало.

— Теперь прошу делать конкретные предложения,— заговорил Координатор. На белой повязке у него проступило красное пятнышко.— Наша цель — спасти себя и... обитателей планеты.

Стало тихо. Вдруг все головы повернулись в одну сторону. Из-за стены доносилась приглушенная музыка. Медленные такты знакомой им всем мелодии.

— Аппарат уцелел?..— удивленно шепнул Кибернетик.

Никто не ответил.

— Я жду,— напомнил Координатор.— Нет предложений? В связи с этим принимаю решение: экспедиции будут продолжаться. Если удастся установить контакт в благоприятных условиях, сделаем все возможное для взаимопонимания. Наш запас воды чрезвычайно мал. Из-за отсутствия транспортных средств мы не можем его пополнить немедленно. Поэтому придется разделиться. Половина экипажа будет работать в ракете, другая половина — исследовать территорию. Завтра приступим к ремонту вездехода и сборке мониторов. Если успеем, уже вечером предпримем экспедицию на колесах. Кто хочет что-нибудь сказать?

— Я,— отозвался Инженер.

Скорчившись, уткнув лицо в ладони, он, казалось, смотрел на пол сквозь щели между пальцами.

— Пусть Доктор останется в ракете...

— Почему? — удивился Кибернетик.

Все остальные поняли.

— Он... не предпримет ничего против нас... если ты это имеешь в виду,— медленно, осторожно подбирая слова, сказал Координатор. Красное пятно на его повязке немного увеличилось.— Ты ошибаешься, думая...

— Он... нельзя ли его позвать? Я не хотел бы так...

— Говори,— сказал Координатор.

— Вы знаете, что он сделал там... на этом заводе. Он мог погибнуть.

— Да. Но... он один помог мне... разбросать...— Координатор не кончил.

— Это правда,— согласился Инженер. Он не отрывал рук от лица.— Считайте, что я ничего не сказал.

— Кто еще хочет сказать? — Координатор слегка выпрямился, поднес руку к голове, притронулся к повязке и посмотрел на пальцы.

Музыка за стеной все еще играла.

— Здесь или там — неизвестно, где мы столкнемся с ними раньше, — понизив голос, сказал Физик Инженеру.

— Бросим жребий? — спросил Химик.

— Это невозможно; оставаться всегда должны те, у кого на корабле есть работа, то есть специалисты, — сказал Координатор.

Он медленно, как-то неуверенно привстал и вдруг покачнулся. Инженер подскочил, поддержал его, заглянул в лицо.

— Ребята, — сказал он.

Физик обнял Координатора с другой стороны. Координатор позволил им себя поднять. Остальные раскладывали на полу подушки.

— Не хочу лежать, — сказал Координатор, закрыв глаза. — Помогите мне. Спасибо. Это ничего, кажется, шов разошелся.

— Сейчас будет тихо, — сказал Химик и пошел к двери.

Координатор широко открыл глаза:

— Нет, нет, что ты, пусть играет...

Кто-то позвал Доктора. Он сменил повязку, наложил дополнительные скобы и дал Координатору какие-то укрепляющие порошки. Потом все улеглись в библиотеке. Было уже около двух ночи, когда они наконец погасили свет, и на корабле воцарилась тишина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующий день с утра Физик с Инженером откачали из резерва реактора четыре литра обогащенного раствора урановых солей. Свинцовый контейнер с тяжелой жидкостью стоял посреди уже приведенной в порядок лаборатории. Физик и Инженер работали в неуклюже раздутых пластиковых защитных костюмах и в капюшонах с кислородными масками. Они тщательно отмеряли мензуркой порции ценной жидкости, стараясь не пролить ни капли. Для того чтобы началась цепная реакция, было достаточно четырех кубиков раствора. Зарядными устройствами мониторов, укрепленных в штативах на столе, служили специально вытянутые капиллярные трубки из свинцового стекла. Окончив работу, Инженер счетчиком Гейгера проверил герметичность, поворачивая и встряхивая каждый монитор. Утечки не было.

— Не трещит, все в норме, — довольно сказал Физик.

Дверь радиоактивного хранилища — бронированная свинцовая плита — медленно поворачивалась вслед за оборотами рукоятки. Физик и Инженер поставили внутрь сосуд с ураном и, когда задвижка защелкнулась, с облегчением сорвали со вспотевших лиц маски и капюшоны.

Остальную часть дня экипаж возился с вездеходом. В нем помещалось четыре человека, включая водителя, имелся открытый решетчатый багажник на двести килограммов груза. Очень остроумно были устроены колеса вездехода, диаметр которых водитель мог менять на ходу, подкачивая воздух в шины так, что они достигали полутораметровой высоты.

Приготовление одной порции изотопной смеси, которая питала электромоторы вездехода, продолжалось шесть часов. Правда, занят был только один человек, наблюдавший за работой реактора.

Инженер и Координатор тем временем лазали на четвереньках по подпалубным туннелям, проверяя кабели, протянувшиеся от носовой рубки к распределительным устройствам машинного отделения, и в случае необходимости заменяя их новыми. На холме под защитой ракеты Химик устроил нечто вроде адской кухни и варил в жаропрочных сосудах какое-то месиво, булькающее на медленном огне, словно грязевой вулкан. Он растворял, плавил и смешивал просеянные обломки пластиков, вынесенные ведрами с корабля, а поодаль уже ждали матрицы — он намеревался заново отлить разбитые распределительные щиты. Он был зол и не желал ни с кем разговаривать: первые отливки оказались слишком хрупкими.

Координатор, Химик и Доктор должны были отправиться на юг в пять, за три часа до наступления темноты. Как обычно, выехать вовремя не удалось, только около шести все было готово и уложено. Четвертое сиденье занял монитор. Багажа они взяли очень немного, зато сзади к багажнику привязали столитровую канистру для воды — большую не удалось протащить через туннель.

После обеда Инженер, вооружившись большим биноклем, вскарабкался на корпус корабля и очень медленно пошел по нему вверх. Правда, ракета воткнулась в грунт под очень небольшим углом, но благодаря ее длине корма с раструбом дюз висела над равниной на высоте двух этажей. Найдя удобное место, он уселся между конусообразно расширенной обшивкой верхней дюзы и вогнутой частью

основного корпуса ракеты. Обернувшись, Инженер скользнул взглядом вниз — по всей длине освещенной солнцем трубы. Там у темного пятнышка выхода из туннеля стояли люди, отсюда они казались маленькими, похожими на букашек. Он взял бинокль и плотно приник к нему. Увеличение было значительным. Картина, открывшаяся ему, подрагивала — сказывалось напряжение в руках, требовалось опереться локтями в колени, а это было неудобно.

«Всего проще,— подумал он,— свалиться отсюда». Керамитовая обшивка дюзы была твердой — ее нельзя было даже поцарапать — и настолько гладкой, что на ощупь казалась покрытой тонкой жировой пленкой. Инженер уперся рубчатой резиновой подошвой ботинка в выпуклый конус дюзы и медленно повел биноклем вдоль линии горизонта.

Раскаленный воздух дрожал. Инженер почти физически ощущал давление солнечных лучей на лицо. Он обрадовался тому, что Доктор охотно принял план Координатора, который одобрили все остальные. Он сам рассказал Доктору об этом плане. Доктор даже слышать не хотел о каких-либо извинениях и все перевел в шутку. Но Инженера поразили конец их разговора. Ему уже казалось, что обсуждать больше нечего, как вдруг Доктор задумчиво притронулся к его груди и рассеянно заговорил:

— Я хотел тебя кое о чем спросить... ага. Ты знаешь, как установить ракету вертикально, когда мы ее отремонтируем?

— Сначала нам нужно будет привести в действие грузовые автоматы и экскаватор... — начал Инженер.

— Нет,— прервал его Доктор.— Тебе известно, что я не разбираюсь в технических деталях. Скажи мне только, ты — ты сам — знаешь, как это сделать?

— Тебя пугает цифра — шестнадцать тысяч тонн, да? Архимед готов был перевернуть Землю, имея точку опоры. Подкопаем ее и...

— Извини, это не то. Я спрашиваю не о том, знаешь ли ты теоретические или практические способы вообще, а уверен ли ты, что сумеешь это сделать — подожди же! — и можешь ли ты дать мне слово, что, ответив «да», ты скажешь то, что думаешь?

Инженер заколебался. В довольно туманной программе работ оставалось еще несколько неясных пунктов, но он убеждал себя, что, когда дело дойдет до этой, самой трудной фазы, все как-то устроится. Прежде чем он ответил, Доктор взял его руку и пожал ее.

— Нет, уже не надо,— сказал он.— Знаешь, Генрих, почему ты так кричал на меня? Нет, нет, я тебя не упрекаю! Потому что ты точно такой же болван, как и я, и не хочешь в этом признаться.

Он улыбнулся и вдруг стал очень похож на свою студенческую фотографию, которую Инженер видел у него в ящике стола.

— Credo, quia absurdum¹. Ты учил латынь?

— Да,— ответил Инженер.— Но все забыл.

Доктор заморгал, отпустил его руку и отошел, а Инженер остался на месте и подумал, что Доктор хотел сказать что-то совсем другое и, если как следует сосредоточиться, можно отгадать, о чем он говорил на самом деле, но вместо того, чтобы сосредоточиться, он почувствовал неизвестно почему отчаяние и страх. К счастью, Координатор позвал его в машинное отделение, где оказалось столько работы, что у него не осталось ни секунды на размышления.

Сейчас Инженер вспоминал вчерашнюю сцену и свое состояние, но так, словно ему об этом кто-то рассказывал. В бинокль виднелась равнина, до самого голубеющего небосвода плавно вздымавшаяся горбами, перечеркнутыми полосами тени. Вчера вечером в глубине души он был уверен, что их найдут и что утром придется драться. Этого не случилось, и он в очередной раз решил не обращать внимания на свои предчувствия, во власти которых он так часто оказывался. Он сощурил глаза, чтобы лучше видеть. В увеличительных стеклах бинокля вырисовывались кучи стройных серых чаш, которые временами окутывались тучами пыли. Там, видно, сильно дуло, а здесь, на своем наблюдательном пункте, Инженер не ощущал ничего. У горизонта была возвышенность. А еще дальше маячило что-то длинное и темное, отсюда, с расстояния двенадцати-пятнадцати километров, похожее на облака, проплывающие над поверхностью. Время от времени там что-то приподнималось, а потом пропадало. Но все это ни о чем не говорило. Однако была в этом явлении какая-то непостижимая периодичность. С помощью секундомера он вычислил, что между вздутиями сохраняется интервал в восемьдесят шесть секунд.

Инженер спрятал бинокль в футляр и медленно, опираясь сразу на всю ступню, двинулся вниз по керамитовым плитам. Он сделал десяток шагов, когда услышал, что за ним кто-то идет. Он резко обернулся, потерял равновесие,

¹ Верю, потому что абсурдно (*лат.*).

покачнулся и, вытянув руки, упал на обшивку. Еще не успев поднять голову, он услышал отчетливо повторенный шум собственного падения.

Сгорбившись, Инженер поднялся на колени.

В каких-нибудь девяти метрах от него, на самом краю верхнего кольца рулевых дюз сидело что-то маленькое, размером с кошку, и внимательно следило за ним. Животное (ощущение, что это — животное, появилось сразу же) торчало столбиком, как белка, и Инженер видел его бледно-серое вздувшееся брюшко и сложенные на брюшке лапки — все четыре, с забавно сходящимися в самом центре коготками. Кромку керамитового кольца животное охватывало каким-то желтоватым, блестящим, словно застывшее желе, отростком, торчащим из конца туловища. Серая круглая кошачья головка не имела ни пасти, ни глаз, но вся была усыпана черными блестящими бисеринками, как подушечка со множеством тесно воткнутых в нее булавок. Инженер вскочил, сделал три шага в сторону зверька (совершенно ошеломленный, он почти забыл, где находится) и услышал как бы эхо шагов, их утроенный отголосок. Он понял, что это существо может имитировать разные звуки, и медленно подошел еще ближе, соображая, не снять ли с себя рубашку, чтобы использовать ее как сачок, но зверек вдруг преобразился.

Сложенные на круглом брюшке лапки затрепетали, блестящий отросток развернулся, как большой веер, кошачья головка жестко вытянулась на длинной голой шее, и, окруженное слабо мерцающим ореолом, существо поднялось в воздух, мгновение висело неподвижно, а потом, взлетев по спирали, набрало высоту и исчезло.

Инженер спустился вниз и как можно подробнее рассказал об этой встрече.

— Это даже хорошо, а то я уже удивлялся, почему здесь нет никаких летающих животных,— сказал Доктор.

Химик напомнил ему про белые цветы у ручья.

— Они скорее походили на насекомых,— сказал Доктор,— как здешние... ну... бабочки. Но вообще-то воздух тут слабо заселен, а если на планете эволюционируют живые организмы, возникает биологическое давление, благодаря которому должны быть заполнены все возможные среды, все экологические ниши... Мне здесь очень не хватает птиц.

— Оно похоже скорее на... летучую мышь,— сказал Инженер.— Оно покрыто шерстью...

— Возможно,— согласился Доктор, который не стре

мился отстаивать в этом коллективе свою монополию на биологические знания. И, как бы больше из вежливости, чем из интереса, добавил: — Говоришь, оно имитировало звук шагов? Любопытно. Ну что ж, в этом должна быть какая-то целесообразность.

— Не мешало бы хорошенько обкатать машину на местности. Ну, ничего, думаю, не подведет,— сказал Координатор, выползая из-под вездехода, уже готового в путь.

Инженера немного разочаровало безразличие, с каким товарищи приняли его открытие, но себе он признался, что его больше поразили необычные обстоятельства встречи, нежели сам летающий зверек.

Все немного побаивались минуты расставания. Остающиеся стояли у ракеты и смотрели, как смешная машина описывает все более широкие круги, объезжая ракету. Координатор, уверенно управлявший вездеходом, сидел на переднем сиденье за стеклянным щитком. Доктор и Химик устроились сзади, рядом с ними торчал тонкий ствол монитора. Подъехав совсем близко к ракете, Координатор крикнул:

— Постараемся вернуться к полуночи, до свидания!

Он резко увеличил скорость, и через минуту вездеход исчез за стеной золотистой пыли, которую плавно сносило к западу. Снизу вездеход прикрывало прозрачное днище, чтобы водитель мог видеть преодолеваемые препятствия. Электрические моторы размещались в дисках колес, а две запасные шины возвышались на прикрепленной сзади канистре.

Пока местность была ровной, ехали со скоростью шестьдесят километров в час. Доктор все время оглядывался назад, но скоро потерял ракету из виду. Тихо пели моторы, пыль клубами била из высохшего грунта, застывая степной пейзаж, и, редая, уплывала в даль степного пейзажа.

Довольно долго никто не произносил ни слова. Впрочем, пластиковое стекло защищало от ветра только водителя. Сидящим сзади основательно дуло в лицо и, чтобы слышать друг друга, им пришлось бы кричать. Местность повышалась, становилась все более холмистой, последние серые чаши исчезли, разбросанные далеко по равнине пятна паучьих зарослей тоже остались позади, кое-где стояли полувysохшие дышащие деревья с беспомощно обвисшими гроздьями листьев, лишь изредка вздрагивавших в слабом неритмичном пульсе. Вдали появились протянувшиеся далеко друг от друга борозды, но вращаю-

щиеся диски не показывались. Несколько раз шины мягко подпрыгивали, пересекая взрыхленный грунт, из него высывались остроконечные, белые, как высушенная кость, обломки скал, длинные языки осыпей тянулись от них к подножию огромного склона, по которому поднимался вездеход. Колючий гравий тревожно шуршал под колесами, уклон рос. Ехали они уже совсем медленно. Пришлось убавить скорость — у моторов были резервы мощности, но Координатор берег их на этой трудной местности.

Выше, между желто-бурыми гребнями, блестела, перегораживая дорогу, какая-то длинная тонкая полоса. Координатор еще больше сбавил скорость. Поперек склона, там, где он плавно переходил в плато, над которым торчало что-то неопределенное, в обе стороны разбегалась гладкая, вдавленная в почву зеркальная лента. Коснувшись ее кромки передними колесами, вездеход остановился. Координатор спрыгнул с сиденья, потрогал зеркальную поверхность прикладом электрожектора, ударил в нее посильнее, наконец, ступил, подпрыгнул — лента не шелохнулась.

— Сколько мы уже сделали? — спросил Химик, когда Координатор вернулся.

— Пятьдесят четыре, — ответил тот и осторожно тронул машину с места.

Вездеход мягко качнулся, переехал через ленту (она выглядела как идеально прямой канал, наполненный застывшей ртутью) и, увеличивая скорость, помчался мимо мачт, увенчанных вибрирующими вихрями, пролетающими то слева, то справа. Потом многорядье мачт плавно повернуло на восток, а вездеход продолжал мчаться по прямой — стрелка компаса все время показывала точно на букву «S».

Плато выглядело угрюмо: растительность постепенно сдавала свои позиции в сражениях с массами песка, которые приносил горячий, как из печки, восточный ветер. Из низких барханов торчали почерневшие, только у самой земли бледно-карминные кусты с осыпающимися кожистыми стручками. Иногда в высохших зарослях шевелилось что-то пепельное, несколько раз чуть ли не из-под самых колес вездехода выскакивали какие-то существа, но люди не успевали рассмотреть даже контуры этих животных — с такой стремительностью те влетали в чащу.

Координатор лавировал, объезжая заросли колючего кустарника. Раз пришлось даже вернуться, когда они

въехали в просеку, наглухо перекрытую песчаной дюной. Ехать становилось все труднее. Чувствовалось отсутствие воды; большинство растений было совсем сожжено солнцем, под порывами горячего ветра они издавали мертвый бумажный шелест. Вездеход поспешно поворачивал, двигаясь вдоль стен, образованных нависшими ветвями, из полопавшихся гроздьев сыпалась желтоватая пыль, которая покрывала ветровое стекло, комбинезоны, лица людей; дышать было трудно. Доктор поднялся с сиденья и наклонился вперед, когда неожиданно завизжали тормоза, и машина остановилась.

Впереди, в нескольких десятках шагов, плато обрывалось, кусты тянулись до самой линии обрыва черной, янтарно отсвечивающей под солнцем щеткой. Вдали над невидимой котловиной вставали склоны высоких гор. Координатор выпрыгнул из машины и пошел к ближайшему кусту с длинными, мягко раскачивающимися на фоне неба ветками.

— Спустимся, — сказал он, возвращаясь.

Машина осторожно двинулась вперед, внезапно задрала зад, как будто собиралась перевернуться, канистра забренчала, ударяясь о решетку багажника, тормоза предостерегающе зашипели. Координатор включил насос, колеса разбухли на глазах, неровности крутизны сразу же стали ощущаться меньше.

Они увидели, что спускаются к волнистой пелене облаков. Изнутри ее пробивал грушевидный столб бурого дыма. Он почти не расплывался в воздухе. Это своего рода вулканическое извержение длилось несколько десятков секунд, потом столб дыма с огромной быстротой начал опадать, скрываясь между белыми облаками, пока не исчез в них, всосанный обратно в гигантскую глотку, которая перед этим его вытолкнула.

Вся долина делилась на два яруса: верхний — ярко освещенный солнцем, и нижний — далекий, невидимый, затянутый пеленой непроницаемых облаков. Вездеход катился к ним, раскачиваясь и подпрыгивая, прерывисто попискивая тормозами. Лучи низкого солнца еще несколько минут освещали далекие склоны на противоположной стороне, где, будто вырастая из чащи бурых и фиолетовых зарослей, торчали, поблескивая, приземистые сооружения с зеркальными поверхностями. Смотреть на них было трудно — отраженное солнце ослепляло. До слоя белых облаков, казалось, было рукой подать, граница обрыва, обозначенная на голубом фоне зубчатой линией

кустов, осталась высоко позади; машина шла все медленнее. Внезапно они окунулись в какие-то влажные испарения, вокруг потемнело. Координатор снова притормозил; теперь они продвигались шаг за шагом. Потом зрение прировнилось к окружающей их молочной дымке. Координатор включил фары, но сразу же их погасил, потому что электрический свет не пробивал эту мглу. Внезапно она развеялась.

Стало холодней, в воздухе висела влага. Вездеход катился по отлогому склону. Низкие облака тянулись далеко к бурым, черным и серым пятнам, расплывающимся в глубине долины. Впереди что-то слабо, туманно поблескивало, как будто в воздухе был разлит слой маслянистой жидкости. Они почувствовали, что у них снова затуманились глаза. Доктор и Химик почти одновременно подняли руки, чтобы протереть их, но безрезультатно. Вдруг от мерцающего сияния отделилась темная точка и направилась навстречу людям. Вездеход шел теперь по ровному месту, такому гладкому, словно оно было искусственно укатано и утрамбовано; черная точка росла, люди увидели, что она катится на круглых колесах, — это был их вездеход, его отражение в какой-то поверхности. Когда изображение стало таким большим, что люди уже почти различали собственные черты, оно начало колебаться и пропало. Через то место, где должно было находиться невидимое зеркало, машина прошла, не встретив никакого препятствия, лишь на мгновение ее залила волна слабого тепла, будто они проехали через невидимую разогретую преграду. В то же мгновение исчезло то, что минуту назад мешало им смотреть вперед.

Под шинами захлопало — вездеход въехал в мелкое болотистое озерцо, вернее, в лужу, по которой тянулись мутные полосы. Там и тут возвышались бугры более светлой почвы, пропитанной водой, по ним текли ручейки, вливающиеся в лужу. Дальше, по правую сторону, темнели какие-то бесформенные развалины, похожие не столько на остатки стен, сколько на рулоны перепачканных помятых тканей, лежащие один на другом, то возносящиеся на высоту нескольких метров, то опускающиеся к самой поверхности. Вездеход пробирался между ямами; что в них было, люди не видели. Координатор, подъехав вплотную к глинистому отвалу, остановился около одного из них, вылез из машины и вскарабкался на груды породы. Он наклонился над прямоугольным колодцем. Химик и Доктор увидели, как изменилось его лицо, и молча высо-

чили вслед за ним; ком глины развалился под ногой Доктора, чавкнуло болото. Химик поддержал его и потянул за собой.

В яме с отвесными утрамбованными стенками лежал навзничь обнаженный труп с лицом, залитым водой. Над черным зеркалом воды выступали только мощные грудные мышцы, между которыми торчал детский торс.

Трое людей подняли головы, переглянулись и спустились с глинистого бугра. Из рыхлых комьев глины при каждом шаге выдавливалась вода.

— На этой планете есть что-нибудь кроме могил? — спросил Химик.

Они стояли около вездехода, не зная, что делать. Координатор побледнел, отвернулся, огляделся кругом. Повсюду тянулись неровные ряды глинистых бугров, чуть дальше справа серели громады таких же взлохмаченных руин, среди них белела какая-то змеистая линия. По другую сторону — за пятнами перекопанной глины — блестела суживающаяся кверху наклонная плоскость, как бы отлитая из пористого металла. От ее основания расходились зубчатые полосы. Вдали между лениво проплывающими облаками испарений просвечивало что-то отвесное, черное, похожее на стенку огромного котла; сквозь редкие разрывы тумана или пара проглядывали фрагменты чего-то целого, и чувствовалось только, что там стоит нечто огромное, словно вырубленное из целой скалы.

Координатор уже садился в машину, когда издалека донесся глубокий, будто исходящий из недр вздох, беловатый туман слева разошелся, уступив мощному порыву ветра, который тотчас же принес горький всепроникающий запах. Они увидели взметнувшуюся к облакам трубу причудливой формы. Из нее перевернутым водопадом бил коричневый столб стометровой, пожалуй, толщины, он разбрасывал беспокойно волнующееся молоко туч и исчезал. Это длилось, может быть, с минуту, потом наступила тишина, снова послышался сдавленный стон, ветер изменил направление, тучи упали ниже, от них отделились, постепенно закрывая черную трубу, длинные султаны, и вскоре она почти целиком скрылась за ними.

Координатор дал знак. Доктор и Химик заняли свои места, вездеход неуклюже закачался на грудах глины и подошел к следующей яме; люди заглянули внутрь. Яма была пуста, в ней стояла только черная вода. Снова послышался далекий приглушенный шум, облака вспучились, из вулканической трубы вырвался коричневый гейзер и опять

всосался обратно. Люди, поглощенные ездой и непрерывными остановками, обращали все меньше внимания и на эти равномерные изменения, и на кипение туч и дымов внутри котловины. Выше колен забрызганные грязью, они прыгали в рыхлые насыпи, карабкались по скользким склонам и заглядывали в ямы. Иногда под комком глины, сброшенной чьей-нибудь ногой, всплескивала вода, они спускались, садились в машину и ехали дальше.

Из восемнадцати осмотренных ям в семи были обнаружены мертвые тела. И, удивительное дело, по мере того как они находили новые трупы, их ужас, отвращение, негодование как будто шли на убыль. Возвращалась способность наблюдать. Они заметили, что чем ближе подъезжал вездеход к колеблющейся стене тумана, то заслонявшей, то вновь открывавшей черный колосс, тем меньше воды становилось в ямах. Наклонившись над очередным квадратным колодцем, они увидели, что все дно его занимает сложенное вдвое тело. Оно казалось бледнее других и вроде бы отличалось от них формой. Следующие две ямы оказались пустыми, а в третьей, совсем уже сухой, всего в нескольких сотнях шагов от лопатообразной наклонной плоскости, на боку лежало тело, совсем непохожее на другие; маленькие ручки торчали в стороны — одна из них была расщеплена у самого конца на два толстых отростка.

— Что это? — запинаясь, пробормотал Химик, стискивая плечо Доктора. — Видишь?

— Вижу.

— Он какой-то другой — у него нет пальцев.

— Может, увечье, — буркнул Координатор.

Это прозвучало неубедительно.

У последней ямы перед наклонной плоскостью они задержались еще раз. Она выглядела совсем свежей: кусочки глины медленно отваливались от вздрагивающих, оседающих стен, казалось, из четырехугольной ямы всего мгновение назад вынули грунт огромной лопатой.

— О, господи... — бледнея, прохрипел Химик и, едва не свалившись в яму, спрыгнул с насыпи.

Доктор заглянул в лицо Координатору.

— Поможешь мне вылезти? — спросил он.

— Да. Что ты собираешься делать?

Доктор встал на колени, оперся о края ямы и осторожно спустился вниз, стараясь не коснуться ногами развалившейся на дне огромной туши. Он наклонился над ней, инстинктивно задержав дыхание. Сверху казалось, что

ниже грудных мышц, сразу под тем местом, где из складок кожи мясистого большого торса высывался второй, маленький, в беспомощное тело воткнул металлический стержень.

Вблизи Доктор увидел, что они ошибались.

Из-под складок кожи выступал похожий на пупок синеватый тонкостенный нарост, а металлическая трубка, изогнутый конец которой терялся, придавленный спиной мертвеца, была введена в этот нарост. Доктор пошевелил ее, сначала осторожно, потом потянул сильнее, наклонился еще ближе и обнаружил, что конец трубки, просвечивающий сквозь натянутую кожу, соединен с ней непрерывным швом маленьких поблескивающих жемчужин. С минуту он размышлял, не отрезать ли трубку вместе с наростом, медленно полез в карман за ножом, все еще ничего не решив, но, выпрямляясь, взглянул прямо в сплюснутое личико, неестественно откинувшееся к стенке колодца, и остолбенел.

Там, где у существа, вскрытого им в ракете, находились ноздри, у этого был широко открытый голубой глаз, который, казалось, смотрел на Доктора с молчаливым напряжением. Доктор посмотрел вверх. «Что там?» — услышал он голос Координатора, увидел его черный на фоне туч силуэт и понял, почему они не заметили этого сверху: головка существа опиралась о стенку, и, чтобы взглянуть на нее прямо, нужно было находиться именно там, где он сейчас стоял.

— Помогите мне, — сказал Доктор, встал на цыпочки и крепко ухватился за протянутую руку. Координатор потянул его, Химик помог, они рванули Доктора за ворот комбинезона, и он очутился наверху, весь перемазанный глиной.

— Мы ничего не понимаем, — сказал он. — Слышите? Ничего. Ничего!!! — И добавил тише: — Я вообще не представляю себе ситуации, в которой человек настолько не мог бы ничего, совсем ничего понять!

— Что ты нашел? — спросил Химик.

— Они действительно отличаются друг от друга, — сказал Доктор. — У одних есть пальцы, а у других нет. У одних есть нос и нет глаза, а у других есть глаз, но нет носа. Одни больше и темнее, другие светлее и с более коротким туловищем. Одни...

— Ну и что из этого? — нетерпеливо прервал его Химик. — Люди тоже бывают разных рас, у них разные черты, цвет кожи, чего же здесь непонятного? Тут речь

идет о другом: кто, почему, зачем устраивает эти ужасные боины?

— Я не совсем уверен, что это боины,— тихо ответил Доктор.

Он стоял, опустив голову. Химик смотрел на него ошеломленно:

— Что это должно... что ты...

— Я ничего не знаю...— с усилием сказал Доктор. Он машинально, совершенно не замечая этого, пытался вытереть платком испачканные глиной руки.— Но одно я знаю,— добавил он вдруг, выпрямляясь.— Я не могу этого объяснить, но разница между ними не похожа на различие рас в пределах одного и того же вида. Слишком важны глаза и нос, зрение и обоняние.

— На Земле есть муравьи, у которых специализация зашла еще дальше. У одних есть глаза, у других нет, одни могут летать, другие только ходить, одни являются кормильцами, другие — воинами. Я должен учить тебя биологии?

Доктор пожал плечами.

— Все, что происходит, ты сразу же втискиваешь в готовую, привезенную с Земли схему,— сказал он.— Если какая-то деталь, какой-то факт не укладывается в нее, ты его просто отбрасываешь. Я не могу тебе сейчас этого доказать, но я знаю, просто знаю, что это не имеет ничего общего ни с расовыми различиями, ни со специализированной дифференциацией вида. Помните тот обломок — конец трубки, иглы, который я нашел при вскрытии? Конечно, мы все подумали — и я тоже,— что то существо, ну, хотели убить. А у этого... Нет, все это совсем другое. У него есть нарост, присоска или нечто в этом роде, и трубка туда просто вставлена, введена внутрь. Так же, как человеку вставляют трубку в дыхательное горло при трахеотомии. Конечно, это не имеет ничего общего с трахеотомией — у него просто нет трахеи. Я не знаю, что это такое, и ничего не понимаю, но, во всяком случае, знаю хоть это!

Доктор забрался в вездеход и спросил Координатора, который обходил машину с другой стороны, чтобы занять свое место:

— А что ты скажешь?

— Что нужно ехать дальше,— ответил Координатор и взялся за руль.

Смеркалось. Вездеход по большой дуге объехал наклонное образование; оказалось, что это не искусственное сооружение, как думали они, а разлившийся по равнине рукав магматической реки, которая вся целиком предстала перед ними только теперь; ниспадая по склонам с верхнего яруса долины, она застыла десятками растрескавшихся оползней и каскадов. Волнистая оболочка скрывала нижнюю часть склона, только наверху, где крутизна резко увеличивалась, из этого мертвого потока торчали голые ребра скал.

С противоположной стороны ущелья с высохшим глинистым дном, изрезанным зигзагами трещин, высился уходящий в тучи горный хребет, его покрывал черноватый кожух растительности. В свинцовых сумерках застывшая река с блестящими гребнями неподвижных волн выглядела как огромный ледник. Долина оказалась гораздо обширнее, чем можно было предположить, глядя на нее сверху, — за горной тесниной простирался ее боковой рукав, здесь долина тянулась вдоль огромных магматических выступов. С правой стороны восходили вверх пологие террасы — почти совсем голые, над ними проплывали сизые облачка. В глубине горной котловины время от времени слышался шум скрытого за скалами гейзера, и тогда глухой, протяжный звук заполнял всю долину...

Постепенно краски тускнели, формы теряли четкость, словно их размывало водой. Вдали перед вездеходом темнели рыжие изломы не то стен, не то скальных склонов, это хаотичное нагромождение обливал мягкий свет, хотя солнце было скрыто тучами.

Ближе, по обеим сторонам расширяющегося ущелья, правильным двурядьем стояли темные колоссы, невероятно высокие и узкие, похожие на палицы или баллоны. К первым из них вездеход подъехал уже в сумерках, которые сгущались тенью, отбрасываемой огромными фигурами. Координатор включил фары, и за пределами освещаемого их лучами пространства сразу сделалось темно, будто внезапно наступила ночь. Колеса перекатывались через пласты застывшего шлака, его обломки потрескивали, как стекло, языки света облизывали стены гигантских резервуаров или баллонов, вспыхивавшие ртутным блеском. Последние следы глины исчезли, вездеход покачивался на плавных неровностях застывшей, как лава, массы, вода, скопившаяся в углублениях мелкими черными лужами, с

шумом разбрызгивалась под колесами. На фоне туч тонкой паутиной чернела воздушная галерея, соединявшая два сооружения, отстоящие друг от друга метров на сто. Фары вырвали из тьмы несколько поваленных набок машин с выпуклыми дырчатыми днищами, сквозь отверстия виднелись зубцы, с которых свисали пучки истлевшей ветоши. Они задержались, чтобы удостовериться, что машины брошены давно — металлические плиты уже разъела ржавчина.

Воздух пропитался влагой, тянуло приторным смрадом и запахом гари. Координатор сбросил скорость и свернул к подножию ближайшей палицы. К ней вела гладкая, кое-где выщербленная по краям плита, огороженная с двух сторон наклонными плоскостями со сложной системой канавок. Основание сооружения рассекала черная как смола линия, она расширялась, росла, становилась входом. Цилиндрическая стена терялась в высоте, уже невозможно было охватить взглядом всю ее безмерность. Над темной пастью, ведущей в невидимую глубь, выступал похожий на гриб обвисший навес — казалось, строитель забыл о нем и оставил неоконченным. Они как раз въезжали под него. Координатор снял ногу с акселератора; огромный вход зиял темнотой, в которой беспомощно терялся свет фар; влево и вправо разбегались широкие, слегка углубленные желоба, они уходили вверх огромными спиральными витками — вездеход почти остановился, потом начал очень медленно въезжать на тот желоб, который вел вправо.

Людей окружала непроницаемая тьма, только в снопах света над кромками желоба появлялись и исчезали веерообразные растянутые ряды наклонных телескопических мачт. Вдруг над их головами заплясали многократно отраженные отблески и вверху замаячили хороводы беловатых призраков. Координатор зажег широкоугольный прожектор, установленный рядом с рулем, и, задрав его вверх, водил им кругом. Поток света, постепенно слабея, скользнул, как по ступенькам, по белым прямоугольным рамам, которые, появляясь из мрака, вспыхивали костяным блеском и пропадали.

— Нет, это ничего не даст, — слышался голос Координатора, искаженный громким металлическим эхом замкнутого пространства. — Погодите, у нас ведь есть ракеты.

Фары разливали над вездеходом тусклое сияние. Координатор спрыгнул с сиденья, черной тенью наклонился над краем желоба, — звякнул металл; он крикнул:

— Смотрите вверх! — И подскочил к машине.

Почти в тот же момент с пронзительным шипением вспыхнула магнезия, и призрачный трепещущий свет мгновенно отодвинул мрак.

Желоб пятиметровой ширины, на котором стоял вездеход, кончался немного выше, дугой уходя в глубину прозрачного коридора, точнее шахты,— так круто она набирала высоту. Серебряной трубой она врезалась в скопление сверкающих пузырей, нависавших над людьми и заполнявших, словно бесчисленные ячейки стеклянного улья, пространство под куполом свода. За концентрирующими свет прозрачными выпуклыми стенками внутри стеклянных ячеек виднелись костяные уродцы. Это были снежно-белые, почти искрящиеся, широко оседавшие на лопатообразные нижние конечности скелеты с веером ребер, пучками выходявших из овально удлинённого костяного диска, и в каждой такой несомкнутой спереди грудной клетке находился тоненький, полусогнутый скелетик не то птицы, не то обезьянки с беззубым круглым черепом. Бесконечные шпалеры заключённых в стеклянные яйца скелетов белели, взмывая многоэтажными спиралями все дальше и выше, надутые пузырями стены усиливали и рассеивали свет, так что невозможно было отличить реальные формы от их зеркальных отражений.

Люди сидели окаменев. Пламя магнезии погасло. В последней его желтоватой вспышке блеснули вздутые стеклянные пузыри, и стало темно. Прошла пара минут, прежде чем они сообразили, что фары горят по-прежнему, упираясь столбами света в днища стеклянных сосудов.

Координатор подъехал к самому устью шахты. Заскрипели тормоза, машина легко развернулась и встала поперек ската. Прозрачная труба туннеля уходила круто вверх, но, придерживаясь за стены широко расставленными руками, можно было преодолеть наклон. Координатор вывернул прожектор из шарового гнезда, и три человека вошли в шахту, таща за собой кабель.

Пройдя несколько десятков метров, они поняли, что спиральная шахта пронизывает все внутреннее помещение купола. Прозрачные камеры размещались с обеих ее сторон, немного выше вогнутого дна, по которому приходилось идти, сильно наклоняясь вперед. Это было очень утомительно, но вскоре крутизна туннеля уменьшилась. Из каждого сплюснутого по бокам пузыря в туннель высовывалась горловина, закрытая круглой, точно пригнанной к отверстию чечевицеобразной крышкой из подернутого лег-

кой дымкой стекла. Люди все шли и шли, в луче прожектора проплывали костяные хороводы. Скелеты были разной формы. Люди поняли это только через некоторое время, потому что соседние скелеты почти ничем не отличались друг от друга. Чтобы обнаружить разницу, нужно было сравнить экземпляры из отдаленных один от другого участков огромной спирали.

По мере продвижения вверх все явственней смыкались грудные клетки скелетов, нижние конечности уменьшались, словно поглощаемые разросшейся костной пластиной, зато у маленьких уродцев, находившихся внутри, росли головы, их черепа странно вздувались по бокам, виски становились более выпуклыми, так что у некоторых было как бы три слившихся вместе черепных свода — большой в середине и два поменьше, выше ушных отверстий.

Шагая след в след, Координатор, Химик и Доктор отмерили полтора витка спирали, когда их остановил неожиданный рывок: кабель прожектора размотался до конца. Доктор хотел идти дальше с фонариком, но Координатор воспротивился этому. От главного туннеля через каждые несколько шагов ответвлялись боковые ходы, ничего не стоило заблудиться в этом выдутном из стекла лабиринте. На обратном пути они пробовали открыть одну, другую, третью крышку, но ничего не получилось — крышки были как будто сплавлены в одно целое со стенками прозрачных ячеек.

Днища пузырей тонким слоем покрывала мелкая беловатая пыль, кое-где в ней виднелись неясные просветы, напоминавшие какие-то непонятные следы или рисунки. Шедший последним Доктор на каждом шагу останавливался у выпуклых стенок: он все еще не мог разобраться, каким образом подвешены скелеты, что их поддерживает. Он хотел заглянуть в один из боковых коридорчиков, но Координатор торопил, поэтому Доктор отказался от дальнейших исследований, тем более что Химик ушел с прожектором вперед.

Они спускались все быстрее и наконец очутились около вездехода. После застоявшегося нагретого воздуха, наполнявшего стеклянный туннель, здесь дышалось особенно легко.

— Возвращаемся на корабль? — не то спросил, не то предложил Химик.

— Нет еще, — ответил Координатор.

Он развернул машину на месте — желоб был достаточно широк, — фары огромной дугой прочертили сверкающий мрак, вездеход спустился по крутому скату и остановился прямо против входа, который, как длинный низкий экран, освещался последним светом вечерней зари.

Когда они оказались снаружи, Координатор решил объехать вокруг это скопище баллонообразных строений, похожее на набухший металлический воротник. Вскоре в свете фар засверкали, преграждая им путь, вклинившиеся один в другой продолговатые блоки с острыми, как бритва, краями.

Координатор поднял фонарь, повел им в разные стороны. В зловещем свете они увидели нагромождение застывших черно-коричневых потоков лавы, стекшей с невидимого в темноте склона, — языки свешивались над кромкой полукруглой стены, преградившей лавине дальнейший путь. Стену поддерживал густой лес опор, косо вбитых в землю столбов и множества разного вида рычагов. На всем этом сейчас вместе с лучом света перемещались тени. Причудливо сплетенные конструкции опирались на соединенные между собой толстые щиты. Кое-где огромные глыбы, сверху уже потускневшие, а в расщелинах стеклянисто поблескивавшие чернотой, пробили преграду и обрушились вниз, завалив своими обломками металлическое заграждение; в некоторых местах лава прорвалась между щитами вспученными наростами, изогнула мачты и вырвала их из грунта вместе с креплениями.

Вездеход попятился, выкатился на свободное пространство между строениями и направился в глубь долины. Диковинная эта долина была прямой как стрела; внезапно они оказались среди стройных чаш, заросли их тянулись широкими полосами. Под серой пленкой растений просвечивала розоватая мякоть. Попадая в полосу света, растения слегка корчились, будто пробуждаясь от сна, но все это происходило как-то вяло, принципиально ничего не менялось — только легкая волна катилась в свете рефлектора на несколько метров впереди машины.

Они еще раз остановились у предпоследнего цилиндрического строения. Вход в него загромождала насыпь из осколков. Они посветили внутрь поверх завала, но свет фонарей был слишком слабым, пришлось снова снять фару с машины.

Темноту, по которой скользил луч света, наполнял резкий запах, похоже, исходящий от органической материи, растворенной каким-то химическим веществом. С первых

шагов люди выше колен погрузились в стеклянистые осколки. Химик запутался в какой-то металлической сетке. Направленный вверх луч фары осветил в своде зияющую дыру. Оттуда свисали грозди ячеек, пробитых, полуоткрытых, пустых, кругом валялись обломки скелетов. Осторожно ступая по хрустящей насыпи, люди вернулись к вездеходу и поехали дальше.

Машина перестала дрожать и подскакивать и помчалась по гладкой, будто залитой бетоном поверхности. В лучах света показался непонятный частокол, перегораживающий дорогу; это был длинный ряд колонн, на которые опирался дугообразный свод. Ниже того места, где дуги, как крылья поднимающейся в воздух птицы, отрывались от колонн, виднелись зародыши новых арок, еще не развившиеся.

По ступенькам, меленьким, как зубчики, машина спустилась вниз и поехала между колоннами. Среди них не было двух совершенно одинаковых — они отличались пропорциями, местоположением утолщений, в которых образовывались завязи крылатых плоскостей. Длинные шеренги колонн убегали назад; ряд, еще ряд, еще один, и наконец путникам открылось свободное пространство.

Вездеход все медленнее катился по скальному грунту, слабо попискивали тормоза. Немного погодя машина остановилась в метре от неожиданно открывшегося каменного обрыва.

Внизу темнел лабиринт глубоко ушедших в грунт стен, похожих на старинные земные укрепления. Их верхушки торчали на уровне обрыва. Словно с высоты птичьего полета люди заглядывали в черные ущелья улочек, узких, извилистых, с отвесными стенами. В стенах виднелись более темные, откинутае назад, косо нацеленные в небо ряды четырехугольных отверстий с закругленными углами. Каменные силуэты сливались в монолитную массу, которую не освещал ни единый проблеск. Значительно дальше сквозь мрак кое-где пробивался тусклый свет, а еще дальше огни густели и, сливаясь в сплошное зарево, заволакивали каменные грани неподвижным золотистым туманом.

Координатор встал и направил прожектор в щель улочки под стеной, на гребне которой остановился вездеход. Сноп света упал на одинокую веретенообразную колонну, торчащую шагах в ста среди разбегающихся дугой стен. По ее бокам, искрясь, бесшумно стекала вода. Вокруг колонны на треугольных плитах лежали кучки реч-

ного песка, невдалеке, на краю освещенного пространства, валялся перевернутый плоский сосуд.

Потянуло ночным ветерком, и сразу внизу переулки отозвались мертвым звуком, словно по камням прошелетели сухие стебли.

— Это какое-то поселение...— сказал Координатор, медленно поворачивая прожектор.

От маленькой площади с колодцем расходились расширяющиеся кверху каналы улочек, зажатых скошенными каменными стенами с отвесными выступами, напоминающими носы кораблей. Между выступами темнели четырехугольные дыры. От этого сплошная линия стен становилась похожей на старинное укрепление.

Над отверстиями, как будто из них когда-то вырывалось пламя, тянулись вверх темные полосы. Луч прожектора скакал по остроконечным пересечениям стен, падал в черные ямы подвалов, заглядывал в провалы закоулков.

— Погаси! — вдруг сказал Доктор.

Координатор послушно выключил прожектор и только теперь, в полной темноте, заметил происшедшую вокруг перемену.

Сплошное призрачное зарево, заливавшее гребни далеких стен с выделяющимися на его фоне силуэтами каких-то труб, распадалось на отдельные островки, слабело, его гасила наступающая от центра к периферии волна мрака; еще некоторое время тлели отдельные столбы света, потом и они исчезли, половодье ночи поглощало один пояс каменных ущелий за другим, наконец пропала последняя полоска света — и ни одна искорка больше не светилась в мертвой тьме.

— Они знают о нас...— заговорил Химик.

— Возможно,— прервал его Доктор.— Но почему огни были только там? И... вы заметили, как они гасли? От центра.

Ему никто не ответил.

— На вездеходе нам туда не спуститься. Кто-нибудь должен остаться у машины,— сказал Координатор.

Химик и Доктор промолчали.

— Ну кто? — спросил Координатор.

Снова никто не ответил.

— Значит, я,— решил он и взялся за руль.

Вездеход с зажженными фарами двигался по кромке стены. Через несколько сотен метров он остановился у ведущей вниз, огражденной каменными откосами лестницы с низкими и узкими ступеньками.

— Я останусь здесь, — сказал Координатор.

— Сколько у нас времени? — спросил Химик.

— Сейчас девять. Даю вам час. За это время вы должны вернуться. Возможно, вам будет трудно найти дорогу. Через сорок минут пущу ракету. Еще через десять минут. — вторую, следующую — через пять минут. Постарайтесь в это время подняться на какое-нибудь возвышение, хотя зарево вы увидите и снизу. Теперь сверим часы.

Они это сделали в тишине, которую нарушал только шум ветра. Воздух становился все холоднее.

— Монитор брать не стоит: в этой тесноте им все равно не воспользуешься. — Координатор невольно понижал голос. — Хватит электрожектеров. Впрочем, речь идет о контакте. Но не любой ценой. Это ясно, правда? — Он обращался к Доктору. Тот кивнул. Координатор продолжал: — Ночь не самое лучшее время. Может быть, вы только сориентируетесь на местности. Это было бы самым разумным. Мы ведь можем сюда вернуться. Старайтесь держаться вместе, защищать спины друг друга и не лезть ни в какие закоулки.

— Сколько ты нас будешь ждать? — спросил Химик.

Координатор усмехнулся.

— До конца. А теперь идите.

Химик надел ремень электрожектера на шею, чтобы освободить руки, и фонариком осветил начало лестницы. Доктор уже спускался вниз. Вдруг наверху вспыхнули белые огни — это Координатор освещал дорогу. Стали видны неровности камней, увеличенные, залитые тенями. Химик и Доктор зашагали по длинному световому коридору вдоль стены, пока темным пятном не обозначился вход в какое-то помещение; с двух сторон его обрамляли колонны, наполовину выступающие, будто вырастающие из стены. Притолоку украшали горельефы. Лучи рефлектора, доходившие сюда от далекого уже вездехода, едва освещали черную эмаль зала. Люди медленно вошли внутрь; вход был таким огромным, словно предназначался для великанов. На внутренних стенах они не заметили ни соединительных швов, ни трещин, зал был будто отлит из камня. Он заканчивался глухой вогнутой стеной с рядами ниш по обе стороны; дно каждой ниши имело глубокую выемку, над нею открывалось и шло в глубь стены нечто вроде дымохода — фонарик освещал только начало его треугольной трубы.

Они вышли наружу и двинулись вдоль какой-то рифленной стены. В этот момент погасло сияние, серебрившее

верхушки стен, — Координатор выключил сопровождавший их свет рефлектора. Химик поднял глаза. Он не видел неба, но чувствовал его далекое, холодное присутствие кожей лица.

Шаги громко отдавались в тишине. Улочка, зажатая плоскостями стен, рождала короткое и глухое эхо. Доктор и Химик, оба, не сговариваясь, подняли левые руки и пошли дальше, касаясь ладонями стены. Она была холодной и гладкой, как стекло. Доктор зажег фонарик. Вскоре они очутились на маленькой площадке, окруженной вогнутыми стенами; образующие их строения снизу были почти не видны. С площадки круто спускались ступеньки. Люди оказались на узенькой улочке, которую перегораживал низенький каменный брус, наглухо закрепленный между стенами. Под ним был подвешен расширяющийся книзу темный бочонок. Доктор и Химик почувствовали, что окружающая их атмосфера изменилась. Направив вверх фонарики, они осветили свод и увидели, что он похож на решето — будто кто-то в каменном перекрытии выдолбил множество треугольных отверстий.

Шли долго. Миновали улочки, покрытые камнем, высокие и просторные, как галереи; проходили под сводами, с которых свисали какие-то бесформенные не то колокола, не то бочки; заглядывали в обширные залы с бочкообразными сводами, завершавшимися вверху огромными круглыми отверстиями. От улочек временами восходили вверх косые желоба с регулярными поперечными утолщениями, по форме напоминающие покрытые застывшим желе конструкции лестницы; временами путники ощущали неожиданные дуновения теплого ветерка. Несколько сот шагов они двигались по каким-то белым плитам; в свете фонарей клубилась пыль, поднятая их ногами. По бокам зияли входы в склепы, с душным, застоявшимся воздухом, свет фонариков беспомощно увязал в хаосе каких-то непонятных, казалось, давно заброшенных помещений.

Иногда им казалось, что они чувствуют чье-то присутствие. Тогда они гасили фонари и останавливались, затаив дыхание. Что-то шуршало, шлепало, звук шагов повторялся эхом, слабел, слышалось неясное бульканье; из колодцев, открывавшихся в каменных нишах, доносился протяжный стон.

Доктор и Химик шли дальше; у них возникло ощущение, что во мраке снуют какие-то фигуры, один раз они заметили высунувшееся из бокового переулка бледное в

свете фонарика, худое личико, изрезанное глубокими морщинами, но, когда они подбежали к этому месту, там никого не оказалось, только на камнях валялся лоскут тонкой золотистой фольги.

Доктор молчал. Он знал, что это путешествие, опасное, более того — безумное, в таких условиях, ночью целиком на его совести. Десятки раз Доктор повторял себе, что они дойдут только до следующего излома стен, до поперечной улицы и вернутся, — и шел дальше.

Чем дальше продолжалось путешествие, тем больше оно становилось похожим на кошмарный сон. Химик и Доктор жаждали прежде всего света — фонарики давали только его видимость, их лучи лишь углубляли окружающий мрак, вырывая из него отдельные, лишенные связи с целым и потому непонятные фрагменты.

Один раз до них донеслись шаркающие шаги, столь близкие и отчетливые, что они побежали на звук; шлепанье резко ускорилось, улочку наполнил топот, рваное эхо забило в тесных стенах. Доктор и Химик неслись с зажженными фонарями, серый отсвет плыл над ними волнистым сводом, черные провалы боковых переулков отлетали назад. Наконец они устали и прекратили бессмысленную гонку.

— Слушай, а нас не заманивают? — с трудом выдохнул Химик.

— Чушь! — сердито цыкнул Доктор, вода вокруг фонариком.

Они стояли около высохшего каменного колодца, стены зияли черными провалами, в одном из них мелькнуло плоское личико; когда пятно света вернулось, отверстие было пустым.

Они пошли дальше. О присутствии обитателей селения больше не нужно было догадываться — оно чувствовалось повсюду, становилось невыносимым. У Доктора даже появилась мысль, что лучше нападение, схватка в этом мраке, чем упорное путешествие, которое никуда не ведет. Он взглянул на часы. Прошло уже почти полчаса, скоро нужно возвращаться.

Химик опередил его на несколько шагов. Проходя мимо черневшего в изломе стен арочного входа, он машинально поднял фонарь. Свет скользнул по веренице стальных ниш и упал на съезжившиеся, застывшие, голые спины.

— Они там! — крикнул он, инстинктивно отступая.

Доктор вошел внутрь. Химик светил сзади. Нагие фигуры, сбившись в кучу, застыли у стены, как окаменев-

шие. В первый момент Доктору показалось, что двутелы мертвы, но в полосе света заблестели скатывающиеся по спинам водянистые капли. Он ощутил свою полную беспомощность.

— Эй! — сказал он тихо, чувствуя, что все это лишено даже крупы смысла.

Где-то высоко снаружи раздался протяжный вибрирующий свист. О каменный свод ударился многоголосый стон. Ни одна скорчившаяся фигура не шевельнулась, они только стонали тонкими протяжными голосами; зато на улице началось движение, слышались звуки отдаленных шагов, шаги перешли в галоп, промелькнуло несколько темных силуэтов, эхо раскатывалось все дальше. Доктор выглянул наружу, чувство беспомощности перешло в яростную злость.

Из темноты накатывался приближающийся топот.

— Идут!

Доктор скорее почувствовал, чем увидел, что Химик поднял оружие; он ударил по стволу.

— Не стреляй! — крикнул он.

Пустынная улица неожиданно заполнилась. Вокруг прыгали горбы, все забурило, слышался шум от соударений больших мягких тел, в глубине проносились огромные крылатые тени, со всех сторон обрушился царапающий кашель, несколько голосов надсадно зарыдало, огромная масса рухнула под ноги Химику, подсекла его; падая, он в последний момент заметил глядящее прямо на него белоглазое личико, фонарик стукнулся о камни, и стало темно. Химик отчаянно искал его, шаря руками по мостовой, как слепец.

— Доктор! Доктор! — кричал Химик, но голос его тонул в хаосе, вокруг мелькали десятки тел, огромные туловища с маленькими ручками сталкивались, он схватил металлический цилиндр фонарика и уже вскочил было на ноги, когда сильный удар бросил его об стену. Откуда-то с высоты разнесся свист, все на мгновение замерло, Химик почувствовал приближающуюся волну тепла, испускаемого нагретыми телами, что-то его толкнуло, он закружился, закричал, чувствуя скользкое отвратительное прикосновение, — внезапно со всех сторон его окружило тяжелое дыхание.

Химик нажал кнопку. Фонарик вспыхнул. На несколько секунд перед ним вытянулась изогнутая линия горбатых торсов, маленькие личики тарасились, сморщенные головки покачивались, потом напор сзади усилился, и

голые гиганты обрушились на него. Химик крикнул еще раз. Он не услышал собственного голоса. Мокрые горячие туши стиснули его, сдавили ему ребра, он уже не чувствовал под ногами почвы, он даже не пытался сопротивляться. Его толкали, тащили куда-то, его душила сырая вонь, он судорожно стискивал прижатый к груди фонарик, освещавший несколько ближайших существ, которые смотрели на него ошеломленно и старались отодвинуться, но им мешала толпа. Тьма непрерывно выла хриплыми голосами, маленькие торсы, покрытые, словно потом, водянистой жидкостью, прятались во вздутиях грудных мышц. Окончательно сдавленный, он вдруг увидел сквозь чащу переплетенных рук, тел, блеск огня растерянное лицо Доктора, мелькнул его разинутый в крике рот. Химик задышался от тяжелого смрада, фонарик прыгал у него под подбородком, выхватывая из мрака личики, безглазые, безносые, лишенные ртов, плоские, старчески обвисшие, мокрые, он чувствовал удары горбов. На мгновение стало свободнее, потом его снова сдавило, швырнуло к стене, он ударился спиной о маленькую колонну, вцепился в нее, стараясь с ней слиться. Новые волны отрывали его, он упирался изо всех сил, боролся, только чтобы устоять, — падение означало смерть. Наконец он нащупал какую-то каменную ступеньку, нет, обломок камня, влез наверх и высоко поднял фонарик.

Зрелище было страшное. От стены до стены бушевало море голов. Стоявшие около ниши существа всматривались в него расширенными глазами и пытались отдалиться.

Он видел их отчаянные судорожные усилия, но невозможно было противостоять напору нагой массы, которая с ужасным воем катилась по улочке, выжимая крайних на стены.

Химик увидел Доктора: потеряв фонарик, он двигался, вернее плыл, в толпе, его переворачивало, крутило, он затерялся между возвышающимися над ним гигантскими фигурами. В воздухе развевались какие-то лоскутья. Химик, выставив перед собой электрожектор, как мог, сдерживал напор. Он чувствовал, что у него немеют руки, мокрые, скользкие туши обрушивались на него таранами, отскакивали, неслись дальше, толпа редела, из мрака вырывались новые группы, фонарь погас, непроницаемая тьма бурлила, хлюпала, стонала; пот заливал ему глаза, он втягивал воздух, обжигающий легкие, терял сознание.

Химик опустился на каменную ступеньку, оперся спиной о холодные камни, хватая ртом воздух; он уже различал отдельные шаги, шлепающие скачки, хор мучительно воющих голосов удалялся. Опираясь руками о стену, он встал на ватные ноги, хотел позвать Доктора, но не мог выдать ни звука. Вдруг белое зарево вырвало из мрака гребень противоположной стены. Химик не сразу сообразил, что это, наверное, Координатор сигналит им ракетой.

Он наклонился, начал искать фонарик, он не помнил, когда его выбили у него из рук. У самой поверхности воздух был насыщен отвратительным тошнотворным смрадом, которого он не смог вынести; его вырвало. Он выпрямился и услышал далекий крик. Это был голос человека.

— Доктор! Сюда! Сюда! — заорал он.

Голос ответил где-то совсем рядом, между черными стенами показалась полоска света. Доктор шел быстро, он слегка покачивался, как пьяный...

— А,— сказал он,— ты здесь, хорошо...

Он схватил Химику за плечо.

— Протащили меня немного, но мне удалось забраться в нишу... Потерял фонарь?

— Да.

Доктор все еще держал Химику за плечо.

— Голова кружится,— объяснил он спокойно, чуть-чуть задышав.— Это ничего, сейчас пройдет...

— Что это было? — шепотом, как бы про себя, спросил Химик.

Доктор не ответил. Они оба вслушивались в темноту: снова в ней шелестели далекие шаги, она была наполнена шорохами, несколько раз доносился приглушенный расстоянием стон. Небо над стенами опять полыхнуло, свет задрожал на отвесных гранях и, бледнея, сполз вниз, как мгновенный восход и заход солнца.

— Пошли,— сказали оба одновременно.

Если бы Координатор не зажигал ракет, им, пожалуй, не удалось бы вернуться до рассвета. Зарево еще дважды разгоняло мрак каменных ущелий, помогая определить правильное направление. По дороге они встретили нескольких беглецов, которые, испугавшись света фонарика, в панике исчезли, а один раз наткнулись на лежащее у подножия крутой лестницы уже совсем остывшее тело. Они молча перешагнули через него. Было уже почти одиннадцать, когда они нашли площадь с каменным колодезем; едва на нее упал луч фонарика, сверху тройной полоской вспыхнули фары.

Координатор стоял на верхней ступеньке лестницы. Он медленно пошел за ними, когда они подошли к вездеходу и присели на подножку; потом он выключил фары и в темноте заходил вокруг машины, ожидая, когда они придут в себя и заговорят.

Когда они рассказали ему все, он только заметил:

— Ну, ладно. Хорошо, что это так кончилось. Тут один из них...

Доктор и Химик не поняли его; только когда он зажег боковой прожектор и повернул его назад, они вскочили. В нескольких метрах от вездехода неподвижно лежал двутел. Доктор первым оказался рядом с ним.

Двутел полулежал нагой, верхняя часть большого торса была приподнята. Из щели между грудными мышцами на людей смотрел большой бледно-голубой глаз — они видели только краешек сплюснутого личика.

— Как он сюда попал? — тихо спросил Доктор.

— Прибежал снизу, за несколько минут до вас. Когда я зажигал ракеты, убежал, потом вернулся.

— Вернулся?!

— На это самое место. Вот так.

Они растерянно стояли перед двутелом. Тот дышал тяжело, как после долгого бега. Доктор наклонился, собираясь погладить или похлопать гиганта ладонью. Тот задрожал, на его бледной коже выступили большие капли.

— Он нас боится, — тихо сказал Доктор и беспомощно добавил: — Что делать?

— Оставить его и ехать. Уже поздно, — бросил Химик.

— Никуда мы не поедem. Слушайте... — Доктор заколебался. — Знаете что? Посидим...

Двутел не шевелился. Если бы не мерные движения его дискообразной груди, можно было бы подумать, что он неживой. По примеру Доктора Химик и Координатор уселись рядом с ним на каменной плите. Из темноты доносился далекий шум гейзера, иногда ветер шелестел в невидимых зарослях, раскинувшееся внизу поселение окутывала непроницаемая ночь. В воздухе время от времени проплывали редкие клочья тумана; силуэт вездехода, четко вырисовываясь в отсветах фар, застыл поодаль, как черная декорация. Минут через десять, когда люди уже начали терять надежду, двутел вдруг стрельнул глазом из своей щели, как из-за неплотно прикрытой двери. Достаточно было неосторожного движения Химика, чтобы щель захлопнулась, но на этот раз ненадолго.

Наконец гигант выпрямился. Его голова торчала метрах в двух над грунтом, но он был бы еще выше, если бы не наклонялся вперед.

Ни Координатор, ни Химик толком не знали, как Доктор этого добился,— он сам потом уверял, что тоже не знает,— во всяком случае, после осторожных похлопываний, ласковых жестов, нашептываний двутел, уже целиком высунувший свой подвижный торс из внутреннего гнезда, позволил Доктору потянуть себя за тоненькую руку к вездеходу. Когда он шел, низ его бесформенного тела преобразался. Казалось, он может произвольно выдвигать и втягивать ноги; на самом деле у него просто сокращались мышцы вокруг конечностей, которые сразу же стали отчетливо видны. Маленькая голова двутела свисала вперед и с наивным удивлением смотрела сверху на стоявших в световом конусе людей.

— И что теперь? — поинтересовался Химик.— Здесь с ним не столкнешься.

— Как это что? — ответил Доктор.— Возьмем его с собой.

— У тебя с головой все в порядке?

— Это дало бы нам много,— сказал Координатор,— но... он весит, пожалуй, с полтонны.

— И что из этого? Вездеход рассчитан на большее.

— Ничего себе! Нас трое, да еще и груз — это уже больше трехсот килограммов. Могут лопнуть рессоры.

— Да? — сказал Доктор.— Тогда не нужно. Пусть уходит.

С этими словами он подтолкнул двутела в сторону уходящей вниз лестницы.

Огромное существо (когда двутел стоял рядом и особенно когда на него не падал свет от фар, все время казалось, что у него обрублена голова и на ее место воткнута другая, чужая, слишком маленькая и плохо, чересчур низко насаженная) вдруг съежилось, его кожу мгновенно покрыли искрящиеся капли водянистой жидкости.

— Да нет же! А, черт... я просто пошутил,— пробормотал Доктор.

Его товарищи тоже были поражены такой реакцией. Доктору не без труда удалось успокоить эту громадину. Проблему размещения нового пассажира разрешить было нелегко. Координатор выпустил почти весь воздух из шин, так что вездеход едва не сел на камни; пришлось снять оба задних сиденья и укрепить их на багажнике, а на самый верх этой пирамиды взгромоздить монитор. Но двутел не

хотел входить в машину. Доктор похлопывал его, уговаривал, подталкивал, сам садился и выскакивал, и если бы не сопутствующие обстоятельства, это зрелище выглядело бы, вероятно, очень забавным. Был уже двенадцатый час, а им еще предстояло в темноте, по неровной местности, двигаясь по большей части круто в гору, преодолеть больше ста километров, отделявших их от ракеты. Наконец Доктор потерял терпение. Он схватил одну из поднятых рук маленького торса и крикнул:

— Подтолкните его сзади!

Химик заколебался, но Координатор сильно нажал плечом на горбатую спину двутела, тот издал скулящий звук и, теряя равновесие, одним скачком очутился в машине. Теперь дело пошло быстро. Координатор подкачал шины, вездеход хотя и сильно накренился, но мягко двинулся с места. Доктор сел перед новым пассажиром, так как Химик предпочел избежать такого соседства и устроился в довольно неудобном положении — стоя за спиной Координатора.

Они проехали сквозь анфиладу колонн, потом по длинным, гладким плитам к аллее палиц; вездеход на ровной поверхности развил большую скорость, они замедлили ход только у подножия застывшего потока магмы. Через несколько минут они добрались до глинистых бугров, окружавших ямы с жутким содержимым.

Некоторое время они ехали по густой, отвратительно хлюпающей грязи, потом нашли отпечатавшиеся в глине следы шин и поехали, почти повторяя свой путь сюда. Выбрасывая из-под колес фонтаны воды и грязи, вездеход ловко лавировал между глинистыми буграми, убегающими в отблесках света то влево, то вправо. Далеко в темноте загорелось размазанное световое пятно, оно двигалось им навстречу и увеличивалось с каждой минутой. Вскоре они различили уже три отдельных огонька. Координатор не сбавлял скорости: это было их собственное отражение. Двутел заволновался, он ерзал, покашливал, втискивался в угол, рискуя перевернуть машину. Доктор пытался успокоить его — без малейшего результата. Обернувшись, Доктор увидел, что бледная фигура стала похожей на закругленную сверху голову сахара: двутел втянул свой маленький торс и как будто перестал дышать. Только когда их обдало горячей волной и зеркальное отражение исчезло — свидетельство того, что они пересекли загадочную линию, — огромный пассажир затих, застыл и не обнаруживал больше никакого волнения, хотя сейчас, с усилием

карабкаясь по склону, который становился все круче, вездеход сильно качался, буксовал, надутые колеса тяжело терлись о неровности почвы. Скорость уменьшилась, вместо быстрой дроби шин слышалось напряженное пение моторов, несколько раз нос машины опасно задирался вверх — она едва ползла. Вдруг колеса заскользили назад, под ними осел пласт слабо скрепленного с основанием грунта. Координатор резко повернул руль. Машина остановилась.

Координатор осторожно развернулся, и вездеход наконец съехал по склону обратно в долину.

— Ты куда? — воскликнул Химик.

Порывы ночного ветра приносили мелкие капли, хотя дождя не было.

— Попробуем в другом месте, — громко ответил Координатор.

Они снова остановились, пятно света поползло вверх, постепенно слабая, рассмотреть ничего не удалось. Пришлось подниматься в гору наугад. Скоро наклон стал таким же крутым, как в том месте, где они сползли вниз, но здесь грунт был суше, и вездеход тянул хорошо, однако всякий раз, когда Координатор пытался повернуть к северу, машина начинала грозно задирать капот, почти садясь на задние колеса, и заставляла его ехать с растущим отклонением к западу. Это беспокоило Координатора, потому что они могли попасть в заросли кустарника; насколько он помнил, кустарник тянулся по всему краю высокогорного плато, к которому вездеход сейчас поднимался.

Свет фар выхватил из темноты несколько белых, слегка колеблющихся фигур: это оказались клочья облаков; большая туча, севшая на поверхность, мгновенно поглотила их, сделалось темно, трудно стало дышать, похолодало, по лобовому стеклу, по никелированным трубкам заструились капельки воды. Туман то густел, то редел, о том, чтобы направлять машину куда следует, нечего было и думать — Координатор вел ее вслепую.

Неожиданно свет рефлекторов сделался ясным и четким — это распались молочные клубы облаков, уплыли назад, и люди увидели перед собой вздыбившийся склон. Все сразу почувствовали себя увереннее.

— Как пассажир? — спросил Координатор, не отрываясь от руля.

— Хорошо. Вроде, спит, — сказал Доктор.

Склон, на который они въезжали, становился все более отвесным, машина неприятно покачивалась, ее передние

колеса плохо подчинялись водителю, центр тяжести совершенно очевидно перемещался назад.

В какой-то момент, когда вездеход почти закружился на месте и стал съезжать вбок, Доктор, заволновавшись, предложил:

— Слушай, может, я сяду спереди, между рефлекторами, на буфер, ладно?

— Пока не надо,— ответил Координатор. Он немного спустил воздух из шин, вездеход осел и некоторое время двигался спокойнее, в скачущих лучах света уже видна была высоко наверху неровная линия кустарника. Они миновали большую площадку, кусты приближались все отчетливее, вырисовываясь черной щеткой на самом гребне глинистых оползней; речи не могло быть о том, чтобы здесь проехать, но сворачивать в поисках лучшего места тоже не имело смысла, поэтому они упорно карабкались в гору, пока не остановились в нескольких шагах от двухметровой стены. Рефлектор освещал желтый глинистый грунт, весь проросший нитями протянувшихся здесь корней.

— Вот и приехали,— сказал Химик и выругался.

— Дай лопату,— бросил ему Координатор. Он вышел из машины, острием лопаты вырезал несколько кирпичиков глины, перенес их на задние баллоны вездехода и вернулся к обрыву. Потом начал взбираться на него. Химик быстро пошел вслед за ним. Доктор слышал, как они продираются сквозь сухой кустарник, трещали сломанные ветки; в руке Координатора вспыхнул фонарик, потом свет погас и загорелся в другом месте.

— Что ж за проклятие такое, это рискованно! — буркнул Химик.

Что-то зашуршало, лучик света заколебался в темноте и замер на месте.

— У астронавтики есть такое свойство,— ответил Координатор и, напрягая голос, крикнул: — Доктор! Нам здесь, на самом верху, надо раскидать немного грунта, тогда, я думаю, мы сможем проехать. Ты приглядывай там за пассажиром!

— Хорошо! — прокричал в ответ Доктор. Он повернулся на своем сиденье к двутелу, который сидел неподвижно, съезжившись.

Лавина глинистых комьев с шуршаньем покатила по склону, вдруг раздался грохот, треск, и огромная глыба, переваливаясь, пронеслась совсем рядом с машиной, комья земли застучали по лобовому стеклу. Доктор наклонился

вперед и осветил фонарем; двутел вообще не реагировал на происшествие. В гребне глинистого вала образовалась широкая выемка. Координатор стоял в ней, энергично работая лопатой. Уже далеко за полночь они достали из багажника буксирную катушку, якоря, крючья и укрепили один конец каната между фарами, а другой протасили по середине выемки в чашу кустарника на вершине склона, где закрепили его с помощью двух якорей. Потом Доктор и Химик вышли из машины. Координатор включил одновременно двигатели всех колес, и передний барабан, наматывая на себя канат, метр за метром втянул машину в середину глинистой горловины. Пришлось еще расширять выемку, но спустя полчаса вездеход с пронзительным скрипом и треском уже самостоятельно продвигался через кусты. Какое-то время они продвигались очень медленно и только тогда, когда чащоба кончилась, помчались на большой скорости.

— Половину прошли! — немного погодя крикнул Доктору Химик, из-за плеча Координатора внимательно следивший за спидометром.

Координатор подумал, что половины еще не проехали, — пытаюсь пробиться через холмы, они сделали крюк километров двадцать. Наклонившись к самому стеклу, он не отрывал глаз от дороги, вернее от бездорожья, стараясь объезжать большие препятствия, а маленькие пропускать между колесами, но, несмотря на это, машину бросало, трясло, металлическая канистра грохотала. Временами вездеход подскакивал, а когда он шлепался на грунт, амортизаторы всех четырех колес злобно шипели. Но видимость была неплохая, пока никаких неожиданностей. На границе растворявшихся в сероватой дымке световых полос что-то мелькнуло: высокая палочка, другая, третья, четвертая — это показались мачты.

Доктор силился увидеть, окружает ли по-прежнему их верхушки дрожащий воздух, но было слишком темно. Спокойно мерцали звезды, огромное существо на заднем сиденье не шевелилось; только раз, как бы устав сидеть в одной и той же позе, оно заерзало, устраиваясь поудобнее, и это такое человеческое движение странно взволновало Доктора.

Колеса запрыгали на поперечных бороздах. Вездеход уже спускался по продолговатому взгорбленному водоразделу. Координатор поехал немного медленнее, за языком известковой осыпи он уже видел следующие борозды. Вне-

запно слева донесся нарастающий свист. Пронизывающий тупой шум — и неясная гигантская масса, сверкнув, пересекла им дорогу. Тормоза вездехода резко заскрежетали, машину рвануло. Пахнуло горьким горячим ветром. Снова и снова надвигался свист. Координатор погасил фары. В темноте в нескольких шагах от вездехода пролетали как бы смерчи. Высоко в небе одна за другой проносились мерцающие фосфорическим светом гондолы, окруженные невидимыми вращающимися дисками; поворачивая, они легко накренились, все под одним и тем же углом. Люди шепотом считали: восемь, девять, десять... После пятнадцатого был перерыв...

— Столько мы еще не встречали, — сказал Доктор.

Послышался какой-то новый незнакомый звук, гораздо более низкий, и приближался он медленнее. Координатор дал задний ход, вездеход попятился, колеса слабо шуршали на известковой осыпи. Не успел Координатор остановиться, как в темноте с басовым гудением, от которого завибрировал вездеход, проплыл неясный силуэт, только высоко над деревьями потемнели звезды и почва задрожала, будто шла лавина. За ним, гудя, как гигантский волчок, тянулся следующий призрак и еще один; гондол видно не было, лишь красновато светились неправильные, заостренные на концах контуры какой-то конструкции, медленно вращающиеся в сторону, противоположную направлению движения.

Снова стало тихо, только откуда-то доносилось стихающее гудение.

— Вот это колоссы — видали? — сказал Химик.

Координатор подождал еще немного, включил фары, отпустил тормоза, вездеход покатился под гору, потом Координатор включил мотор, и машина еще быстрее побежала вниз. Хотя ехать вдоль борозд было удобнее, так как они обходили все большие неровности, Координатор предпочел не рисковать: на них сзади могло налететь одно из прозрачных чудовищ. Он пытался мысленно продолжить маршрут встреченных машин: они шли с северо-запада, а удалялись на восток, но это ни о чем не говорило — они поворачивали и могли сделать еще много таких поворотов. Он ничего не сказал, но на душе у него было беспокойно.

В начале третьего снопы света уперлись в блестящую зеркальную ленту. Двует, на которого встреча во тьме не произвела никакого впечатления, с некоторого времени, высунув голову, осматривался по сторонам. Когда вездеход почти подъехал к зеркальному поясу, огромное

существо вдруг закашляло, засопело, завозилось, поставившаяся, начало выпрямляться и перевесилось на одну сторону, как будто хотело выпрыгнуть на ходу.

— Стой! Стой! — крикнул Доктор.

Координатор затормозил, вездеход остановился в метре от ленты.

— Что случилось?

— Он хочет убежать!

— Почему?

— Не знаю. Может, из-за этого — погаси фары!

Координатор выключил свет. Едва стало темно, двутел тяжело опустился на место. Они тронулись с погашенными огнями, миновали черные плиты, в которых отражались звезды, и снова поехали по грунту. Впереди лежала равнина. Вездеход мчался все быстрее, его корпус вибрировал, мимо них проносились известняковые выступы с бегущими по песку большими тенями, песок рвался из-под колес, холодный воздух бил в лицо, обжигая легкие, мотор гудел, камешки, звеня, стучали по шасси. Химик сжался, он старался спрятать голову за ветровое стекло. Вот-вот должен был появиться корабль.

Перед отъездом условились, что Инженер повесит на корме ракеты проблесковый фонарь. Они искали мигающий огонек. Координатор поехал немного медленнее, повернул к северо-западу, но время шло, а вокруг по-прежнему разливался крошечный мрак. Координатор давно уже переключил фары на ближний свет, теперь он погасил и его, махнув рукой на то, что может столкнуться с каким-нибудь невидимым препятствием. Один раз они заметили мерцающий огонек и помчались к нему с максимальной скоростью, но уже через несколько минут поняли, что это просто низкая звезда. Было двадцать минут третьего.

— Может, у них фонарь испортился, — предположил Химик.

Никто не ответил. Они проехали еще пять километров, снова повернули. Доктор приподнялся, всматриваясь в окружающую темноту. Машина ползла совсем медленно; вдруг она высоко подпрыгнула — сначала передние, потом задние колеса, — позади осталась канавка, пропаханная в песчаном грунте.

— Давай влево, — вдруг сказал Доктор.

Координатор повернул, показались невысокие холмики, вездеход пересек вторую борозду глубиной в полметра,

неожиданно все трое увидели неясную вспышку и на ее фоне — удлинненную косую тень, верхушку которой на мгновение окружил ореол. Вездеход резким броском равнулся вперед, новая вспышка фонаря, заслоненного кормой корабля, осветила три маленькие фигурки. Координатор включил фары, фигурки бросились к вездеходу, подняв руки.

Координатор подрулил к товарищам и затормозил.

— Приехали?! Все?! — крикнул Инженер.

Он подскочил к вездеходу и шарахнулся назад при виде четвертой, безголовой фигуры, которая беспокойно зашевелилась.

Координатор обнял одной рукой Инженера, другой Физика и стоял так секунду, словно опираясь на них. Они столпились впятером около бокового рефлектора; Доктор что-то тихо говорил двутелу.

— У нас все в порядке, — сказал Химик, — а у вас?

— Более или менее, — ответил Кибернетик.

Они долго смотрели друг на друга. Все молчали.

— Будем отчитываться или пойдем спать? — спросил Химик.

— Ты можешь спать? Великолепно! — воскликнул Физик. — Спать! О Господи! Они здесь были, понимаете?

— Я так и думал, — сказал Координатор. — И произошло... столкновение?

— Нет. А у вас?

— Тоже нет. Думаю... то, что они обнаружили ракету, может оказаться важнее того, что видели мы. Рассказывайте, Генрих, давай ты...

— Вы поймали его?.. — спросил Инженер.

— Собственно, он нас поймал. То есть позволил взять его с собой. Но это целая история. Длинная, сложная, хотя, увы, мы ничего в ней не понимаем...

— С нами точно так же! — выпалил Кибернетик. — Они появились через какой-нибудь час после вашего отъезда! Я решил было, что это конец, — признался он вдруг, понизив голос.

— Вы не голодны? — спросил Инженер.

— Кажется, я совсем забыл об этом. Доктор! — крикнул Координатор. — Иди сюда!

— Совещание? — Доктор вылез из вездехода и подошел к товарищам, по-прежнему не спуская глаз с двутела, который неожиданно легким движением спрыгнул вниз и медленно заковылял к людям, но едва коснулся границы освещенного круга, отступил и замер.

Люди смотрели на него молча. Огромное существо опустилось, припало к почве, еще секунду торчала его голова, потом мышцы сомкнулись, оставив щель, из которой в рассеянном свете фар поблескивал голубой глаз.

— Значит, они были здесь? — спросил Доктор.

— Да. Двадцать пять вращающихся кругов, таких же, как тот, что мы захватили, и четыре машины гораздо ббльшие, не вертикальные диски, а как бы прозрачные волчки.

— Мы встретили их! — крикнул Химик.

— Когда? Где?

— С час назад, возвращаясь! Мы чуть с ними не столкнулись. А что они делали здесь?

— Прибыли колонной, — заговорил Инженер, — откуда, мы не знаем. Мы все как раз были в ракете, буквально пять минут, а когда вышли на поверхность, они уже тянулись один за другим, окружая ракету. Они не приближались. Мы думали, что это передовой дозор, головная тактическая разведка. Ну, установили под ракетой монитор и ждали. А они крутились все время вокруг, не отдаляясь и не приближаясь. Это продолжалось часа полтора. Потом появились большие волчки — высотой метров тридцать! Гиганты! Похоже, что они могут двигаться только по бороздам, которые пропахивают те, другие. Вращающиеся диски освободили для них место в своем кольце, и поочередно — одна большая машина, одна маленькая — они снова начали крутиться. Иногда притормаживали, а один раз две чуть не столкнулись, вернее, коснулись друг друга. Треск был ужасный, но с ними ничего не случилось, и они продолжали вращаться.

— А вы?

— Ну, а что мы — потели у монитора. Удовольствие было небольшое.

— Верю, — торжественно сказал Доктор, — а дальше?

— Дальше? Сначала я все думал, что они вот-вот на нас нападут, потом — что они только производят наблюдения. Но меня удивлял их строй и то, что они не останавливаются ни на секунду. Мы ведь знаем: такой круг может вращаться на месте. Где-то в начале восьмого я послал Физика за мигалкой — нужно было повесить ее для вас. Но ведь вы не смогли бы прорваться сквозь эту проклятую стену — и тогда мне первый раз пришло в голову, что это блокада! Я подумал, что, во всяком случае, нужно попробовать договориться — пока есть возможность. Сидя у монитора, мы начали сигналить лампой — сериями, сначала по две вспышки, потом по три, по четыре.

— Теорема Пифагора? — спросил Доктор; Инженер напрасно пытался рассмотреть, не насмехается ли он.

— Нет,— сказал он наконец.— Обычный числовой ряд.

— А они что? — спросил жадно слушавший Химик.

— Как тебе сказать? Собственно, ничего.

— Что значит «собственно»? А не «собственно»?

— Ну, они совершали разные действия и до наших сигналов, и во время них, и после, но ничего такого, что можно было принять за попытку ответить или установить контакт, не было.

— А что они делали?

— Кружились то быстрее, то медленнее, сближались друг с другом, что-то двигалось в их гондолах...

— А у волчков, этих больших, тоже есть гондолы?

— Ты же говорил, что вы их видели?

— Когда мы их встретили, было темно.

— У них нет никаких гондол — внутри вообще ничего нет. Пустое место. Зато по периметру ходит... плавает... ну, крутится как бы большой бак, по краям выпуклый, в центре вогнутый, по бокам у него целый ряд рогов — таких конусных утолщений. Совершенно бессмысленно — с моей точки зрения, конечно. О чем я говорил?.. Да, так вот, эти волчки выходили иногда за пределы кольца и менялись местами с маленькими дисками.

— Как часто?

— По-разному. Во всяком случае, никакой регулярности установить не удалось. Говорю вам — я отмечал все, что могло иметь хоть малейшую связь с их движениями, так как ожидал какого-нибудь ответа. Они проделывали даже сложные эволюции. Например, на втором часу эти большие притормозили, почти остановились, перед каждым волчком встал диск поменьше, они медленно двинулись к нам, но прошли совсем немного, может пятнадцать метров, большие волчки за ними, и снова начали описывать круги. Теперь их было целых два: внутренний, по которому двигались четыре большие и четыре маленькие машины, и наружный из остальных плоских дисков. Я уже подумывал, что предпринять, чтобы вы могли вернуться. Но тут они выстроились в одну длинную колонну и удалились, сначала по спирали, а потом прямо на юг.

— А в котором часу это было?

— В начале двенадцатого.

— Значит, мы встретили других,— обратился Химик к Координатору.

— Не обязательно. Они могли где-нибудь задержаться.
— Теперь вы рассказывайте,— потребовал Физик.
— Пусть говорит Доктор,— сказал Координатор.
— Ладно. Итак...— За несколько минут Доктор рассказал обо всех приключениях и продолжал: — Вы подумайте, все, что тут происходит, отчасти напоминает нам различные вещи, известные на Земле, но всегда только отчасти — каждый раз несколько кубиков остаются лишними и не укладываются в мозаику. Это очень характерно! Их машины появились здесь как будто в боевом строю — может, это разведывательный патруль, может, головной дозор армии, может, начало блокады? Или все понемногу, а в результате — ничего не ясно. Вот глиняные ямы — конечно, они были ужасны, но что они, собственно, значили? Могилы, так это выглядело. Потом их поселение, или как там это назвать. Это было уже совершенно невероятно! Кошмарный сон. Ну, а скелеты? Музей? Бойня? Храм? Фабрика биологических экспонатов? Тюрьма? Можно думать обо всем, даже о концентрационном лагере! Но мы не встретили никого, кто хотел бы нас задержать или установить с нами какой-нибудь контакт — ничего похожего. Это, пожалуй, наименее понятно, во всяком случае, для меня. Цивилизация планеты, несомненно, на высоком уровне. Архитектура в техническом отношении развита чрезвычайно, строительство таких куполов, как те, которые мы видели, должно представлять не простую проблему. А рядом — каменный поселок, напоминающий средневековый город. Поразительное смешение уровней цивилизации! При этом, видимо, существует отличная система сигнализации, раз они погасили свет в этом своем городе буквально через минуту после нашего прибытия, а мы ехали очень быстро и никого не заметили на дороге... Без сомнения, они наделены разумом, а толпа, которая нас окружила, вела себя как стадо баранов, охваченное паникой. Ни следа какой-либо организации... Сначала они как будто убегали от нас, потом нас окружили, смяли, возник неопишуемый хаос, все это было бессмысленно, просто безумно! Ну, и так во всем. Индивид, которого мы убили, был одет в какую-то серебристую фольгу; эти были голые, лишь на нескольких болтались какие-то лохмотья. У того трупа в яме была введена в кожный нарост трубка... И, что самое странное, у него был глаз, как у этого, которого вы видите, а другие были без глаз, зато с носами. Когда я об этом думаю, меня охватывает опасение, что даже двутел, которого мы привезли, нам не поможет. Естественно, мы

постараемся с ним объясниться, но я не очень верю, что это удастся.

— Весь собранный до сих пор информационный материал нужно записать и как-то классифицировать, — заметил Кибернетик, — иначе мы в нем утонем. Должен сказать... Доктор, наверное, прав, но... эти скелеты... А это точно были скелеты? И история с толпой, которая сначала окружила вас, а потом разбежалась...

— Скелеты я видел, как тебя. Это неправдоподобно, но это правда. Ну, а толпа... — Химик развел руками. — Это было абсолютное безумие, — добавил он.

— Может, вы разбудили весь поселок, и они были просто потрясены; представь себе, скажем, отель на Земле, в который въезжает здешний вращающийся круг. Ведь ясно, началась бы паника!

Химик упрямо покачал головой. Доктор усмехнулся.

— Ты там не был, тебе трудно объяснить. Паника? Превосходно. А потом, когда все они уже попрятались или убежали, круг выезжает на улицу, и тогда один из беглецов, голый, как выскочил из постели, трясясь от страха, бежит за этим кругом и дает начальнику понять, что хочет с ним поехать. Так?

— Но он вас не просил...

— Не просил? Если мне не веришь, спроси их, что было, когда я сделал вид, будто собираюсь прогнать его обратно. Отель!.. А могилы, открытые могилы, полные трупов?

— Дорогие мои, без четверти четыре, — сказал Координатор, — а завтра, то есть сегодня, нам могут нанести новые визиты — вообще здесь каждую минуту может произойти все что угодно. Меня уже ничего не удивит! Что вы сделали в ракете? — спросил он у Инженера.

— Мало. Мы часа четыре просидели у монитора! Проверили один сверхпроводящий электронный мозг типа «микро», радиоаппаратура почти налажена — Кибернетик расскажет подробнее. К сожалению, много каши.

— Мне не хватает шестнадцати ниобий-танталовых диодов, — сказал Кибернетик, — криотроны целы, но без диодов с мозгом ничего не сделать.

— А вытащить неоткуда?

— Вытащил сколько мог — семьсот с лишним.

— Больше нет?

— Может, еще в Защитнике? Но мне не удалось до него добраться. Он в самом низу.

— Слушайте, мы что, всю ночь будем стоять у ракеты?

— Верно, пошли. Погодите, а что с двутелом?

— Да, и вездеход!

— Вынужден вас огорчить: с этого момента мы должны выставлять постоянную охрану,— сообщил Координатор.— Просто безумие, что у нас ее не было до сих пор. Первые два часа, до рассвета, добровольно, а потом...

— Я могу,— сказал Доктор.

— Ты? Ни за что, только кто-нибудь из нас,— сказал Инженер.— Мы хоть сидели на месте.

— А я сидел на вездеходе. Я устал не больше тебя.

— Ну, хватит. Сначала Инженер, потом Доктор,— сказал Координатор.

Он потянулся, потер озябшие руки, подошел к вездеходу, выключил фары и медленно подкатил его под самый корпус ракеты.

— Слушайте,— Кибернетик стоял над неподвижно лежащим двутелом,— а что с ним?

— Оставим его здесь. Наверно, он спит. Не убежит. А то чего бы он с вами ехал? — бросил Физик.

— Но так нельзя — нужно что-то сделать...— начал Химик и не договорил.

Один за другим все уже спускались в туннель. Он огляделся, сердито пожал плечами и пошел за остальными.

Инженер разложил около излучателя надувные подушки и сел, но, чувствуя, что его сразу же начинает клонить ко сну, встал и начал размеренно прохаживаться.

Песок тихонько поскрипывал под ботинками. Небо на востоке серело, звезды постепенно переставали мерцать, бледнели. Воздух был холодный и чистый. Инженер попробовал различить в нем этот чужой запах, запомнившийся с первого выхода на поверхность планеты, но уже не мог его ощутить. Бок лежащего поодаль двутела мерно поднимался и опускался. Вдруг Инженер увидел длинные и тонкие щупальца, которые выползли из груди двутела и схватили его за ногу. Он отчаянно рванулся, споткнулся, чуть не упал — и открыл глаза. Оказывается, он заснул на ходу. Светлело. Перистые облачка собрались на востоке в наклонную линию, как будто нарисованную одним мазком, ее край медленно разгорался, в неопределенную серость неба вливалась голубизна. Последняя яркая звезда растворилась в ней. Инженер стоял лицом к горизонту. Облака из бурых превратились в бронзово-золотые, на их кромках бушевал огонь, розовая полоса, сплавленная с незапятнан-

ной белизной, двигалась по небосклону — из-за плоского, словно выжженного края планеты показался тяжелый красный диск. Это было похоже на Землю.

Его охватила пронзительная, невыразимая тоска.

— Смена! — послышался громкий голос за его спиной.

Инженер вздрогнул. Доктор смотрел на небо и улыбался. Инженеру вдруг захотелось поблагодарить его за что-то, что-то сказать, он сам не знал что, это было необыкновенно важно, но у него не нашлось слов, он встряхнул головой, ответил улыбкой на улыбку и нырнул в темный туннель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В середине дня пятеро полураздетых мужчин, с шеями и лицами, покрытыми бронзовым загаром, лежали в тени ракеты под ее белым брюхом. Вокруг валялась посуда, части приборов, на полотнище палатки были разбросаны комбинезоны, ботинки, полотенца, из открытого термоса поднимался запах свежесваренного кофе, по огромной равнине ползли тени облаков, все дышало спокойствием, и если бы не съезжившееся голое существо, которое неподвижно сидело немного поодаль, это вполне могло бы сойти за какой-то земной бивак.

— Где Инженер? — спросил Физик; он лениво приподнялся на локтях и посмотрел перед собой.

— Пишет свою книжку, — ответил Координатор.

— Какую еще? А, список ремонтных работ?

— Да, это будет толстая книга и, поверь мне, интересная!

Физик посмотрел на собеседника:

— У тебя хорошее настроение? Это приятно. А рана почти зажила. На Земле бы она так быстро, пожалуй, не затянулась.

Координатор притронулся к шраму на голове и поднял брови:

— Возможно. Корабль был стерильный, а здешние бактерии для нас безвредны. Насекомых здесь, кажется, вообще нет. Я не видел ни одного, а вы?

— Белые бабочки Доктора, — буркнул Физик.

От жары ему не хотелось говорить.

— Ну, это гипотеза.

— А что здесь не гипотеза? — спросил Доктор.

— Наше присутствие,— ответил Химик. Он перевернулся на спину.— Честно говоря,— признался он,— я бы не прочь сменить обстановку.

— Я тоже,— согласился Доктор.

— Видел, как у него покраснела кожа, когда он пару минут посидел на солнце? — спросил Координатор.

Доктор кивнул головой.

— Да. Это значит, что он или не бывал до сих пор на солнце, или носил какую-то одежду, какую-то оболочку, или...

— Или?

— Или еще что-нибудь, чего я не знаю...

— Неплохо,— сообщил Кибернетик, оторвавшись от записей.— Генрих обещает мне достать диоды из Защитника. Предположим, завтра мы кончим осмотр и все будет в порядке. Значит, вечером у нас уже будет работать первый автомат! Я его поставлю на сборку остальных; если он соберет хотя бы три штуки, и то все сдвинется с места. Запустим погрузчик, экскаватор, потом еще неделя, поставим ракету и...— Он не кончил.

— Погоди-ка,— сказал Химик.— Так ты воображаешь, что мы просто сядем и улетим?

Доктор засмеялся.

— Астронавтика — это чистый, ничем не запятанный плод людского любопытства,— сказал он.— Слышите? Химик уже не хочет отсюда трогаться!

— Нет, кроме шуток, Доктор, что с этим двутелом? Ты ведь сидел с ним целый день.

— Сидел.

— И что? Брось ты эту таинственность. Ее и так достаточно...

— Да при чем тут таинственность! Ох, поверь мне, я бы от нее не отказался! Он... ну что ж, он ведет себя как ребенок. Как умственно недоразвитый ребенок. Узнает меня. Когда я его зову, идет. Когда подтолкну, садится. По-своему.

— Ты ведь затащил его в машину. Как он там себя вел?

— Как младенец. Его ничто не интересовало. Когда я присел за генератор и он перестал меня видеть, его бросило в пот от страха. Если это пот и если он означает страх.

— Он что-нибудь говорит? Я слышал, как он что-то тебе булькал.

— Артикулированных звуков не издает. Я записывал на пленку и анализировал частоты. Голос он слышит, во всяком случае, реагирует на голос. Все это у меня просто не укладывается в голове... Он размазня, и пугливый, и несмелый, а ведь из подобных ему индивидуумов складывается все их общество, разве что он один... Но такое совпадение...

— Может, он молодой? Может, они сразу после появления на свет становятся такими большими?

— О нет, он не молодой. Это видно хотя бы по коже, по ее складкам, по морщинам. Здесь очень общие биологические закономерности. Кроме того, подошвы — утолщения, которыми они касаются почвы, — у него совершенно твердые, ороговевшие. Во всяком случае, в нашем понимании он не ребенок. Впрочем, ночью, когда мы возвращались, он обращал внимание на некоторые вещи быстрее нас и реагировал весьма своеобразно, например, на отражение в воздухе, о котором я вам говорил. Он боялся. Этого... этого их поселения он тоже боялся. Иначе зачем бы ему оттуда убежать?

— Может, удастся его чему-нибудь научить? В конце концов они построили заводы, вращающиеся диски, они должны быть разумными... — сказал Физик.

— Этот — нет.

— Погоди. Знаешь, что мне пришло в голову? — приподнялся на руках Химик. Он сел, отряхивая прилипшие к локтям песчинки. — А может, он... дебил? Умственно недоразвитый? Или...

— А, ты думаешь, что там... что это их приют для душевнобольных? — сказал Доктор, тоже садясь.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— С чего бы я стал издеваться? Это мог быть изолированный уголок, где они держат своих больных.

— И проводят на них эксперименты, — подсказал Химик.

— То, что видел, ты называешь экспериментами? — включился в разговор молчавший до сих пор Координатор.

— Я не оцениваю этого с моральной стороны. Я не имею на это права. Ведь мы ничего не знаем, — ответил Химик. — Доктор нашел у одного трубку, похожую на ту, которая торчала в теле вскрытого...

— Ага. Значит, тот, что залез в ракету, тоже оттуда, — сбежал и добрался сюда ночью?

— Почему бы нет? Разве это невозможно?

— А скелеты? — бросил Физик, по лицу которого было видно, что он очень скептически относится к доводам Химика.

— Ну... я не знаю. Может, это какая-то консервация или, может, их лечат показом — я имею в виду что-то вроде психического шока.

— Понятно. И есть у них собственный Фрейд, — сказал Доктор. — Милый мой, брось ты это. И не говори, что купол со скелетами — какой-то аттракцион или дворец с привидениями. Такое огромное сооружение... Чтобы вплавить скелеты в эти стеклянные блоки, нужно великолепно знать химию. Может, это какое-нибудь производство? Но чего?

— То, что ты ничего не можешь выжать из этого двутела, еще ни о чем не говорит, — заметил Физик. — Попробовал бы ты узнать что-нибудь о земной цивилизации от сторожа в моем университете.

— Недоразвитый сторож? — спросил Химик, и все рассмеялись.

Внезапно смех оборвался. Двутел стоял над ними. Он шевелил в воздухе узловатыми пальчиками, а его плоское личико, опущенное вниз, тряслось.

— Что с ним?! — выкрикнул Химик.

— Он смеется, — сказал Координатор.

Теперь все заметили, как подрагивает маленький торс — казалось, двутел зашелся от хохота. Он семеня большими бесформенными ступнями. Под взглядом уставившихся на него глаз двутел замер, оглядел людей по очереди, вдруг втянул торс, ручки, голову, заковылял на свое место и с тихим сопением опустился вниз.

— Если он смеется... — прошептал Физик.

— Это тоже ни о чем не говорит. Даже обезьяны смеются.

— Подожди, — сказал Координатор. Его глаза блестели на худом, обожженном солнцем лице. — Предположим, что у них существует значительно больший биологический разброс врожденных способностей, чем у нас. Одним словом, что у них есть слои, группы, касты работающих творчески, конструирующих, и большое количество индивидуумов, вообще не способных ни к какой работе — ни к чему. И что в связи с этим таких непригодных...

— Убивают. Проводят на них исследования. Едят их. Не бойся, можешь говорить все, что придет в голову, — ответил Доктор. — Никто не будет над тобой смеяться,

потому что все возможно. Только, увы, не все из того, что возможно, человек в состоянии понять.

— Сейчас. Что ты об этом думаешь?

— А скелеты? — поинтересовался Химик.

— После обеда делают учебные пособия, — объяснил Кибернетик со злой гримасой.

— Если бы я изложил все теории, которые со вчерашнего дня пропустил через свою голову, думая об этом, — заметил Доктор, — получилась бы книга в пять раз толще той, которую пишет Генрих, хотя, наверное, не такая складная. Еще мальчишкой я познакомился со старым космонавтом — он видел больше планет, чем у него было волос на голове, — а волос у него оставалось порядочно. Намерения у него были хорошие, он хотел рассказать мне, как выглядит пейзаж не помню уж на какой луне. «Там есть такие, — говорил он и разводил руками, — такие большие, и у них есть такое, и там вот так, а небо другое, чем у нас, да, другое», — повторял он все время, пока сам не начал смеяться и не махнул рукой. Невозможно кому-нибудь, кто никогда не был в Пространстве, рассказать, как это выглядит, когда висишь в пустоте и у тебя под ногами звезды. А ведь в этом случае речь идет только об изменившихся физических условиях! Здесь же перед нами цивилизация, которая развивается самое меньшее пятьдесят веков. Самое меньшее! И мы хотим понять ее за пару дней.

— Мы должны очень стараться; если не пойдем, цена, которую придется платить, может оказаться слишком высока, — сказал Координатор. Помолчав, он добавил: — И что, по-твоему, следует делать?

— То же, что и до сих пор, — сказал Доктор, — но шансы на успех я считаю ничтожными, примерно... примерно один к числу лет, которые насчитывает цивилизация Эдема.

Из туннеля высунулся Инженер и, увидев товарищей, отдыхающих в широкой полосе тени, как на пляже, сбросил комбинезон и подошел к ним, выискивая себе место, чтобы сесть. Химик жестом позвал его.

— Ну, как у тебя, пошло? — спросил Координатор.

— Да, у меня готово уже почти три четверти... Впрочем, я не все время работал над этим... Я попробовал пересмотреть сложившееся у нас мнение, будто тот первый завод — на севере — работает так, как мы это видели, потому что никем не контролируется и разрегулировался... В чем дело? Что в этом смешного? Ну, чего вы гогочете?

— Я вам кое-что скажу,— заявил Доктор. Он один остался серьезным.— Когда корабль будет готов к старту, произойдет бунт. Никто не захочет лететь, пока не узнает... Уж если даже сейчас, вместо того чтобы в поте лица завинчивать винтики...— Он развел руками.

— А, вы о том же? — догадался наконец Инженер.— И к чему вы пришли?

— Ни к чему. А ты?

— Да я тоже, но я искал некоторые наиболее общие и одновременно характерные черты явлений, с которыми мы столкнулись... И меня поразило, что автоматический завод не только работает по замкнутому циклу, но и это делает как будто небрежно: отдельные готовые изделия разнятся между собой. Помните?

Все согласно зашумели.

— Ну, а вчера Доктор обратил внимание на то, что отдельные двутелы отличаются друг от друга странным образом: у одних нет глаз, у других — носа, меняется количество пальцев, то же самое с цветом кожи. Все это колеблется в определенных границах, как бы в результате известной неточности процесса «органической» технологии — здесь и там...

— А ведь действительно интересно! — воскликнул слушавший с большим вниманием Физик.

А Доктор добавил:

— Да, наконец что-то существенное. А дальше? Дальше? — повернулся он к Инженеру, который смущенно покачал головой.

— Честно говоря, я не решаюсь вам сказать. Человек, когда он один, выдумывает разные...

— Да говори же! — крикнул Химик почти возмущенно.

— Если уж начал,— поддержал его Кибернетик.

— Я рассуждал так: там перед нами кольцевой процесс производства, разрушения и снова производства. Вчера вы также обнаружили нечто похожее на завод. А если это завод, он должен что-то производить.

— Нет, там ничего не было,— сказал Химик.— Кроме скелетов. Правда, мы не все осмотрели...— добавил он с сомнением.

— А если этот завод производит... двутелов? — тихо спросил Инженер и среди общего молчания продолжал: — Система производства была бы аналогичной: серийной, массовой, с отклонениями, вызванными, скажем, не столько отсутствием контроля, сколько своеобразием процессов, протекающих так, что возникают определенные

отклонения от запланированной нормы, которые уже не поддаются управлению. Скелеты тоже различались между собой.

— И... думаешь... они убивают тех, которые плохо сделаны? — изменившимся голосом спросил Химик.

— Вовсе нет! Я думал, что те... тела, которые вы нашли, что они вообще никогда не жили! Синтез удался настолько, чтобы создать организмы, снабженные мышцами, оснащенные всеми внутренними органами, но отклонение от нормы было так велико, что они были неспособны функционировать. Значит, они вообще не жили и были удалены, выведены из производственного цикла...

— А... ров под городом — это что? Тоже негодная продукция? — спросил Кибернетик.

— Не знаю, хотя в конце концов и это не исключено...

— Нет, исключено, — сказал Доктор. Он смотрел на подернутую голубой пеленой кромку горизонта. — В том, что ты говоришь, есть что-то такое... та сломанная трубка и другая...

— Может, через них вводились какие-нибудь питательные вещества во время синтеза.

— Это бы объяснило также, почему привезенный вами двутел как бы умственно недоразвит, — добавил Кибернетик. — Он был создан сразу таким взрослым, не разговаривает, у него отсутствуют какие бы то ни было знания...

— Э, нет, — вмешался Химик. — Наш двутел все-таки кое-что знает — он боялся не только возвращения в тот каменный приют, это в конце концов можно как-нибудь понять, он и зеркальной полосы тоже боялся. Кроме того, он что-то знал о световом отражении, о той невидимой границе, которую мы пересекли...

— Если развить гипотезу Генриха, создается картина, которую трудно принять. — Координатор говорил, а сам рассматривал песок под ногами. — Первый завод производит неиспользуемые детали. А тот, другой? Живых существ? Зачем? Ты думаешь, что они... тоже вводятся в кольцевой процесс?

— Перестань! — крикнул Кибернетик, вздрогнув. — Ты ведь не говоришь этого серьезно?

— Постой. — Химик сел. — Если бы живые возвращались в реторту, то устранение несовершенных существ, которых нельзя оживить, было бы излишним. Впрочем, мы вообще не видели следов такого процесса...

В наступившей тишине Доктор выпрямился и обвел их глазами.

— Слушайте,— произнес он.— Ничего не поделаешь... Я должен это сказать. Мы попали под влияние производственной гипотезы, высказанной Инженером, и теперь силится подогнать к ней факты. Так вот, из всего этого неопровержимо следует одно: что мы очень благородные и наивные люди...

Все смотрели на него с удивлением; по мере того как он продолжал, удивление росло.

— Вы только пытались представить ужасы и дошли до картины, которую мог бы вообразить ребенок. Завод, производящий живых существ, чтобы их уничтожить... Дорогие мои, действительность может быть хуже.

— Ну, знаешь! — взорвался Кибернетик.

— Подожди! Пусть говорит! — остановил его Инженер.

— Чем больше я думаю обо всем пережитом нами в этом поселке, тем сильнее убеждаюсь: мы видели совсем не то, что нам казалось.

— Говори яснее. Так что же там делалось? — спросил Физик.

— Я не знаю, что там делалось, но я знаю, чего там не делалось.

— Ну и ну! Может, ты кончишь изъясняться загадками?

— Я хочу сказать вот что: после долгого блуждания по этому каменному лабиринту мы были внезапно окружены толпой, которая нас немного помяла, а потом разбежалась. Поскольку, подъезжая к поселку, мы заметили, как в нем гаснут огни, мы, естественно, подумали, что это происходит в связи с нашим прибытием, что жители попрятались от нас и что нас обступила толпа бегущих в убежище или что-нибудь в этом роде. Так вот, по мере возможности я восстановил всю последовательность событий, все происходившее с нами и вокруг нас и скажу вам: это было что-то совсем другое — что-то, от чего разум защищается как от капитуляции перед безумием.

— Ты собирался говорить просто,— остановил его Физик.

— Я говорю просто. Пожалуйста, дана такая ситуация: на планету, населенную разумными существами, садятся космические пришельцы. Каковы возможные реакции жителей?

Поскольку никто не ответил, Доктор продолжал:

— Если бы даже жители этой планеты были созданы в ретортах или появились на свет при еще более неестественных обстоятельствах, я вижу только три возможных типа поведения: попытки установления контакта с пришельцами, попытки напасть на них либо паника. Оказалось, однако, что возможен четвертый тип — полное безразличие!

— Ты же сам говорил, что вам чуть ребра не поломали, и это ты называешь безразличием? — воскликнул Кибернетик.

Химик слушал Доктора с горящими глазами.

— Если бы ты оказался на пути стада, убегающего от пожара, оно могло бы обойтись с тобой еще хуже, но из этого не следует, что стадо обращает на тебя внимание, — ответил Доктор. — Говорю вам, толпа, в которую мы попали, вообще нас не видела! Она не интересовалась нами! Была охвачена паникой, согласен, но мы тут ни при чем. Она натолкнулась на нас совершенно случайно. Конечно, мы с самого начала были уверены, что именно из-за нашего появления погас свет, наступил хаос, словом, произошли все эти события. Но мы ошибались. Все было по-другому.

— Докажи, — сказал Инженер.

— Сначала я хотел бы услышать, что скажет мой спутник, — ответил Доктор, глядя на Химику.

Тот сидел в каком-то странном состоянии, беззвучно шевеля губами, словно говорил про себя. От неожиданности Химик вздрогнул.

— Да, — сказал он. — Значит, так. Да. Все время до этого самого момента что-то меня мучило, не давало покоя, я чувствовал, что там был какой-то сдвиг, какое-то недоразумение или, как бы это сказать... да, как если бы я читал перепутанный текст и не мог уловить, где предложения переставлены. Теперь все встало на свои места. Все происходило так, как он говорит. Боюсь, что мы этого не докажем, это невозможно доказать. Нужно было побывать там, в той толпе. Они вообще не видели нас... разумеется, за исключением нескольких ближайших. Но именно те, которые меня окружали, не поддавались общей панике. Я бы сказал, совсем наоборот: мой вид действовал на них как бы отрезвляюще — пока они смотрели на меня, они были просто очень удивленными, чрезвычайно пораженными жителями планеты, которые увидели неизвестных

существ. Они совсем не хотели сделать мне что-то плохое. Я даже припоминаю, что они помогали мне выбраться из давки, насколько это было возможно...

— А если эту толпу кто-то направлял против вас, если она играла роль загонщиков? — поинтересовался Инженер.

Химик отрицательно покачал головой.

— Там ведь ничего такого не было — никаких вращающихся дисков, никакой вооруженной охраны, никакой организации; был абсолютный хаос, и ничего больше. Да, — добавил он, — удивляюсь, что я только теперь понял это! Те, которые меня видели вблизи, как бы приходили в себя, а как безумно вели себя все остальные!

— Если все происходило так, как вы говорите, — вмешался Координатор, — это было достаточно странное стечение обстоятельств. Почему огни погасили именно в тот момент, когда мы туда приехали?

— Ага, теория вероятности, — сказал Доктор и добавил громче: — Я не видел бы в этом ничего необычного и высказал бы не лишнее основания предположение, что такие состояния возникают относительно часто.

— Какие состояния?

— Всеобъемлющей паники.

— И что ее может вызывать?

— Это могло бы быть отклонением в процессе развития цивилизации планеты, — нарушил общее молчание Кибернетик. — Период регрессивного развития; скажем, упрощая: цивилизацию разъедает что-то вроде... социального рака...

— Это очень туманно, — сказал Координатор. — Земля, как мы знаем, планета весьма обычная. На ней были эпохи регресса, целые цивилизации возникали и приходили в упадок, но, интегрируя тысячелетия, мы получаем картину усложнения жизни и усиления средств ее защиты. Мы называем это прогрессом. Прогресс осуществляется на средних планетах. Но существуют — в соответствии с законом больших чисел — и статистические отклонения от среднего, положительные и отрицательные. Не нужно обращаться к гипотезам о временной деградации, о движении назад. Быть может, недугов, сопутствующих возникновению цивилизации, здесь больше, чем где-либо в другом месте. Быть может, мы попали как раз на образец отрицательного отклонения.

— Математический демонизм,— буркнул Инженер.
— Но завод существует,— заметил Физик.
— Тот, первый — согласен; существование второго — гипотеза, которую не удастся защитить.
— Одним словом, нужна новая экспедиция,— сказал Химик.

— По этому поводу у меня не было ни малейших сомнений.

Инженер огляделся. Солнце явно клонилось к западу, тени на песке удлинялись. Подул легкий ветерок.

— А что сегодня?..— спросил он, глядя на Координатора.

— Сегодня надо бы съездить за водой, и больше ничего.— Координатор поднялся.— Дискуссия прошла очень интересно,— добавил он.

У него было такое лицо, как будто он думал о чем-то другом. Он поднял комбинезон и сразу же бросил его — одежда раскалилась на солнце.

— Думаю, что к вечеру мы прогуляемся на колесах к ручью,— снова заговорил Координатор.— Мы не должны отступать от намеченного плана ни при каких условиях, только если нам будет грозить непосредственная опасность.

Он вернулся к сидящим на песке товарищам, некоторое время внимательно разглядывал их и наконец медленно произнес:

— Должен вам сказать, что я немного... неспокоен.

— Почему?

— Не нравится мне, что нас оставили в покое после позавчерашнего визита. Прошло больше суток, как нас обнаружили, и... ничего. Так не поступает ни одно общество, которому на голову сваливается с неба корабль с живыми существами.

— Это в какой-то мере подтверждает мое предположение,— заметил Кибернетик.

— О раке, который разъедает Эдем? Ну, с нашей точки зрения это было бы не самым плохим вариантом, толькоо...

— Что?

— Ничего. Слушайте, пора наконец заняться Защитником. Надо только сбросить с него все эти обломки; внутри диоды, наверное, уцелели.

Более двух часов они трудились в поте лица, вынося из нижнего отсека сцепившиеся в одну сплошную массу разбитые части автоматов и запасные части, под которыми был погребен Защитник. Большие тяжести поднимали переносным рычажным подъемником, а все, что не удавалось проташить в дверь, Инженер вместе с Координатором сначала разбирали. Две броневые плиты, заклиненные между башенкой Защитника и придавившим ее ящиком со свинцовыми кирпичами, они разрезали вольтовой дугой, подведя кабели с распределительного пульта реактора. Кибернетик и Физик сортировали то, что уже было извлечено из жалобно скрежещущей груды. Части, не поддающиеся ремонту, они отправляли в лом. Химик в свою очередь разбирал этот лом в зависимости от рода материала. Время от времени, когда нужно было вытащить какой-нибудь особенно массивный элемент конструкции, все бросали свою работу и спешили на помощь к «грузчикам». Незадолго до шести на свет появился сплюснутый лоб Защитника. Можно было открывать люк.

Кибернетик первым спрыгнул в темную дыру. Потом он попросил лампу; ее опустили сверху на кабеле. Из Защитника, как будто со дна глубокого колодца, донесся его сдавленный голос.

— Есть! — радостно кричал Кибернетик. — Есть!

На мгновение он высунулся.

— Только садись и поезжай! Вся аппаратура в порядке!

— Ясно, Защитник для того и существует, чтобы многое выдержать, — бросил раскрасневшийся Инженер. Он до крови натер себе плечи, таская тяжести.

— Ребята, уже шесть. Если ехать за водой, нужно это делать сейчас, — сказал Координатор. — У Кибернетика и Инженера работы выше головы; думаю, мы поедем той же командой, что и вчера.

— Не согласен.

— Ты ведь понимаешь... — начал Координатор, но Инженер не дал ему кончить.

— Ты можешь то же, что и я. Сегодня ты останешься.

Они заспорили. Наконец Координатор уступил. В состав экспедиции вошли Инженер, Физик и Доктор. От Доктора уговорами ничего не добились — он хотел ехать.

— Ведь действительно неизвестно, где безопаснее, здесь или там, если ты это имеешь в виду, — сказал он,

раздраженный наскоками Инженера, и поднялся наверх по стальной лесенке.

— Канистры уже приготовлены,— сказал Координатор.— До ручья не больше двадцати километров. Наберете воды и сразу же возвращайтесь, хорошо?

— Если удастся, обернемся два раза,— сказал Инженер.— Тогда у нас будет четыреста литров.

— Ну, насчет второго рейса посмотрим.

Химик и Кибернетик хотели выйти с ними, но Инженер загородил им дорогу:

— Нет, нет, только без проводов, прощаний, это не имеет смысла. Оставайтесь. Одному все равно надо быть наверху, вот он и может пойти с нами.

— Это как раз я,— сказал Химик.— Ты же видишь, я безработный.

Солнце стояло уже довольно низко. Проверив подвеску, люфт руля и запас изотопной смеси, Инженер сел впереди. Едва на сиденье забрался Доктор, как лежавший у ракеты двутел поднялся и, выпрямившись во весь свой рост, заковылял к машине. Вездеход тронулся. Огромное существо застонало и кинулось за ним с ошеломившей Химики скоростью. Доктор что-то крикнул Инженеру, машина остановилась.

— Ну, что ты хочешь,— ворчал Инженер.— Не брать же его с собой.

Доктор в замешательстве, не зная, что делать, беспомощно смотрел на возвышающегося над ним гиганта, который заглядывал сверху ему в лицо, переступая с ноги на ногу и издавая стрекочущие звуки.

— Запри его в ракете. Он пойдет за тобой,— посоветовал Инженер.

— Или усыпи его,— добавил Физик.— Если он за нами погонится, он может привлечь кого-нибудь еще.

Это убедило Доктора. Вездеход медленно вернулся к ракете, двутел последовал за ним странными скачками. Доктор с трудом затащил гиганта в туннель. Вернулся он через четверть часа, злой и расстроенный.

— Я запер его в тамбуре перевязочной,— сказал он.— Там нет никаких острых предметов, стекол тоже... Боюсь только, он наделает шуму.

— Ну, ну,— пробормотал Инженер,— не будь смешным.

Доктор хотел ответить что-то резкое, но смолчал. Вездеход снова тронулся и по большой дуге объехал ракету. Химик махал товарищам рукой, даже когда не видел

ничего, кроме высокого размазанного султана пыли. Потом он начал размеренно прохаживаться возле неглубокого окопчика, в котором стоял монитор.

Он ходил так почти два часа, когда среди стройных чаш, отбрасывающих длинные тени, появилось облако пыли. Солнце разбухшим красным яйцом только что коснулось горизонта, на севере синел прилив туч, обычного надвигающегося в это время холода не чувствовалось, все еще было душно.

Химик выбежал из тени ракеты и увидел вездеход, подсакивающий на бороздах, пропаханных дисками.

Машина еще не успела затормозить, а он уже оказался рядом с ней. Ему незачем было спрашивать о результатах экспедиции: вездеход тяжело оседал на сплюснутых шинах, во всех канистрах плескалась вода, даже не свободном сиденье стояла полная банка.

— Как съездили? — спросил Химик.

Инженер снял темные очки и платком вытер с лица пот и пыль.

— С удовольствием, — сказал он.

— Никого не встретили?

— Ну, как обычно, круги, но мы проскочили далеко от них, поехали по другую сторону от зарослей, тех, где ров, помнишь? Там почти совсем нет борозд. Правда, пришлось немного повозиться, пока наполняли канистры. Неплохо бы какой-нибудь насосик.

— Мы хотим съездить еще раз, — добавил Физик.

— Сначала нужно перелить воду...

— А, не стоит, — отмахнулся Физик, — тут лежит столько пустых банок и канистр, возьмем другие, а потом все заодно и перельем. Верно?

Он переглянулся с товарищами, как будто они что-то задумали. Химик этого не заметил, его только немного удивила такая спешка. Торопясь, как на пожар, они выгрузили канистры, бросили на багажник пустые — их было совсем не так уж много, — сели, и вездеход рванулся с места, взметая клубы пыли. Стена пыли еще оседала на равнине, алея в лучах заходящего солнца, когда на поверхность вылез Координатор.

— Еще не приехали? — спросил он.

— Были уже, сменили посуду на пустую и поехали еще раз.

— Как это — сразу поехали? — Координатор скорее удивился, чем рассердился.

Потом он сказал Химику, что сейчас его сменит, и спустился в корабль, чтобы сообщить новость возившемуся с универсальным автоматом Кибернетику, но с тем было трудно говорить. У него во рту торчало штук двадцать транзисторов, он выплевывал их в руку, как семечки. Пучок вытащенных из порцеллитовых внутренностей проводов Кибернетик нацепил на шею и подсоединял их с такой быстротой, что только пальцы мелькали. Иногда он застывал без движения и некоторое время как бы в столбняке всматривался в висевшую перед ним большую схему.

Координатор вернулся наверх, сменил Химику, который пошел готовить для всех ужин, и, сидя около излучателя, убивал время, делая заметки на полях монтажной книги, начатой Инженером.

Они два дня ломали себе головы над тем, куда деть девяносто тысяч литров радиоактивной воды, которая залила все помещения над грузовым люком. Из этого заколдованного круга, казалось, не существовало выхода: чтобы очистить воду, требовалось запустить фильтры, а добраться к питавшему их кабелю можно было только через залитый водой отсек. На корабле имелся даже водолазный скафандр, но он не защищал от излучений. Приспособивать его специально и покрывать свинцом не стоило — разумнее было подождать, когда отремонтированные автоматы смогут нырнуть в воду.

Координатор сидел под кормой ракеты, на которой с момента наступления темноты регулярно вспыхивал фонарь, и, стараясь писать как можно быстрее, заносил в книжку то, что приходило в голову, — свет горел лишь три секунды. Он сам потом смеялся, рассматривая свои каракули.

Координатор посмотрел на часы: было почти десять. Он встал и начал прохаживаться, высматривая огни вездехода, но ничего не видел — мешали вспышки мигалки. Поэтому он пошел в ту сторону, откуда должна была появиться машина.

Как обычно, когда Координатор был один, он поднял глаза к звездам: Млечный Путь круто взлетал в темноту. От Скорпиона Координатор перевел взгляд влево и удивленно остановился: ярчайшие звезды Козерога были едва видны, они тонули в бледном пламени, как будто Млечный Путь стал шире и поглотил их. Внезапно Координатор понял. Это было зарево, как раз там, над восточным горизонтом. Сердце у него на мгновение замерло и забилось

сильнее. Он почувствовал комок в горле, который сразу же пропал. Стиснув зубы, он двинулся дальше. Зарево было беловатым, низким и неравномерно пригасало, чтобы чуть позже полыхнуть несколько раз подряд. Координатор закрыл глаза и напряженно вслушивался в тишину, но слышал только шум в ушах. Теперь созвездий почти не было видно. Координатор стоял неподвижно, всматриваясь в небосклон, наливавшийся мутным светом.

Сначала он хотел вернуться к ракете и вызвать наверх Химика и Кибернетика — они могли бы пойти к ручью с монитором. Пешком на это потребовалось бы минимум три часа. Кроме вездехода у них был небольшой вертолет, но его заклинило между ящиками в залитом отсеке; над водой выступала только верхушка, винт во время аварии разлетелся на куски, кабина, наверное, тоже выглядела неважно. Правда, оставался Защитник. Координатор подумал, что можно просто сесть в него, дистанционно открыть грузовой люк (его привод включался в машинном отделении) и проехать сквозь воду, которая, впрочем, выльется, как только откроется люк. В Защитнике радиация не страшна. Но, во-первых, неясно было, откроется ли люк вообще, а во-вторых, что делать потом, — вся земля вокруг ракеты превратилась бы в большое радиоактивное пятно. И все-таки если бы твердо знать, что люк откроется...

Координатор сказал себе, что подождет еще десять минут; если к этому времени он не увидит огней — придется отправиться на выручку. Было тринадцать минут одиннадцатого. Он опустил руку с часами. Зарево — да, он не ошибался — постепенно сдвигалось вдоль горизонта, оно уже доходило до Альфы Феникса. Сверху розоватая, внизу мутно-белая полоса уползала к северу. Он снова посмотрел на часы. Оставалось еще четыре минуты. Тут он увидел фары.

Сначала они были мигающим огоньком, дрожащей звездочкой, потом раздвоились, наконец, начали слепить все сильнее — Координатор уже слышал шорох колес. Инженер ехал быстро, но на бегство это не походило — Координатор знал, что из вездехода можно выжать больше, — и то, что они не слишком спешили, рассеяло его тревогу. Но тут же, как часто бывает, когда спадает напряжение, он почувствовал растущий гнев.

Сам того не замечая, Координатор отошел от ракеты шагов на триста, если не больше. Вездеход резко затормозил. Доктор крикнул:

— Садись!

Координатор подбежал, прыгнул боком на свободное сиденье, сдвинул жестянку и почувствовал, что она пустая. Он взглянул на товарищей — как будто все было в порядке. Наклонился вперед, коснулся ствола монитора — ствол был холодный.

Физик ответил на его немой вопрос ничего не выражающим взглядом. До самой ракеты Координатор не сказал ни слова. Инженер резко развернулся, центробежная сила вжала Координатора в сиденье, пустые канистры забренчали, и машина остановилась у самого лаза в туннель.

— Что, вода высохла? — спросил Координатор безразличным тоном.

— Мы не смогли набрать воды, — сказал Инженер. Он повернулся к Координатору на своем вертящемся сиденье. — Не удалось доехать до ручья.

Он показал рукой на восток.

Из вездехода никто не выходил. Координатор испытующе смотрел то на Физика, то на Инженера.

— Мы уже в первый раз заметили, что там что-то изменилось, — сказал Физик, — но не знали что и хотели разобраться.

— А если бы изменилось настолько, что вы не вернулись бы, был бы нам прок от такой предусмотрительности? — осведомился Координатор. Он уже не скрывал бешенства. — Ну, давайте рассказывайте все и сразу, а не в час по чайной ложке.

— Они там что-то делают, вдоль ручья, перед ним и за ним, вокруг бугров, во всех котлованах, вдоль больших борозд, на протяжении километров, — сказал Доктор.

Инженер кивнул головой.

— В первый раз, когда было еще светло, мы заметили только целые хороводы этих огромных волчков — они двигались строем в виде латинской буквы «V» и выбрасывали грунт, как будто копали траншеи. Мы разглядели эти траншеи как следует только на обратном пути с вершины холма, и они мне не понравились.

— А что тебе в них не понравилось? — мягко спросил Координатор.

— То, что они треугольные и вершины каждого треугольника направлены в нашу сторону.

— Великолепно. И, не сказав ни слова об этом, вы поехали туда еще раз? Знаешь, как называется такое поведение?

— Может, мы сделали глупость,— сказал Инженер.— Даже наверное сделали, но мы подумали, что, если начнем здесь совещаться, ехать ли второй раз, снова начнутся споры, кто должен рисковать своей бесценной жизнью и так далее,— и решили справиться с этим быстро, сами. Мы рассчитывали на то, что с наступлением сумерек им придется осветить место работ.

— Они вас не заметили?

— Почти наверняка нет. Во всяком случае, никаких признаков я не видел — нас никто не остановил.

— А как вы ехали сейчас?

— Почти все время по вершинам холмов, не по самым вершинам, немного ниже, чтобы они нас не увидели на фоне неба. Разумеется, без огней. Поэтому мы так долго тащились.

— То есть вы вообще не собирались привозить воду, а канистры взяли только для того, чтобы обмануть Химика?

— Нет, это не так,— вмешался в разговор Доктор.

Они все еще сидели в вездеходе, то освещаемые вспышками маяка, то погруженные в темноту.

— Мы хотели подъехать к ручью значительно дальше, с другой стороны, но нам не удалось.

— Почему?

— Там они проводят такие же работы. Сейчас, с наступлением темноты, льют в траншеи светящуюся жидкость — она давала столько света, что все было отлично видно.

— Что это? — Координатор посмотрел на Инженера.

Тот пожал плечами:

— Может, они делают какие-нибудь отливки. Хотя вещество слишком жидкое для расплавленного металла.

— Чем они его доставляли?

— Ничем. Клали что-то вдоль борозд; возможно, трубопровод, но точно я сказать не могу.

— Жидкий металл нагнетали по трубопроводу?

— Говорю тебе, я видел это в темноте, в бинокль, при очень плохом освещении — центр каждой траншеи светится, как ртутная горелка, а вокруг все темно. Впрочем, мы ни разу не подходили ближе чем метров на семьсот.

Фонарь погас, и они некоторое время сидели, ничего не видя, потом он снова вспыхнул.

— Думаю, его надо убрать,— сказал, поднимая глаза, Координатор и добавил: — Сейчас же.

— Что там? — Мигалка снова вспыхнула, и все увидели вынырывающего из туннеля Химика.

Он подбежал к вездеходу, а Инженер спустился вниз и выключил ток. Фонарь блеснул в последний раз, и стало темно. Зарево на горизонте разгоралось еще отчетливее. Теперь оно сильно сместилось к югу.

— Их там страшно много,— сказал Инженер, который вернулся на поверхность и стоял у ракеты лицом к зареву.

— Больших волчков?

— Нет, двутелов. На фоне этого светящегося теста мы видели их силуэты. Они очень спешили: очевидно, эта масса, остывая, густеет. Они обкладывали ее какими-то решетками сзади и с боков. Передняя часть, то есть сторона, обращенная к нам, осталась открытой.

— Ну и что? Будем сидеть сложа руки?..— возбужденным голосом начал Химик.

— Ну зачем же,— сказал Координатор.— Сейчас примемся за проверку всех систем Защитника.

Они помолчали, глядя на зарево, и заметили несколько ярких вспышек.

— Хочешь слить воду? — угрюмо спросил Инженер.

— Без крайней необходимости — нет. Я уже думал об этом. Попробуем приоткрыть люк. Если контрольки покажут, что механизм замка действует, закроем люк и будем просто ждать. Крышка отойдет на какие-нибудь миллиметры, в худшем случае выльется несколько десятков литров воды. Такое маленькое радиоактивное пятно не проблема, с ним мы справимся. Зато будем знать, что в любой момент можем выехать в Защитнике наружу и иметь свободу маневра.

— В худшем случае мокрое пятно останется, но уже от нас,— сказал Химик.— Интересно, что тебе дадут эти эксперименты, если атака будет атомной?

— Керамит выдерживает в трехстах метрах от эпицентра.

— А если взрыв будет в сотне метров?

— Защитник выдержит взрыв и в ста метрах.

— Выдержит, вкопанный в грунт,— уточнил Физик.

— Ну так что? Понадобится — вкопаем.

— Если даже взрыв будет в четырехстах метрах, люк заплывится и наружу не выйдешь! Сваримся, как раки!

— Все это чепуха. Пока бомбы не падают. А впрочем, сами себе мы должны признаться, черт возьми,— ракету мы не покинем. Если ее уничтожат, интересно, из чего ты сделаешь другую?

После этих слов Инженера все замолчали.

— Погоди-ка,— сообразил вдруг Физик,— ведь Защитник не комплектный! Кибернетик вынул из него дыды.

— Только из автомата наводки. Можно наводить без автомата. Впрочем, ты же знаешь: если стрелять антипротонами, промазать не страшно, результат будет тот же...

— Слушайте, я хотел спросить об одном,— заговорил Доктор.

Все обернулись к нему:

— Что?

— Ничего особенного, я хотел только спросить, что делает двутел?

После секунды молчания раздался взрыв смеха.

— Это изумительно! — воскликнул Инженер.

Настроение изменилось, как будто опасность вдруг исчезла.

— Спит,— сказал Координатор.— Во всяком случае, около восьми я к нему заглядывал, он спал. Он вообще может почти все время спать. А он что-нибудь ест?

— Я не знаю, что он ест. У нас он ничего есть не хочет. Я пытался его покормить, но он ни к чему не притронулся.

— Да, у каждого свои хлопоты,— выдохнул Инженер и улыбнулся в темноте.

— Внимание! — раздался голос из туннеля.— Внимание!

Они резко обернулись. Из туннеля вылезала большая темная фигура, она мягко звякнула и остановилась. За ней появился Кибернетик с горящим фонарем на груди.

— Наш первый универсальный! — представил он торжествующим голосом.— Что такое?.. — спросил он, оглядывая поочередно освещаемые лица товарищей.— Что случилось?

— Пока ничего,— ответил Химик.— Но все еще впереди.

— Как это?.. У нас автомат... — беспомощно сказал Кибернетик.

— Да? Ну так скажи ему, что он уже может начинать.

— Что?

— Копать могилы!

Выкрикнув эти слова, Химик растолкал всех и большими шагами ушел в темноту. Координатор постоял, глядя ему вслед, а потом отправился за ним.

— Что с ним случилось? — спросил ошеломленный Кибернетик, который ничего не понимал.

— Шок,— коротко объяснил Инженер.— Там что-то против нас готовят... в тех долинах на востоке. Мы обнаружили это во время поездки. Вероятно, на нас нападут, но неизвестно — как.

— Нападут?..

Кибернетик все еще целиком был в своей работе, в своем успехе,— казалось, то, что говорил Инженер, не проникало в его сознание. Он расширенными глазами смотрел на окружающих, потом повернулся к равнине. На фоне серебристого бледнеющего зарева виднелись две медленно возвращающиеся фигуры. Кибернетик обернулся — автомат, возвышаясь над людьми, стоял рядом, неподвижный, будто высеченный из скалы.

— Нужно что-то делать...— прошептал Кибернетик словно про себя.

— Мы хотим привести в порядок Защитника,— сказал Физик.— Даст это что-нибудь или нет, неизвестно, во всяком случае, нужно браться за работу. Скажи Координатору, пусть пришлет к нам Химику, мы идем вниз. Будем ремонтировать фильтры. Автомат подключит кабель. Пошли,— кивнул он Кибернетику.— Хуже всего ждать сложа руки.

Они спустились в туннель. Автомат немного постоял, потом вдруг повернулся на месте и двинулся за ними.

— Смотри, Кибернетик-то уже наладил с Черным обратную связь,— не без удивления в голосе сказал Инженер Доктору.— Это нам сейчас пригодится,— добавил он,— пошлем Черного в воду. Когда он погрузится, ему нельзя будет отдавать команды голосом.

— А как? По радио? — спросил Доктор рассеянно, как будто говорил только для того, чтобы не прекращалась беседа.

Он наблюдал за темными фигурами на фоне зарева: они снова повернули. Это походило на ночную прогулку под звездами.

— Микропередатчиком, ты ведь знаешь...— начал Инженер, проследил за взглядом Доктора и продолжал тем же тоном: — Он уже был уверен, что нам удастся...

— Да,— кивнул Доктор.— Оттого ему так не хотелось слишком рано покидать Эдем...

— Это ничего...— Инженер уже повернулся к лазу в туннель.— Я его знаю. У него все пройдет, если начнется...

— Да, тогда все пройдет,— согласился Доктор, двигаясь за ним.

Инженер замедлил шаг, в темноте он пытался заглянуть Доктору в лицо, чтобы понять, не иронизирует ли он, но ничего не увидел — было слишком темно.

Минут через пятнадцать Координатор и Химик спустились в ракету. Перед началом работ наверх выслали Черного, который соорудил вокруг выхода из туннеля двухметровый вал, утрамбовал его и укрепил, а потом унес вниз оставленные на поверхности вещи. Кроме окопанного монитора, там остался только вездеход. Жалко было тратить время на его разборку, а для автомата нашлись более срочные дела.

В полночь экипаж принялся за работу. Кибернетик проверил все внутреннее оборудование Защитника, Физик с Инженером регулировали радиационно-фильтровальную установку, а Координатор в защитном костюме стоял над колодецем нижнего яруса машинного отделения. Автомат нырнул в колодец и работал теперь под двухметровым слоем воды у разветвления кабелей.

Оказалось, что даже после ремонта фильтры имеют уменьшенную пропускную способность: несколько секций окончательно вышли из строя. Пришлось ускорить циркуляцию воды. Ее очистка проходила в довольно примитивных условиях. Химик измерял величину радиоактивного заражения, забирая пробы для анализа каждые десять минут: автоматический индикатор не действовал, а на его исправление потребовалось бы время, которого у них не было.

В три часа утра вода была практически очищена. Цистерна, откуда она вытекла, лопнула в трех местах — инерция кинула ее вперед и ударила торцом об один из шпангоутов. Вместо того чтобы ее заваривать, для быстроты просто перекачали воду в верхнюю, пустую цистерну; в нормальных условиях никому бы не пришло в голову так асимметрично распределить груз, но ракету пока не снаряжали в путь. После откачки воды нижние помещения продули сжатым воздухом. На стенах остался слой радиоактивного осадка, но на это пришлось махнуть рукой — в ближайшее время туда никто не собирался входить. Оставалось самое важное — открыть грузовой люк. Контрольные лампочки показывали полную исправность запорного механизма, но при первой попытке он не пожелал сработать. Кто-то предложил повысить давление в гидравлической системе, но Инженер решил, что лучше будет осмотреть люк снаружи, и все вышли.

Добраться до люка было нелегко: он находился ближе к корме, то есть в четырех метрах над поверхностью планеты. Из металлических обломков наскоро соорудили леса, автомат быстро сварил неуклюжий, но прочный помост, на штативе укрепили прожектор и, вооружившись фонарями, поднялись к люку.

Небо на востоке посерело, зарева уже не было видно, звезды медленно бледнели, и по плитам керамитовой обшивки стекали крупные капли росы.

— Интересно,— сказал Физик,— механизм в порядке, крышка выглядит как новенькая, и в ней только один недостаток — не открывается.

— Не люблю чудес,— присоединился к нему Кибернетик, ударив рукояткой напильника по металлу.

Разъяренный Инженер ничего не сказал.

— Подождите,— заговорил Координатор,— а может, старый, испытанный поколениями способ?..

И он поднял восьмикилограммовый молот, который лежал у его ног на помосте.

— Можно простучать кромку, но только один раз,— согласился, поколебавшись, Инженер, который не любил таких способов.

Координатор искоса взглянул на черный автомат, который поддерживал помост и на фоне сереющего рассвета вырисовывался как угловатая статуя, взвесил на руке молот, не очень сильно размахнулся и ударил. Он бил равномерно, раз за разом, броня отвечала густым коротким звуком, каждый удар ложился на несколько сантиметров дальше, ему неудобно было бить снизу вверх. Но в серии равномерных звуков что-то изменилось, к ним примешался новый басовитый стон, как будто это отзывалась сама почва. Молот повис в руках Координатора. Он услышал идущий с неба высокий нарастающий свист, потом тупой грохот, леса конвульсивно затряслись.

— Вниз! — крикнул Физик.

Один за другим люди спрыгнули с помоста, только автомат не шевельнулся. Темнота уже отступала — вокруг посерело. Равнина и небо обрели пепельный цвет. Снова ворчливый стон — пронзительный свист, казалось, накрыл их. Все еще стоя под защитой огромного корпуса ракеты, они инстинктивно сжались, втянули головы в плечи. В нескольких сотнях метров от корабля грунт взлетел отвесным гейзером, но сопутствующий этому звук был удивительно слабым, приглушенным.

Люди побежали к туннелю. Автомат двинулся за ними. Координатор и Инженер задержались под защитой бруствера из грунта. Весь горизонт на восточной стороне ревел подземными громами, грохот катился по равнине, свист усиливался, в нем уже нельзя было различить отдельных нот, небо пело органом, будто стаи невидимых сверхзвуковых самолетов пикировали прямо на них, все предполье взрывалось короткими брызгами песка, глины, фонтаны взрывов казались почти черными на свинцовом фоне неба, земля дрожала, с бруствера сыпались комья и падали на дно туннеля.

— Совершенно нормальная цивилизация, — услышали они доносящийся из глубины голос Физика. — А?

— Все время перелеты или недолеты, — буркнул Инженер.

Координатор не мог его услышать, в воздухе выло не переставая, разлетался песок, но фонтаны не приближались к ракете. Инженер и Координатор стояли по плечи в грунте несколько долгих минут, но ничего не изменилось. Громовые раскаты на горизонте слились в один протяжный, басовый, почти не меняющийся грохот, но взрывов больше не было слышно: снаряды падали почти бесшумно, почва, выброшенная взрывами, медленно опадала. Уже рассвело, Инженер и Координатор отчетливо видели похожие на кротовые норы небольшие бугорки в точках попаданий.

— Принесите бинокль! — крикнул Координатор в туннель.

Через минуту ему подали бинокль. Он ничего не говорил Инженеру, только все больше удивлялся. Сначала он думал, что атакующая их артиллерия пристреливается, но снаряды все время ложились на одинаковом расстоянии. Он водил биноклем вокруг и видел взлетающие со всех сторон фонтаны взрывов — то ближе, то дальше, но ни один не приблизился к ракете даже на двести метров.

— Что там? Не атомные? — донесся до него приглушенный крик из туннеля.

— Нет! Спокойно! — крикнул он, напрягая голос.

Инженер придвинул лицо к его уху:

— Видишь?! Все время промахи!

— Вижу!

— Окружают нас со всех сторон!

Координатор снова кивнул головой и передал бинокль Инженеру.

Вот-вот должно было взойти солнце. Небо, бледное, как будто вымытое, наливалось водянистой голубизной. На равнине не двигалось ничего, кроме султанов попадания, а они кустистым кольцом, которое моментально рассыпалось и тотчас же снова возникало, словно причудливой мелькающей живой изгородью, окружали ракету и холм, из которого она торчала.

Координатор вдруг решился: выполз из туннеля и тремя прыжками взлетел на вершину холма; здесь он упал и посмотрел в противоположную, невидимую из туннеля сторону. Картина была такая же: вытянувшиеся дугой взрывы вырастали песчаными кустами.

Кто-то с силой бросился рядом с ним на высохшую почву. Это был Инженер. Они лежали головой к голове, глядя на то, что происходит вокруг, и уже почти не слышали грома, который плыл железными волнами, иногда как будто удаляясь — звук относил ветром, разбуженным первыми лучами солнца.

— Это совсем не промахи! — крикнул Инженер.

— А что?

— Не знаю. Подождем...

— Пойдем внутрь!

Они сбежали по склону под аккомпанемент пронзительного воя и свиста. Правда, вблизи снаряды не падали, но ощущение было не из приятных. Один за другим они прыгнули в туннель, оставили в нем автомат, а сами пошли в корабль, позвав с собой товарищей. До библиотеки грохот доносился слабо, даже дрожание грунта почти не чувствовалось.

— В чем же дело? Они хотя нас блокировать? Уморить голодом? — недоуменно спрашивал Физик, когда Координатор и Инженер рассказали все, что успели увидеть.

— А черт их знает. Хотел бы я увидеть вблизи такой снаряд, — сказал Инженер. — Если они сделают перерыв, стоило бы сбегать.

— Автомат сбегает, — холодно сказал Координатор.

— Автомат?! — почти застонал Кибернетик.

— Ничего с ним не случится, не бойся.

Они почувствовали очень слабую, но все же не такую, как раньше, дрожь корпуса и переглянулись.

— Попадание! — крикнул Химик, вскакивая.

— Переносят огонь?.. — с сомнением сказал Координатор.

Он поспешил в туннель. Наверху как будто ничего не изменилось: горизонт по-прежнему ревел. Но под кормой

ракеты на залитом солнцем песке лежало что-то черное, разбрызганное, словно из лопнувшего мешка высыпалась дробь. Координатор пытался найти место, где странный снаряд разбился о броню, но на керамите не было никаких следов. Прежде чем стоявшие сзади успели его задержать, Координатор кинулся к корме и начал обеими руками захпихивать разлетевшиеся осколки в пустой футляр от бинокля. Они были еще теплые.

Координатор вернулся с добычей, и все начали сразу же на него кричать, и громче всех Химик.

— Ты сумасшедший! Может быть, это радиоактивно!

Все побежали в корабль. Оказалось, что осколки не радиоактивны. Поднесенный к ним счетчик импульсов молчал. Выглядели осколки очень своеобразно: ничего похожего на толстую оболочку снаряда — просто множество необычайно мелких комков, рассыпающихся в пальцах на грубозернистые, жирно блестящие металлические опилки.

Физик взглянул на эти опилки сквозь лупу, поднял брови, достал микроскоп, посмотрел и вскрикнул:

— Ну и ну!

Остальные чуть ли не силой оттащили его от микроскопа.

— Они посылают нам часы... — слабым голосом сказал Химик, в свою очередь оторвав глаз от окуляра.

В поле зрения лежали рассыпавшиеся рулончиками и цепочками десятки и сотни крохотных зубчаток, эксцентрикков, пружинок, погнутых осей. Все по очереди сыпали под объектив новые пробы, двигали столик микроскопа и все время видели одно и то же.

— Что это может быть? — воскликнул Инженер.

Физик бегал по библиотеке от стены к стене, его волосы растрепались, он останавливался, смотрел на всех отсутствующим взглядом и снова бегал.

— Какой-то страшно сложный механизм — просто что-то чудовищное. Здесь, — Инженер взвесил на руке горсть металлической пыли, — миллиарды, если не триллионы этих проклятых колесиков! Пошли наверх, — решил он вдруг, — посмотрим, что там делается.

Канонада продолжалась без всяких изменений. Автомат насчитал с того момента, как заступил на пост, тысячу сто девять взрывов.

— Попробуем-ка теперь люк, — вспомнил вдруг Химик, когда они вернулись в ракету.

Кибернетик прилип к микроскопу и рассматривал осколки снаряда, порцию за порцией. Когда к нему обращались, он не отвечал.

Трудно было сидеть и ничего не делать — впятером они отправились в машину. Контрольные лампочки запирающего механизма все еще горели. Инженер чуть сдвинул ручку, и стрелка послушно вздрогнула — крышка двинулась. Он сразу же закрыл ее и сказал:

— В любой момент мы можем выехать на Защитнике.

— Крышка повиснет в воздухе, — засомневался Физик.

— Ничего, до поверхности останется самое большее полтора метра. Для Защитника это пустяки. Переползет.

Но пока не было острой необходимости покинуть корабль, и они вернулись в библиотеку. Кибернетик все еще торчал у микроскопа. Он был в трансе.

— Оставьте его. Может, на что-нибудь наткнется, — сказал Доктор. — А теперь... нужно чем-то заняться. Предлагаю просто продолжать ремонт.

Все, кроме Кибернетика, медленно поднялись с мест. А что им еще оставалось делать? Пять человек спустились в рубку, где до сих пор было больше всего следов разрушений. С пультом управления пришлось повозиться. Там требовалась трудная, почти ювелирная работа, каждую цепь проверяли сначала в выключенном состоянии, потом под напряжением. Координатор то и дело поднимался вверх и возвращался, не говоря ни слова. Его уже никто ни о чем не спрашивал. В рубке, ушедшей на пятнадцать метров в грунт, чувствовалась легкая вибрация. Так минул полдень. Несмотря ни на что, работа продвигалась. Она шла бы еще быстрее с помощью автомата, но снимать наблюдательный пост было нельзя. К часу автомат насчитал больше восьми тысяч взрывов.

Хотя никто не был голоден, приготовили обед и поели — для того чтобы сохранить силы и здоровье, как заявил Доктор. Теперь с этим возни было немного, посуду мыть не приходилось, ее просто совали в пасть моечной машины. В два часа двенадцать минут вибрация внезапно прекратилась. Все сразу же бросили работу и побежали по туннелю вверх. Пылающая золотом тучка заслоняла солнце, а под ними распростерлась дышащая жаром равнина; мелкая пыль, поднятая взрывами, оседала, царил мертвая тишина.

— Конец?.. — неуверенно сказал Физик.

Его голос прозвучал удивительно громко — за эти часы они привыкли к непрерывному грохоту.

Последний взрыв, зарегистрированный автоматом, имел порядковый номер десять тысяч шестьсот четыре.

Люди медленно вылезли из туннеля. Не было видно никакого движения. На расстоянии от двухсот с небольшим до трехсот метров вокруг ракеты тянулась полоса перепаханного, перемолотого грунта, местами отдельные воронки слились в непрерывные провалы.

Доктор взобрался на бруствер.

— Рано, — остановил его Инженер. — Подождем.

— Долго?

— Минимум полчаса, а лучше час.

— Взрыватели замедленного действия? Ведь там нет взрывчатых зарядов?

— Неизвестно.

Туча сползла с солнца, посветлело. Они стояли и осматривались, ветер затих, становилось все жарче. Координатор первым услышал шелест.

— Что это? — спросил он шепотом.

Все насторожились. Им тоже показалось, что они что-то слышат.

Шум был такой, как будто ветер шевелил листья кустов. Но вокруг не было ни кустов, ни листьев, ничего, кроме кольца перекопанного песка. Воздух был мертвый, горячий, далеко над холмами он дрожал от жары. Шелест не прекращался.

— Это оттуда?

— Да.

Они говорили шепотом. Теперь шелест доносился равномерно со всех сторон — похоже, что пересыпался песок.

— Ветра нет... — тихо сказал Химик.

— Нет, это не ветер. Это там, где снаряды...

— Я схожу туда.

— С ума сошел? А если у них дистанционные взрыватели?

Химик побледнел. Он попятился, как будто хотел прыгнуть в туннель. Но было светло, все застыло в неподвижности — товарищи стояли не шевелясь, — он стиснул зубы, сжал кулаки и остался. Шелест — равномерный, быстрый — доносился со всех сторон. Люди стояли ссутулившись, напрягая мышцы, без единого движения, как бы бессознательно ожидая удара, — это было в тысячу раз хуже канонады! Солнце повисло в зените, тени кучевых облаков медленно ползли по равнине, облака громоздились на плоских основаниях, они походили на белые острова.

На горизонте ничто не двигалось, везде было совершенно пусто, даже черные чаши, черточки которых до этого неясно выделялись на фоне далеких холмов, даже они исчезли! Только теперь люди заметили их отсутствие.

— Смотрите! — крикнул Физик.

Он протянул руку вперед. Но это произошло почти одновременно со всех сторон. Можно было смотреть куда угодно и везде увидеть одно и то же.

Изрытая воронками почва вздрогнула, всколыхнулась. Везде, где упали снаряды, из нее полезло что-то сверкающее на солнце. Почти ровная, похожая на гребенку линия блестящих ростков, кое-где в четыре, иногда в пять, шесть рядов. Она вырастала так быстро, что, напрягая зрение, этот рост можно было заметить.

Кто-то с разгону выскочил из туннеля, понесся прямо к дуге зеркальных огоньков. Это был Кибернетик. Все закричали и бросились за ним.

— Я знаю! — кричал он. — Знаю!

Он упал на колени перед стекловидным многорядьем ростков. Они уже торчали из почвы на палец, у основания были толщиной в кулак. Возле каждого ростка легонько шевелился песок, в глубине что-то лихорадочно дрожало, копошилось, работало, шуршало, как будто одновременно пересыпались миллиарды мельчайших зернышек.

— Механические зародыши! — воскликнул Кибернетик.

Он пытался руками раскопать землю вокруг ближайшего ростка. У него ничего не получалось. Песок был горячий. Кибернетик отдернул руки. Кто-то сбегал за лопатами, все принялись копать так, что только комья грунта летели во все стороны. Заблестели длинные, спутавшиеся, словно корни, жилы зеркальной массы. Она была твердая, звенела от ударов лопат, как металл; когда яма достигла в глубину больше метра, люди попытались вырвать это странное образование, но оно даже не шевельнулось — настолько срослось с другими.

— Черный! — Хор голосов как будто вырвался из одной груди.

Автомат подбежал, разбрасывая ногами песок.

— Вырви это!

Цепкие захваты сомкнулись на толстых, как мужская рука, зеркальных жилах. Стальной торс напрягся. Люди увидели, как ступни автомата начинают медленно уходить в грунт. Еле слышный звук, словно до предела натянутой,

вибрирующей струны, доносился из его корпуса. Он выпрямился, увязая.

— Отпусти! — крикнул Инженер.

Черный тяжело выбрался из ямы и застыл.

Люди тоже стояли неподвижно. Зеркальная живая изгородь достигла уже почти полуметровой высоты. Внизу, над самой поверхностью планеты, она постепенно наливалась более темным, молочно-голубым цветом, верх все еще рос.

— Вот так, — спокойно сказал Координатор.

— Да.

— Они хотят нас запереть?

Все промолчали.

— По-моему, это все-таки примитивно; в конце концов мы могли бы сейчас выйти, — сказал Кибернетик.

— Оставив ракету, — ответил Координатор. — Их разведка, наверное, как следует все рассмотрела. Обратите внимание — они пристрелялись почти точно по той борозде, которую прорыли их диски!

— Действительно!

— Неорганические зародыши, — сказал Кибернетик. Он уже успокоился и стирал с рук песок и глину. — Неорганические зерна — семена, понимаете? Они их высадили с помощью своей артиллерии.

— Это не металл, — сказал Химик. — Металл бы Черный согнул. Это что-то вроде супранита или керамит с упрочняющей обработкой.

— Да нет же — это просто песок! — воскликнул Кибернетик. — Не понимаешь? Неорганический метаболизм! Они с помощью катализа превращают песок в какую-то высокомолекулярную производную кремния и образуют из нее эти жилы, так же как растения вытягивают из земли соли.

— Ты думаешь? — сказал Химик. Он опустился на колени, потрогал лоснящуюся поверхность, поднял голову. — А если бы они попали на иной грунт? — спросил он.

— Приспособились бы. Я в этом уверен. Потому-то они такие дьявольски сложные — их задача образовать субстанцию максимально твердую и прочную из того, что есть в их распоряжении.

— Ну, если только это, Защитник разгрызет. И не поломает себе зубов, — усмехнулся Инженер.

— А было ли это нападением на нас? — тихо произнес Доктор.

Все посмотрели на него с удивлением.

— А что это? Не нападение?

— Нет. Я бы сказал, скорее — попытка защититься. Они хотят нас изолировать.

— Ну так что? Мы должны сидеть и ждать, пока не окажемся, как червяки, под колпаком?

— А зачем нам Защитник?

Все заколебались.

— Воды нам уже не нужно. Ракету, вероятно, удастся отремонтировать за неделю. Ну, скажем, за десять дней. Атомные синтезаторы запустим в ближайшие часы. Я не думаю, что это будет колпак. Вероятнее, высокая стена. Преграда, непреодолимая для них, поэтому они считают, что и для нас тоже. Синтезаторы обеспечат нас продовольствием. Нам от них ничего не нужно, а они... пожалуй, они не могли показать нагляднее, что не желают иметь с нами дела...

Товарищи слушали его нахмурившись. Инженер осмотрелся. Зеркальные острия уже доходили ему до колен. Они сплетались. Срастались. Шелест теперь стал таким громким, как будто из-под почвы вырывалось гудение сотен невидимых ульев. Синие корни на дне ямы набрякли, стали толстыми, почти как стволы.

— У меня к тебе просьба: приведи сюда двутела,— неожиданно сказал Координатор.

Доктор посмотрел на него, думая, что ослышался:

— Сейчас? Сюда? Зачем?

— Не знаю. То есть... я хотел бы, чтобы ты его привел. Хорошо?

Доктор кивнул и ушел. Остальные молча стояли под солнцем. Показался Доктор. Голый гигант с трудом выполз за ним из туннеля и перепрыгнул через земляной вал. Он казался оживленным и как будто довольным: держался рядом с Доктором и тихонько булькал. Вдруг его плоское личико застыло, голубой глаз неподвижно смотрел вперед. Он засопел. Повернулся всем корпусом. Пронзительно захныкал. Большими прыжками приблизился к зеркальному ограждению, словно хотел на него броситься, неуклюже подпрыгивая, помчался вдоль него, обежал кругом все кольцо, непрерывно постанывая, издавая странный скрипучий кашель, подбежал к Доктору, начал щипать узловатыми пальчиками комбинезон у него на груди, скреб эластичный материал, заглядывал ему в глаза. С него лил пот, он толкнул Доктора, отпрыгнул, вернулся, вдруг еще

раз огляделся, втянул с неприятным звуком малый торс в сумку большого и бросился в черное отверстие туннеля.

Еще секунду люди видели его сплюснутые дергающиеся ступни, когда он вползал внутрь. Довольно долго все молчали.

— Ты ожидал этого? — спросил Доктор Координатора.

— Нет... не знаю. Правда. Я только думал, что... возможно, это ему знакомо. Я ожидал какой-то реакции. Скажем, непонятной нам. Такой — нет...

— Значит ли это, что она понятна? — проворчал Физик.

— В определенном смысле да, — ответил Доктор. — Он это знает. Или, по крайней мере, знает что-то аналогичное — и боится. Для него это какое-то страшное, наверно, смертельно опасное явление.

— Экзекуция... *modo* Эдем? — тихо подсказал Химик.

— Не знаю. Во всяком случае, это бы означало, что они используют такие живые стены не только против космических пришельцев. Впрочем, стены можно сажать и без артиллерии.

— А может, он боится всего, что блестит? — сказал Физик. — Простая ассоциация. Это объяснило бы также историю с тем зеркальным поясом.

— Нет, я показывал ему зеркало, и он не только не испугался, но даже не заинтересовался им, — сказал Доктор.

— Выходит, его нельзя считать ни таким уж глупым, ни недоразвитым, — бросил Физик.

Он стоял у стеклянистого ограждения, доходившего ему до пояса.

— Пуганая ворона куста боится.

— Слушайте, — сказал Координатор. — Все наши рассуждения беспредметны. Мы в тупике. Что делать дальше? Ремонт ремонтом — это понятно само собой, но я бы хотел...

— Новая экспедиция? — подсказал Доктор.

Инженер невесело улыбнулся:

— Да? Я всегда с тобой. Куда? В город?

— Это наверняка означало бы столкновение, — быстро сказал Доктор. — Иначе как в Защитнике нам не пройти. А на том уровне цивилизации, которого мы общими усилиями сумели достичь, имея под рукой излучатель антипротонов, оглянуться не успеешь, как начнешь стрелять. Мы должны избежать драки любой ценой. Война — худший способ сбора информации о чужой культуре.

— Я вовсе не думал о войне,— ответил Координатор.— Защитник — отличное убежище, он ведь так много может выдержать. Все как будто указывает на то, что население Эдема четко разделено на слои и что с тем слоем, который предпринимает разумные действия, мы до сих пор не можем установить контакта. Я понимаю, что экспедицию в сторону города они воспримут как ответный удар. Но осталось еще не изученным западное направление. Двоих людей абсолютно достаточно для обслуживания машины, остальные могут остаться и работать в ракете.

— Ты и Инженер?

— Не обязательно. Можешь поехать с Генрихом, если хочешь.

— В таком случае нужен третий, кто-нибудь, кто знаком с Защитником,— сказал Инженер.

— Кто хочет ехать?

Хотели все. Координатор невольно улыбнулся.

— Едва прекращается артиллерийский огонь, как их начинает сжигать огонь любопытства,— продекламировал он.

— Ну, едем,— объявил Инженер.— Доктор, конечно, хочет быть с нами как олицетворение разума и благородства. Великолепно. Хорошо, что ты остаешься,— сказал он Координатору.— Ты знаешь очередность работ. Лучше всего сразу же приставить Черного к одному грузовому автомату, но не начинайте копать под ракетой, пока мы не вернемся. Я хотел бы еще раз проверить статические расчеты.

— Как олицетворение разума я хотел бы спросить, какова цель этой экспедиции,— заговорил Доктор.— Выходя на дорогу, мы вступаем в фазу конфликта, хотим мы этого или нет.

— У тебя есть другие предложения? — спросил Инженер.

Вокруг тихо, почти мелодично шумела растущая живая изгородь. Скоро она должна была подняться выше человеческих голов. Солнце разбрызгивалось белыми и радужными искрами в ее жилистых переплетениях.

— У меня нет никаких,— признался Доктор.— События непрерывно опережают нас, и до сих пор все заранее составленные планы подводили. Может, самым благоразумным было бы воздержаться от всяких прогулок. Через несколько дней ракета будет готова к полету; облетая планету на малой высоте, мы, возможно, узнаем больше, чем сейчас. И без риска...

— Ты и сам в это не веришь,— возразил Инженер.— Если мы не можем ничего узнать, изучая все вблизи, что нам даст полет на заатмосферной высоте? А благоразумие... Боже мой... Если бы люди были благоразумны, мы бы здесь никогда не оказались. Что благоразумного в ракетах, которые летят к звездам?

— Демагогия,— проворчал Доктор.— Я знал, что мне вас не убедить,— добавил он и медленно пошел вдоль стеклянистой преграды.

Остальные вернулись к ракете.

— Не рассчитывай на сенсационные открытия; я полагаю, что на западе тянется такая же равнина, как и здесь,— сказал Координатор Инженеру.

— Откуда ты знаешь?

— Мы не могли упасть как раз в центре пустынного пятна. На севере — завод, на востоке — город, на юге — возвышенность с «поселком» в котловине; вероятнее всего, мы сидим на краю пустынного языка, который расширяется к западу.

— Возможно. Увидим.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В начале пятого крышка грузового люка дрогнула и медленно опустилась вниз, как челюсть акулы. Она застыла в воздухе наклонным помостом; ее край повис в метре от поверхности.

Люди стояли по обе стороны люка, задрав головы. В зияющей отверстии сначала показались широко расставленные гусеницы; с нарастающим урчанием они двинулись вперед, как будто огромная машина хотела прыгнуть в воздух. Еще мгновение было видно серо-желтое днище — внезапно гигант качнулся, резко наклонился вперед, ударил обеими гусеницами по свисающей крышке — она загудела, — съехал по ней вниз, переполз метровый зазор, поймал передними траками гусениц грунт, рванул его, какую-то долю секунды казалось, что обе медленно перемалывающие почву ленты профилированных пластин остановятся, но Защитник дернулся и, подняв свой приплюснутый лоб, проехал несколько метров по ровному грунту и замер с певучим урчанием.

— Ну, а теперь, друзья,— Инженер высунул голову из маленького заднего люка,— прячьтесь в ракету — будет жарко. И не высовывайтесь этак с полчасика. А еще лучше

сначала пошлите Черного, пусть замерит остаточную радиоактивность.

Крышка захлопнулась. Трое людей вошли в туннель и забрали с собой автомат. Сразу же в дыре туннеля появился выдвинутый изнутри щит, плотно закрывший лаз. Защитник не двигался. Внутри него Инженер протирал экраны, проверял показания приборов. Наконец он спокойно сказал:

— Начинаем.

Короткое и тонкое, снизу и сверху охваченное цилиндрическими утолщениями рыло Защитника начало медленно поворачиваться на запад.

Инженер поймал спрессованное стекло живой изгороди в перекрестье черных нитей, бросил взгляд вбок, проверяя положение трех дисков — белого, красного и голубого, — и нажал ногой педаль.

На мгновение экран почернел, словно засыпанный сажой, одновременно воздух со странным звуком — как будто какой-то великан, прижавшись ртом к грунту, сказал «умпф» — ударил в Защитника так, что тот закачался. Экран снова посветлел.

Огненное облако расплылось в стороны; вокруг него, бурля, всколыхнулся похожий на жидкое стекло воздух. На протяжении десятка метров зеркальная живая изгородь исчезла, из впадины с вывернутыми, вишнево пылающими краями бил пар. Песок на расстоянии двадцати шагов покрылся стеклянистой коркой и заискрился на солнце. На Защитника сыпался летучий, почти невесомый белый пепел.

«Немного перехватил», — подумал Инженер, но вслух сказал только:

— Все в порядке, едем.

Приземистый корпус дрогнул и удивительно легко покатился к пролому. Проезжая сквозь него, машина слегка качнулась: на дне застывала лужица огненной жидкости — расплавленный кремнезем.

«Мы просто варвары, — мелькнуло в голове у Доктора. — И что я здесь делаю?..»

Инженер взял нужное направление и прибавил скорость. Защитник мчался как по автостраде, внутренняя мягкая поверхность гусениц тихо шлепала по ведущим каткам. Они делали без малого шестьдесят километров в час, почти не ощущая этого.

— Можно открыть? — спросил Доктор.

Он сидел низко в маленьком кресле, над его плечом блестел выпуклый, похожий на корабельный иллюминатор, экран.

— Конечно, можно, — согласился Инженер. — Только...

Он включил компрессор. С крышки и из основания башенки брызнул острыми, как иголки, струйками бесцветный раствор, смывая с брони остатки радиоактивного пепла. Потом стало светло: броневой колпак открылся, его верх сдвинулся назад, бока провалились внутрь корпуса — теперь людей защищало только толстое изогнутое стекло, окружающее сиденья. В открытую машину ворвался ветер и растрепал им волосы.

— Мне кажется, Координатор был прав, — пробормотал через некоторое время Химик.

Местность не менялась. Защитник плыл через море песка, тяжелая машина плавно покачивалась, двигаясь поперек перепончато взгорбленных барханов все время с одной и той же скоростью. Инженер поехал было быстрее, но тогда их начало бросать, гусеницы пронзительно скрипели, нос машины прыгал с одного бархана прямо на верхушку другого, на мгновение зарывался в него, вскидывал тяжелые тучи песка, несколько раз песок попадал даже внутрь.

При скорости пятьдесят километров болтанка прекратилась. Так прошло два с лишним часа.

— Да, пожалуй, он был прав, — сказал Инженер и немного изменил курс к югу.

Следующий час езды не принес никаких перемен, и они повернули еще раз, двигаясь уже точно на юго-запад. Позади осталось сто сорок километров.

Цвет песка понемногу изменялся: из почти белого, очень сыпучего, встававшего за машиной длинным клубящимся хвостом, он стал красноватым и более тяжелым, меньше пылил и, выброшенный вверх гусеницами, почти сразу же опадал. Расстояние между барханами увеличивалось, теперь они были ниже. Время от времени мелькали торчащие прутья совершенно засыпанных кустов. Вдали показались неясные маленькие пятнышки, они лежали несколько в стороне от курса. Инженер свернул к ним. Они быстро увеличивались, и через несколько минут уже можно было разглядеть поднимающиеся из песка отвесные плиты, похожие на одиноко стоящие остатки каких-то стен. Въезжая в узкий проход, Инженер притормозил. По обеим сторонам стояли наклонившиеся, разъеденные эрозией плиты. Большой каменный брус загоразживал дорогу.

Защитник задрал нос, без труда преодолел препятствие, и они оказались как бы в узкой улочке. Сквозь щели и просветы между отдельными плитами виднелись и другие развалины, все иссеченные глубокими горизонтальными шрамами эрозии. Из каменных развалин Защитник выехал на свободное пространство. Снова появились барханы, но они были плотные, как бы спрессованные, и совсем не пылили. Местность понемногу понижалась, машина спускалась по отлогому склону, далеко внизу виднелись тупые пальцы скал и снова беловатые контуры развалин.

Спуск кончился; по дну усеянного пятнистыми камнями оврага Защитник въехал на противоположный склон, тянувшийся до самого горизонта; гусеницы уже совсем не вязли, грунт был твердый, появились первые плоские, как лепешки, группы почти черных дышащих деревьев; под низким солнцем они просвечивали вишневым цветом, будто листики-пузырьки наполняла кровь. Еще дальше, к юго-западу, заросли становились выше, кое-где они преграждали дорогу. Защитник продирался сквозь них, почти не снижая скорости. Тысячи пузырьков лопались с глухим неприятным треском, из них брызгала липкая темная жидкость, пачкающая керамитовые плиты, и вскоре весь корпус по самую башенку был вымазан рыже-бурой краской.

Они проехали двести километров, солнце уже касалось горизонта, преувеличенно длинная тень машины колыхалась, извивалась, растягиваясь все больше. Внезапно под Защитником что-то противно заскрежетало, он на мгновение слегка приподнялся и провалился в нечто, разбрызгивающееся с протяжным хрустом. Инженер затормозил, машина прокатилась еще несколько метров и остановилась. Позади, в широкой, проделанной в зарослях колее валялись раздавленные тяжестью Защитника обломки ржавой конструкции, перемешанные с разодранными ошметками кустов. Поехали дальше, и снова налетели — на этот раз одной гусеницей — на заросшие поверху бородавчатыми кустами обломки ферм, изогнутых ажурных рычагов, дырявых листов металла. Защитник перемалывал все это на мелкие кусочки, перемешивал с жидкостью, сочившейся из лопающихся гроздьев, в скрежещущее тесто. Через некоторое время стена зарослей стала еще выше, отвратительный скрежет и писк проржавевшего железного лома прекратились, черноватые, бьющиеся о броню стебли с бородавчатыми утолщениями вдруг расступились в обе стороны. Защитник въехал в глубь широкой, в несколько

метров, просеки; по другую ее сторону темнела такая же стена зарослей, как та, сквозь которую они продрались. Инженер развернулся на месте, и они поехали спускавшейся вниз просекой, почти лесной дорогой; глинистый грунт был утрамбован, его покрывали илестые потеки, показывавшие, что когда-то здесь текла вода.

Просека все время меняла направление, иногда половинка громадного, пурпурного, ослепительно пылающего солнечного диска вставала прямо впереди, иногда солнце скрывалось за поворотом, и только кровавые вспышки пробивались сквозь чернильные заросли, которые сплошной стеной поднимались вверх на два-три метра; дорога суживалась, уклон увеличивался; вдруг люди увидели весь гигантский диск заходящего солнца — под ними, в нескольких сотнях метров, раскинулась огромная разноцветная долина.

В глубине ее пылала поверхность воды, отражая багрянец солнца. Берег озера, неровный, покрытый пятнами черных зарослей, был искусственно укреплен, на нем виднелись машины на расставленных ногах. Ближе, почти под самым склоном обрыва, на краю которого резко остановился Защитник, неправильной мозаикой вдоль светлых полос расходились постройки, ряды отвесных, ярко блестящих мачт величиной не больше спички. Внизу царило оживленное движение, в разные стороны ползли колонны серых, беловатых и бурых точек — они перемешивались. кое-где образовывали концентрические скопления и снова расходились удлиненными ленточками. Вдобавок вся эта густо заселенная территория непрерывно поблескивала мелкими искорками, как будто обитатели десятков домов неумолимо открывали и закрывали окна с блестящими в солнечных лучах стеклами.

Доктор восхищенно вскрикнул:

— Генрих, все-таки удалось! Наконец что-то нормальное, обыкновенная жизнь! И какой наблюдательный пункт!!!

Еще не кончив говорить, он перекинул ноги через борт открытой башенки.

Инженер остановил его:

— Погоди-ка. Видишь солнце? Через какие-нибудь пять минут оно зайдет, и мы уже ничего не увидим. Нужно заснять всю эту панораму, и как можно скорее, иначе нам не успеть.

Химик уже вытягивал из-под сиденья камеру. Инженер и Доктор помогли ему быстро надеть самый большой

телеобъектив, похожий на трубу гранатомета. Для скорости они бросали штативы прямо на грунт. Инженер тем временем размотал бухту нейлонового троса, закрепил конец за край башенки, моток бросил у передка Защитника и спрыгнул вниз.

Доктор и Химик, подняв штативы, бежали к краю обрыва. Инженер догнал их с тросом в руке, подтянул его и пристегнул им к поясам.

— Еще свалитесь от избытка энтузиазма, — сказал он.

Солнечный диск уже опускался в пылающие воды озера. Они установили камеру, послышался торопливый шорох лентопротяжки, и большой объектив заглянул вниз. Доктор упал на колени, поддерживая передние ножки штатива, которые стояли на самом краю обрыва. Химик приложил глаз к видоискателю, скривился.

— Странно слепит! — крикнул он. — Дай бленды!

Инженер бросился к машине. Через минуту он принес самую большую заслонку, и они начали торопливо снимать. Солнце наполовину скрылось за горизонтом. Инженер размеренно водил камерой влево и вправо. Химик иногда останавливал его, направлял объектив на пункты, где в маленькой рамке видоискателя замечал особенно оживленную циркуляцию пятнышек и фигур, работал трансфокатором, меняя фокусное расстояние. Доктор все еще стоял на коленях, камера тихонько ворчала. Одна катушка кончилась, Инженер торопливо сменил ее. Уже только маленький кусочек солнечного диска выступал над темнеющей водой, когда объектив совсем опустился вниз и теперь был направлен на очаг самого оживленного движения. Доктор, высунувшись над обрывом почти наполовину, висел на натянутом тросе — иначе нельзя было бы снимать. Он видел под собой рыжеватые морщины глинистой стены, освещенные слабееющим красным светом. На последних метрах второй катушки красный диск погас, небо было еще насыщено светом, но равнину и озеро накрыла серо-голубая тень — кроме вспыхивающих огоньков, там уже ничего не было видно.

Доктор встал, ухватившись за трос. Камеру несли втроем, осторожно, как сокровище.

— Думаешь, получилось? — спросил Доктор Инженера.

— Во всяком случае, часть. Немного пленки мы могли засветить. Разберемся на корабле. В конце концов сюда всегда можно приехать еще раз.

Они погрузили камеру и штативы в машину и опять вернулись на край обрыва. Только теперь они увидели, что на востоке берег озера круто поднимается вверх, переходя вдалеке в неровную скальную стену, на вершинах которой играет розовый отсвет. Над ней далеко в голубизну, усеянную первыми звездами, била бурая колонна дыма. Ее вспученная грибовидная верхушка некоторое время парила в воздухе и оседала за горным хребтом.

— А, та самая долина? — воскликнул Химик, обращаясь к Доктору.

Они снова взглянули вниз. Цепочки белых и зеленоватых искр медленно ползли в разные стороны вдоль берегов озера, сворачивали, сливались в неровно текущие струйки, местами гасли, появлялись другие, бóльшие, постепенно там становилось все темнее и количество огоньков увеличивалось. Вокруг спокойно шумели высокие, совершенно черные заросли; люди неохотно — так прекрасен был вид — повернулись, унося с собой образ озера, отражающего яркие молочные звезды.

Шагая по илистому грунту просеки, Доктор спросил Химика:

— Что ты видел?

Тот смущенно улыбнулся:

— Ничего. Я вообще не думал о том, что вижу; старался только все время помнить о резкости, а Генрих так быстро водил камерой из одной стороны в другую, что я вообще ни в чем не мог разобраться.

— Это ничего, — сказал Инженер и облокотился на остывшую броню Защитника. — Мы снимали двести кадров в секунду; все, что там было, увидим после проявления. А теперь возвращаемся.

— Просто загородная прогулка! — пробурчал Доктор.

Они забрались в машину. Инженер передвинул визиры телеэкрана назад и включил задний ход. Некоторое время ехали в гору, пятясь, потом просека стала шире, Инженер развернулся, и Защитник помчался прямо на север.

— Не стоит возвращаться той же дорогой, — сказал Инженер. — Это лишних сто километров. Пока можно, поедem просекой и будем на месте через два часа.

Дорога петляла. Уклон немного уменьшился, стены зарослей иногда совсем сжимали Защитника, стебли колотились о стекло, окружавшее башенку, время от времени пузырчатый стручок падал на колени Химику или Доктору. Доктор поднес один из них к носу — и удивился.

— Очень приятно пахнет, — сказал он.

Они были в отличном настроении. Искрящееся небо становилось все рельефнее и глубже, тлела массивная глыба Млечного Пути, легкий ветерок со слабым шелестом прочесывал чащу. Защитник катился мягко, издавая еле слышное напевное урчание.

— Интересно, что на Эдеме нет никаких щупальцев, — заметил Доктор. — Во всех книжках, какие я когда-либо читал, всегда на других планетах было полно щупальцев, которые извиваются и душат.

— И у обитателей этих планет обязательно по шесть пальцев, — добавил Химик. — Почти всегда по шесть. Ты случайно не знаешь, почему это так?

— Шесть — число магическое, — ответил Доктор. — Два раза по три — будет шесть, а Бог любит троицу.

— Перестань нести чепуху, не то я собьюсь с пути, — сказал Инженер, который сидел выше, чем они. Он никак не мог решиться включить фары, хотя уже почти ничего не видел. Но ночь была прекрасна, и он знал, что это впечатление исчезнет, стоит зажечь свет. Ехать с радаром ему тоже не хотелось — пришлось бы закрыть башенку. Он едва видел собственные руки, лежащие на рычагах; только индикаторы и приборы на щитках перед ним и ниже, в глубине машины, бледно тлели розовым светом, а стрелки атомных индикаторов дрожали нежно-оранжевыми звездочками.

— Ты можешь связаться с ракетой? — спросил Доктор.

— Нет, — ответил Инженер. — Тут нет слоя Хевисайда, вернее, есть, но дырявый, как решето. О связи на коротких волнах и говорить не приходится, а монтировать другой передатчик было некогда. Ты же знаешь.

Вскоре гусеницы загрохотали, машина закачалась. Инженер на мгновение включил огни и увидел, что они едут по белым округлым камням; высоко над зарослями замаячили фантастические силуэты известняковых пиков. Машина шла по высохшему дну ущелья.

Инженеру это не очень нравилось; он не знал, куда приведет их эта дорога, а таких крутых стен не взял бы даже Защитник. Камней становилось все больше, черные заросли разбились на отдельные группки, дорога извивалась: сначала она поднималась в гору, потом почти выровнялась, скалы по одну сторону ущелья стали ниже, наконец исчезли совсем, и Защитник очутился на покато-м лугу, окаймленном сверху известняковыми уступами; от них тянулись язычки осыпей. Между камнями у самой поверхности вились длинные, серебристо-зеленые в свете фар, скрученные стебли.

Прошло почти четверть часа. Машина сильно отклонилась к северо-востоку, пора было возвращаться на нужный курс, но этого не позволяла сделать известняковая гряда, вдоль которой двигался Защитник.

— Все-таки нам везет,— ни с того ни с сего сказал Химик,— мы могли свалиться в озеро или налететь на скалы; сомневаюсь, что мы сумели бы выкарабкаться.

— Это верно,— ответил Инженер и добавил: — Подождите-ка.

Дорогу загораживало что-то лохматое, похожее на сетку с длинной волосяной бахромой. Защитник медленно подъехал к этой преграде и уперся в нее. Инженер плавно нажал на акселератор, странная сеть с тихим треском лопнула и исчезла, вдавленная в грунт гусеницами. Фары выхватывали из мрака целый лес высоких черных силуэтов. Казалось, перед машиной появилось окаменевшее войско в развернутом строю. Защитник чуть не наехал на остроконечное образование, вспыхнул большой центральный прожектор, луч света лизнул черную колонну, пополз по ней вверх. Над машиной высилась гигантская статуя. Напрягая зрение, можно было рассмотреть торс двутела — только маленький его торс, увеличенный до огромных размеров. Он стоял, сплетя поднятые вверх руки, слегка наклонив плоское ввалившееся лицо с четырьмя симметрично расположенными впадинами, как будто смотрел на людей с высоты сразу четырьмя глазами. У двутелов, с которыми до сих пор сталкивались люди, были совсем другие лица.

Потрясенные люди молчали, потом световой язык сполз со статуи, метнулся в сторону, выхватил из темноты другие постаменты, одни высокие и узкие, другие низкие, на них возвышались торсы — черные, пятнистые, кое-где молочно-белые, как будто вырезанные из кости. На всех лицах зияло по четыре глазницы, некоторые были странно

деформированные, словно опухшие, с огромными валиками лбов, а еще дальше, метрах в двухстах от Защитника, тянулась стена, из нее торчали раскинутые, сплетенные или скрещенные руки сверхъестественной величины.

— Это... это как будто кладбище, — сказал Химик, понизив голос до шепота.

Доктор уже вылезал на заднюю броню. Химик поспешил за ним. Инженер повернул конус прожектора в другую сторону, туда, где раньше торчал известняковый барьер. Вместо него он увидел редкую шпалеру фигур со смазанным, как бы смытым, рельефом. Взгляд бессильно путался в сложном переплетении форм, иногда в них мелькало что-то знакомое и снова ускользало.

Химик и Доктор медленно шли между изваяниями, Инженер светил им с башенки. Он уже некоторое время слышал отдаленный плач и визг, но, захваченный необычайным зрелищем, не обращал внимания на эти звуки, такие слабые и неясные, что он не мог понять, откуда они доносятся.

Луч прожектора проплыл над головами Доктора и Химики, вылушивая из мрака все новые и новые фигуры. Внезапно совсем близко послышалось ядовитое шипение, между рядами статуй поплыли медленно расползающиеся серые клубы, а сквозь них с протяжным стоном, кашлем, плачем, прыгая, понеслась толпа двутелов. Над ними развевались какие-то лоскутья. Они мчались вслепую, толкаясь и налетая друг на друга.

Инженер прыгнул на сиденье, схватился за рычаг, он хотел подъехать к товарищам — это была его первая мысль. В ста шагах у конца аллейки он видел бледные в луче прожектора лица Доктора и Химики — они ошеломленно смотрели на мечущиеся фигуры. Но он не мог двинуться с места — беглецы не обращали никакого внимания на машину, они мелькали под самым носом Защитника, несколько больших тел упало, пронзительное шипение слышалось совсем близко, оно плыло откуда-то снизу.

Между ближайшими постаментами, освещенными фарами Защитника, из грунта на несколько сантиметров выполз конец гибкой трубы, окруженный шапкой образующейся в воздухе пены. Забрызгивая почву, пена бурно задымила и затянула все вокруг пепельной завесой.

Когда первая волна серого тумана окутала башенку, Инженер почувствовал, как тысячи шипов вонзились ему в легкие. Ослепленный, с залитым слезами лицом, он издал

глухой крик и, задыхаясь, рыдая от ужасной боли, резко нажал акселератор.

Защитник прыгнул вперед, как будто им выстрелили, опрокинул черную статую, мгновенно взлетел на нее и, рыча, переехал. Инженер не мог вдохнуть воздух, страшная боль сгибала его пополам, но он не закрывал башенки, зная, что сначала нужно забрать товарищей. Ослепшими глазами он едва видел рушащиеся с грохотом статуи, которые давил Защитник. Воздух стал немного чище, Инженер скорее услышал, чем увидел, как Химик и Доктор выскакивают из зарослей и карабкаются на броню, хотел крикнуть: «Влезайте!», но из его обожженной гортани вырвался только хрип. Химик и Доктор, заходясь от кашля, прыгнули внутрь. Инженер на ощупь нажал рычаг, металлический купол закрылся над ними, но рвущий горло туман все еще висел внутри. Инженер стонал, но из последних сил боролся с ручкой трубопровода. Кислород под высоким давлением с громким хлопком вырвался из редуктора. Инженер почувствовал, как его ударило в лицо. Ощущение было такое, будто его стукнули по лбу кулаком.

Он утонул в живительном потоке. Доктор и Химик, судорожно дыша, навалились ему на плечи. Фильтры работали, кислород заполнил кабину, выдавливая ядовитый туман. Люди прозрели, но дышать было еще трудно, они чувствовали острую боль в груди, каждый глоток воздуха, казалось, стекал по обнаженным ранам трахеи, но это ощущение быстро прошло. Через несколько секунд Инженер видел совсем хорошо. Он включил экран.

Между треугольными постаментами в боковой аллее, до которой он не доехал, еще вздрагивало несколько распластанных тел, но большинство уже совсем не шевелилось. Переплетенные ручки, маленькие торсы, головы то исчезали, то появлялись из-за вяло парящих серых клубов. Инженер включил наружные микрофоны. В кабину ворвались ослабевающие и удаляющиеся покашливания, взвизгивания, сзади что-то затопало, хор разрозненных голосов еще раз взревел где-то около сплетенных белых фигур, но там был виден только однообразно волнующийся серый туман. Инженер убедился, что башенка закрыта герметично, и, сжав зубы, двинул рычаги управления. Защитник медленно поворачивался на месте, гусеницы скрежетали на каменных обломках, три снопа света пытались пробить тучу. Инженер повел машину вплотную к разбитым статуям, разыскивая шипящую трубу. Он нашел ее по бьющей

вверх и в стороны пене, в каких-нибудь десяти метрах, колеблющаяся волна дыма заливала поднятые руки очередной фигуры.

— Нет,— крикнул Доктор,— не стреляй! Там могут быть живые!

Поздно. Экран на мгновение почернел. Защитник подпрыгнул, как будто подброшенный чудовищным ударом, и упал с ужасным скрежетом. Несущие и управляющие волны, едва оторвавшись от острия, скрытого в корпусе генератора, попали в то, что выбрасывало шипящую пену, и заряд антипротонов соединился с эквивалентным количеством материи.

Когда экран засветился, между разбросанными обломками постаментов зиял огненный кратер.

Инженер даже не взглянул на него. Он напрягал глаза, стараясь рассмотреть, что произошло с остатком трубы, куда она исчезла. Он еще раз развернул Защитника на девяносто градусов и медленно поехал мимо поваленных взрывной волной статуй. Серого тумана стало меньше. Машина миновала три-четыре распластавшихся, покрытых лохмотьями тела. Инженер притормозил левой гусеницей, чтобы не проехать по тому, которое было ближе всех. Немного ниже в чаще маячил огромный неподвижный силуэт. Рядом была видна вытянутая полянка, у ее края серебром блеснули убегающие в заросли фигуры; вместо маленьких торсов у них были неестественно длинные, приплюснутые с боков колпаки или шлемы, кончающиеся сверху чем-то вроде клювов.

Что-то глухо ударило в Защитника спереди, экран потемнел и снова вспыхнул, левая фара погасла.

Инженер повел машину к темному краю рощицы. Центральный прожектор высветил между ветвями многочисленные серебряные пятнышки, за которыми что-то начало крутиться, все быстрее и быстрее. Во все стороны полетели ветви, целые букеты скошенных кустов, и огромная вращающаяся масса, перемальвая воздух, рванулась сбоку. Инженер прицелился туда, где движение было самым сильным, и нажал педаль. Глухое мощное «умпф» потрянуло башенку. Едва засветился экран, Инженер повернул башенку в ту же сторону.

Можно было подумать, что взошло солнце. Защитник стоял почти посредине поляны. Ниже, где только что был лес, пятая часть горизонта превратилась в белое море огня. Звезды исчезли, воздух лихорадочно дрожал, и на фоне этой затянутой дымом стены к Защитнику двигался пуза-

тый, искрящийся огненными вспышками шар. Инженер не слышал ничего, кроме гудения пожара, Защитник казался прижавшейся к поверхности планеты крошкой по сравнению с это громадиной, которая начала вращаться еще быстрее и превратилась в высокий, словно воздушная гора, смерч, перечеркнутый посередине черным зигзагом. Инженер уже держал его в перекрестье прицела, когда в нескольких сотнях шагов от машины заметил освещенные заревом бледные фигуры убегающих.

— Держитесь! — гаркнул он.

Секунду ему казалось, что башенка падает на него. Защитник как будто охнул, заплясал на амортизаторах, броня загудела, как колокол, затрещала, словно лопалась. Экран на мгновение потемнел и снова прояснился. Грохот не прекращался — казалось, сотня адских молотов яростно бьет по верхней крышке. Понемногу оглушающий гром слабел, удары становились все медленнее, угловатый зигзаг еще несколько раз со свистом рассек воздух; вдруг на броню обрушился глухой, протяжный скрежет падающего металла, и несколько лап, лениво сокращая суставы и вновь их расправляя, легли под гусеницы Защитника. Одна из них едва заметным движением скребла броню, как бы поглаживая ее; потом и она затихла. Инженер попробовал тронуться с места, но гусеницы чуть двинулись, скрипнули и застряли. Он включил заднюю скорость — получилось. Медленно выбираясь, вспахивая почву обломками, которые он волочил за собой, Защитник пятился как рак. Наконец он освободился. Звякнул металл, машина неожиданно прыгнула назад.

На фоне все еще пылающего леса они увидели тридцатиметрового растоптанного паука; культия одного из рычагов еще судорожно царапала почву. Между угловатыми длинными ногами висела рогатая гондола; сейчас она была открыта, из нее выскакивали серебряные фигурки.

Инженер машинально проверил, нет ли кого-нибудь на линии выстрела, и нажал педаль.

Раздался грохот. Новое солнце взорвалось на полянке. Обломки с воем и свистом разлетелись во все стороны, в центре взметнулся столб кипящей глины, песка, легких лохмотьев копоти. Инженера вдруг охватила слабость. Он почувствовал, что еще минута — и его вырвет. Холодный пот сочился у него по спине; как вода, заливал лицо. Мгновенно онемевшей рукой он вцепился в рычаг и тут услышал крик Доктора:

— Поворачивай, слышишь! Поворачивай!

Из горящей ложбины рванулся подсвеченный красным дым, как будто там, где до этого стоял лес, возник вулкан; кипящий шлак стекал по склону, поджигая остатки поваленных прямых зарослей.

— Да поворачиваю,— сказал Инженер,— поворачиваю...

Но не двигался. Капли пота все еще текли по его лицу.

— Что с тобой? — услышал он как будто очень изда- лека голос Доктора. Увидев над собой его лицо, встряхнул головой и широко открыл глаза.

— Что? Ничего, ничего,— пробормотал он.

Доктор снова откинулся назад.

Инженер включил двигатель. Защитник вздрогнул, развернулся на месте и пополз в гору той же дорогой, которой ехал сюда.

Единственная фара (центральный прожектор разбился при столкновении) снова осветила поваленные, перемешанные с мертвыми телами статуи. И те и другие покрывал металлический серый налет. Защитник прополз между обломками двух белых фигур и повернул на север. Как корабль, входящий в воду, он вспорол и развалил на стороны хрустевшие под гусеницами заросли; несколько бледных силуэтов панически умчалось из полосы света, скорость увеличилась, машину бросало на неровностях. Инженер тяжело дышал, стараясь побороть дурноту, и все сильнее сжимал зубы. До сих пор у него перед глазами стояли кружащиеся хлопья копоти — все, что осталось от выскакивающих серебряных фигурок.

Впереди желтела глинистая выемка склона. Защитник задрал лоб и полез в гору. Упругие ветки хлестали по броне, гусеницы скрежетали по чему-то невидимому, машина мчалась все быстрее, то в гору, то вниз, она пересекала небольшие овраги, проскакивала крутые балки, прорывалась сквозь плотные стены зарослей. Защитник, словно таран, прошел сквозь рощу паучьих деревьев, их колючие брюшки бомбардировали броню бессильными мягкими ударами, треск и шипение перемальваемых стеблей и крон были ужасны. На задних экранах еще стояло зарево пожара. Постепенно оно затухло. Наконец все окутала сплошная тьма.

Через час Защитник вырвался на равнину. Стояла черная звездная ночь, мимо равномерно гудящей машины пролетали редееющие заросли. Наконец пропали последние кусты, и не было уже ничего, кроме длинных отлогих холмов, которые, казалось, колыхались, оживали, когда на них падал свет единственной фары. Защитник стремительно, как будто хотел взмыть в воздух, взлетал на них, сиденья мягко покачивались, визг гусениц напоминал яростный звук сверла, вгрызающегося в металл, стрелки приборов горели розовым, оранжевым, зеленым. Инженер, склонившись к экрану, искал огонек ракеты.

Теперь он считал безумием то, что они выехали, не обеспечив себе радиосвязи. Правда, раньше он относился к этому как к чему-то вполне естественному. Они спешили так, словно еще один или два часа, необходимые для монтажа другого передатчика, были бесценными. Когда у Инженера почти не оставалось сомнений, что в темноте он проскочил мимо ракеты и едет дальше на север, он увидел ее, вернее — странно раздувшийся световой пузырь. Защитник полз все медленнее, фара осветила наклонную стену, и она засверкала серебряным огнем. Картина была необыкновенная; когда зажигался маяк, огромный, не замкнутый у вершины купол вспыхивал, переливаясь в стеклянных сплетениях множеством радуг; умноженный ими блеск далеко освещал пески.

Не желая стрелять, Инженер направил тупой бронированный лоб машины в то место, где он, выезжая, пробил проход. Но стеклянная стена уже затянула дыру с обеих сторон, зарастила ее, единственным следом пролома была плита превратившегося в шлак песка у основания ограды.

Защитник с ходу стал таранить стену всей массой своих шестнадцати тысяч килограммов; броня застонала. Стена не поддалась.

Инженер медленно отступил на двести метров, установил нити прицела как можно ниже, и в тот момент, когда светящийся купол вырвался из мрака, быстро нажал педаль.

Не ожидая, когда отверстие с кипящими краями остынет, он бросил машину вперед. Башенка зацепилась верхушкой, но разорвала размякшую от жара стеклянную массу, одноглазый Защитник заглянул в глубь пустого пространства и с замирающим урчанием подъехал к ракете.

Их встретил только Черный, который, впрочем, сразу же исчез. Приходилось ждать — нужно было очистить броню от радиоактивного налета и измерить частоту импульсов в окружающей среде. Только тогда они могли покинуть тесную кабину.

Вспыхнул фонарь. Координатор, который первым вышел из туннеля, одним взглядом окинул покрытую черными пятнами лобовую броню Защитника, вмятины вместо фар, бледные, осунувшиеся лица товарищей и спросил:

— Дрались?

— Да, — ответил Доктор.

— Спускайтесь вниз. Здесь еще ноль девять рентгена в минуту. Черный останется тут.

Больше никто не произнес ни слова. Спустившись в корабль, Инженер заметил второй автомат, поменьше, который соединял кабели в проходе к машинному отделению, но даже не остановился около него. В библиотеке горел свет, на маленьком столе стояли алюминиевые тарелки, лежали столовые приборы, посредине красовалась бутылка вина.

Координатор, не садясь, заговорил:

— Мы собирались устроить небольшой праздник. Автоматы проверили систему гравиметрического распределения — она в порядке... Главный реактор готов к запуску. Если поставить ракету, можно будет стартовать. Теперь рассказывайте.

Некоторое время все молчали. Доктор посмотрел на Инженера и начал рассказывать.

— Ты был прав. На запад действительно тянется пустыня. Мы сделали — по большой дуге — почти двести километров в юго-западном направлении.

Он рассказал, как они доехали до обитаемой равнины и озера, как вели съемку, как, возвращаясь, наткнулись в темноте на скопление статуй, — и тут заколебался.

— Это действительно выглядело как кладбище или место, связанное с каким-то религиозным культом. То, что происходило потом, трудно передать. Я опять не могу с уверенностью сказать, что это значило, — эту песенку вы уже знаете. Толпа двутелов в панике убегала. Казалось, они прятались и облава вспугнула их или загнала за «надгробья». Я говорю, что это так выглядело, больше я ничего не знаю. В нескольких сотнях метров ниже — все это происходило на склоне — была небольшая роща, и там прятались другие двутелы, похожие на того серебряного,

которого мы убили. За ними стояла, возможно замаскированная, одна из вращающихся машин — большой волчок. Но сначала мы про нее не знали. Так же как про то, что скрывавшиеся в зарослях двутелы протянули над самым грунтом гибкую трубу, из которой под давлением вылетало отравляющее вещество, пена, превращающаяся во взвесь или газ. Можно будет ее исследовать, она ведь должна была осесть в фильтрах, правда? — обратился он к Инженеру.

Тот кивнул.

— Мы вышли с Химиком, чтобы осмотреть эти статуи, башня была открыта. Мы чуть не задохнулись, а хуже всего пришлось Генриху. Первая волна газа пришлась на Защитника. Когда мы забралась внутрь и продули башню кислородом, Генрих выстрелил в трубу, вернее в то место, где она перед этим торчала. Мы уже стояли в густом облаке.

— Антиматерией? — спросил Координатор в тишине.

— Да.

— Ты не мог использовать малый излучатель?

— Мог, но не использовал.

— Мы все были... — Доктор мгновение искал слово, — возбуждены. Видели падающих. Эти двутелы не были нагими. На них болтались какие-то лохмотья. Мне показалось, что они разорваны, как будто в драке, но в этом я не уверен. На наших глазах погибли все или почти все. Перед этим мы сами чуть не отравились. Вот как все было. Потом Генрих пытался найти продолжение трубы, если мне не изменяет память. Так?

Инженер снова кивнул.

— Таким образом, мы съехали вниз, к роще, и увидели тех — серебряных. На них было что-то вроде масок. Возможно, с воздушными фильтрами. Они нас чем-то обстреляли, разбили фару. Одновременно двинулся этот огромный волчок. Он хотел напасть на нас сбоку. Во всяком случае, выехал из кустов. Тогда Генрих выстрелил.

— По зарослям?

— Да.

— По этим серебряным?

— Да.

— И по волчку?

— Нет. Он натолкнулся на нас и разбился о Защитника. Естественно, возник пожар: заросли высохли от термического удара в момент взрыва и горели, как бумага.

— Они пробовали контратаковать?

— Нет.

— Преследовали вас?

— Не знаю. Вероятнее всего, нет. Вращающиеся диски, наверно, могли бы нас догнать.

— На этой местности — нет. Там множество балок, оврагов, что-то вроде земной юры, известняковые скалы, террасы, осыпи, — объяснил Инженер.

— Ага. И потом вы поехали прямо сюда.

— Почти прямо, с небольшим отклонением к востоку. Несколько секунд сидели молча. Координатор поднял голову.

— Убили много?

Доктор взглянул на Инженера и, видя, что тот не собирается отвечать, произнес:

— Было темно. Они прятались в чаще. Мне кажется... я видел самое меньшее двадцать серебряных вспышек сразу. Но в глубине, дальше, в зарослях, поблескивало что-то еще. Их могло быть больше.

— Те, что стреляли в вас, наверняка были двутелы?

Доктор заколебался:

— Я говорил, что на маленьких торсах у них было что-то вроде колпаков, шлемов. Но, судя по формам, размерам, способу передвижения, это были двутелы.

— Чем они вас обстреляли?

Доктор молчал.

— Снаряды, вероятно, не металлические, — сказал Инженер. — Конечно, я руководствуюсь только ощущениями. Мест попаданий я не исследовал, даже не осматривал. У них маленькая пробойная сила — такое у меня впечатление.

— Да, небольшая, — согласился с ним Физик. — Фары — я мельком осмотрел их — скорее вдавлены, чем пробиты.

— Одна разбилась при столкновении с волчком.

— А теперь — о статуях... Как они выглядели? — спросил Координатор.

Доктор, как умел, попытался описать статуи. Когда очередь дошла до белых фигур, он остановился и через мгновение продолжал с усталой улыбкой:

— Тут, увы, опять можно прибегнуть только к помощи жестов...

— Четыре глаза? Выдающиеся лбы? — медленно повторил Координатор.

— Да.

— Это были скульптуры? Камень? Металл? Литье?

— Не могу сказать. Наверняка не литье. Ну, что еще... Размеры сверхъестественные... А также некоторая деформация, изменение пропорций и...— Он как будто заколебался.

— Что?

— Облагораживание,— смущенно сказал Доктор.— Но это только впечатление. Впрочем, мы осматривали их недолго, а потом столько всего произошло... И снова пища для явных аналогий. Кладбище. Несчастные преследуемые. Полицейская облава. Мотопомпа с ядовитым газом. Полиция в противогазах. Я намеренно использую такую терминологию, ведь в самом деле могло казаться, что было так, но мы этого не знаем. Одни из обитателей планеты убивали на наших глазах других. Это факт, пожалуй, бесспорный. Но кто кого, были ли эти существа совершенно одинаковыми или чем-то отличались друг от друга...

— А если отличались, тогда все ясно? — спросил Кибернетик.

— Нет. Но я думал и о такой возможности. Признаю, что с нашей точки зрения она чудовищна. Человек сурово осуждает каннибализм. Однако съесть жаркое из обезьяны уже не является в глазах наших моралистов чем-то страшным. А если биологическая эволюция проходила здесь так, что разница во внешнем виде между существами разумными и теми, что остались на животном уровне развития, гораздо меньше, чем между человеком и человекообразной обезьяной? Мы могли в таком случае быть свидетелями, скажем, охоты.

— А та яма у города? — бросил Инженер.— Это тоже — охотничьи трофеи? Да? Меня удивляют твои адвокатские уловки, Доктор!

— Пока мы не имеем уверенности...

— У нас есть еще фильм,— прервал его Химик.— Не знаю почему, но до сих пор нам действительно не удавалось увидеть нормальной, обычной жизни на этой планете. А тут мы сняли как раз что-то обыкновенное, во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление...

— Как это? Вы ничего не видели? — удивился Физик.

— Нет, мы слишком спешили использовать последний вет. Расстояние было значительным, больше восьмисот метров, но мы привезли две катушки пленки, снятой телеобъективом. Который час? Еще нет двенадцати! Можно ее сейчас проявить.

— Дай Черному,— сказал Координатор.— Или другому автомату. Доктор, Инженер, я вижу, что вас взяло за живое; правда, у нас дел по горло, но...

— Разве контакты высокоразвитых цивилизаций должны кончаться таким образом? — спросил Доктор.— Мне бы очень хотелось услышать ответ на этот вопрос...

Координатор покачал головой, встал и убрал бутылку со столика.

— Спрячем ее до другого случая,— сказал он...

Когда Инженер и Физик вышли осмотреть Защитника, а Химик решил на всякий случай проследить за проявлением фильма, Координатор взял Доктора под руку и, подходя с ним к перекошенным библиотечным полкам, сказал, понизив голос:

— Слушай, а не может быть, что вы своим неожиданным появлением и вызвали это паническое бегство и что именно вас, а не беглецов хотели остановить?

Доктор посмотрел на него расширенными глазами.

— Знаешь, это мне вообще не приходило в голову,— произнес он. И, задумавшись, замолчал.— Не знаю,— наконец заговорил он.— Скорее всего, нет... Разве что это было неудачное нападение, которое сразу же обратилось против некоторых из них. Конечно,— добавил он, выпрямляясь,— можно все это истолковать совсем по-другому. Да, теперь я это отчетливо вижу. Скажем: мы въехали на какую-то охраняемую территорию. Те, что убегали,— это была, предположим, группа паломников, странников, что-то вроде этого. Стража, охраняющая территорию, подтащила оружие — трубу — между статуями в то время, когда Защитник остановился. Так, но первая волна газа определенно была направлена на убежавших, а не на нас... Хорошо, допустим, с их точки зрения это был несчастный случай. Тогда — да. Так могло быть.

— Значит, нельзя этого исключить.

— Нет, нельзя. И знаешь, чем дальше я думаю, тем больше эта версия кажется мне такой же правомерной, как и наша, первая. Как только стало известно о нашем появлении, они могли установить посты в окрестностях. Когда мы были в долине, они еще ничего не знали, и поэтому мы не встретили там вооруженных... Ведь в тот самый вечер у ракеты впервые появились вращающиеся диски.

— Наше несчастье, что мы до сих пор не наткнулись даже на следы их информационной сети,— подал голос

Кибернетик из глубины каюты.— Телеграф, радио, письмо, зафиксированные документы, что-нибудь в этом роде... Всякая цивилизация создает технические средства такого рода и с их помощью сохраняет свою историю и знания. Эта, наверно, тоже. Если бы мы могли попасть в город...

— На Защитнике можем,— ответил, поворачиваясь к нему, Координатор.— Но завяжется драка. Ни хода ее, ни результатов предвидеть нельзя — ты отдаешь себе в этом отчет?

— Ну, если бы мы могли встретиться с каким-нибудь их разумным специалистом, техником...

— Как это сделать? Отправиться на охоту? — спросил Доктор.

— Ха, если бы я знал, как! Это ведь только кажется таким простым — являешься на планету с целым набором интеркоммуникаторов, электронных мозгов-переводчиков, изображаешь на песке теоремы Пифагора, обмениваешься презентами...

— Хватит рассказывать сказки. Пошли, пленка уже проявлена.— Это произнес появившийся в дверях Инженер.

Они решили посмотреть фильм в лаборатории. Это было самое длинное из всех помещений корабля. Когда они туда вошли, пленка, уже зафиксированная, но еще мокрая, крутилась в барабане, сквозь который продувался горячий воздух. Из него она шла прямо на бобину проекционного аппарата. Координатор уселся у проектора, чтобы иметь возможность в любой момент остановить изображение на экране или вернуть его назад; все заняли места, и автомат погасил свет.

Первые метры были совсем засвечены; потом несколько раз мелькнула поверхность озера, появилась набережная. Она была укреплена, в некоторых местах в воду уходили длинные наклонные спуски, над которыми поднимались раскоряченные вышки, соединенные ажурными лентами. Изображение на миг расплылось, а когда снова можно было рассмотреть подробности, стало видно, что у вершины каждой башни вращаются в противоположные стороны по два пятилопастных пропеллера. Они вращались еле-сле, так как съемка велась с большим ускорением. По уходящим в глубь озера спускам двигались какие-то предметы, как бы притопленные в воде, но разглядеть их конфигурацию было невозможно. Кроме того, все перемеща-

лось очень медленно. Координатор перемотал пленку назад на полтора десятка метров и пустил снова значительно быстрее. Предметы, спускавшиеся вдоль тонких размазанных, словно дрожащие толстые струны, полос, промчались вниз и влетели в воду; по поверхности озера пошли круги. На самом берегу спиной к аппарату стоял двутел — из бочкообразного устройства, над которым торчал тонкий прут, кончавшийся размазанным пятном, выступала верхняя часть его большого торса.

Набережная исчезла. Теперь экран пересекали плоские, как коробки, предметы, насаженные на ажурные колонны, с многочисленными бочкообразными сооружениями наверху, похожими на то, в котором торчал двутел на пристани. Все они были пустые, некоторые лениво двигались по два, по три в одну сторону, останавливались и трогались обратно.

Изображение медленно перемещалось. Появились многочисленные огоньки, казавшиеся черными пятнами. Пленка была передержана, и, что хуже всего, вокруг пятен расплывались мутные ореолы. Из-за этих туманных ободков проглядывали маленькие, снятые сверху фигурки. Двутелы расхаживали парами, их небольшие торсы были обвиты чем-то пушистым, так что торчали только головки, но недостаточная четкость изображения не позволяла рассмотреть лица.

Потом на экране появилась огромная, размеренно поднимающаяся и опадающая масса. Она стекала к нижнему углу экрана, как вспененный сироп, по ней на эллиптических ходулях ходили десятки двутелов — они держали какие-то орудия в своих маленьких ручках и, дотрагиваясь до этой массы, разравнивали ее или сгребали. Время от времени масса вспучивалась заостренным у вершины бугром, оттуда выскакивало что-то вроде серой чаши. Изображение смещалось, но подвижная масса по-прежнему оставалась на экране. Детали выступили с большей четкостью, в центре появилась, как бы растаяв, группа стройных чаш, отдаленных друг от друга; около каждой их них стояли два или три двутела. Они наклоняли свои лица к чашам, мгновение стояли неподвижно и выпрямлялись. Это повторялось снова и снова. Координатор опять перемотал пленку назад и пустил ее быстрее — теперь двутелы как бы целовали внутреннюю поверхность чаш. Другие, на заднем плане, на который люди сначала не обратили внимания, стояли с втянутыми до половины

малыми торсами и словно наблюдали за этими действиями.

Изображение снова переместилось. Виден был только самый край массы, окаймленный темной линией. Тут же рядом двигались вращающиеся диски, гораздо меньшие, чем те, с которыми встречались люди. Они вращались лениво и как бы скачками, можно было заметить рывки ажурных рычагов — это был эффект съемки.

Постепенно движение на экране становилось все более оживленным, хотя из-за ускоренной съемки оно и казалось происходящим как бы в очень густой невоздушной среде. Появился район, который снимавшие фильм Физик, Доктор и Инженер приняли за «центр города». Это была густая сеть желобков, по которым в разные стороны двигались своеобразные устройства. На каждом из них, тесно прижимаясь друг к другу, стояли от двух до пяти двутелов, преимущественно по трое. Казалось, их маленькие торсы охватывает что-то, соединенное с внешней стороной едущей «бочки», но это мог быть просто отблеск. Тени под заходящим солнцем были очень длинные и мешали рассмотреть детали. Над желобковыми магистралями бежали изящные ажурные мостики. На этих мостиках кое-где стояли, крутясь на месте, огромные волчки, и опять вращение распадалось на серию сложных вращательно-поступательных движений. Один волчок застыл неподвижно, и из него начали выходить фигурки в ослепительно блестящем одеянии. Пленка была черно-белая, поэтому утверждать, что оно серебряное, было невозможно. В тот момент, когда выходил третий двутел, вытягивая за собой какой-то непонятный предмет, изображение переместилось. На переднем плане через середину экрана бежал толстый канат. Этот канат или трубопровод слегка покачивался, натянутый подвешенной к нему узкой сигарой, из которой сыпалось что-то переливающееся, точно туча листьев. Но эти предметы, вероятно, были довольно тяжелыми: они не кружились, а падали вниз, как гири. Внизу на вогнутой площадке в несколько рядов стояли двутелы, от их ручек к поверхности планеты летели непрерывные мелкие искорки. Это было совершенно непонятно, — туча сыплющихся сверху предметов исчезала, не долетев до стоящих внизу. Изображение медленно перемещалось. У самого края экрана неподвижно лежали два двутела, к ним приблизился третий, и тогда оба двутела медленно встали. Один из них покачивался; малый торс у него был спрятан, и он выглядел как сахарная голова. Координатор отмотал пленку назад, снова пустил проектор и, когда на экране

появились лежащие тела, остановил пленку и попробовал сделать изображение резче, потом подошел к экрану с большим увеличительным стеклом.

Сквозь стекло он увидел только крупные расплывающиеся пятна.

Экран погас — первая пленка кончилась. В начале другой была запечатлена та же самая картина, только немного сдвинутая и более темная; видимо, свет ослаб и это не удалось скомпенсировать даже полностью открытой диафрагмой. Два двутела медленно отходили, третий полулежал на грунте. Через экран протянулись трепещущие линии, объектив двигался так быстро, что ничего не было видно; потом появилась большая сеть с пятиугольными ячейками, в каждой стояло по одному двутелу и лишь в немногих — по два. Под этой сетью дрожала другая, размазанная. Люди не сразу сообразили, что это тень, отбрасываемая на грунт, выложенный гладкими, похожими на бетон плитами. Двутелы, стоявшие в ячейках сети, были одеты в пышные темные одежды, делавшие их толще и шире. Почти все они совершали одинаковые движения: их маленькие торсы, закрытые чем-то полупрозрачным, медленно наклонялись в стороны; эта своеобразная гимнастика выполнялась чрезвычайно медленно. Изображение задрожало, перекосилось, некоторое время опять было плохо видно, становилось все темней. Показался самый край сети, растянутый на тросах. Один из них кончался у большого неподвижного диска. Дальше можно было наблюдать такое же «уличное» движение, как на первой пленке: в разные стороны ползли бочкообразные объекты, набитые двутелами.

Камера еще раз наехала на сеть, потом сдвинулась в сторону, появились пешие двутелы, снятые в косых лучах заходящего солнца. Они, по-утиному переваливаясь, прогуливались парами; дальше появилась целая толпа, надвое разделенная посредине узким проходом. По нему полз трос, уходящий за край кадра. Трос тянул что-то длинное, ослепляющее яркими вспышками, похожее на продолговатый граненый кристалл или обложенную зеркальными пластинами колоду. Предмет переваливался из стороны в сторону и бросал световые зайчики в толпу; вдруг на мгновение он застыл — изображение сделалось очень четким, в центре его показалась лежащая фигура.

Раздался чей-то сдавленный крик. Координатор перемотал пленку назад и остановил проектор. Все подошли к

самому экрану. Там, окруженный рядами двутелов, посреди пустого прохода лежал человек.

Стояла мертвая тишина.

— Кажется, мы все-таки свихнемся, — слышался из темноты чей-то голос.

— Ну, сначала досмотрим до конца, — ответил Координатор.

Все вернулись на свои места, пленка двинулась, изображение вздрогнуло, ожило. Одна за другой по улочке в толпе проезжали удлиненные, похожие на гробы глыбы, но на них было наброшено что-то светлое, свисавшее до самой поверхности и тащившееся по ней, как толстая ткань. Камера сместилась, на экране появился пустырь, закрытый с одной стороны наклонной стеной. Под ней торчали группы кустов. Вдоль борозды, бегущей через весь экран, шел одинокий двутел... Вдруг, словно чего-то испугавшись, он отскочил, медленным огромным прыжком взлетел в воздух. Над бороздой мелькнул вращающийся волчок, что-то ярко сверкнуло, экран как будто затянулся туманом. Когда он разошелся, двутел лежал неподвижно, раскинувшись. Его тело вдруг стало почти черным. Все это погружалось в надвигающийся мрак. Казалось, двутел вздрогнул, пополз, на экране заметались темные полосы, потом вспыхнул белый квадрат. Фильм кончился.

Когда зажгли свет, Химик забрал катушки и ушел, чтобы делать увеличенные фотографии с отобранных кадров. Пятеро его товарищей остались в лаборатории.

— Ну, а теперь начнем все это растолковывать, — сказал Доктор. — Я сразу же могу дать два, даже три различных толкования.

— Непременно хочешь довести нас до отчаяния? — вдруг разозлившись, бросил Инженер. — Если бы ты серьезно взялся за физиологию двутела, прежде всего — за физиологию их органов чувств, наверное, мы сегодня знали бы гораздо больше!

— Когда я должен был этим заниматься? — спросил Доктор.

— Коллеги! — повысил голос Координатор. — Похоже, что начинается заседание Космологического института! Естественно, всех нас поразила человеческая статуя, — а это была, без сомнения, статуя, неподвижная копия, залитая, как кажется, в какую-то массу. Весьма вероятно, что через свою информационную сеть они разослали наши

изображения по всем населенным пунктам планеты, где на основании полученных сведений изготовлены человекообразные куклы.

— Откуда они взяли наши фотографии? — спросил Доктор.

— Два дня назад они несколько часов крутились около корабля и могли произвести точнейшие наблюдения.

— А зачем им делать такие статуи?

— Для научных или религиозных целей — этого мы не решим, сколько бы мы ни дискутировали. Во всяком случае, это не какой-то необъяснимый феномен. Мы видели, очевидно, не слишком крупный центр, в котором ведутся работы, вероятно, производственного характера. Возможно, мы наблюдали также их развлечения, может быть, их искусство, может быть, обычное уличное движение, потом работу на пристани и у этих сыпавшихся предметов, правда, не слишком понятную.

— Это хорошее определение, — вставил упрямый Доктор.

— Там были еще как бы сцены из армейской жизни — у нас много оснований для вывода, что одетые в серебряные «мундиры» двутелы образуют армию. Конец сцены неясен. Это могло быть, естественно, какое-то наказание индивидуума, который, гуляя по дороге, предназначенной для волчков, нарушил установленный у них закон.

— Казнь на месте как штраф за неправильный переход улицы — это, пожалуй, жестоко, ты так не считаешь? — спросил Доктор.

— Почему ты все стараешься превратить в бессмыслицу?

— Потому что я продолжаю утверждать: мы увидели столько, сколько могли увидеть слепые.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Координатор. — Только не в агностическом плане.

— Я, — сказал Физик. — Создается впечатление, что двутелы передвигаются пешком лишь в исключительных случаях. На это, впрочем, указывают их большие размеры и диспропорция конечностей по отношению к массе тела. Мне кажется, попытки представить возможное эволюционное древо, которое сформировало таких индивидуумов, были бы весьма поучительны. Вы заметили их оживленную жестикуляцию? Ни один из них не поднимал никаких тяжестей, ничего не нес, не двигал, а ведь такие картины в

земном городе обычны. Так, может быть, руки служат для иных целей?

— Для каких? — с интересом спросил Доктор.

— Не знаю, это твоя область. Во всяком случае, тут есть над чем поработать. Возможно, мы слишком торопились понять структуру их общества, вместо того чтобы взяться за добросовестное изучение отдельных его кирпичиков.

— Это верно, — сказал Доктор. — Руки — да, это наверняка очень важная проблема. Эволюционное древо тоже. Мы даже не знаем, являются ли они млекопитающими. Я сумел бы в течение нескольких дней ответить на такие вопросы, но, боюсь, мне так и не удастся выяснить то, что во всем этом зрелище меня больше всего поразило.

— То есть? — спросил Инженер.

— Я не видел ни одного одинокого прохожего. Ни одного. Вы обратили внимание на это?

— Да... был один — шел по борозде, в самом конце, — сказал Физик.

— Вот именно.

После этих слов Доктора все довольно долго молчали.

— Нужно еще раз просмотреть этот фильм, — сказал, как бы колеблясь, Координатор. — Мне кажется, что Доктор прав. Одиноких пешеходов не было — двутелы ходили самое меньшее парами. Хотя в самом начале... Да! Один стоял на пристани.

— Сидел в этой бочке, — сказал Доктор. — В дисках они тоже сидят по одному. Я говорил о пешеходах. Только о пешеходах.

— Их было немного.

— Несколько сотен наверняка. Вообрази улицу земного города с высоты птичьего полета. Процент одиноких прохожих наверняка будет велик. В некоторые часы они составляют даже большинство, а здесь их вообще нет.

— Что это должно означать? — спросил Инженер.

— Извини, — покачал головой Доктор, — но сейчас спрашиваю я.

— С вами приехал одинокий, — сказал Инженер.

— Ты же знаешь обстоятельства, при которых это произошло.

Инженер не ответил.

— Послушайте, — заговорил Координатор, — такая дискуссия сразу же становится спором вхолостую. Мы не

проводили систематических исследований, потому что мы не научно-исследовательская экспедиция, у нас были другие заботы — борьба за существование. Нужно договориться о наших дальнейших планах. Завтра начнет работать экскаватор — это наверняка. Всего у нас будет два автомата, два полуавтомата, экскаватор и Защитник, который при соблюдении необходимой осторожности тоже поможет вытащить ракету. Не знаю, известен ли вам план, который мы разработали с Инженером. Первоначальный проект основывался на том, чтобы привести ракету в горизонтальное положение, а затем поставить ее вертикально, поднимая корпус и поддерживая его утрамбованным грунтом. Этот метод использовали еще строители пирамид. Так вот, теперь мы хотим разбить стеклянную стену на куски нужной величины и построить из них систему лесов. Материала хватит, и мы уже знаем, что его можно плавить и сваривать при высокой температуре. Используя при этом строительный материал, который с невольной доброжелательностью доставили нам обитатели Эдема, мы существенно сократим весь процесс. Не исключено, что через три дня мы сможем стартовать. Подождите, — сказал он, заметив, что присутствующие задвигались, — так вот, в связи с этим я хотел вас спросить — будем ли мы стартовать?

— Да, — сказал Физик.

— Нет! — почти одновременно ответил Химик.

— Еще нет, — бросил Кибернетик.

Стало тихо. Ни Инженер, ни Доктор не откликнулись.

— Думаю, что мы должны лететь, — сказал наконец Инженер.

Все посмотрели на него.

Когда молчание затянулось; он заговорил, словно от него ждали особых объяснений:

— Раньше я думал иначе. Но речь идет о цене. Попросту о цене. Мы, без сомнения, могли бы еще многое узнать, но добывание информации может обойтись слишком дорого. Для обеих сторон. После того, что произошло, мирные попытки взаимопонимания, установления контакта я считаю нереальными. Кроме того что мы друг другу говорили, каждый, пожалуй, хочет он того или нет, имеет какую-то собственную концепцию этого мира. У меня тоже есть такая концепция. Мне казалось, что здесь происходят ужасные вещи и что в связи с этим мы должны вмешаться. Пока мы были робинзонами и перетаскивали

каждый обломок собственными руками, я ничего об этом не говорил. Я хотел подождать, пока не узнаю больше и пока в нашем распоряжении не будет технических средств. Так вот, сейчас я признаюсь: я больше не вижу убедительных причин, которые бы вынудили меня отказаться от моей концепции Эдема, но всякое вмешательство в защиту того, что мы считаем правильным и справедливым, всякая такая попытка кончится, вероятнее всего, так же, как наша сегодняшняя экспедиция,— применением аннигилятора. Естественно, мы всегда найдем оправдание, что это была необходимая оборона и так далее, но вместо помощи мы принесем уничтожение. Теперь вы знаете более или менее все.

— Если бы мы лучше разбирались в том, что здесь в действительности происходит...— сказал Химик.

Инженер покачал головой:

— Тогда окажется, что каждая из сторон в чем-то по-своему права.

— И что из того, что убийцы по-своему правы? — спросил Химик.— Нас интересует не их правота, а спасение жертв.

— Но что мы можем им подарить, кроме аннигилятора Защитника? Предположим, мы превратим половину планеты в пепелище, чтобы приостановить их экстремистские акции, это непонятное производство, облавы, отравления,— и что дальше?

— Ответ на этот вопрос мы знали бы, если бы имели больше сведений,— упрямо сказал Химик.

— Это не так просто,— вмешался в спор Координатор.— Все, что здесь происходит, является одним из звеньев длительного исторического процесса. Мысль о помощи порождается убеждением, что общество делится на «хороших» и «плохих».

— Вовсе нет,— прервал его Химик.— Скажи лучше: на преследуемых и преследователей. Это не одно и то же.

— Хорошо. Представь себе, что какая-то высокоразвитая раса прибыла на Землю сотни лет назад, во время религиозных войн, и хочет вмешаться в конфликт на стороне слабых. Опираясь на свою мощь, они запрещают сожжение еретиков, преследование иноверцев и так далее. И ты думаешь, они сумели бы распространить на Земле свой рационализм? Ведь почти все человечество было тогда верующим, им пришлось бы уничтожить его до пос-

ледного человека, и остались бы они одни со своими рационалистическими идеями.

— Так что же, ты действительно считаешь, что никакая помощь невозможна? — возмутился Химик.

Координатор долго смотрел на него, прежде чем ответить.

— Помощь? Боже мой, что значит помощь? То, что здесь происходит, что мы видим, — это плоды определенной общественной формации. Пришлось бы ее сломать и создать новую, лучшую. А как это сделать? Ведь это существа с иной физиологией, психологией, историей, чем мы. Ты не можешь здесь воплотить в жизнь модель нашей цивилизации. Ты должен был бы предложить план другой, которая функционировала бы даже после нашего отлета... Естественно, я довольно давно предполагал, что кое-кто из вас носится с такими идеями. Скажем, ты или Инженер. Думаю, и Доктор опасался этого, потому он и лил холодную воду на огонь различных аналогий земного происхождения, верно?

— Да, — сказал Доктор. — Я опасался, что в приступе благородства вы захотите навести тут порядок, что в переводе на язык практики означало бы террор.

— Может быть, преследуемые знают, как они хотят жить, но еще слишком слабы, чтобы это осуществить, — сказал Химик. — И если бы мы только спасли жизнь какой-нибудь группе приговоренных, это уже было бы много...

— Мы уже спасли одного, — нетерпеливо ответил Координатор. — Может, ты знаешь, что делать с ним дальше?

Ответом ему было молчание.

— Если я не ошибаюсь, Доктор также за старт? — сказал Координатор. — Ладно. Поскольку я тоже, значит, большинство.

Он умолк, ошеломленно выпучив глаза. Он один сидел лицом к двери — к открытой двери. В абсолютной тишине — из темноты доносилось только негромкое хлопанье воды — все повернулись, следя за его взглядом.

В открытых дверях стоял двутел.

— Как он сюда... — начал Физик, и слова замерли у него на языке.

Это был *не их* двутел, — тот сидел запертый в перевязочной. На пороге, почти касаясь головой притолоки, стоял огромный смуглолицый индивидуум с низко накло-

ненным малым торсом. Он был закутан в землистого цвета ткань, которая плоско струилась сверху вниз, окружая малый торс как бы воротником, вокруг которого обвивался толстый моток зеленого провода. Сквозь разрез на боку одежды виднелся широкий металлически поблескивающий пояс, плотно прилегающий к туловищу. Двutel стоял неподвижно, сморщенное плоское лицо с двумя большими голубыми глазами закрывала прозрачная воронкообразная маска, расширяющаяся книзу. Из нее выходили тонкие серые полосы, многократно обвивающие малый торс и накрест застегнутые спереди, где образовывалось как бы гнездо, в котором покоились его таким же образом забинтованные руки. Только узловатые пальцы свободно свисали вниз, соприкасаясь кончиками.

Все замерли. Двutel наклонился еще больше, протяжно кашлянул и медленно шагнул вперед.

— Как он вошел?.. Ведь Черный в туннеле...— шепнул Химик.

Двutel понемногу пятился назад. Он вышел, минуту постоял в полутьме коридора и снова вошел внутрь, вернее, только всунул голову под самой притолокой.

— Он спрашивает, можно ли войти...— шепотом сказал Инженер. И заорал: — Пожалуйста! Пожалуйста!

Он встал и отступил к противоположной стене; все последовали за ним; двutel взглянул на опустевшую середину каюты без всякого выражения. Он вошел и медленно осмотрелся.

Координатор шагнул к экрану, потянул за рейку, на которой он был растянут, и, когда ткань зашелестела и свернулась, открыв доску, сказал:

— Расступитесь.

Он взял в руку кусок мела, нарисовал маленький кружок, вокруг него начертил эллипс, снаружи больший, еще один и еще — всего четыре. На каждом он поместил маленький кружок, подошел к стоящему посреди каюты гиганту и воткнул в его узловатые пальцы мел.

Двutel неловко взял его, взглянул на доску, потихоньку подошел к стене. Ему пришлось наклонить малый торс, который косо торчал из воротника, чтобы перевязанной рукой дотянуться до доски. Люди смотрели на него, затаив дыхание. Он нашел третье от центра колечко на эллипсе и с усилием, неуклюже стукнул по нему несколько раз, а потом еще мазнул так, что почти заполнил его раскрошенным мелом.

Координатор наклонил голову. Все вздохнули.

— Эдем,— сказал Координатор.— Он показал на меловое колечко.— Эдем,— повторил он.

Двutel присматривался к его рту с явным интересом. Он кашлянул.

— Эдем,— очень отчетливо и медленно сказал Координатор.

Двutel кашлянул несколько раз.

— Он не говорит,— повернулся Координатор к товарищам.— Это наверняка.

Они стояли друг против друга, не зная, что делать. Двutel шевельнулся. Он выронил мел, тот стукнулся об пол. Послышался треск, как будто расстегнули молнию. Землистая ткань разошлась, как бы распоротая сверху донизу, и люди увидели широкий золотистый пояс, который прилегал к бокам двутела.

Конец пояса развернулся и зашелестел, как металлическая фольга. Малый торс наклонился, точно хотел выскочить из тела, сложился почти вдвое, и двutel схватил пальчиками конец фольги. Она развернулась в длинное полотнище, которое он держал перед собой, как будто протягивал людям. Координатор и Инженер одновременно протянули руки. Оба вздрогнули. Инженер слабо вскрикнул. Двutel казался удивленным, он несколько раз кашлянул, прозрачная завеса на его лице заколыхалась.

— Электрический заряд, но не слишком сильный,— объяснил Координатор остальным и второй раз взялся за край фольги.

Двutel отпустил ее. Люди тщательно осмотрели золотистую поверхность — она была совершенно гладкой и чистой. Координатор на авось коснулся пальцем какого-то места и снова почувствовал легкий электрический укол.

— Что это? — буркнул Физик, придвинулся и начал водить рукой по фольге; везде его били в пальцы электрические заряды.— Дайте графитовый порошок! — крикнул он.— Стоит там, в шкафу!

Физик разложил фольгу на столе, не обращая внимания на то, что мышцы рук неприятно дрожат от непрерывных покалываний, тщательно посыпал ее порошком, который ему подал Кибернетик, сдул лишний.

На золотистой поверхности остались хаотично рассыпанные маленькие черные точки.

— Ящерица! — крикнул вдруг Координатор.

— Альфа Лебедя!

— Лира!

— Цефей!

Они повернулись к двутелу, который спокойно смотрел на них. Их глаза сверкали триумфом.

— Звездная карта, — сказал Инженер.

— Конечно.

— Ну вот, наконец-то. — Координатор широко улыбнулся.

Двутел кашлянул.

— У них электрическое письмо?

— Да, пожалуй.

— Как сохраняются заряды?

— Не знаю. Может быть, электрет.

— У них должен быть электрический орган чувств.

— Возможно.

— Коллеги, спокойно! Нужно действовать систематически, — сказал Координатор. — С чего начнем?

— Нарисуй ему, откуда мы.

— Верно.

Координатор быстро вытер доску, нарисовал звезды Центавра, заколебался, вспоминая, какой представлялась эта область Галактики с Эдема, поставил жирную точку, означающую Сириус, добавил еще несколько звезд поменьше и на фоне Большой Медведицы начертил крестик, означающий Солнце, после чего поочередно коснулся рукой своей груди, потом остальных людей, обвел движением руки все помещение и снова стукнул мелком в крестик.

Двутел кашлянул. Взял у Координатора мел, с усилием придвинул малый торс к доске и тремя ударами дополнил рисунок Координатора — проекциями Альфы Орла и двойной системы Проциона.

— Астроном! — крикнул Физик. И добавил тише: — Коллега...

— Очень может быть! — ответил Координатор. — Теперь пойдем дальше!

Они принялись рисовать. Планета Эдем и путь корабля. Корабль входит в газовый хвост. Столкновение (не было уверенности, достаточно ли хорошо рисунок объясняет обстоятельства катастрофы, но пока они ничего не могли сделать). Ракета вонзается в грунт (рисунок представлял собой разрез холма с воткнувшейся ракетой). Двигаться дальше было уже трудно. На этом остановились.

Двutel разглядывал рисунки и кашлял. Он наклонялся к доске и снова отодвигался. Потом подошел к столу. Из зеленоватого канта воротника он вытянул тонкий гибкий проводок, наклонился и начал с невероятной скоростью водить им по золотистой фольге. Это продолжалось довольно долго. Потом он отступил от стола. Фольгу посыпали графитом. Тут произошло что-то странное. Физик еще не успел сдуть лишний порошок, как схема ожила. Сначала люди увидели большую полусферу, внутри которой стояла наклонная колонна. Потом появилось маленькое пятнышко, которое ползло к краю полусферы. Оно становилось все больше. Люди узнали силуэт схематично и неточно нарисованного Защитника. В полусфере появилось отверстие. Через него Защитник въехал внутрь. Все исчезло — фольгу покрывал равномерно рассыпанный графитовый порошок. Вдруг он собрался в звездную карту. На ее фоне появилась набросанная длинными штрихами фигура двутела. Стоявший за плечами людей двutel закашлял.

— Это он, — сказал Координатор.

Карта исчезла. Виден был только двutel. Потом исчезла его фигура, и снова появилась карта. Это повторялось четыре раза. И опять графитовый порошок улегся, как будто подчиняясь невидимому дуновению, в контур полусферы с отверстием сбоку. Маленькая фигурка двутела, который как бы полз, плотно прижимаясь к грунту, приближалась к открытому боку полусферы. Она проникла внутрь. Полусфера растаяла. Косая колонна ракеты стала больше. Спереди, под корпусом, виднелся выступ. Двutel выпрямился под ним, взобрался наверх и скрылся в ракете. Графитовый порошок рассыпался и лежал беспорядочными кучками.

— Вот как он попал к нам — через грузовой люк! — сказал Инженер. — А мы тоже ротозеи — оставили его открытым.

— Подожди, знаешь, что мне пришло в голову? — вдруг вмешался Доктор. — Может быть, за этой стеной они не столько хотели запереть нас, сколько лишить возможности своих — скажем, своих ученых — установить с нами контакт.

— А верно!

Все обернулись к двутелу. Он кашлянул.

— Ну, довольно, — сказал Координатор. — Очень приятная, хм, дружеская встреча, но у нас впереди дела

поважнее. С партизанщиной конец. Нужно браться за дело серьезно. Начнем, пожалуй, с математики. Этим займется Физик. Математика — естественно, метаматематика тоже. Теория материи. Атомистика, энергетика. Далее — теория информации, информационные системы. Способы передачи, хранения. Одновременно — логические связи, пропозиционные функции. Грамматическая схема, семантика. Соответствие понятий. Типы применяемых логик. Язык. Словарь. Это все относится к тебе,— обернулся он к Кибернетику.— Ну, а когда у нас будет готов такой соединительный мост — придет очередь для остального. Метаболизм, способы питания, тип производства, формы общественных связей, реакции, навыки, разделение, групповые конфликты и так далее. С этим мы уже не будем так спешить. Пока,— он повернулся к Кибернетику и Физику,— начните вы. Нужно будет соответственно приспособить калькулятор. Естественно, возьмите фильмы, есть библиотека, берите все, что понадобится.

— Для начала можно провести его по кораблю,— сказал Инженер.— Что ты об этом думаешь? Это может ему многое объяснить, а кроме того, он будет знать, что мы от него ничего не скрываем.

— Особенно важно второе,— согласился Координатор.— Только, пока мы еще не можем с ним объясниться, не пускайте его в перевязочную. Я опасуюсь какого-нибудь недоразумения. Пошли, обойдем корабль. Который час?

Было три часа ночи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Обход ракеты длился довольно долго. Двует особенно интересовался атомным реактором и автоматами. Инженер рисовал ему множество эскизов, только в машине на это ушло четыре блокнота. Автомат возбудил явный интерес гостя. Он подробно осмотрел микросеть и чрезвычайно удивился, увидев, что вся она погружена в резервуар, охлажденный жидким гелием. Это был криотронный мозг сверхпроводящего типа для особо быстрых реакций. Но, видимо, двует уловил, с какой целью охлаждается мозг, потому что очень долго покашливал и с большим одобрением изучал эскизы, которые чертил ему Кибернетик. Казалось, по вопросу об электрических схемах догово-

риться гораздо легче, чем насчет того, каким жестом или символом обозначить самые простые слова.

В пять утра Химик, Координатор и Инженер отправились спать. Грузовой люк закрыли, а в туннеле на посту остался Черный. Физик, Кибернетик и Доктор пошли с двутелом в библиотеку.

— Подождите,— сказал Физик, когда они проходили мимо лаборатории,— покажем ему еще таблицу Менделеева, там есть схематические рисунки атомов.

Они вошли внутрь. Физик начал копаться в куче бумаг под шкафом, и в этот момент что-то затрещало.

Физик выбрасывал из угла шелестящие рулоны и ничего не заметил, но Доктор насторожился.

— Что это? — спросил он.

Физик выпрямился и тоже услышал щелчки. Он посмотрел на товарищей испуганными глазами.

— Это Гейгер, там... стойте! Где-то утечка...

Физик подскочил к счетчику. Двutel стоял неподвижно и водил глазами по приборам. Потом он приблизился к столу, и счетчик затрещал длинными очередями, как барабанщик, выбивающий протяжную дробь.

— Это он! — крикнул Физик, схватил обеими руками металлический цилиндр и направил его на гиганта. Счетчик загудел.

— Радиоактивный? Он? Что это значит? — спрашивал ошеломленный Кибернетик.

Доктор побледнел. Он подошел к столу, посмотрел на дрожащий индикатор, взял из рук Физика металлический цилиндр и начал водить им в воздухе вокруг двутела. Дробь слабела тем явственнее, чем выше он поднимал датчик. Когда он опустил его к толстым бесформенным ногам пришельца, прибор зарычал. На шкале вспыхнул красный огонек.

— Радиоактивное заражение...— выдавил Физик.

Двutel переводил глаза с одного на другого, удивленный, но совершенно не обеспокоенный непонятной для него операцией.

— Он попал сюда через отверстие, которое прожег Защитник,— тихо сказал Доктор.— Там все радиоактивно... Он там прошел...

— Не подходи к нему! — выкрикнул Физик.— Он излучает минимум миллирентген в секунду! Подожди — нужно его как-то... Если закутать его в керамитовую фольгу, можно будет рискнуть.

— Но, послушай, тут речь идет не о нас! — повысив

голос, сказал Доктор. — Речь идет о нем! Как долго он мог там находиться? Сколько получил рентген?

— Не... не знаю. Откуда я могу знать?.. — Физик все еще смотрел на рокочущий счетчик. — Ты должен что-то сделать! Ацетатная ванна, абразия эпидермиса... Смотрите, он ничего не понимает.

Доктор, не сказав ни слова, выбежал из лаборатории. Через минуту он вернулся с аптечкой первой помощи при радиационных поражениях. Двуетел сначала как будто хотел воспротивиться непонятым процедурам, но потом позволил делать с собой все что нужно.

— Надень перчатки! — крикнул Физик Доктору, который голыми руками трогал кожу двуетела.

— Разбудить остальных? — неуверенно спросил Кибернетик.

Он стоял у стены, опустив руки. Доктор натягивал толстые перчатки.

— Зачем? — сказал он и наклонился. — Пока ничего... Эритема появится через какие-нибудь десять — двенадцать часов, если...

— Если бы мы могли с ним договориться, — буркнул Физик.

— Переливание крови... Но как? Откуда? — Доктор смотрел перед собой невидящим взглядом. — Тот, второй! — вдруг воскликнул он, заколебался и добавил тише: — Нет, не могу, пришлось бы сначала исследовать кровь обоих на агглютинацию — у них могут быть разные группы...

— Слушай, — Физик оттянул его в сторону, — дело плохо. Боюсь... ну, понимаешь? Он должен был пройти по зараженному пятну, как только упала температура: в районе микроаннигиляционной реакции всегда образуется много радиоизотопов. Рубидий, стронций, иттрий и все прочее. Редкоземельные элементы. Он пока еще ничего не чувствует, самое раннее завтра — так я думаю. У него в крови есть белые тельца?

— Да, но они выглядят совершенно иначе, чем у людей.

— Обильно размножающиеся клетки поражаются всегда одинаково, независимо от вида. Он должен иметь несколько ббольшую сопротивляемость, чем человек, но...

— Откуда ты знаешь?

— Потому что радиоактивность грунта здесь почти в два раза выше, чем на Земле; значит, они в определенной

степени могут быть к ней приспособлены. Твои антибиотики здесь, конечно, ни к чему?

— Само собой; тут должны быть какие-то совсем другие бактерии...

— Так я и думал. Знаешь что? Мы должны прежде всего договориться... Выяснить как можно больше. Реакция наступит самое раннее через несколько часов...

— А! — Доктор быстро взглянул на Физика и опустил глаза.

Они стояли в пяти шагах от двутела, который не спускал с них бледно-голубых глаз.

— Чтобы вытянуть из него как можно больше, прежде чем... он умрет?

— Я думал не об этом, — сказал Физик. Он старался сохранить спокойствие. — Я полагаю, что он будет вести себя, как человек. Психическое равновесие он сохранит в течение нескольких часов, потом наступит апатия — ты ведь знаешь. На его месте каждый из нас думал бы прежде всего о выполнении задания.

Доктор пожал плечами, посмотрел на Физика исподлобья и вдруг улыбнулся:

— Каждый из нас, говоришь? Да, возможно, зная, что произошло. Но он пострадал из-за нас. По нашей вине.

— Ну и что из этого? Для тебя важно какое-то искупление? Не будь смешным!

На лице Физика выступили красные пятна.

— Нет, — сказал Доктор. — Я не согласен. Понимаешь, это, — он показал на прилегшего двутела, — больной, а это, — он стукнул себя в грудь, — врач. И остальным здесь делать нечего.

— Ты так считаешь? — глухо сказал Физик. — Но это наш единственный шанс. Мы ведь не сделаем ему ничего плохого. Это не наша вина, что...

— Неправда! Он облучился, так как шел по следу Защитника! А теперь довольно. Нужно взять у него кровь.

Доктор подошел к двутелу со шприцем. Секунду стоял над ним, как бы колеблясь, потом вернулся к столу за другим шприцем. На оба насадил иглы, вынутые из гамма-стерилизатора.

— Помогите мне, — обратился Доктор к Кибернетнику. Он шагнул к двутелу. На его глазах обнажил руку. Кибернетик ввел иглу ему в вену, всосал немного крови, отступил назад, тогда Доктор взял другой шприц и, прикасаясь им к коже лежащего, нашел сосуд, взглянул двутелу в глаза, потом воткнул иглу. Кибернетик стоял над ними.

Двутел даже не вздрогнул. Его светло-рубиновая кровь наполнила стеклянный цилиндр. Доктор ловко вытащил иглу, прижал кровоточащую ранку кусочком ваты и вышел, высоко держа шприц.

Физик и Кибернетик переглянулись. Кибернетик еще держал в руке шприц с кровью Доктора. Он положил его на стол.

— И что теперь? — спросил Кибернетик.

— Он мог бы нам все рассказать. — Физик был словно в горячке. — А этот — этот!

Вдруг он посмотрел Кибернетику в глаза.

— Может, их разбудить? — повторил Кибернетик.

— Это ничего не даст. Доктор скажет им то же самое, что и мне. Есть только одна возможность — он... должен сам решить. Если бы он захотел... Доктор не сможет ему препятствовать.

— Он? — Кибернетик изумленно посмотрел на Физика. — Ну, хорошо... Но как же он решит? Ведь он ничего не знает, а мы не можем ему рассказать.

— Еще как можем, — холодно произнес Физик. Он смотрел теперь на стеклянный цилиндр с кровью, лежащий около стерилизатора. — У нас есть минут пятнадцать, прежде чем Доктор пересчитает его красные кровяные шарики. Давай сюда доску!

— Но это же не имеет никакого...

— Давай доску! — крикнул Физик, собирая кусочки мела.

Кибернетик снял со стены доску, они вместе установили ее напротив двутела.

— Мало мела! Принеси из библиотеки цветной!

Когда Кибернетик вышел, Физик схватил мел и начал быстро рисовать большую полусферу, в которой находилась ракета. Чувствуя на себе бледно-голубой неподвижный взгляд, он рисовал все быстрее. Кончив рисунок, он оборачивался к двутелу, напряженно смотрел ему в глаза, пальцем тыкал в доску, вытирал ее губкой и рисовал дальше.

Стена полусферы — целая. Стена — и перед ней Защитник. Рыло Защитника — и вылетающий из него заряд. Он нашел кусочек фиолетового мела, замазал им часть стены перед Защитником, пальцами растер мел, образовалось отверстие, окруженное фиолетовым потоком. Силуэт двутела. Физик подошел к гостю, прикоснулся к его торсу, вернулся к доске, стукнул мелом по нарисованной фигурке, стер с доски, еще раз поспешно изобразил

толсто обведенную фиолетовым дыру в стене, в ней — двутела, потом стер все вокруг. На доске остался только контур большой фигуры. Физик, стоя так, чтобы двутел мог видеть каждое его движение, начал медленно втирать раскрошенный в пыль фиолетовый мел в ноги выпрямившейся фигуры. Обернулся. Малый торс двутела, который до этого покоился на наддутой Доктором резиновой подушке, медленно приподнялся, обезьянье лицо с разумными глазами отвернулось от доски и уставилось на Физика, как бы задавая молчаливый вопрос.

Тогда Физик кивнул головой, схватил жестяную банку, пару защитных перчаток и стремительно выбежал из лаборатории. В туннеле он чуть не столкнулся с автоматом, который при его появлении убрался с дороги. Он выскочил на поверхность и, натягивая на бегу перчатки, помчался к выжженному Защитником отверстию. У неглубокой воронки бросился на колени и начал поспешно выковыривать из грунта куски загустевшего, остекленевшего от жара песка и бросать его в банку. Потом вскочил и опять бегом вернулся через туннель в ракету. В лаборатории кто-то стоял — Физик зажмурил ослепленные глаза — это был Кибернетик.

— Где Доктор?

— Еще не вернулся.

— Отойди. Лучше сядь там, у стены.

Как Физик и ожидал, остекленевший песок был бледно-фиолетового цвета. Когда он вошел, двутел повернул к нему лицо — он определенно ждал Физика.

Физик высыпал на пол перед доской все содержимое банки.

— С ума сошел! — вскакивая с места, крикнул Кибернетик.

Счетчик, переставленный на другой конец стола, пробудился и начал поспешно щелкать.

— Молчи! Не мешай!

В голосе Физика дрожала такая ярость, что Кибернетик неподвижно застыл у стены.

Физик бросил взгляд на циферблат часов: прошло уже двенадцать минут. Вот-вот мог вернуться Доктор. Он наклонился, показал на едва заметные фиолетовые щербинки полурасплавленного песка. Поднял горсть песчинок, приложил их, держа на раскрытой ладони, к тому месту, где были нарисованы замазанные фиолетовым мелом ноги стоящей фигуры. Растер немного песчаных крошек по

рисунку, посмотрел в глаза двутелу, стряхнул остатки пыли на пол, отступил в глубь зала, потом решительным шагом двинулся вперед, как будто отправился куда-то далеко, вошел в середину фиолетового пятна, постоял с минуту, закрыл глаза и, расслабив мышцы, медленно упал. Его тело глухо ударилось об пол. Он лежал несколько секунд, потом вдруг вскочил, подбежал к столу, схватил счетчик Гейгера и, держа его перед собой, как фонарь, подошел к доске. Едва раструб черного цилиндра приблизился к нарисованным мелом ногам, раздалась тревожная дробь. Физик несколько раз приближал счетчик к доске и отодвигал его, повторяя эффект для неподвижно наблюдавшего двутела, потом медленно повернулся к нему и начал придвигать раструб счетчика Гейгера к его обнаженным подошвам.

Счетчик заворчал.

Двutel издал слабый звук, как будто поперхнулся. Несколько секунд, которые показались Физику вечностью, смотрел человеку в глаза бездонным бледным взглядом. Потом — по лбу у Физика покатались капли пота — двутел вдруг расслабил торс, закрыл глаза и бессильно опустился на изголовье, одновременно странно выпрямляя узловатые пальчики обеих рук. Некоторое время он лежал как мертвый, вдруг открыл глаза, сел и уперся взглядом в лицо Физика.

Тот кивнул, отнес аппарат на стол, оттолкнув ногой доску, и глухо обратился к Кибернетику:

— Понял.

— Что понял? — выдавил тот, потрясенный безмолвной сценой.

— Что должен умереть.

Вошел Доктор, взглянул на доску, на рассыпанные стеклянистые обломки, на товарищей, на двутела.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Что это значит?! — Он сердито повысил голос.

— Ничего особенного... У тебя уже двое пациентов, — равнодушно сказал Физик, а когда Доктор ошеломленно взглянул на него, взял со стола счетчик и направил его раструб на собственное тело.

Радиоактивная пыль впиталась в материал комбинезона — счетчик пронзительно застрекотал.

Лицо Доктора покраснело. Мгновение он стоял неподвижно, казалось, он бросит на пол шприц, который держал в руке. Постепенно кровь отхлынула у него от лица.

— Да? — сказал он. — Хорошо. Идем.

Едва они вышли, Кибернетик накинул защитный халат и начал поспешно убирать радиоактивные крошки. Он вывел из стенного шкафа полуавтоматического уборщика и пустил его подчищать пятно. Двутел лежал без движения, смотрел на его возню, несколько раз слабо покашлял. Через какие-нибудь десять минут вместе с Доктором вернулся Физик — на нем был белый полотняный костюм, шею и руки покрывали толстые витки бинта.

— Уже, — почти весело сказал он Кибернетiku. — Ничего страшного: первая степень, а может, и того нет.

Доктор и Кибернетик принялись поднимать двутела, который, поняв, что от него хотят, послушно встал и вышел из лаборатории.

— И для чего все это было? — спросил Кибернетик.

Он нервно шагал по залу, тыкая во все щели и углы черную мордочку счетчика Гейгера. Время от времени щелканье несколько усиливалось.

— Увидишь, — спокойно ответил Физик. — Если у него голова на месте — увидишь.

— Почему ты не надел защитной одежды? Жалко было минуту потратить?

— Я должен был показать это как можно проще, — сказал Физик. — Как можно естественнее, чтобы ничего лишнего, понимаешь?

Они замолчали. Стрелка стальных часов медленно двигалась. Наконец Кибернетика начало клонить в сон. Физик, неловко действуя торчащими из бинтов пальцами, зажег сигарету. Вошел Доктор в перепачканном халате, подскочил к Физику:

— Ты! Да ты что?! Что ты с ним сделал?!

— А в чем дело? — поднял голову Физик.

— Он не хочет лежать! Едва дал себя перевязать, как встал и полез в дверь. О, он уже здесь... — добавил Доктор тише.

Двутел вошел, неуклюже ковыляя. По полу за ним тянулся конец бинта.

— Ты не можешь лечить его против его воли, — холодно сказал Физик. Он бросил сигарету на пол, встал и придавил ее ногой. — Ну что, возьмем калькулятор из навигационной, а? У него максимальная область экстраполяции, — сказал он Кибернетiku.

Тот вздрогнул, проснувшись, вскочил, мгновение смотрел мутным взглядом и быстро вышел. Дверь он оставил открытой. Доктор, засунув кулаки в карманы халата, стоял посреди лаборатории. Услышав слабое шлепанье, он обернулся, посмотрел на гиганта, который медленно приближался, и вздохнул.

— Уже знаешь? — сказал он. — Уже знаешь, а?

Двуетел кашлянул.

Остальные трое спали целый день. Когда они проснулись, смеркалось. Они пошли прямо в библиотеку. Она представляла собой кошмарное зрелище. Столы, пол, все свободные кресла были завалены горами книг, атласов, открытых альбомов, сотни исчерченных листов валялись под ногами, вперемешку с книгами лежали части приборов, цветные гравюры, консервные банки, тарелки, оптические стекла, арифмометры, катушки, к стене была прислонена доска, с которой стекала вода, смешанная с меловой пылью, толстый слой засохшего известкового порошка покрывал пальцы, рукава, даже колени Физика, Кибернетика и Доктора. Они сидели напротив двуетела, заросшие, с покрасневшими глазами, и пили кофе из больших кружек. Посреди библиотеки, там, где раньше стоял стол, возвышался ящик большого электронного калькулятора.

— Как дела? — спросил Координатор, остановившись на пороге.

— Великолепно. Мы согласовали уже тысячу шестьсот понятий, — ответил Кибернетик.

Доктор встал. На нем все еще был белый халат.

— Они вынудили меня к этому. — Доктор показал на двуетела. — Он облучился.

— Облучился?! — Координатор шагнул внутрь. — Что это значит?

— Прошел через радиоактивное пятно в проломе, — объяснил Физик.

Он оставил недопитый кофе и опустился на колени у аппарата.

— У него уже на десять процентов меньше белых телец, чем семь часов назад, — сказал Доктор. — Гиалиновая дегенерация — совсем как у человека. Я хотел его изолировать, ему нужен покой, но он не хочет лежать, так как Физик сказал ему, что это все равно не поможет.

— Это правда? — повернулся Координатор к Физику.

Тот, не отрываясь от гудящего прибора, кивнул головой.

— И его нельзя спасти? — спросил Инженер.

Доктор пожал плечами.

— Не знаю! Если бы это был человек, я сказал бы, что у него тридцать шансов из ста. Но это не человек. Он становится немного апатичнее. Но, может быть, это от усталости и бессонницы. Если бы я мог его изолировать...

— Ну что тебе нужно? Ты ведь и так делаешь с ним все, что хочешь, — сказал Физик, не поворачивая головы.

Забинтованными руками он все еще копался в приборе.

— А с тобой что случилось? — спросил Координатор.

— Я объяснил ему, каким образом он подвергся лучевому поражению.

— Ты так подробно объяснял?! — крикнул Инженер.

— Пришлось.

— Случилось то, что случилось, — медленно сказал Координатор. — Хорошо ли, плохо ли, но это так. Что теперь? Что вы уже знаете?

— Многое.

Заговорил Кибернетик:

— Он уже усвоил массу наших символов — главным образом математических. С теорией информации, можно сказать, покончено. Хуже всего с его электрическим письмом: без специального аппарата, мы не могли бы этому научиться, а у нас нет ни такого аппарата, ни времени, чтобы его сделать. Помните трубки в их телах? Это просто устройство для письма! Когда двутел появляется на свет, ему сразу же вставляют такую трубку — как у нас когда-то протыкали девочкам уши... По обеим сторонам большого тела у них есть электрические органы. Поэтому корпус такой большой. Это как бы мозг и одновременно плазменная батарея, которая передает заряды непосредственно «пишущему каналу». У него канал кончается проводками на воротнике, но это у всех по-разному. Писать они, конечно, должны учиться. Эта операция, практикующаяся уже тысячи лет, — только подготовительный шаг.

— Значит, он действительно не говорит? — спросил Химик.

— Говорит! Кашель, который вы слышали, и есть речь. Одно покашливание — это целое предложение, произнесенное с большой скоростью. Мы записали кашель на пленку — он раскладывается на спектр частот.

— А! Так это речь, основанная на принципе частотной модуляции звуковых колебаний!

— Скорее, шумов. Она беззвучна. Звуками выражаются исключительно чувства, эмоциональные состояния.

— А эти электрические органы — служат ли они им оружием?

— Не знаю. Но можно его спросить.

Кибернетик наклонился, вытащил большой чертеж, на котором был изображен схематичный вертикальный разрез двутела, указал на два удлинённых сегментных образования внутри него и, приблизив рот к микрофону, спросил:

— Оружие?

Репродуктор, установленный с другой стороны, напротив лежащего двутела, застрекотал. Двutel, который чуть приподнял малый торс, когда вошли новые люди, некоторое время оставался неподвижным, потом закашлял.

— Оружие — нет, — глухо закрипел репродуктор. — Много оборотов планеты — когда-то — оружие.

Двutel кашлянул.

— Орган — рудимент — биологической — эволюции — вторичная — адаптация — цивилизация, — мертво, без всякой интонации прокрипел репродуктор.

— Ну-ну, — буркнул Инженер.

Химик слушал, зажмурив глаза.

— А, значит, действительно! — вырвалось у Координатора. Он сдержался и спросил: — Что представляет собой их наука?

— С нашей точки зрения она странная, — сказал Физик. Он поднялся с колен. — Никак не убрать этого проклятого скрипа, — бросил он Кибернетику. — Огромные знания в области классической физики. Оптика, электричество, механика в специфическом соединении с химией — что-то вроде механохимии. Там у них любопытные достижения.

— Ну?! — рванулся вперед Химик.

— Подробности потом. У нас все зафиксировано, не бойся. От этих исходных позиций мы перешли к теории информации. Но ее изучение у них вне специальных учреждений запрещено. Хуже всего выглядит их атомистика, особенно ядерная химия.

— Подожди, как это запрещено? — удивился Инженер.

— Очень просто, нельзя проводить такие исследования.

— Кто их запрещает?

— Это сложный вопрос, и мы еще мало что понимаем,— вмешался Доктор.— Хуже всего мы пока ориентируемся в их социальной динамике.

— Кажется, для ядерных исследований им не хватает стимулов,— сказал Физик.— Они не ощущают энергетического дефицита.

— Давайте кончим сначала с одним! Так как же с этими запрещенными исследованиями?

— Садитесь, будем спрашивать дальше,— сказал Кибернетик.

Координатор приблизил лицо к микрофону. Кибернетик остановил его:

— Подожди. Трудность заключается в том, что чем сложнее конструкция предложения, тем больше рассыпается у калькулятора грамматика. Кроме того, анализатор звука, кажется, недостаточно селективен. Часто мы получаем просто ребусы; впрочем, сами увидите.

— На планете вас... много? — медленно и отчетливо спросил Физик.— Какова динамическая структура? Вас много на планете?

Репродуктор щелкнул два раза и остановился. Двухтел довольно долго не отвечал. Потом хрипло закашлял.

— Динамическая структура — двойная. Связь — двойная,— забормотал репродуктор.— Общество — управляется — централизованно — вся планета.

— Отлично! — воскликнул Инженер.

Как и остальные двое новых участников беседы, он был очень возбужден. Физик, Доктор и Кибернетик, может быть от усталости, сидели неподвижно, с безразличными лицами.

— Кто управляет обществом? Кто на вершине — один индивид или группа? — спросил Координатор, потянувшись к микрофону.

Репродуктор затрещал, послышалось протяжное гудение, на пульте прибора пару раз мигнул красный указатель.

— Так спрашивать нельзя,— поспешил объяснить Кибернетик.— «На вершине» в данном случае — переносное значение слова и не имеет эквивалента в словаре калькулятора. Подожди, я попробую.

Он наклонился вперед:

— Как много вас управляет обществом? Один? Несколько? Большое число?

Репродуктор быстро застрекотал.

Двуетел покашлял, и репродуктор начал размеренно выбрасывать:

— Один — несколько — много — управление — неизвестно. Неизвестно,— повторил он.

— То есть как неизвестно? Что это значит? — спросил удивленный Координатор.

— Сейчас выясним. Не известно тебе или не известно никому на планете? — сказал Кибернетик в микрофон.

Двуетел ответил, и калькулятор выбросил в репродуктор:

— Связь — динамичная — двойная. Известно — одно — есть. Известно — другое — нет.

— Ничего не понимаю! — Координатор смотрел на остальных. — А вы?

— Подожди,— сказал Кибернетик, всматриваясь в двуетела, который еще раз медленно приблизил лицо к своему микрофону и кашлянул несколько раз.

Калькулятор заговорил:

— Много оборотов планеты — когда-то — управление централизованное — распределенное. Пауза. Сто тринадцать оборотов планеты так есть. Пауза. Сто двенадцатый оборот планеты — один двуетел — управление — смерть. Сто одиннадцатый оборот планеты — один двуетел — смерть. Пауза. Другой один — управление — смерть. Пауза. Один — один — смерть. Пауза. Потом — один двуетел — управление — неизвестно — кто. Неизвестно — кто — управление. Пауза.

— Да, действительно ребус,— сказал Координатор. — И что вы с этим делаете?

— Никакой не ребус,— ответил Кибернетик. — Он сказал, что до сто тринадцатого года, считая от сегодняшнего дня, у них было центральное правительство из нескольких индивидуумов. «Управление централизованное, распределенное». Потом наступило правление одиночек; предполагаю, что-нибудь вроде монархии или тирании. В сто двенадцатом и сто одиннадцатом годах — они считают от настоящего момента, сейчас нулевой год — произошли какие-то бурные дворцовые перевороты. Четыре властителя сменились в течение двух лет, их правление кончилось смертью, конечно, не естественной. Потом появился новый правитель — неизвестно, кто им был. Знали, что существует, но было неизвестно, кто это.

— Как же так — анонимный властелин? — изумился Инженер.

— Очевидно. Постараемся узнать больше.

Он повернулся к микрофону:

— Сейчас известно, что один индивид управляет обществом, но неизвестно, кто это? Так? — спросил он.

Калькулятор невнятно захрипел, двутел откашлялся, как бы заколебался, снова несколько раз кашлянул, и репродуктор ответил:

— Нет. Не так. Пауза. Шестьдесят оборотов планеты — известно, один двутел — центральное управление. Пауза. Потом известно — ни один. Пауза. Никто — центральное управление. Пауза.

— Теперь я не понимаю, — признался Физик.

Кибернетик сидел, наклонившись над прибором, он сгорбился, прикусил губу.

— Постойте. Всеобщая информация — нет центральной власти? Так? — спросил он в микрофон. — А в действительности есть центральная власть. Так?

Калькулятор объяснялся с двутелом, издавая скрипучие звуки. Люди ждали, наклонившись к репродуктору.

— Такая правда. Так. Пауза. Кто информация — есть центральное управление — тот — есть — нет. Тот — когда-то есть — потом нет.

Они молча переглянулись.

— Кто говорит, что существует власть, сам перестает существовать. Так он сказал? — вполголоса проговорил Инженер.

Кибернетик медленно наклонил голову.

— Но ведь это невозможно! — воскликнул Инженер. — У власти должно быть какое-то местопребывание, она должна издавать распоряжения, законы, должны существовать ее исполнительные органы, иерархически низшие, войско — мы же встречались с их вооруженными...

Физик положил ему руку на плечо. Инженер умолк. Двутел продолжал кашлять. Зеленый глаз калькулятора быстро затрепетал. Заговорил репродуктор:

— Информация — двойная. Пауза. Одна информация кто — тот есть. Пауза. Другая информация кто — тот когда-то есть, потом нет. Пауза.

— Существует информация, которая блокируется? — спросил в микрофон Физик. — Так? Кто ставит вопросы из области этой информации — тому грозит смерть. Так?

Снова по другую сторону прибора был слышен скрип репродуктора и покашливание двутела.

— Нет. Не так. Пауза,— ответил калькулятор своим равнодушным голосом. Он размеренно отделял слова друг от друга.— Кто когда-то есть — потом нет — тот не смерть. Пауза.

Все вздохнули.

— Значит, не наказание смертью? — воскликнул Инженер.— Спроси его, что происходит с такими? — обратился он к Кибернетику.

— Боюсь, что этого сделать не удастся,— сказал Кибернетик, но Координатор и Инженер настаивали на этом вопросе, тогда он уступил: — Как хотите. Хорошо, но я не отвечаю за результат.— Он спросил в микрофон: — Каково будущее того, кто распространяет блокированную информацию?

Хлипкий диалог калькулятора с неподвижно лежащим двутелом продолжался довольно долго. Наконец репродуктор заговорил:

— Тот, кто такая информация — инкорпорирован — самоуправляемая группа — неизвестная степень — вероятность — дегенерация — предел. Пауза. Кумулятивный эффект — отсутствие термина — адаптация — такая необходимость — борьба — замедление силы — потенциал — отсутствие термина. Пауза. Кумулятивный эффект — отсутствие термина — адаптация — такая необходимость — борьба — замедление силы — потенциал — отсутствие термина. Пауза. Небольшое число оборотов планеты — смерть. Пауза.

— Что он сказал? — одновременно повернулись к Кибернетику Химик, Координатор и Инженер.

Тот пожал плечами:

— Понятия не имею. Я же вам говорил, что этого сделать не удастся. Слишком сложная проблема. Нужно продвигаться постепенно. Догадываюсь, что судьбе такого индивида завидовать не стоит. Его ждет преждевременная смерть, последнее предложение было достаточно недвусмысленно, но каков механизм всего этого процесса, я не знаю. Какие-то самоуправляемые группы. Естественно, насчет этого можно строить гипотезы, но произвольных комбинаций с меня, пожалуй, хватит.

— Ладно,— сказал Инженер,— тогда спроси его об этом заводе на севере.

— Уже спрашивали,— ответил Физик.— Тоже очень сложное дело. По этому поводу у меня такая теория...

— Почему теория?! Он разве не ответил вам ясно?! — вмешался Координатор.

— Нет, это тоже задевает явления высшего порядка. Что касается самого завода, его бросили в тот период, когда он должен был начать производство. Это мы знаем совершенно точно. Труднее определить причины, по которым это произошло. Около пятидесяти лет назад у них был введен план биологической реконструкции. Перестройка функций тела, а возможно, и формы — это темная история. Почти все население планеты в течение ряда лет подверглось серии операций. Речь шла, как мне кажется, о перестройке не столько живущего поколения, сколько последующих, через направленные мутации наследственных клеток. Так мы это себе объясняем. В области биологии взаимопонимание очень затруднительно.

— Какой должна была быть эта перестройка? В каком направлении? — спросил Координатор.

— Этого не удалось установить, — ответил Физик.

— Ну, кое-что мы все-таки знаем, — не согласился с ним Кибернетик. — Биология, в особенности изучение жизненных процессов, в отличие от других отраслей науки носит у них своеобразный, как бы нормативный характер.

— Возможно, религиозный, — вставил Доктор. — С учетом того, что их верования — это скорее система требований и правил, касающихся брэнной жизни, лишенная трансцендентальных элементов.

— Они никогда не верили в какого-нибудь творца? — спросил Координатор.

— Неизвестно. Пойми, такие абстрактные понятия, как вера, бог, мораль, душа, вообще невозможно униформизировать в пределах калькулятора. Мы вынуждены задавать множество конкретных вопросов и из целой массы ответов, недоразумений, частичного перекрытия значений пытаемся лишь вывести осмысленную и обобщенную экстраполяцию. По-моему, то, что Доктор называет религией, — попросту традиция, исторически наслонившиеся обычаи, ритуалы.

— Но что религия или традиция может иметь общего с биологическими исследованиями? — спросил Инженер.

— Вот этого-то мы и не сумели выяснить. Но, во всяком случае, связь существует и весьма тесная.

— Может быть, речь шла о том, что они пытались приспособить некоторые биологические факты к своим верованиям или суевериям?

— Нет, это какая-то более сложная история.

— Вернемся к делу,— сказал Координатор.— Каковы результаты проведения в жизнь этого биологического плана?

— Из-за него на свет начали появляться особи безглазые или с различным количеством глаз, не способные к жизни, изуродованные, безносые, а также большое количество психически неполноценных.

— Ах! Наш двутел и те, другие.

— Да. Очевидно, теория, на которую они опирались, была неверной. В течение полутора десятков лет появились тысячи изувеченных, деформированных мутантов — трагические плоды этого эксперимента они пожинают еще и сегодня.

— От плана отказались?

— Мы даже не спрашивали об этом,— признался Кибернетик.

Он повернулся к микрофону:

— План биологической реконструкции — существует ли сейчас? Каково его будущее?

Калькулятор, скрипя, некоторое время как будто препирался с двутелом, который издал слабое покашливание.

— Может, ему плохо? — тихо спросил Координатор Доктора.

— Нет, лучше, чем я ожидал. Он устал, но не хочет уходить отсюда. Я даже переливание крови не могу ему сделать: очевидно, если ему влить кровь нашего двутела, его красные кровяные тельца выпадут в осадок и...

— Тсс! — цыкнул Физик.

Репродуктор захрипел:

— План — есть, нет. Пауза. Теперь — план когда-то не был. Пауза. Теперь мутации, болезнь. Пауза. Информация подлинная — план был — теперь нет.

— Не уловил,— признался Инженер.

— Он говорит, что в настоящее время отрицается существование этого плана — как будто его вообще никогда не было, а мутации якобы являются видом болезни. В действительности план был проведен в жизнь, а потом его отбросили, не желая признать своего поражения.

— Кто?

— Эта их якобы несуществующая власть.

— Поймите,— сказал Инженер,— как же это? С момента, когда последний анонимный властитель перестал существовать, воцарилась как бы эпоха анархии, так, что ли? Так кто же проводил в жизнь этот план?

— Ты ведь слышал. Никто его не проводил — никакого плана не было. Так сегодня утверждают.

— Ну хорошо, но тогда, пятьдесят или сколько там лет назад?

— Тогда утверждали что-то другое.

— Нет, это невозможно понять.

— Почему? Ты ведь знаешь, что у нас на Земле существуют некоторые явления, о которых не принято говорить во всеуслышание, хотя о них знают. Например, даже чисто житейские взаимоотношения невозможны без некоторой дозы притворства. То, что у нас не определяющее, второстепенное, то у них — главный фактор.

— Все это запутано и неправдоподобно, — сказал Инженер. — А как с этим связан тот завод на севере?

— Он должен был производить что-то, связанное с осуществлением плана, может, аппаратуру для операций или объекты, которые были не нужны, но которые якобы могли понадобиться будущим реконструированным поколениям. Но это только мои предположения, — подчеркнул Кибернетик, — что они там должны были производить, мы не знаем.

— Таких заводов, наверное, должно было быть больше?

— Заводов, производных биологического плана, число маленькое или большое? Как много? — спросил Кибернетик.

Двуетел откашлялся, и калькулятор почти сразу же ответил:

— Неизвестно. Заводы — вероятно — много. Пауза. Информация — никаких заводов.

— Это, однако, какое-то общество... ужасающее! — вспыхнул Инженер.

— Почему? Ты что, никогда не слышал о военной тайне или о чем-то в этом роде?

— Какая энергия питает эти заводы? — повернулся Инженер к Кибернетику, но сказал это так близко к микрофону, что калькулятор сразу же перевел вопрос.

Репродуктор минуту погудел и продекламировал:

— Неорган — термин отсутствует — био. Пауза. Энтропия — константа — биосистема. — Остальное утонуло в усиливающемся гудении. На пульте зажегся красный огонек.

— Пробелы в словаре, — объяснил Кибернетик.

— Слушай, включим его поливалентно,— сказал ему Физик.

— Зачем? Чтобы он начал болтать, как шизофреник?

— Может, удастся больше понять.

— О чем речь? — спросил Доктор.

— Он хочет уменьшить селективность калькулятора,— объяснил Кибернетик.— Когда спектр значений какого-то слова недостаточно острый, калькулятор отвечает, что термин отсутствует. Если я включу его поливалентно, он начнет заниматься контаминацией — будет создавать словесные гибриды, каких нет ни в одном человеческом языке.

— Таким способом мы его лучше поймем,— настаивал Физик.

— Пожалуйста. Можем попробовать.

Кибернетик переключил штекеры. Координатор взглянул на двутела, который лежал теперь с закрытыми глазами. Доктор подошел к гиганту, некоторое время осматривал его и, ничего не сказав, вернулся на свое место.

Координатор сказал в микрофон:

— На юге — здесь — есть долина. Там — большие строения, в строениях скелеты, вокруг — могилы. Что это?

— Постой, могилы ничего не значат.

Кибернетик притянул к себе гибкую стойку микрофона.

— На юге — архитектурная конструкция, рядом с ней — в отверстиях в грунте — мертвые тела. Мертвые двутелы. Что это значит?

На этот раз калькулятор дольше обменивался скребущими звуками с двутелом. Они заметили, что впервые машина, казалось, сама от себя спрашивала о чем-то еще раз, наконец обращенный к ним репродуктор монотонно сообщил:

— Двутел — физическая работа нет. Пауза. Электрический орган — работа, да, но акселероинволюция — дегенерация — злоупотребление. Пауза. Юг — это экземплификация самоуправляемой прокрустики — пауза. Биосоциозамыкание — антисмерть. Пауза. Общественная изоляция — не сила, не принуждение. Пауза. Добровольность. Пауза. Микроадаптация группы — центросамотяг — продукция — да, нет. Пауза.

— Ну что, получил? — Кибернетик сердито посмотрел на Физика.— «Центросамотяг», «антисмерть», «биосоциозамыкание». Говорил я тебе! Пожалуйста, теперь расширявай.

— Постепенно расшифрую,— сказал Физик.— Это имеет что-то общее с принудительными работами.

— Неверно. Он сказал «не сила, не принуждение», «добровольность».

— Ну, так спросим еще раз.— Физик подтянул к себе микрофон.— Непонятно,— сказал он.— Скажи — очень просто — что на юге, в долине? Колония? Группа осужденных? Изоляция? Производство? Кто производит? Что? И зачем? С какой целью?

Калькулятор снова объяснился с двутелом — это продолжалось минут пять,— потом опять заговорил:

— Изоломикрогруппа — добровольность — интересцепление — принуждение — нет. Пауза. Каждый двутел — противигра — изоломикрогруппа. Пауза. Главная связь — центростремительный самотяг. Пауза. Связка — гневисть. Пауза. Кто вина — тот кара. Пауза. Кто кара — тот изоломикрогруппа — добровольность. Пауза. Интерессвязи возвратные — полииндивидуальные — сцепление — гневисть — самуцель. Пауза. Социопсихоциркуляция — внутренняя антисмерть. Пауза.

— Подождите! — крикнул Кибернетик, видя, что остальные беспомощно зашевелились.— Что это значит, «самуцель»? Какая цель?

— Самуцел...ение,— пробурчал калькулятор, который на этот раз вообще не обратился к двутелу.

— А! Инстинкт самосохранения! — крикнул Физик, а калькулятор поспешно объяснил:

— Инстинкт самосохранения. Да. Да.

— Ты хочешь сказать, что понимаешь, о чем он говорит?! — вскочил с места Инженер.

— Не знаю, правильно ли я понимаю, но догадываюсь — речь идет о какой-то разновидности их системы наказаний. Очевидно, это некие микрообщества, автономные группы, которые, так сказать, взаимно загнали друг друга в угол.

— Как это? Без охраны? Без надсмотрщиков?

— Да. Он же прямо сказал, что никакого принуждения нет.

— Это невозможно.

— Ну почему же? Представь себе двоих людей; у одного есть спички, у другого — коробок. Они могут друг друга ненавидеть, но огонь зажгут только вместе. Гневисть — это гнев и ненависть или что-нибудь близкое. Поэтому кооперация в группе возникает благодаря обрат-

ным связям, как в моем примере, но, конечно, это гораздо сложнее! Принуждение рождается как-то само по себе — его создает внутреннее положение группы.

— Ну хорошо, хорошо, но что они там делают? Что они там делают? Кто лежит в этих могилах? Зачем?

— Ты слышал, что сказал калькулятор? «Прокрустика». Очевидно, от прокрустова ложа.

— Вздор! Откуда двутел слышал о Прокрусте?!

— Калькулятор, а не двутел. Он выскивает наиболее близкие понятия в соответствии с резонансом в семантическом спектре! Там, в этих группах, ведется изнурительная работа. Возможно, что она не имеет никакой цели, никакого смысла, он сказал «продукция — да, нет» — значит, что-то производят, должны это делать, ибо таково наказание.

— Почему должны? Кто их заставляет, если там нет никакой охраны?!

— Какой ты упрямый! Насчет продукции я, может, и ошибаюсь, но принуждение создает ситуация. Ты что, не слышал о принудительных ситуациях? Скажем, на тонущем корабле вариантов спасения, из которых ты можешь выбирать, очень немного — может, у них под ногами всю жизнь палуба такого корабля?.. Поскольку физический труд, особенно изнурительный, приносит им вред, то здесь происходит какое-то «биозамыкание», возможно, в зоне электрического органа.

— Он говорил «биосоциозамыкание». Это должно быть что-то иное.

— Но нечто в этом роде. В группе существует сцепление — взаимное притяжение, то есть группа обречена вариться в собственном соку, изолирована от общества.

— Это страшно туманно. Что они там все-таки делают?

— Ну чего ты от меня хочешь? Я знаю столько же, сколько и ты. Ведь недоразумения и смещения значений накладываются одно на другое, не только с нашей стороны, но точно так же между калькулятором и двутелом — с другой! Может быть, у них есть специальная научная дисциплина — «прокрустика», теория динамики таких групп! Они заранее планируют тип действий, конфликтов и взаимных притяжений в ее сфере, функции распределены так, чтобы образовалось своеобразное равновесие, обмен,

циркуляция гнева, ненависти, чтобы эти чувства спаивали их и одновременно чтобы они не могли найти общего языка с кем-нибудь вне группы...

— Это твои личные вариации на тему шизофренических бредней калькулятора, а вовсе не объяснение! — крикнул Химик.

— Пожалуйста, займи мое место. Может, у тебя пойдет лучше.

Стало тихо.

— Он очень устал, — сказал Доктор. — От силы еще один-два вопроса. Больше нельзя. Кто хочет их задать?

— Я, — сказал Координатор. — Откуда ты узнал о нас? — бросил он в микрофон.

— Информация — метеорит — корабль, — ответил через минуту калькулятор, обменявшись несколькими короткими хриплыми звуками с двутелом. — Корабль — иной планеты — космическое излучение — дегенерация существ. Пауза. Несут смерть. Пауза. Стеглянистая изоляция с целью ликвидации. Пауза. Обсерватория. Пауза. Грохот. Произвел — пеленгование — направление звука — источник грохота — фокус попадания — ракета. Пауза. Пошел ночью. Пауза. Ждал — Защитник открыл изоляцию. Вошел — здесь. Пауза.

— Объявили, что упал корабль с какими-то чудовищами, да? — спросил Инженер.

— Да. Что мы дегенерировали под влиянием космического излучения. И что они намерены запереть нас, окружить этой стеклянистой массой. Он по звуку запеленговал направление обстрела, определил цель и таким образом нашел нас.

— Не боялся чудовищ? — бросил Координатор в микрофон.

— Не боялся — это ничего не значит. Сейчас, какое там было слово? Ага, гневисть. Может, так переведет.

Кибернетик повторил вопрос на странном жаргоне калькулятора.

— Да, — сразу ответил репродуктор. — Да. Но — шанс — один — на миллион — оборотов — планеты.

— Это понятно. Каждый из нас пошел бы, — понимающе кивнул головой Физик.

— Хочешь остаться с нами? Мы вылечим тебя. Смерти не будет, — медленно сказал Доктор.

— Нет, — ответил репродуктор.

— Хочешь уйти? Хочешь вернуться к своим?

— Возвращение — нет, — ответил репродуктор.

Люди переглянулись.

— Ты действительно не умрешь! Мы тебя действительно вылечим! — воскликнул Доктор. — Скажи, что ты хочешь сделать, когда будешь здоров?

Калькулятор заскрипел, двутел ответил одним звуком, таким коротким, что он был едва слышен.

— Нуль, — как бы колеблясь, сказал репродуктор.

И черз мгновение добавил, словно неуверенный, что его правильно поняли:

— Нуль. Нуль.

— Не хочет остаться, возвращаться — тоже, — буркнул Химик. — Может, он... бредит?

Все посмотрели на двутела. Его бледно-голубые глаза глядели на них неподвижно. В тишине было слышно его медленное глухое дыхание.

— Довольно, — сказал Доктор, вставая. — Выйдите все.

— А ты?

— Сейчас приду. Я два раза принимал психедрин, могу с ним еще немного посидеть.

Когда люди встали и двинулись к двери, малый торс двутела, до сих пор поддерживаемый как бы невидимой опорой, вдруг сломался — его глаза закрылись, голова бесильно упала назад.

— Слушайте, мы все время расспрашивали его, а почему он нас ни о чем не спросил? — спохватился в коридоре Инженер.

— Почему же, до этого и он спрашивал, — ответил Кибернетик. — Об отношениях, господствующих на Земле, о нашей истории, о развитии астронавтики — еще за каких-нибудь полчаса до вашего прихода он говорил значительно больше.

— Должно быть, очень ослаб.

— Наверно. Он получил большую дозу облучения, путешествие по пустыне должно было его здорово утомить, тем более что он довольно стар.

— Как долго они живут?

— Около шестидесяти оборотов планеты, то есть немного меньше шестидесяти наших лет. Эдем обращается вокруг своего солнца чуть быстрее, чем Зея.

— Как они питаются?

— Довольно своеобразно. Кажется, эволюция проходила тут иначе, чем на Земле. Они могут непосредственно усваивать некоторые неорганические субстанции.

— Действительно своеобразно,— сказал Инженер.

— Ага, грунт, который вынес тот, первый! — вдруг сообразил Химик.

Они остановились.

— Да, но таким способом двутелы питались тысячи лет назад. Теперь в нормальных условиях так никто не поступает. Эти тонкие чаши на равнине — как бы их аккумуляторы продовольствия.

— Это что, живые существа?

— Не знаю. Во всяком случае, они избирательно извлекают из глубины и накапливают вещества, которые служат двутелам пищей. Их много, разных видов.

— Да, очевидно, двутелы должны их разводить, вернее, возделывать,— сказал Химик.— На юге мы видели целые плантации этих чаш. Но зачем тот, который забрался в ракету, рылся в глине?

— Потому что после захода солнца чаши втягиваются под почву.

— Все равно глины было везде достаточно, а он выбрал именно эту, в ракете.

— Может, потому, что она была разрыхлена, а он — голоден. Мы не говорили об этом с нашим астрономом. Возможно, что тот двутел действительно бежал из долины на юге...

— Дорогие мои, идите-ка теперь спать,— обратился Координатор к Физику и Кибернетику,— а мы займемся делом. Скоро двенадцать.

— Двенадцать ночи?

— А как же. Я вижу, вы уже совсем потеряли счет времени?

— Ну, в таких условиях...

Позади послышались шаги. Из библиотеки вышел Доктор. Все испытующе смотрели на него.

— Спит,— сказал он.— Худо с ним. Когда вы вышли, я решил было...— Он не кончил.

— Но ты говорил с ним?

— Говорил. То есть... Понимаете, мне показалось, что это конец... Я спросил его, можем ли мы что-нибудь для них сделать. Для всех.

— И что он сказал?

— Нуль,— медленно повторил Доктор, и всем показалось, что они слышат мертвый голос калькулятора.

— Идите теперь и ложитесь,— сказал Координатор через мгновение.— Но я еще воспользуюсь тем, что мы все вместе, и спрошу вас — будем ли мы стартовать?

- Да,— сказал Инженер.
- Да,— произнесли Физик и Химик почти одновременно.
- Да,— присоединился Кибернетик.
- А ты? Молчишь? — спросил Координатор Доктора.
- Я размышляю. Понимаете, мне еще никогда не было так интересно...
- Понимаю, тебя интересует, как им можно помочь. Но теперь-то ты уже знаешь, что...
- Нет. Не знаю,— тихо сказал Доктор.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Часом позже по откинутой крышке грузового люка сполз Защитник. Инженер остановил его в двухстах метрах от стеклянистой стены, сходящейся кверху, словно недостроенный свод, и принялся за дело. Тьма гигантскими скачками убегала в глубь пустыни. Ослепительные гремящие бичи рассекали зеркальную стену, сочащиеся жаром плиты падали на грунт, белый дым бурлил над кипящим песком. Инженер оставлял куски строительного материала остывать и хлестал аннигилятором дальше, вырубая в своде окна, с которых стекали огненные сосульки. В мутной, полупрозрачной оболочке возникали ряды четырехугольных дыр, сквозь них открывались провалы звездного неба. Дым спиралями стлался по песку, в жилах стеклянистого колосса что-то пощелкивало, трещало, обломки затягивал темный жар. Наконец Защитник попятился к ракете. Инженер на расстоянии измерял радиоактивность. Счетчики предостерегающе гудели.

— Пришлось бы ждать минимум четверо суток,— сказал Координатор,— но мы пустим туда Черного и чистильщиков.

— Да, радиоактивность значительна только на поверхности. Достаточно будет сильной струи песка под давлением. А обломки нужно собрать в одном месте и закопать.

— Можно бы загрузить их в кормовой отстойник.— Координатор задумчиво смотрел на вишневый отсвет пылающих развалин.

— Зачем? — удивился Инженер.— Нам это ничего не даст, бесполезный балласт.

— Я предпочел бы не оставлять радиоактивных следов... Они не знают атомной энергии, и лучше, чтобы они ее не узнали...

— Может, ты и прав,— пробурчал Инженер.— Эдем...— добавил он через мгновение.— Ты знаешь, передо мной вырисовывается картина... После того, что рассказал этот двутел-астроном, вернее... калькулятор... жуткая картина...

— Да,— медленно кивнул Координатор.— Какое-то крайнее, потрясающе последовательное злоупотребление теорией информации. Оказывается, она может быть инструментом пыток более чудовищных, чем любые физические мучения. Селекция, торможение, блокировка информации — таким способом в самом деле можно культивировать геометрически точную, кошмарную «прокрустику», как сказал калькулятор.

— Как ты думаешь, они... он это понимает?

— Что значит — понимает? А... ты имеешь в виду, считает ли он такое состояние нормальным? Ну, в определенном смысле, пожалуй, да. Ведь ничего другого он не знает. Хотя он ссылается на их древнюю историю — тиранов, сначала обычных, потом анонимных, — значит, он обладает масштабом для сравнения. Да, наверно, если бы ему не с чем было сравнивать, он не сумел бы нам все рассказать.

— Если апелляция к тирании дает ему возможность вспомнить о лучших временах, то... благодарю...

— А все-таки... Это в некотором роде логичный путь развития. Какой-то очередной тиран, видимо, напал на мысль, что личная анонимность при существующей системе управления будет выгоднее. Общество, не имея возможности сконцентрировать сопротивление, направить враждебные чувства на конкретную особу, становится в какой-то мере морально разоруженным.

— Ах, ты это так понимаешь? Безличный тиран.

— Может, это ложная аналогия, но через некоторое время, когда теоретические основы этой их «прокрустики» сложились, кто-то из его наследников пошел еще дальше, ликвидировал — мнимо, конечно, — даже свое инкогнито, упразднил самого себя, саму систему правления. Конечно, исключительно в сфере понятий, слов, публичных высказываний...

— Но почему здесь нет никаких освободительных движений? Этого я не могу понять! Даже если они карают

недовольных, заключая их в автономные изолированные группы, ведь при отсутствии какой бы то ни было стражи, надзора, внешнего насилия возможно индивидуальное бегство и даже организованное сопротивление.

— Чтобы могла возникнуть организация, должны существовать средства взаимопонимания.— Координатор высунул через лаз башенки глазок счетчика Гейгера, треск которого как будто понемногу утихал.— Заметь, что определенные явления у них, вообще говоря, не лишены названия или связей с другими, но и названия и связи, которые выдаются за истинные,— маски. Уродства, вызванные мутациями, называются эпидемией какой-то болезни. То же самое, очевидно, происходит и со всем остальным. Чтобы покорить мир, нужно его сначала называть. Без знания, без оружия, без организации, отрезанные от других жителей планеты, немногое они могут сделать.

— Да,— сказал Инженер,— но эта сцена на кладбище, этот ров под городом, пожалуй, указывает на то, что порядок здесь все-таки не такой уж совершенный, как хотелось бы этому неизвестному властителю. А как наш двутел испугался стеклянистой стены, помнишь? Видно, не все идет здесь гладко.

Счетчик над их головами щелкал все ленивее. Обломки у стены, окружающей корабль, потемнели, только почва еще дымилась, и в столбе дрожащего воздуха странно покачивались звезды.

— Вот мы решили стартовать,— говорил Инженер,— а ведь мы могли бы лучше узнать их язык. Понять, как действует эта их проклятая власть, которая притворяется несуществующей. И... дать им оружие...

— Кому? Тем несчастным, похожим на нашего двутела? Ты дал бы ему в руки аннигилятор?

— Ну, для начала мы могли бы сами...

— Уничтожить эту власть, да? — спокойно подсказал Координатор.— Другими словами, освободить их силой.

— Если иного способа нет...

— Во-первых, это не люди. Ты не должен забывать, что в конце концов всегда разговариваешь с калькулятором и что двутела понимаешь постольку, поскольку понимает его сам калькулятор. Во-вторых, никто им того, что есть, не навязывал. По крайней мере, никто из космоса. Они сами...

— Рассуждая так, ты соглашаешься на все. На все! — крикнул Инженер.

— А как ты хочешь, чтобы я рассуждал? Разве население планеты — это ребенок, который зашел в тупик, откуда его можно вывести за ручку? Если бы это было так просто, Боже мой! Освобождение началось бы с того, что нам пришлось бы убивать, и чем яростнее была бы борьба, с тем меньшим разбором мы бы действовали, убивая в конце концов только для того, чтобы открыть себе путь для отступления или дорогу для контратаки, убивая всех, кто стоит перед Защитником, — ты-то хорошо знаешь, как это легко!

— Знаю, — буркнул Инженер. — Впрочем, — добавил он, — еще ничего не известно. Без сомнения, они наблюдают за нами, и эти окна, которые мы пооткрывали в их «непроницаемой» оболочке, наверняка им не понравятся. Думаю, что теперь мы можем ожидать очередной попытки.

— Да, это возможно, — согласился Координатор. — Я подумал даже, не выставить ли нам какие-нибудь посты. Электронные глаза и уши.

— Это потребовало бы массу времени и поглотило бы материалы, которых у нас не слишком много.

— И об этом я думал, потому и колеблюсь...

— Два рентгена в секунду. Уже можно посылать автоматы.

— Хорошо. Защитника на всякий случай лучше поднять наверх, в ракету.

После полудня небо затянулось тучами, и впервые с того момента, как люди попали на планету, пошел мелкий теплый дождь. Зеркальная стена потемнела, по ее выпуклостям с шумом сбегали маленькие ручейки. Автоматы работали неутомимо, песчаные струи, рвущиеся из пульсомоторов, скрежетали и шипели на поверхности вырезанных плит, осколки стекла взлетали в воздух; дождь превращал песок в жидкую грязь. Черный втаскивал в ракету через грузовой люк контейнеры, наполненные радиоактивными обломками, другой автомат проверял счетчиком герметичность крышек. Потом обе машины волокли уже очищенные плиты на места, указанные Инженером, где в брызгающих фонтанах искр, выбрасываемых сварочными аппаратами, большие глыбы размягчались в пламени дуги, схватывались друг с другом и превращались в основание будущего помоста.

Вскоре выяснилось, что строительного материала не хватит. Под вечер Защитник снова выполз из ракеты и остановился напротив продырявленных стен. Зрелище

было адским. Дождь все еще шел, он переходил в ливень. Неправильные квадратные солнца разрывали мрак ослепительным светом, гул ядерных взрывов смешивался с тупым шорохом пылающих глыб стекла; падая, они вспахивали почву, и тогда вверх рвались густые облака дыма и пара, лужи дождевой воды испарялись с пронзительным свистом, дождь вскипал в воздухе, не долетая до грунта, в высоте мириадами неподвижных радуг — розовых, зеленых, желтых — вспыхивали молнии. Угольно-черный в этом хаосе света Защитник отступал, медленно поворачивался на месте, поднимая тупое рыло, и снова громы и молнии сотрясали все вокруг.

— Это даже хорошо! — заорал Инженер в самое ухо Координатору. — Может, их отпугнет такая канонада и они оставят нас в покое! Понадобится еще минимум два дня.

Его залитое потом лицо — в башенке было жарко, как в печке, — казалось ртутной маской.

Когда они отправились отдыхать, автоматы снова вышли наверх и шумели до утра, таская за собой шланги песчаных насосов, грохоча плитами стекла. Около сварочных аппаратов дождь сверкал и искрился невыносимо яркой голубизной, грузовой люк глотал новые контейнеры с обломками, параболическая конструкция за кормой ракеты медленно росла, грузовой автомат и экскаватор работали под ее брюхом, ожесточенно вгрызаясь в склон холма.

Экипаж поднялся на рассвете. Часть стеклянного строительного материала была уже использована на крепление штольни.

— Это хорошая мысль, — сказал Координатор, когда все собрались в навигационной рубке у стола, заваленного рулонами чертежей. — Действительно, если бы мы начали убирать стойки, кровля могла бы внезапно завалиться под тяжестью ракеты, и она не только грохнулась бы, но еще и раздавила бы автоматы, а мы бы наверняка не смогли взлететь из этой ямы.

— А хватит нам потом энергии на полет? — спросил Кибернетик.

— На десять полетов. Если возникнет необходимость, мы можем аннигилировать обломки, которые лежат в отстойнике, но я уверен, что это не понадобится. Мы введем в штольню шланг от тепломагистрали и сможем точно регулировать температуру. Когда она достигнет точки плавления стекла, стойки начнут медленно оседать. Если

они будут плавиться слишком быстро, мы в любой момент можем впрыснуть в штольню порцию жидкого воздуха. Таким образом, до вечера вытянем ракету из грунта. Ну, а потом поставим вертикально.

— Это следующий этап,— сказал Инженер.

В восемь утра тучи разошлись и засияло солнце. Огромный цилиндр корабля, до сих пор беспомощно торчавший из склона холма, дрогнул. Инженер наблюдал за этим движением — с помощью теодолита он измерял медленное опускание кормы. Нос корабля был уже глубоко подкопан, пустоту, оставшуюся от вынутой глины, заполнил лес стеклянных столбов. Инженер стоял на значительном расстоянии от ракеты, почти у самой стены, которую ряды отверстий делали похожей на развалины выдутого из стекла Колизея.

Люди и двутелы покинули корабль на время этой операции. В какой-то момент Инженер увидел фигурку Доктора, который шел, огибая ракету сзади по большой дуге, но это промелькнуло, не оставив следа в его сознании. Он был слишком занят наблюдением за аппаратурой. Огромная тяжесть ракеты легла теперь на тонкий слой грунта и систему постепенно размякающих стоек. Восемнадцать толстых тросов бежало от кормовых колец к крюкам, вплавленным в самые массивные развалины стены. Инженер благословил эту стену — без нее работы провозились бы с опусканием и подъемом ракеты по крайней мере в четыре раза дольше.

По целой сети извивающихся в песке кабелей ток плыл к нагревательным трубам, уложенным внутри штольни. Вход в нее, хорошо видный сразу же под тем местом, где корпус ракеты врезался в склон, слабо дымился. Желто-серые испарения лениво ползли по не высохшей еще после ночного дождя почве. Корма ракеты опускалась мелкими рывками. Когда она начинала оседать резче, Инженер сдвигал левый зажим прибора; тогда из четырех окольцованных шлангов, уходящих в штольню, бил поток жидкого воздуха, и отверстие с грохотом изрыгало грязно-белые тучи.

Вдруг весь корпус судорожно задрожал, и до того, как Инженер успел повернуть зажим, более чем стометровый цилиндр с протяжным стоном наклонился, корма описала дугу и в долю секунды пролетела четыре метра; одновременно нос корабля вырвался из грунта. Выбросив вверх кучу песка и мергеля, керамитовый гигант замер. Он

придавил собой кабели и металлические шланги, один шланг лопнул. Из него брызнул воющий гейзер жидкого воздуха.

— Лежит! Лежит! — заорал Инженер.

Через мгновение он опомнился — рядом с ним стоял Доктор.

— Что? Что? — повторил Инженер, словно оглохнув, он никак не мог понять, что тот говорит.

— Кажется, мы возвращаемся домой, — сказал Доктор. Инженер молчал.

— Он будет жить, — сказал Доктор.

— Кто? О ком ты говоришь? А...

Инженер вдруг понял.

— И что? Полетит с нами? — спросил Инженер, шагнув к ракете. Он спешил, ему хотелось как можно скорее осмотреть носовую обшивку.

— Нет, — ответил Доктор.

Он пошел за Инженером, потом, как бы задумавшись, остановился. Явно похолодало: фонтан жидкого газа все еще бил из раздавленной трубы. На поверхности корпуса ракеты появились фигурки, одна из них исчезла, через несколько минут бурлящий столб газа осел, некоторое время еще брызгала пена, от которой леденел воздух. Неожиданно наступила полная тишина. Доктор огляделся, точно удивившись, как он сюда попал, и медленно двинулся вперед.

Ракета стояла вертикально — белая, белее пронизанных солнцем облаков, среди которых, казалось, уже плыла ее далекая заостренная вершина. Миновали три дня тяжелой работы. Погрузка была окончена. Большой параболический пандус из сваренных обломков стены, которая должна была запереть людей, тянулся вдоль склона холма. В восьмидесяти метрах над поверхностью планеты в открытом люке стояло четверо людей. Они смотрели вниз. Там, на буро-желтой плоской поверхности, виднелись две маленькие фигурки, одна немного светлее другой. Люди смотрели сверху, как они стоят: неподвижно, совсем близко, всего лишь в нескольких десятках метров от плавно расширяющихся дюзовых колец.

— Почему они не уходят? — нетерпеливо спросил Физик. — Мы не сможем стартовать.

— Они не уйдут, — сказал Доктор.

— Что это значит? Он не хочет, чтобы мы улетали?

Доктор знал, что это значит, но молчал.

Солнце стояло высоко. С запада плыли нагромождения туч. Из открытого люка, как из окна стрельчатой башни, неожиданно вознесшейся в пустыне, виднелись южные горы, поголубевшие, слившиеся с тучами вершины, большая западная пустыня — на сотни километров раскинулись полосы залитых солнцем барханов и фиолетовая шуба лесов, покрывающих склоны на востоке. Гигантское пространство лежало под небосводом с маленьким резким солнцем в зените. Кружевным каркасом тянулось внизу кольцо стены, тень ракеты двигалась по нему, как стрелка титанических солнечных часов, она уже приближалась к двум крохотным фигуркам.

С востока послышался гром, протяжным свистом отозвался воздух, и пламя сверкнуло из черного купола взрыва.

— Ого, это что-то новое, — сказал Инженер.

Снова гром. Невидимый снаряд выл все ближе, людей накрыл конус адского свиста, казалось, что зацепило нос ракеты — в нескольких десятках метров от корабля почва охнула и подпрыгнула вверх. Люди почувствовали, как он зашатался.

— Экипаж, по местам! — скомандовал Координатор.

— Но они!.. — гневно воскликнул Химик.

Люк захлопнулся.

В рубке не было слышно рева. На экранах заднего обзора по песку прыгали огненные кусты. Две светлые точки все еще стояли неподвижно у подножия ракеты.

— Застегнуть пояса! — приказал Координатор. — Готовы?

— Готовы, — отозвался экипаж вразнойбой.

— Двенадцать часов семь минут. К старту! Пуск!

— Включаю реактор, — сказал Инженер.

— Есть критическая, — сказал Физик.

— Циркуляция нормальная, — сказал Химик.

— Гравиметр на оси, — сказал Кибернетик.

Доктор, висая между вогнутым сводом и выложенным пенопластом полом, смотрел на задний экран.

— Стоят? — спросил Координатор, и все взглянули на него — это слово не относилось к ритуалу старта.

— Стоят, — ответил Доктор.

Ракета, задетая взрывной волной, вздрогнула.

— Старт! — громко сказал Координатор.

Инженер с мертвым лицом включил привод. Люди не слышали ничего, кроме очень слабых далеких взрывов,

которые происходили как будто в другом, ничего общего с людьми не имеющем мире. Медленно нарастал тихий, пронизывающий свист — все как бы растворилось в нем, растеклось; мягко покачиваясь, люди проваливались в объятия неодолимой силы.

— Стоим на огне,— сказал Инженер.

Это значило, что ракета оторвалась от грунта и выбрасывает ровно столько огненных газов, сколько необходимо, чтобы уравновесить собственную тяжесть.

— Нормальная синергическая,— сказал Координатор.

— Выходим за нормальную,— доложил Кибернетик.

Задрожали нейлоновые тросы. Лапы амортизаторов вышли из поршней и медленно поползли назад.

— Кислород! — крикнул Доктор, как бы проснувшись, и сам закусил эластичный мундштук.

Через двенадцать минут корабль вышел за пределы атмосферы. Не уменьшая скорости, он уходил в звездную черноту по виткам разматывающейся спирали. Семьсот сорок огоньков указателей, контрольных ламп, приборных шкал пульсировало, дрожало, мигало и сверкало в рубке. Люди расстегнули пояса и побросали карабины на пол. Они подходили к распределительным пультам, недоверчиво клали на них ладони, проверяли, не греются ли где-нибудь трубопроводы, не слышно ли шипения замыканий, подозрительно втягивали воздух — нет ли запаха огня, гари,— заглядывали в экраны, проверяли показания астродезических калькуляторов — все было таким, каким должно было быть: воздух чистый, температура нормальная, распределительный щит словно никогда и не превращался в груды обломков.

В навигационной рубке над картами склонились Инженер и Координатор.

Звездные карты были больше, чем стол, они свисали на пол, иногда рвались. Давно шли разговоры, что в навигационной нужен стол побольше, а то все топчут карты. Но стол оставался неизменен.

— Видел Эдем? — спросил Инженер.

Координатор непонимающе взглянул на него:

— Кто? Я?

— Сейчас. Погляди.

Координатор обернулся. На экране, гася близкие звезды, плыла огромная опаловая капля.

— Прекрасная планета,— сказал Инженер.— Потому мы и свернули с курса, что она такая прекрасная. Мы хотели только пролететь над ней.

- Да. Хотели только пролететь.
- Исключительный блеск. Другие планеты не такие прозрачно-чистые. Земля так просто голубая. Они все еще смотрели на экран.
- Остались,— тихо сказал Координатор.
- Да, он сам так захотел.
- Ты думаешь?
- Уверен. Он предпочел, чтобы мы, а не они. Это было все, что мы могли для него сделать.
- Некоторое время они молчали. Эдем удалялся.
- Какая чистая,— сказал Координатор.— Но... знаешь... По теории вероятности следует, что бывают еще прекраснее.

РАССЛЕДОВАНИЕ

роман

ГЛАВА I

Старомодный лифт со стеклянными узорчатыми дверцами полз вверх. Мерно щелкали контакты на этажах. Остановка. Четверо мужчин пошли по коридору, где, несмотря на дневное время, горели лампы.

Обитые кожей двери открылись.

— Прошу вас, джентльмены,— произнес стоявший в них человек.

Грегори вошел последним, вслед за врачом. Здесь тоже было почти темно. За окном в тумане проступали голые ветви деревьев.

Главный инспектор Шеппард вернулся к черному массивному столу с двумя телефонами и плоским микрофоном внутренней связи. На полированной его поверхности лежали очки, трубка и кусочек замши.

Садясь в глубокое кресло сбоку от стола, Грегори заметил портрет королевы Виктории, взиравшей на него со стены над головой главного инспектора. Тот оглядел их поочередно, как бы пересчитывая или припоминая лица. Боковая стена была закрыта большой картой Южной Англии, напротив высился длинный темный книжный стеллаж.

— Вы с этим делом знакомы, джентльмены,— произнес главный инспектор,— а мне оно известно только по протоколам. Поэтому попрошу вас коротко изложить факты. Может, начнете вы, Фаркварт?

— Слушаюсь, господин инспектор, но начало я тоже знаю только по протоколам.

— В самом начале не было и протоколов,— заметил Грегори несколько громче, чем следовало. Все уставились на него. С подчеркнутой непринужденностью он принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

Фаркварт выпрямился в своем кресле.

— Все началось примерно в середине ноября прошлого года. Возможно, первые случаи произошли раньше, но на них не обратили внимания. Первое полицейское донесение мы получили за три дня до Рождества, и только много позже, в январе, тщательное расследование выявило, что эти истории с трупами случались и раньше. Первое сообщение поступило из Энгендера. Оно носило, в сущности, полуофициальный характер. Смотритель морга Плейс жаловался коменданту местного полицейского участка, который, кстати, приходится ему зятем, что кто-то ночью передвигал трупы.

— В чем состояло это передвижение?

Шеппард методично протирал очки.

— В том, что трупы утром оказывались в ином положении, нежели накануне вечером. Точнее говоря, речь шла лишь об одном трупе, кажется, какого-то утопленника, который...

— Кажется? — безразличным тоном повторил главный инспектор.

— Все показания — это сведения из вторых рук, ведь сперва им не придавали значения,— пояснил Фаркварт. — Смотритель теперь не совсем уверен, был ли это труп именно того утопленника или какой-то другой. В деле нарушена формальная сторона: комендант участка в Энгендере Гибсон не запротоколировал это сообщение, потому что думал...

— Может, не стоит вдаваться в подробности? — бросил со своего кресла мужчина, сидевший под книжным стеллажом. Он расположился в самой свободной позе, закинув ногу на ногу так, что видны были желтые носки и полоска обнаженной кожи над ними.

— Боюсь, что это необходимо,— сухо возразил Фаркварт, не глядя на него.

Главный инспектор наконец надел очки, и его лицо, до той поры казавшееся бесстрастным, приобрело доброжелательное выражение.

— Формальную сторону расследования мы можем опустить, по крайней мере сейчас. Прошу вас продолжать, Фаркварт.

— Слушаюсь, господин инспектор. Второе сообщение мы получили из Плентинга, через восемь дней после первого. В нем тоже речь шла о том, что ночью кто-то передвинул труп в кладбищенском морге. Покойник, портовый рабочий по фамилии Тиккер, давно болел и сильно обременял семью.

Фаркварт искоса взглянул на Грегори, который нетерпеливо ерзал в кресле.

— Похороны должны были состояться утром. Члены семьи, явившись с морг, заметили, что труп лежит лицом вниз, то есть спиной кверху и, кроме того, с раскинутыми руками, что производило такое впечатление, будто человек... ожил. То есть так показалось родне. В округе распространились слухи о летаргическом сне; говорили, что Тиккер пришел в себя после мнимой смерти и так перепугался, найдя себя в гробу, что умер вторично, на этот раз окончательно.

— Это, разумеется, были сказки,— продолжал Фаркварт.— Местный врач констатировал смерть без всякого сомнения. Но слухи все расплзались, и тогда вспомнили, что люди поговаривают уже давно о так называемом передвижении трупов или, во всяком случае, о том, что за ночь они меняют положение.

— Что значит давно? — спросил главный инспектор.

— Точно установить невозможно. Слухи касались Шелтема и Диппера. В начале января было произведено первое более или менее систематизированное расследование местными силами, поскольку дело представлялось пустяковым. Показания местных жителей были в чем-то преувеличены, в чем-то противоречивы. Собственно говоря, никаких результатов. В Шелтеме речь шла о теле Самуэля Филти, умершего от сердечного приступа. Он якобы перевернулся в гробу в ночь под Рождество. Могильщик, который сделал это заявление, известен как горький пьяница, его слова никто не мог подтвердить. А в Диппере имелся в виду труп душевнобольной женщины, обнаруженной утром в морге на полу, около гроба. Поговаривали, что ее вышвырнула падчерица, которая ночью проникла в морг и проделала это из ненависти. Разобраться во всех этих сплетнях и слухах просто невозможно. Все ссылались на якобы очевидца, а тот на кого-то еще.

— Мы бы сдали это дело в архив,— Фаркварт заговорил чуть быстрее,— но шестнадцатого января из морга в Трикхилле исчезло тело некоего Джеймса Трейла. Дело поручили сержанту Пилу из нашего следственного отдела.

Труп был похищен из морга между двенадцатью ночи и пятью часами утра, когда владелец похоронного бюро заметил его отсутствие. Умерший был мужчина... лет примерно сорока пяти.

— Вы в этом не уверены? — спросил главный инспектор. Он сидел, опустив голову, словно разглядывая себя на полированной поверхности стола. Фаркварт откашлялся.

— Уверен. Так мне сообщили... Он скончался от отравления светильным газом. Произошел несчастный случай.

— Вскрытие? — поднял брови главный. Наклонившись в сторону, он потянул за рукоятку, которая открывала задвижку дымохода. В неподвижной духоте кабинета повеяло свежестью.

— Вскрытия не производилось, но мы убеждены, что это несчастный случай. Через шесть дней, двадцать третьего января, такой же случай произошел в Спиттоне. Там исчез труп двадцативосьмилетнего Джона Стивенса, рабочего, который накануне смертельно отравился, когда чистил котел на винокуренном заводе. Смерть наступила около трех часов пополудни, тело доставили в морг, где последний раз его видел сторож в девять вечера. Утром трупа уже не было. И это дело, как и предыдущее, вел сержант Пил, и тоже безрезультатно. Поскольку мы тогда еще не принимали в расчет возможной связи этих двух случаев с предыдущими...

— Давайте пока воздержимся от комментариев. Это облегчит нам обзор фактов, — заметил главный инспектор. Он учтиво улыбнулся Фаркварту, опустив сухую, легкую руку на стол. Грегори невольно засмотрелся на эту анемичную старческую руку, совершенно лишенную рисунка кровеносных сосудов.

— Третий случай произошел в Лоуверинге. Это уже в пределах Большого Лондона, — продолжал Фаркварт глухим голосом, как бы утратив охоту продолжать свой затянувшийся доклад. — У медицинского факультета там новая большая прозекторская. Оттуда исчез труп пятидесятилетнего матроса Стюарта Элони, скончавшегося в результате продолжительной тропической болезни, которую он подхватил во время рейса в Бангкок. Это произошло через девять дней после исчезновения трупа номер два, второго февраля, точнее, в ночь со второго на третье. На этот раз за расследование взялся Скотленд-Ярд. Вел его инспектор Грегори, и он же потом взял еще одно дело — о пропаже покойника из мертвецкой на пригородном кладбище в Броумли. Произошло это двенадцатого февраля, речь шла

о трупe женщины, умершей после операции по поводу рака.

— Благодарю вас,— сказал главный инспектор.— А почему отсутствует сержант Пил?

— Он болен, господин инспектор. Лежит в больнице,— отозвался Грегори.

— Да? А что с ним?

Грегори смешался.

— Я точно не знаю, но кажется, что-то с почками.

— Так, может быть, теперь вы доложите нам о ходе расследования?

— Слушаюсь, господин инспектор.

Грегори откашлялся, перевел дух и, стряхнув пепел мимо пепельницы, неожиданно тихо произнес:

— Хвастать нечем. Трупы во всех случаях исчезали ночью. На месте не обнаружено никаких следов и никаких признаков взлома. Да в этом, собственно, и не было необходимости. Как правило, двери в прозекторских не запираются или запираются так, что их откроет кривым гвоздем даже ребенок...

— Прозекторская была заперта,— впервые отозвался полицейский врач Сёренсен. Он сидел, откинув голову — так не бросались в глаза ее неприятные угловатые очертания,— и легко массировал пальцем мешки под глазами.

Грегори успел подумать, что Сёренсен правильно поступил, избрав профессию, которая позволяет общаться главным образом с покойниками. Он чуть ли не с придворной вежливостью отвесил доктору поклон.

— Вы меня опередили, доктор. В зале прозекторской, откуда исчез труп, мы обнаружили открытое окно. То есть оно было прикрыто, но не заперто, словно кто-то через него вылез.

— Сперва этот кто-то должен был войти,— нетерпеливо бросил Сёренсен.

— Очень тонкое наблюдение,— отбрил его Грегори, но тут же пожалел о своем выпадe и оглянулся на главного инспектора, который невозмутимо молчал, словно ничего не слышал.

— Этот зал расположен на первом этаже,— продолжал Грегори после неловкой паузы.— Вечером окно было заперто, как и все остальные, таковы показания служителя. Он настаивает, что все окна были заперты. Говорит, что сам проверял, поскольку похолодало и он опасался, что батареи могут замерзнуть. Прозекторские обычно

плохо отапливаются. Профессор Харви, заведующий кафедрой, наилучшего мнения об этом служителе. Профессор говорит, что человек он весьма педантичный и ему можно вполне доверять.

— В этой прозекторской есть где спрятаться? — спросил главный инспектор. Он оглядел собравшихся, как бы заново осознав их присутствие.

— Но... это, собственно говоря, исключено, господин инспектор. Для этого потребовалось бы сообщничество служителя. Кроме столов для производства вскрытия там нет никакой мебели, никаких темных углов и ниш. Есть шкафчики в стене для студенческих пальто и инструментов, но ни в одном из них не поместится даже ребенок.

— Это следует понимать дословно?

— Не понял?

— Ребенок, значит, не поместится? — спокойно поинтересовался Шеппард.

— Ну... — Грегори свел брови. — Ребенок, господин инспектор, поместился бы, но не старше семи-восьми лет.

— А вы измеряли эти шкафчики?

— Так точно, — последовал немедленный ответ. — Я измерил их все, так как подумал, что какой-то может оказаться бóльшим, но такого нет. Ни одного. Кроме того, на других этажах есть туалетные комнаты, залы для учебных занятий, в подвале — холодильная камера и склад препаратов, а на втором этаже — комнаты ассистентов и кабинет профессора. Все эти помещения служитель обходит вечером, даже по нескольку раз, такой уж он старательный. Об этом мне рассказывал профессор. Там никто не мог спрятаться.

— А если ребенок? — мягко подсказал главный инспектор. Он снял очки, как бы смягчая пронизательность своего взгляда.

Грегори энергично помотал головой.

— Нет, это невозможно. Ребенок не отворил бы окна. Там большие, высокие окна с двумя задвижками, вверху и внизу, которые открываются рычагом. Вот, как здесь. — Грегори указал на окно, откуда проникало холодное дуновение ветра. — Рычаги поворачиваются с большим трудом, служитель даже жаловался на это. Впрочем, я и сам пробовал.

— Он обращал внимание на то, как тяжело они поворачиваются? — произнес Сёренсен со своей загадочной усмешкой, которую Грегори не выносил. Он предпочел бы

обойти этот вопрос молчанием, но главный взирал на него выжидающе, поэтому он неохотно отозвался:

— Служитель сообщил мне об этом только тогда, когда я в его присутствии открывал и закрывал окна. Он не только педант, но и порядочный зануда. Брюзга,— выразительно подытожил Грегори, словно бы случайно глядя на Сёренсена. Он был доволен собой.— Впрочем, это естественно в таком возрасте,— добавил он примирительно.— Шестьдесят лет, склеро...— Он смешался и умолк. Главный инспектор был не моложе. Грегори отчаянно попытался что-нибудь придумать, но не сумел. Присутствующие сохраняли полную индифферентность. Он им это припомнит. Главный инспектор надел очки.

— Вы кончили?

— Так точно.— Грегори заколебался.— Собственно, это все. То есть, что касается этих трех случаев. При расследовании последнего я обратил особое внимание на сопутствующие обстоятельства, и прежде всего на движение той ночью в районе прозекторской. Констебли, которые несли службу на этом участке, ничего подозрительного не заметили. Начиная следствие, я весьма подробно изучил детали предыдущих происшествий: мне сообщил о них сержант Пил, да и сам я побывал во всех этих местах. Но не нашел ни одной нити, ни одного следа. Ничего, абсолютно ничего. Женщина, которая скончалась от рака, исчезла из морга при таких же обстоятельствах, что и тот рабочий. Утром явился кто-то из родных, а гроб пустой.

— Хорошо,— произнес главный инспектор,— благодарю вас. Вы можете продолжить, Фаркварт?

— Перейти к следующим? Слушаюсь, господин инспектор.

«Ему бы на флоте служить, он держится, как на поверке при подъеме флага, и так всю жизнь»,— подумал Грегори. Ему захотелось вздохнуть.

— Через семь дней, девятнадцатого февраля, исчез труп молодого портового рабочего, погибшего в автомобильной катастрофе. У него случилось внутреннее кровоизлияние в результате прободения желудка. Операция, как утверждали врачи, прошла успешно, но он не выкарабкался. Труп исчез на рассвете. Нам удалось установить время с исключительной точностью, поскольку около трех утра скончался некий Бартон. Его сестра, с которой он жил в одном доме, так боялась оставаться наедине с покой-

ником, что среди ночи подняла с постели владельца похоронного бюро. Словом, труп Бартон доставили в покойницкую ровно в три часа утра. Двое служащих бюро положили труп возле тела этого докера и...

— Вы хотели что-то добавить? — подбодрил его главный инспектор.

Фаркварт прикусил ус.

— Нет...— наконец произнес он.

Над зданием послышался протяжный, мерно нараставший гул авиационных моторов. Невидимый самолет пролетел на юг. Стекла отозвались тихим звоном.

— Дело в том,— решил Фаркварт,— что, укладывая доставленный труп, один из служащих отодвинул тело докера, потому что оно затрудняло ему подход. Так вот... он утверждает, что тело не было холодным.

— Хм,— поддакнул главный инспектор, словно речь шла о самой обычной вещи на свете.— Не было холодным. А как он определил это? Способны ли вы повторить его слова?

— Он сказал, что оно не было холодным. Это звучит идио... бессмысленно, но служащий стоял на своем. Он говорит, что сообщил об этом своему напарнику, но тот ничего не помнит. Грегори допрашивал их обоих, по отдельности, дважды...

Главный инспектор молча повернулся к Грегори.

— Этот служащий — очень болтливый и не внушающий особого доверия человек,— поспешил с пояснениями Грегори.— Такое создалось у меня впечатление. Тип из породы дураков, которые обожают привлекать к себе внимание и готовы в ответ на любой вопрос изложить всемирную историю. Утверждал, что это был летаргический сон «или еще того хуже» — по его выражению. Признаться, меня это удивило, ибо люди, профессионально работающие с трупами, в летаргический сон не верят, этому противоречат их опыт.

— А что говорят врачи?

Грегори молчал, уступая право голоса Фаркварту, а тот, словно недовольный тем, что пустяку уделяется столько внимания, произнес, пожав плечами:

— Смерть наступила накануне. Появились трупные пятна... посмертное окоченение... он был мертв, как камень.

— Что-нибудь еще?

— Да. Как и в предыдущих случаях, трупы были обряжены для похорон. Лишь труп Трейла, который исчез в

Трихилле, не был обряжен. Владелец похоронного бюро собирался заняться этим только на следующий день. Случилось так потому, что семья сразу не пожелала предоставить одежду. То есть забрала ее. А когда принесли другую, труп уже исчез...

— А в остальных случаях?

— Труп женщины также был обряжен. Той, которую оперировали.

— В чем она была?

— Ну... в платье.

— А туфли? — спросил главный инспектор так тихо, что Грегори подался вперед.

— Она была в туфлях.

— А последний труп?

— Последний?.. Нет, он был не обут, но одновременно, похоже, исчезла занавеска, отделявшая небольшую нишу в глубине морга. Это было черное полотнище на металлических кольцах, которые перемещались по тонкому карнизу. На кольцах сохранились обрывки полотна.

— Оно было сорвано?

— Нет. Карниз тонкий и не выдержал бы резкого рывка. Это обрывок...

— Вы пытались сорвать его?

— Нет.

— Откуда же вам известно, что он не выдержал бы рывка?

— Ну так, на глаз...

Главный инспектор задавал вопросы спокойно, всматриваясь в стекло шкафчика, отражавшее прямоугольник окна. Делал он это, как бы размышляя о чем-то другом, однако вопросы сыпались быстро, так быстро, что Фаркварт едва успевал отвечать.

— Хорошо,— заключил главный инспектор.— Эти обрывки... их посылали на экспертизу?

— Так точно. Доктор Сёренсен...

Врач перестал массировать свой острый подбородок.

— Полотно было сорвано, или, вернее, перетерто с немалым трудом, а не отрезано. Это несомненно. Так, словно бы... его кто-то отгрыз. Я даже сделал несколько проб. Микроанализ это подтверждает.

Наступила краткая пауза. Издали донесся шум летящего самолета, приглушенный туманом.

— Кроме занавески еще что-нибудь исчезло? — спросил наконец главный инспектор.

Доктор поглядел на Фаркварта, тот кивнул.

— Да. Рулон пластыря, большой рулон пластыря, забытый на столике у входной двери.

— Пластырь? — повел бровями главный инспектор.

— Они пользуются им для поддержания подбородка... чтобы не отпадала челюсть, — пояснил Сёренсен. — Кладбищенская косметика, — добавил он с сардонической усмешкой.

— Это все?

— Да.

— Ну, а труп в прозекторской? Он тоже был в одежде?

— Нет. Но этот вопрос... об этом случае уже докладывал Грегори.

— Я забыл сказать... — торопливо начал Грегори, чувствуя неловкость оттого, что его уличили в рассеянности. — Тело было без одежды, но служитель не досчитался одного медицинского халата и двух пар белых холщовых брюк, какими студенты пользуются летом. Не хватало также нескольких пар тапок на деревянной подошве. Правда, он говорил мне, что подобные вещи всегда пропадают, он подозревает, что прачка либо теряет, либо крадет их.

Главный инспектор глубоко вздохнул и стукнул очками о стол.

— Благодарю. Доктор Сисс, могу ли я теперь попросить вас?

Не меняя небрежной позы, Сисс буркнул что-то непонятное и продолжал торопливо делать какие-то записи, подложив под блокнот свой открытый портфель, который подпирал острым, высоко поднятым коленом.

Склонив набок птичью, уже лысеющую голову, он с шумом защелкнул портфель, сунул его под кресло, растянул тонкие губы, словно собираясь свистнуть, и встал, потирая распухшие, изуродованные артритом суставы рук.

— Приглашение моей особы я рассматриваю как полезное новшество, — произнес он высоким, срывающимся на фальцет голосом. — Я по привычке легко перехожу на лекторский тон. Это может вас не устраивать, но тут ничего не поделаешь. Всю эту серию случаев, о которой идет речь, я изучил, насколько было возможно. Классические методы расследования — коллекционирование следов и поиски мотивов — себя абсолютно не оправдали. Поэтому я прибег к статистическому методу. Что он дает? На месте преступления часто можно определить, какой факт имеет с ним связь, а какой нет. Например, очертания

кровавых пятен рядом с телом убитого связаны с преступлением и могут многое сказать о развитии событий. А то, какие облака проплывали над домом в день убийства, кучевые или перистые, были перед домом алюминиевые телефонные провода или медные, можно считать несущественным. Что же касается нашей серии, то наперед вообще невозможно определить, какие сопутствующие факты были связаны с преступлением, а какие нет.

— Если бы подобный случай оказался единственным, — продолжал Сисс, — наш метод не удалось бы применить. К счастью, их было больше. Разумеется, количество предметов и явлений, в критический час находившихся или происходивших близ места происшествия, практически бесконечно. Но поскольку мы имеем дело с целой серией, следует основываться главным образом на тех фактах, которые сопутствовали всем или почти всем происшествиям. Итак, воспользуемся методом статистического сопоставления. Метод этот до сих пор почти не применялся при расследованиях, поэтому я рад продемонстрировать его сейчас вместе с первыми результатами.

Долговязый доктор Сисс, который до этого момента стоял за своим креслом, как за кафедрой, сделал несколько шагов к двери, неожиданно вернулся, склонил голову и продолжил, глядя в пространство между сидящими:

— Итак, во-первых. Прежде самого явления имела место стадия — назовем ее так условно — его предвестий. Трупы меняли положение. Одни переворачивались спиной вверх, другие на бок, третьи оказывались подле гроба на полу. Во-вторых, все исчезнувшие покойники, за одним исключением, — мужчины в расцвете сил. В-третьих, каждый раз, кроме первого случая, некто позаботился о каком-либо покрытии для тела. Дважды это была одежда, один раз, вероятно, медицинский халат и белые брюки, а еще раз — черная полотняная занавеска. В-четвертых, это всегда были трупы, не подвергавшиеся вскрытию, хорошо сохранившиеся и, как правило, не имевшие повреждений. Все случаи произошли до истечения тридцати часов с момента смерти. Эта деталь заслуживает внимания. В-пятых, все случаи, опять же за исключением одного, произошли в кладбищенских мертвецких маленьких городках, куда проникнуть обычно нетрудно. Сюда не вписывается только исчезновение тела из прозекторской.

Сисс обратился к главному инспектору:

— Мне необходим мощный рефлектор. Могу я получить нечто подобное?

Инспектор включил микрофон и тихо произнес несколько слов. В затянувшемся молчании Сисс неторопливо извлек из своего огромного, как мешок, кожаного портфеля многократно сложенный кусок кальки, покрытый цветными рисунками. Грегори смотрел на это со смешанным чувством неприязни и любопытства. Его раздражало высокомерие, которое выказывал ученый. Он погасил сигарету и тщетно пытался определить, что скрывает лист кальки, шелестящий в неловких руках Сисса.

Тот разложил кальку на столе, разгладил перед носом главного инспектора, словно не замечая его, подошел к окну и взглянул на улицу; при этом он держал пальцы одной руки на запястье другой, как бы измеряя себе пульс.

Дверь открылась, вошел полисмен с алюминиевым рефлектором на длинном штативе и вставил вилку в розетку. Сисс включил лампу, дождался, пока дверь за полисменом закроется, и направил круг света на большую карту Англии. Потом накрыл ее калькой. Поскольку карта не просматривалась сквозь матовую бумагу, он принялся передвигать рефлектор. Затем снял карту со стены и неловко пристроил ее на вешалке, которую передвинул из угла на середину комнаты. Рефлектор он поместил сзади, так что теперь свет насквозь просвечивал карту с наложенной на нее калькой, которую он держал в широко раздвинутых руках. Это была чрезвычайно неудобная поза — с раскинутыми и поднятыми вверх руками.

Сисс еще пододвинул вешалку ногой и замер. Повернув голову к слушателям, он наконец начал:

— Обратите внимание на местность, где происходили события.

Голос доктора зазвучал еще выше, возможно, из-за старательно маскируемых усилий.

— Первое исчезновение произошло в Трикхилле, шестнадцатого января. Прошу запоминать места и даты. Второе — двадцать третьего января — в Спиттоне. Третье — в Лоуверинге, второго февраля. Четвертое — в Броумли, двенадцатого февраля. Последний случай имел место в Льюисе, девятнадцатого февраля. Если за исходную точку принять место первого происшествия и обвести его кругами все больших радиусов, то мы констатируем то, что представляет рисунок на моей кальке.

Луч света мощно и выразительно ограничил часть Южной Англии, прилегающую к Ла-Маншу. Пять концен-

трических кругов включали пять населенных пунктов, обозначенных красными крестиками. Первый виднелся в центре, последующие располагались ближе к проведенным окружностям, вплоть до самой отдаленной.

Грегори просто измучился, ожидая признаков усталости у Сисса, чьи поднятые руки, державшие края карты, даже не дрожали.

— Если вы пожелаете,— резким голосом объявил Сисс,— то позже я могу представить подробности моих подсчетов. Сейчас же я сообщу только их результат. С каждой новой датой места происшествий смещались дальше от центра, то есть от места первого преступления. Проявляется и другая закономерность: интервалы времени между отдельными случаями все увеличиваются, правда, не в какой-то определенной пропорции. Если, однако, принять во внимание дополнительный фактор — температуру, то выявится некая новая закономерность, а именно: производная от времени между двумя происшествиями и разницы в удаленности двух очередных мест исчезновения трупов от центра остается величиной неизменной, если умножить ее на разницу температуры в обоих случаях...

— Таким образом,— продолжал после паузы Сисс,— мы получим постоянную величину от пяти до девяти сантиметров на секунду и на градус. Я говорю: от пяти до девяти, поскольку точное время исчезновения ни в одном из случаев установлено не было. Мы всегда имеем дело с широким, многочасовым промежутком времени в течение ночи, либо, точнее, во второй половине ночи. Если за реальную величину константы примем среднее — семь сантиметров, то тогда после выполнения подсчетов, которые я произвел, поражает любопытная вещь. Причина явления, которое равномерно перемещалось от центра к окружности этого района, находится не в Трикхилле, но смещается в западном направлении, к населенным пунктам Танбридж-Уэлс, Энгендер и Диппер... то есть туда, где кружили слухи о переворачивании трупов. Если же решиться на эксперимент и попытаться совершенно четко локализовать геометрический центр явления, то он окажется отнюдь не в морге, а в восемнадцати милях на юго-запад от Шелтема — в районе болот и пустошей Чинчесс...

Инспектор Фаркварт, который слушал это резюме, багровея от гнева, не выдержал.

— Вы хотите тем самым сказать,— взорвался он,— что из этих проклятых болот вылез какой-то невидимый дух,

который, проплывая по воздуху, поочередно похищал один труп за другим?!

Сисс медленно сворачивал свой рулон. Худой и черный на фоне зеленовато светящейся карты, просвечиваемой рефлектором, он больше чем когда-либо смахивал на птицу — болотную, подумал Грегори. Он старательно упрятал кальку в свой бездонный портфель, распрямился и вдруг, покрывшись красными пятнами, холодно взглянул на Фаркварта.

— Я ничего не хочу сказать кроме того, что вытекает из статистического анализа,— заявил он.— Существуют связи близкие, например, между яйцами, копченой грудинкой и желудком, а также связи отдаленные, менее очевидные, например, между политическим режимом в стране и средним возрастом вступающих в брак. Всегда, однако, можно вести речь об определенной корреляции, дающей основания для разговора о следствиях и причинах...

Большим, аккуратно сложенным носовым платком он вытер мелкие капельки пота на верхней губе, спрятал платок в карман и продолжал:

— Эту серию случаев трудно объяснить. Следует воздержаться от всякой предвзятости. Если предвзятость будет проявлена с вашей стороны, мне придется отказаться от этого дела, как и от сотрудничества со Скотленд-Ярдом.

Он выждал с минуту, как бы в надежде, что кто-то поднимет брошенную перчатку, после чего, подойдя к стене, погасил рефлeктор. Стало почти совсем темно. Сисс долго нащупывал выключатель, вода рукой по стене.

Вспыхнувший под потолком свет совершенно преобразил комнату. На вид она сделалась меньше, а ослепленный, моргающий главный инспектор вдруг напомнил Грегори его старого дядюшку. Сисс вернулся к карте.

— Когда я приступил к исследованиям, с момента первых двух происшествий прошло уже столько времени, или же, что вернее, полиция уделила им в своих отчетах так мало внимания, что точная реконструкция фактов, позволяющая установить, что происходило час за часом, оказалась невозможной. Поэтому я ограничился тремя остальными случаями. Во всех трех случаях стоял туман, причем два раза густой, а один раз — чрезвычайно густой. Кроме того, в радиусе нескольких сот метров проезжали различные автомобили — не было, правда, никаких подозрительных, но я не очень понимаю, в чем надо было их подозре-

вать. Ведь никто не отправился бы на такое дело в автомобиле с надписью «перевозка украденных трупов»? Машину можно было бы, вероятно, оставить на весьма значительном расстоянии от места похищения. Наконец, я узнал, что во всех трех случаях в сумерках — напоминаю, что исчезновение всегда происходило ночью, — поблизости замечены... — Сисс сделал короткую паузу и тихим, но отчетливым голосом закончил, — какие-то домашние животные, которых там обычно не встречали, по крайней мере мои собеседники их раньше там не видели. Дважды это были коты, один раз собака.

Послышался короткий смешок, неловко прикрытый имитацией кашля. Смеялся Сёренсен. Фаркварт не пошевелился, не отозвался, даже когда Сисс отпускал сомнительные шуточки относительно подозрительных автомашин.

Грегори перехватил мгновенный взгляд, который главный инспектор бросил на Сёренсена. В нем не было ни упрека, ни даже суровости, лишь физически ощутимая тяжесть.

Доктор кашлянул еще раз, затем воцарилась тишина. Сисс поглядывал в темнеющее окно над их головами.

— Статистический вес последнего наблюдения на вид незначителен, — продолжал он, все чаще срываясь на фальцет. — Я убедился, однако, что в этих окрестностях бездомные собаки и кошки практически не встречаются. Кроме того, одно из этих животных — а именно собаку — обнаружили сдохшим на четвертый день после исчезновения трупа. Приняв это к сведению, я позволил себе в последнем случае, когда вечером неподалеку от места происшествия видели кота, объявить награду за нахождение останков этой твари. Сегодня утром мне сообщили данные, сделавшие меня беднее на пятнадцать шиллингов. Кот валялся в кустарнике под снегом, его нашли школьники примерно в двухстах шагах от кладбищенского морга.

Сисс не спеша подошел к окну, как бы желая выглянуть во двор, но там уже ничего не было видно, кроме одинокого, тусклого уличного фонаря, раскачивавшегося при порывах ветра.

Он долго молчал, кончиками пальцев поглаживая лацкан своего слишком просторного пиджака.

— Вы закончили, доктор?

На голос Шешарда Сисс обернулся. Слабая, почти мальчишеская улыбка внезапно преобразила его личико,

на котором все черты были непропорциональными: мелкие подушечки щек под серыми глазами, срезанная челюсть, отчего казалось, будто у него нет подбородка...

«Ведь он же просто мальчишка, вечный юноша... и такой милый!» — с изумлением подумал Грегори.

— Я хотел бы сказать еще два слова, но потом, в качестве заключения,— произнес Сисс и возвратился на свое место.

Главный инспектор снял очки. У него были утомленные глаза.

— Хорошо. Фаркварт, прошу. Вы можете что-то сказать по этому делу?

Фаркварт отозвался с неохотой:

— По правде говоря, немного. Я по старинке размышлял над всей этой серией, как называет ее доктор Сисс. Думаю, что по крайней мере некоторые слухи должны соответствовать истине. Вопрос, пожалуй, ясен — преступник пытался в Шелтеме или где-то еще похитить труп, но его спугнули. Ему удалось это сделать только в Трихилле. Тогда он был еще новичком, похитил обнаженный труп. Видимо, он не сориентировался, что транспортировка в подобном виде неизбежно создаст значительные трудности, во всяком случае ббльшие, нежели перевозка не так бросающихся в глаза трупов в одежде. Именно поэтому он изменил тактику, позаботившись об одеянии. Кроме того, выбор трупов не был вначале оптимальным — я имею в виду то, что доктор Сисс определил как поиски тела в хорошем состоянии. В морге в Трихилле находился еще труп молодого человека, чье тело сохранилось лучше, чем то, которое исчезло. Вот, пожалуй, и все...

— Остается мотивация преступления,— продолжил он несколько секунд спустя.— Мне видятся такие варианты: некрофилия, безумие или действие какого-нибудь, скажем так, ученого. Думаю, что оценку мотивов лучше даст доктор Сёренсен.

— Я не психолог и не психиатр,— почти презрительно бросил врач.— Некрофилию, во всяком случае, можно исключить. Ею страдают исключительно личности с тяжелой формой дефективности, дебилы, кретины, наверняка неспособные планировать какую-либо сложную акцию. Это не подлежит сомнению. Далее, по моему мнению, следует исключить сумасшествие. Тут ничего случайного, слишком большая скрупулезность, никаких проколов —

такой логики в действиях сумасшедшие вообще не обнаруживают.

— Паранойя? — вполголоса предположил Грегори.

Врач недовольно поглядел на него. С минуту он, казалось, с сомнениями дегустировал это слово на кончике языка, потом скривил свои тонкие лягушачьи губы.

— Нет. То есть я так не думаю, — сгладил он категоричность своего возражения. — Безумие, простите, это не мешок, в который можно сваливать все людские поступки с непонятными для нас мотивами. У безумия имеется своя структура, своя логика поведения. Если уж на то пошло, нельзя исключить возможности, что какой-то тяжелый психопат, да, психопат, именно психопат мог бы оказаться виновником. Это единственная возможность...

— Психопат со склонностями к математике, — заметил, словно бы неохотно, Сисс.

— Как вы это понимаете? — Сёренсен заглядывал в лицо Сиссу с глуповато-насмешливой улыбкой, в которой было нечно оскорбительное. Он не успел закончить.

— Ну, психопат, который прикинул, как будет забавно, если производное от разницы в расстоянии и времени между очередными случаями, помноженное на разницу температур, окажется некоторой постоянной, константой.

Сёренсен нервным движением погладил себя по колену, потом принялся барабанить по нему пальцами.

— Почему я знаю. Можно множить и делить про себя разные вещи, длину тростей и ширину шляп, например, и из этого будут образовываться разные постоянные или переменные.

— Вы считаете, что тем самым высмеиваете математику? — начал Сисс. Видно было, что у него на языке вертится какое-то острое словцо.

— Простите. Я хотел бы услышать ваше мнение о третьем возможном мотиве. — Шеппард снова поглядел на Сёренсена.

— Об этом ученом? Который похищает трупы? Нет. Откуда! Что вы! Ученый, который ставит эксперименты на трупах? Ни за что на свете! Идея из третьеразрядного фильма. Зачем красть труп, когда можно достать его в какой-нибудь прозекторской, и к тому же безо всяких трудностей, или же выкупить у семьи? Такие вещи бывают. Кроме того, ни один ученый не работает теперь в одиночку, и, если бы даже он похитил труп, не

знаю только зачем, ему не удалось бы скрыть этого от коллег, сотрудников. Подобный мотив можно преспокойно исключить.

— Что же, по вашему мнению, остается? — спросил Шеппард. Его аскетическая физиономия не выражала ничего.

Грегори поймал себя на том, что беззастенчиво рассматривает своего начальника, словно изучает какое-то изображение. «Он и вправду таков или таким сделали его усталость и опыт?» — подумалось ему.

Он размышлял среди тяжелого, неприятного молчания, которое воцарилось после слов главного инспектора. В темноте за окнами опять раздался рев авиационных двигателей, взмыл басовитым грохотом вверх и стих. Стекла дрожали.

— Психопат или ничто, — неожиданно произнес доктор Сисс. Он улыбался, он действительно был в хорошем настроении. — Как справедливо заметил доктор Сёренсен, действия психопата обычно выглядят иначе, их отличают импульсивность, недомыслие, вызванные эмоциональным сужением поля внимания, просчеты. Словом, нам остается — ничто. Это означает, что такого не могло произойти.

— Вы чересчур остроумны, — буркнул Сёренсен.

— Господа, — отозвался Шеппард, — меня удивляет снисходительное отношение к нам со стороны прессы. Это следовало приписать, как я думаю, ближневосточному конфликту. Общественное мнение было поглощено им, но это до поры до времени. В настоящий момент мы можем ждать нападок на Скотленд-Ярд. Итак, что касается чисто формальной стороны — расследование должно продолжаться. Я хотел бы знать, что уже сделано, и, в частности, какие шаги предприняты для обнаружения похищенных трупов.

— Это дело инспектора Грегори, — сказал Фаркварт. — Он получил от нас полномочия две недели назад и с тех пор всем занимается сам.

Грегори поддакнул, делая вид, что не уловил в этих словах скрытого упрека.

— После третьего случая, — сказал он, — мы прибегли к самым радикальным мерам. Сразу после получения рапорта об исчезновении трупа мы блокировали район в радиусе почти ста километров, ведя розыски всеми местными силами, задействовали дорожные, авиационные патрули, кроме того, мы вызвали из Лондона два отряда

машин с рациями — с тактическим центром в Чичестере. Все перекрестки, железнодорожные переезды, заставы, выезды на автострады и дороги из заблокированного района находились у нас под контролем — все напрасно. Мы задержали пять человек, разыскиваемых по другим делам, но, что касается нашего, тут результатов никаких. Я хотел бы обратить внимание на последний случай. Блокада района в радиусе ста километров крайне обременительна и не дает стопроцентной гарантии, что ячейки сети достаточно малы, чтобы исключить возможность исчезновения виновника. Вполне вероятно, что в предыдущих случаях, то есть во втором и третьем, преступник покинул оцепленный район прежде, чем его блокировали наши посты. Потому что в его распоряжении было достаточно времени, один раз едва ли не шесть, а во второй раз около пяти часов. Я, естественно, думаю, что он располагал машиной. Однако в последнем случае исчезновение произошло в интервале от трех до четырех пятидесяти утра. В распоряжении преступника имелся максимум час сорок пять минут, чтобы успеть скрыться. Так вот, это была типично мартовская ночь с бурей и метелью, сменившимися вечерний туман, все дороги вплоть до следующего полудня были заметены и завалены сугробами. Преступник вынужден был, очевидно, воспользоваться мощным трактором. Говорю это вполне ответственно, поскольку у нас возникли неслыханные трудности с вытягиванием наших патрульных машин, как местных, так и тех, которые спешили по нашему вызову из района Большого Лондона: мы использовали резерв уголовно-следственного отдела.

— Итак, вы утверждаете, что ни одна машина не могла выбраться на юг из района Льюиса?

— Да.

— А сани?

— Технически это было бы возможно, но не в то время, которым располагал преступник. Ведь сани не пройдут больше пятнадцати километров в час, а по такому снегу скорость и того меньше. Даже на самых лучших лошадях он не сумел бы прорваться на юг из кольца радиусом в восемьдесят километров.

— Хорошо, инспектор, но ведь вы сами говорили, что такая блокада района не дает абсолютной уверенности, — мягко произнес Шеппард. — Стопроцентный контроль — всего лишь идеал, к которому мы стремимся...

— Он же мог унести труп в мешке, следуя пешком напрямик, полями,— заметил Фаркварт.

— Смею утверждать, что это невозможно,— сказал Грегори. Он хотел сохранить спокойствие, но чувствовал, что неудержимо краснеет. У него появилось настойчивое желание подняться, и он едва сдержал себя.

— В шесть утра ни один экипаж не мог выехать из зоны оцепления, ручаюсь,— заявил он.— Через снежные заносы мог в крайнем случае пробиться пеший, но не с таким грузом, как тело взрослого человека. Скорее всего, он бы бросил его...

— Возможно, и бросил,— заметил Сёренсен.

— Я думал и об этом. Мы прочесали все окрестности, нашу задачу облегчила оттепель, которая наступила как раз под утро. Но мы ничего не обнаружили.

— Ваши рассуждения не столь безупречны, как вам кажется,— внезапно вмешался в беседу Сисс.— Во-первых, вы не нашли дохлого кота, что обязательно произошло бы, если бы вы вели достаточно скрупулезные поиски...

— Простите, но мы разыскивали труп человека, а не дохлую кошку,— сказал Грегори.

— Хорошо. Слишком много, однако, возможностей спрятать труп в таком обширном районе, чтобы можно было заявлять, что его там наверняка нет.

— Похититель мог также закопать тело,— добавил Фаркварт.

— Украл, чтобы закопать? — с невинной миной спросил Грегори.

Фаркварт фыркнул:

— Мог закопать, видя, что удрать не удастся.

— А откуда ему знать, что удрать не удастся? Ведь мы не объявляли по радио, что дороги перекрыты,— отрезал Грегори.— Разве что у него был информатор или если он сам — сотрудник полиции.

— А это очень даже недурная мысль,— улыбнулся Сисс.— Кроме того, господа, вы не исчерпали всех возможностей. Есть еще вертолет.

— Ну, это нонсенс.— Доктор Сёренсен не скрывал пренебрежения.

— Почему? Разве в Англии нет вертолетов?

— Доктор считает, что у нас проще с психопатами, чем с вертолетами,— заметил Грегори и удовлетворенно улыбнулся.

— Простите, но на такой разговор мне жаль тратить время.

Сисс снова открыл свой портфель, извлек из него толстую машинописную рукопись и, вооружившись ручкой, начал ее просматривать.

— Джентльмены! — Голос Шеппарда заставил всех замолчать. — Тот факт, что преступник мог ускользнуть из оцепленного района, нельзя сбрасывать со счетов. Это вы, коллега Грегори, должны учитывать и на будущее. Что касается вертолета... прибережем его на крайний случай, попозже...

— Как и разную пададь, — добавил Сёренсен.

Сисс не отозвался, как бы погрузившись в рукопись.

— Поиски трупов следует продолжать, — говорил Шеппард. — Надо планировать эту акцию широко, распространить ее на портовые города. Деликатный контроль судов, особенно мелких посудин, не будет напрасным. Кто-нибудь из вас хочет еще что-то сказать? Имеется еще какая-нибудь гипотеза? Какая-то идея? Может быть, даже слишком смелая?

— Мне кажется, нельзя... — одновременно начали Грегори и Фаркварт. Они поглядели друг на друга и замолчали.

— Я вас слушаю...

Никто не отозвался. Зазвонил телефон. Шеппард отключил его и поглядел на собравшихся. Табачный дым синеватым облачком расплзлся под лампой. С минуту царило молчание.

— Ну, тогда скажу я, — произнес Сисс. Он аккуратно сложил и спрятал в портфель свою рукопись. — Я применил константу распространения явления, о которой упоминал, чтобы предугадать дальнейшее развитие событий.

Он поднялся и красным карандашом заштриховал на карте зону, охватывающую часть графств Сассекс и Кент.

— Если следующий случай произойдет в промежутке между нынешним днем и концом будущей недели, то случится это в секторе, границы которого образуют на севере предместья Ист Уикэм, Кроудон и Сорбитон, на западе — Хоршем, на юге — прибрежная полоса Ла-Манша, а на востоке — Ашфорд.

— Очень большая территория, — с сомнением пробурчал Фаркварт.

— Вообще нет, поскольку необходимо исключить из нее весь внутренний круг, в котором имели место предыдущие

случаи. Явление характеризуется центробежной экспансией, следовательно, остается лишь закругленная полоса шириной в тридцать пять километров. В этом районе около семнадцати больниц и, сверх того, свыше ста шестидесяти небольших кладбищ. Это все.

— И вы... вы уверены, что это произойдет? — выпалил Сёрнсен.

— Нет, — после долгого молчания ответил Сисс, — уверенности у меня нет. А если это не случится, если это не случится...

С ученым творилось нечто странное: все взирали на него с удивлением, видя, как он весь дрожит, покуда неожиданно голос у него не сорвался, совсем как у юноши. Сисс громко фыркнул. Да-да, он хохотал до упаду, развеселившись от какой-то мысли, не обращая внимания на мертвую тишину, с какой восприняли его безудержную веселость слушатели.

Он извлек из-под стула портфель, склонил голову в легком поклоне и, все еще поводя плечами, быстрым, преувеличенно длинным шагом вышел из кабинета.

ГЛАВА II

Сильный ветер разогнал тучи, и над домами загорелась желтоватая вечерняя заря. Фонари поблекли, свежий снег темнел и таял на тротуарах и мостовой. Грегори шел быстро, засунув руки в карманы плаща, не глядя на прохожих. У перекрестка он остановился и с минуту потоптался на месте, переступая с ноги на ногу, — он замерзал на холодном, перенасыщенном влагой ветру. Досадуя на собственную нерешительность, свернул налево.

Совещание закончилось безрезультатно почти тотчас же после ухода Сисса. Шеппард даже не решил, кто поведет дело дальше.

Грегори почти не знал главного инспектора, он видел его пятый или шестой раз в жизни. Ему было известно, какими способами можно завоевать внимание начальства, но он не пользовался ими в своей недолгой карьере детектива. Однако сейчас он жалел о своем низком звании. Оно значительно уменьшало его шансы на руководство расследованием.

Прощаясь, Шеппард поинтересовался, что он намерен предпринять. Грегори ответил, что не знает. Это был честный ответ, но подобная искренность обычно не окупается.

Не воспринял ли Шеппард его слова как проявление умственной ограниченности или даже развязности?

А что за его спиной сказал о нем главному Фаркварт? Вероятно, охарактеризовал его не лучшим образом. Грегори стремился убедить себя, что ему это только льстит, ибо чего стоило суждение Фаркварта?

От его заурядной особы Грегори перенесся мыслями к Сиссу. Это действительно был человек неординарный. Грегори мало что слышал о нем.

Во время войны доктор работал в оперативном отделе Генерального штаба и, как утверждают, на его счету было несколько достижений. Через год после войны он с треском вылетел оттуда. Якобы за то, что нагрубил какой-то большой шишке, чуть ли не самому маршалу Александеру. Славился он тем, что вооружал против себя всех сотрудников. Поговаривали, что он черств, зловреден, начисто лишен такта и чуть ли не с детской прямолинейностью говорит другим, что о них думает.

Грегори прекрасно понимал, какого рода неприязнь к себе вызывает ученый. Он хорошо помнил собственное замешательство во время выступления Сисса, поскольку ничего не мог противопоставить его логическим выводам. Вместе с тем он испытывал уважение к высокому уровню интеллекта, который ощущал в этом человеке, напомиравшем птицу со слишком маленькой головкой.

«Надо будет этим заняться», — подвел он итог своим размышлениям, не уточняя, в чем, собственно, будет состоять его занятие.

День быстро угасал, зажигались витрины. Улица сужалась, это был очень старый, пожалуй, со времен средневековья не перестраивавшийся закоулок центра, с темными, неуклюжими домами, в которых сияли неестественно большие прозрачные застекленные ящики новых магазинов.

Он вошел в пассаж, чтобы сократить путь. У входа виднелся узкий слой неметенного снега; Грегори удивился, что снег не успели затоптать. Одинокая женщина в красной шляпке осматривала одетые в балльные платья манекены с восковыми улыбками. Далее пассаж делал плавный поворот, на сухой бетон ложились лиловые и белые квадраты витринных огней.

Грегори зашагал медленнее, забыв о том, где находится. Ему вспомнился смех Сисса, и Грегори пытался разгадать его причину. Он хотел точно воспроизвести в памяти звучание этого смеха, это показалось ему важным.

Сисс не был, вопреки производимому впечатлению, любителем внешних эффектов; заносчивым был наверняка, поэтому смеялся, скорее всего, своим мыслям и только по одному ему известному поводу.

Из глубины пустого пассажа навстречу Грегори шел человек. Высокий, худой, он поводил головой, как бы беседуя сам с собою. Грегори был слишком погружен в свои мысли, чтобы наблюдать за ним, но автоматически сохранял его в поле зрения. Прохожий был уже совсем близко. Вокруг становилось темнее, в трех лавках огни не горели, витрины четвертой оказались заляпаны известкой — ремонт. Только там, откуда шел одинокий прохожий, светились несколько больших витрин.

Грегори поднял голову. Человек сбавил шаг, продолжая идти, но медленнее. Оба остановились одновременно на расстоянии нескольких шагов. Грегори еще не очнулся от своих мыслей, поэтому, хотя он и смотрел на высокую фигуру стоящего напротив мужчины, лица его не видел. Он сделал еще шаг, тот поступил точно так же.

«Что ему надо?» — подумал Грегори. Они исподлобья поглядывали друг на друга. У того было плохо различимое в тени широкое лицо, претенциозно надвинутая на лоб шляпа, слишком короткий плащ, так неловко стянутый поясом, что его конец обматывал пряжку. С этой пряжкой было что-то не в порядке, но у Грегори хватало собственных забот. Он двинулся, желая обойти встречного, но тот загородил ему путь.

— Слушай, ты... — гневно начал Грегори и запнулся.

Незнакомец был он сам. Грегори стоял перед большим зеркалом, которое как стена замыкало весь пассаж. По ошибке он свернул в тупик, накрытый стеклянной крышей.

Он еще немного поглядел на собственное отражение с угасающим ощущением, что наблюдает за кем-то посторонним. Смуглая, не очень осмысленная физиономия с волевой челюстью... А возможно, это был вовсе не признак воли, а упрямства, ослиного упрямства — так он иногда думал.

— Насмотрелся? — буркнул он, повернулся на каблуках и направился к выходу, испытывая смущение, словно его одурачили.

На полпути он поддался неразумному импульсу и оглянулся. «Тот» тоже остановился, далеко, между освещенными пустыми лавками, и почти сразу двинулся в глубь улочки по каким-то делам зеркального мира. Гре-

гори с раздражением поправил пояс на пряжке, сдвинул шляпу со лба и вышел на улицу.

Следующий пассаж вывел его прямо к «Европе». Швейцар распахнул стеклянные двери. Грегори пробрался между столиками к лиловым огням бара. Он был так высок, что ему не требовалось становиться на цыпочки, чтобы сесть на трехногий табурет у стойки.

— «Белая лошадь»? — спросил бармен. Грегори кивнул.

Стаканчик звякнул о стойку, словно в нем был спрятан стеклянный колокольчик. Грегори отпил глоток, лишний раз убедившись, что «Белая лошадь» отдает сивухой и дерет в горле. Грегори не выносил этот сорт виски. Но так получилось, что несколько раз подряд он наведывался в «Европу» с юным Кинси и пил с ним именно «Белую лошадь»; с тех пор бармен почитал его постоянным посетителем и не забывал о его пристрастиях. Грегори встречался с Кинси, чтобы покончить с обменом квартиры. Он предпочитал подогретое пиво, но стыдился заказывать его в таком шикарном ресторане.

Он завернул сюда просто потому, что ему не хотелось возвращаться домой. Он собирался за рюмкой виски выстроить все известные факты серии в единую конструкцию, но не смог вспомнить ни одной фамилии, ни одной даты.

Резко запрокинув голову, Грегори опорожнил стопку. Вздрыгнул. Бармен что-то говорил ему.

— Что? Что?

— Не хотите поужинать? У нас сегодня дичь, время подходящее.

— Дичь?

Он ни слова не понимал.

— А, ужин? — наконец дошло до него. — Нет. Налейте еще.

Бармен кивнул. Он мыл стаканы под никелированными кранами, грохоча так, словно жаждал разбить их вдребезги. Глаза его на покрасневшей одутловатой физиономии сузились, он зашептал:

— Вы кого-то ждете?

Рядом никого не было.

— Нет. А в чем дело? — добавил Грегори резче, чем намеревался.

— Нет, ничего, я думал, что вы... по службе, — буркнул бармен и отошел в другой угол. Кто-то осторожно

тронул Грегори за плечо, он молниеносно обернулся, не в силах скрыть разочарования: перед ним стоял официант.

— Простите... Инспектор Грегори? Вас к телефону.

Ему пришлось пробираться сквозь толпу танцующих, его толкали, он старался идти как можно быстрее. В кабине было темно: перегорела лампочка. Он стоял в темноте, сквозь круглое оконце падало пятно менявшего оттенки света.

— Слушаю, у телефона Грегори.

— Говорит Шеппард.

На звук отдаленного голоса сердце его отозвалось одним сильным ударом.

— Грегори, я хотел бы с вами увидеться.

— Слушаюсь, господин инспектор. Когда мне...

— Предпочел бы не откладывать встречу. У вас есть время?

— Конечно. Я приеду. Завтра?

— Нет. Сегодня, если можете. Вы можете?

— Да, разумеется.

— Это хорошо. Вы знаете, где я живу?

— Нет, но я могу...

— Уолхэм, восемьдесят пять. Это в Пэддингтоне. Вы можете приехать немедленно?

— Да.

— Может быть, вам удобнее через час или через два?

— Нет, могу сейчас.

— Я жду.

Звякнула положенная на рычаг трубка. Грегори в оцепенении глядел на телефонный аппарат. Господи, откуда Шеппарду стало известно об этой несчастной «Европе», где он давал выход своему грошовому снобизму? Неужели он названивал ему по всем телефонам, неужели он так его разыскивал? При одной мысли об этом его бросило в жар. Он вышел из ресторана и бросился бегом к подъезжавшему автобусу.

От остановки требовалось пройти порядочный отрезок пути, петляя по тихим улочкам. Наконец он очутился в переулке, где вовсе не было больших каменных домов. В лужах дрожало отражение газовых фонарей. Он не предполагал, чтобы такой заброшенный уголок мог скрываться в самом сердце этого района.

Возле дома за номером восемьдесят пять ему пришлось удивиться еще раз. В саду за высокой стеной возвышалось массивное строение, значительно отдаленное от осталь-

ных, погруженное во тьму и как бы вымершее. Внимательно приглядевшись, он различил слабый свет в крайнем окне на первом этаже.

Калитка открылась тяжело, со скрипом. Он передвигался почти на ощупь: стена отсекала свет уличного фонаря. Плоские, неровные каменные плиты вели к подъезду. Прежде чем ступить, Грегори нащупывал их ногой. Вместо звонка на черной двери торчала отполированная рукоятка. Он дернул ее не очень сильно, словно боясь нашуметь.

Ждал довольно долго. Изредка подавала голос невидимая водосточная труба, по мокрому асфальту на перекрестке шелестели колеса машин. Дверь открылась бесшумно. На пороге стоял Шеппард.

— Вы уже здесь. Прекрасно. Прошу.

В холле было темно. В глубине пробивался слабый, уходящий вверх отблеск — лестница в полосе света. Двери на первом этаже распахнуты, перед ними было устроено нечто вроде небольшой передней. Что-то взирало на Грегори сверху пустым, черным взглядом, оказалось — едва различимый череп какого-то животного, маячили только глазницы посреди желтоватых очертаний кости.

Грегори снял плащ и вошел в комнату. Прогулка во мраке так обострила зрение, что, войдя в комнату, он вынужден был зажмуриться.

— Садитесь, прошу вас.

Комната оказалась почти пустой. Рефлектор мощной лампы, горевшей на столе, был обращен вниз, прямо на открытую книгу.

— Садитесь, — повторил главный инспектор. Это прозвучало как приказ. Грегори осторожно сел. Теперь он находился так близко от источника света, что почти ничего не видел. На стенах неясно темнели пятна каких-то картин, под ногами он ощутил мягкий ковер. Кресло было неудобным, но годилось для работы за громадным письменным столом. Напротив стоял длинный стеллаж с книгами. В середине матовым бельмом отсвечивал телевизор.

Шеппард подошел к столу, извлек из-под книг черную жестяную коробку с сигаретами и пододвинул гостю. Сам он тоже закурил и начал расхаживать от двери к окну, скрытому за тяжелой коричневой гардиной. Молчание затянулось, так что Грегори даже устал следить за маячившей фигурой шефа.

— Я решил поручить это дело вам,— неожиданно отозвался Шеппард, не прерывая ходьбы.

Грегори не знал, что сказать. Он чувствовал действие спиртного и глубоко затянулся сигаретой, словно дым мог его отрезвить.

— Вы будете вести дело один,— продолжал непрекращаемым тоном Шеппард. Не переставая ходить, он искоса взглянул на Грегори, сидевшего в освещенном лампой круге.

— Я выбрал вас не из-за особенного следственного дара, так как у вас его нет. Педантом вас тоже не назовешь. И это не беда. Но вы лично увлечены проблемой. Не так ли?

— Да,— отозвался Грегори. Ему показалось, что его сухой, решительный ответ прозвучал хорошо.

— У вас есть какая-нибудь собственная концепция этого дела? Абсолютно личная, которую вы не пожелали изложить сегодня у меня в служебном кабинете?

— Нет. То есть...— Грегори колебался.

— Слушаю.

— Это ни на чем не основанное впечатление,— отозвался Грегори. Он говорил с неохотой.— Мне кажется, в этой истории речь идет не о трупах. То есть это означает, что им отведена определенная роль, но не в них дело.

— А в чем?

— Этого я не знаю.

— В самом деле?

Голос главного инспектора был упрям, тон почти веселый. Грегори пожалел, что не может увидеть его лица. Это был совершенно иной Шеппард, не тот, которого он изредка видел в Скотленд-Ярде.

— Думаю, дело грязное,— выпалил вдруг Грегори, словно разговаривал с приятелем.— В нем есть что-то подлое. Речь не о том, что оно крайне сложно. Там есть детали, которые невозможно связать не потому, что такое физически невыполнимо, но потому, что возникает психологический абсурд, и притом настолько немислимый, что заходишь в тупик.

— Да, да,— тоном внимательного слушателя вторил ему Шеппард, продолжая расхаживать. Грегори уже не провожал его взглядом. Не отрывая глаз от бумаг, он говорил все более запальчиво.

— Идея умопомешательства, мании, психопатии в качестве подоплеки всей этой истории напрашивается сама

собой. Как ни верти, как ни старайся этого избежать, постоянно возвращаешься к тому же самому. Это, собственно, единственный якорь спасения. Но так только кажется. Маньяк? Допустим. Но эта шкала и эта железная логика — не знаю, понимаете ли вы! Если бы, войдя в какой-нибудь дом, вы обнаружили, что все столы и стулья сделаны с одной ножкой, вы могли бы утверждать: это дело рук безумца. Какой-то сумасшедший так меблировал свою квартиру. Но если ходишь из дома в дом и всюду, по всему городу видишь одно и то же?.. Я не знаю, что все это значит, но это не мог, не может быть безумец. Это скорее противоположный полюс. Кто-то такой, кто дьявольски умен. Только свой разум он употребил на непостижимое дело.

— А дальше?.. — тихо спросил Шеппард, как бы боясь остудить пыл, все заметнее охватывавший Грегори.

Молодой человек отозвался после минутного молчания:

— Дальше... крайне мерзкие вещи. Крайне мерзкие. Серия действий без единого промаха — это ужасно, это... это меня ужасает. Это противоречит человеческой природе. Так люди не поступают. Люди ошибаются, время от времени вынуждены допускать просчеты, они теряются, оставляют следы, бросают начатое. Эти трупы поначалу, те... передвижения, как это именуется, я не верю в утверждение Фаркварта, что виновника испугнули и тот сбежал. Ничего подобного. Он тогда хотел только передвинуть. Сначала немного. Потом больше. Потом еще больше — пока это первое тело вовсе не исчезло. Так должно было быть, он так решил поступить. Я думал, и все время думаю, зачем... но не знаю. Ничего не знаю.

— Вам известно дело Лапейро? — спросил Шеппард. Он стоял, едва различимый в глубине комнаты.

— Лапейро? Тот француз, который...

— Да, это было в 1909 году. Вам знакомо это дело?

— Что-то крутится в голове, но не припоминаю. О чем шла речь?

— О переизбытке улик. Так это называли, не совсем удачно. На берегу Сены какое-то время находили пуговицы от одежды, сложенные в виде различных геометрических фигур. Пряжки от ремешков, от подтяжек. Мелкие монеты, сложенные многоугольниками, кругами. Самым различным образом. Носовые платки, заплетенные в косички.

— Минутку. Я припоминаю. Мне доводилось где-то читать об этом. Двое стариков, которые в мансарде... да?

— Да. Именно эта история.

— Они выискивали молодых людей, которые собирались покончить жизнь самоубийством, отговаривали их, утешали, приглашали к себе и просили рассказать, что привело их к мыслям о самоубийстве. Так обстояло дело, не правда ли? А потом... душили их. Так?

— Более или менее. Один из них был химиком. Убитых раздевали, от тел избавлялись с помощью концентрированных кислот и печки, а пуговицами, пряжечками и всеми мелочами, которые оставались от пропавшего без вести, они забавлялись, вернее, задавали загадки полиции.

— Я не понимаю, почему вы об этом вспомнили. Один из этих убийц был сумасшедшим, а второй являлся жертвой так называемой *folie à deux*¹. Безвольный тип, подчиненный индивидуальности первого. Пуговичные ребусы они придумали потому, что их это возбуждало. Дело, возможно, было сложным для разгадки, но по своей сути — тривиальным: были убийцы и жертвы, были улики. Пусть искусственные... оставленные намеренно...

Грегори умолк и с неожиданной улыбкой взглянул на Шеппарда, пытаясь различить в темноте его лицо.

— А...— начал он таким тоном, словно сделал невероятное открытие,— вот в чем дело...

— Да, именно в этом,— ответил Шеппард и снова принялся расхаживать по комнате.

Грегори низко опустил голову. Его пальцы вцепились в край стола.

— Искусственное...— прошептал он.— Имитация... Имитация, да? — повторил он, повысив голос.— Поддельное, но что? Безумие? Нет, не так: круг снова замыкается.

— Замыкается, потому что вы идете по неверному пути. Когда вы произносите «поддельное безумие», вы ищете четкую аналогию с делом Лапейро. Убийцы действовали там, так сказать, по определенному адресу: намеренно оставляли следы и таким образом навязывали полиции головоломки для разгадки. Между тем в нашем случае адресатом совсем не обязательно является полиция. Я считаю это маловероятным.

— Ну да,— произнес Грегори. Он утратил интерес, сник.— Значит, мы снова возвращаемся к исходному пункту. К мотивации.

— Да нет же, подождите. Прошу взглянуть сюда.

¹ Безумие вдвоем (фр.).

Шепард указал рукой на стену. На ней виднелось неподвижное пятнышко света, которого Грегори прежде не замечал. Откуда исходил свет? Он перевел взгляд на стол. Возле самого рефлектора на бумагах лежало пресс-папье из шлифованного стекла. Узкий луч, отражаясь от него, убегал в темную глубину комнаты и падал на стену.

— Что вы здесь видите? — спросил Шеппард, отодвигаясь в тень.

Грегори наклонился в сторону, чтобы укрыться от слепящей лампы на столе. На стене висела картина, скрытая во мраке. Одинокий лучик освещал лишь фрагмент картины: темное пятно, окаймленное бледно-пепельной, слабо изогнутой каймой.

— Это пятно? — произнес он. — Какой-то разрез? Нет, я не могу в этом разобраться, минутку...

Изображение заинтриговало его. Он все внимательнее всматривался, прищурив глаза. По мере того как осмотр затягивался, в нем возникало ощущение беспокойства. Грегори по-прежнему не знал, что он рассматривает, но чувство тревоги возрастало.

— Это что-то как бы живое, — произнес он, невольно понижая голос. — Хотя нет... выжженное окно в развалинах?

Шеппард приблизился и заслонил собой это место. Пятнышко света неправильной формы лежало теперь на его груди.

— Вы не можете в этом сориентироваться, потому что видите только часть целого, — сказал он. — Не так ли?

— А! Вы думаете, что эта серия исчезающих трупов — только часть, фрагмент, словом, начало огромного целого?

— Я думаю именно так.

Шеппард заходил по комнате. Грегори снова перевел взгляд на то же место на стене.

— Вполне вероятно, что это начало какой-то уголовной или политической аферы широкого масштаба, которая со временем выйдет за пределы нашей страны. Тогда то, что произойдет, должно вытекать из того, что уже было. А может быть, все произойдет иначе, и мы наблюдали лишь отвлекающий маневр или мнимую операцию тактического порядка...

Грегори почти не слушал, вглядываясь в темное, тревожившее его изображение.

— Простите, — произнес он неожиданно для себя, — что там изображено, господин инспектор?

— Где? А, это!

Шеппард повернул выключатель. Свет залил комнату, это длилось две-три секунды. Потом главный инспектор погасил верхний свет, и вновь наступил полумрак. Но прежде чем он наступил, Грегори разглядел то, что прежде было неразличимо — женское лицо, отброшенное назад по диагонали листа, глядящее одними белками глаз, и шею, на которой виднелся глубокий след от веревки. Он уже не видел деталей снимка, но, несмотря на это, его как бы с запозданием настиг ужас, запечатлевшийся на мертвом лице. Он перевел взгляд на Шеппарда, который продолжал расхаживать взад-вперед.

— Возможно, вы правы, — сказал он, — но я не знаю, это ли самое главное? Можете ли вы представить себе человека, который ночью в темном морге зубами отгрызает полотняную занавеску?

— А вы на это не способны?

— О да, но в возбужденном состоянии, в страхе, при отсутствии других орудий под рукой, по необходимости... Но вы не хуже меня понимаете, зачем он это сделал. Ведь она повторяется во всей серии, эта проклятая железная последовательность. Ведь он все делал для того, чтобы казалось, что труп ожил. Ради этого он все рассчитывал и штудировал метеорологические бюллетени. Но мог ли такой человек рассчитывать на то, что найдется полисмен, готовый поверить в чудо? В этом, именно в этом загадка данного безумия!

— О котором вы говорили, что его нет и быть не может, — равнодушно заметил Шеппард. Он отодвинул портьеру и стал вглядываться в темное окно.

— Почему вы упомянули о деле Лапейро? — после длительной паузы спросил Грегори.

— Потому что оно началось как детская игра: с пуговиц, уложенных в узоры. Но не только потому. Скажите мне: что служит противоположностью человеческого деяния?

— Не понимаю... — буркнул Грегори. Он ощущал острую головную боль.

— В поступках человек проявляет свою индивидуальность, — спокойно пояснил Шеппард. — Следовательно, она проявляется и в действиях преступного характера. Но та закономерность, которая выявляется в нашей серии, безличностна. Безличностна, как закон природы. Понимаете?

— Мне кажется...— хрипло произнес Грегори. Он очень медленно отклонялся корпусом в одну сторону, пока целиком не оказался вне радиуса действия слепящего рефлектора. Благодаря этому его глаза все лучше видели в темноте. Рядом с фотографией женщины были и другие. На них были запечатлены лица мертвых. Шеппард снова зашагал по комнате, на фоне этих кошмарных лиц он передвигался как посреди странной декорации, нет, как посреди самых обычных, привычных вещей. Потом остановился напротив стола.

— В этой серии есть математическое совершенство, подсказывающее, что виновника не существует. Это поразительно. Грегори, но это так.

— Что... что вы...— едва слышно выдавил Грегори, непроизвольно отпрянув.

Шеппард стоял неподвижно, различить его лицо было невозможно. Вдруг до Грегори донесся короткий, прерывистый звук. Главный инспектор смеялся.

— Я вас испугал?— произнес Шеппард, становясь серьезным.— Вы считаете, что я говорю чепуху? А кто сотворяет день и ночь?— спросил он. В его голосе звучала издевка.

Грегори вдруг поднялся, отодвинув стул.

— Понимаю. Естественно!— произнес он.— Речь идет о создании нового мифа. Искусственный закон природы. Искусственный, безликий, невидимый виновник. И, надо понимать, всемогущий. Это великолепно! Имитация бесконечности...

Грегори смеялся, но это не был веселый смех. Он умолк, тяжело дыша.

— Почему вы смеетесь?— медленно, как бы с грустью спросил Шеппард.— Не потому ли, что вы уже думали об этом, но отвергли подобную мысль? Имитация? Разумеется. Но она может быть совершенной, столь совершенной, Грегори, что вы вернетесь ко мне с пустыми руками.

— Возможно,— холодно заметил Грегори.— Тогда меня заменит кто-нибудь другой. В конечном счете каждую деталь по отдельности я мог бы объяснить уже теперь. Даже эту прозекторскую. Окно можно открыть снаружи с помощью нейлоновой нити, предварительно зацепив ее на оконной ручке. Но чтобы некий основатель новой религии, некий имитатор чудес стал делать таким образом свои первые шаги...

Шеппард пожал плечами.

— Нет, это не так просто. Вы постоянно повторяете слово «имитация». Восковая кукла — имитация человека, не так ли? А если кто-то изготовит куклу, способную ходить и говорить, — это будет отменная имитация. А если он сконструирует куклу, обладающую способностью кровоточить? Куклу, которая будет несчастной и смертной, что тогда?

— Да при чем тут все это... ведь даже самая совершенная имитация и эта кукла должны иметь своего создателя и его можно доставить в наручниках! — воскликнул Грегори, которого охватил внезапный гнев. «Он что, играет со мной?» — мелькнула мысль. — Господин инспектор... — сказал он, — вы можете мне ответить на один вопрос?

Шеппард смотрел на него.

— Вам эта загадка кажется неразрешимой, не так ли?

— Отнюдь. Об этом не может быть и речи. Однако возникает возможность, что решение... — Главный инспектор замолк.

— Прошу вас, скажите мне все.

— Не знаю, имею ли я право, — сухо отозвался Шеппард, словно уязвленный настойчивостью Грегори. И заключил: — Возможно, вы отвергнете это решение.

— Почему? Пожалуйста, выскажитесь яснее!

Шеппард покачал головой.

— Нет, не могу.

Шеппард подошел к столу, выдвинул ящик и извлек оттуда небольшой пакет.

— Займемся тем, чем нам положено, — сказал он, передавая пакет Грегори.

Это были фотографии трех мужчин и женщины. Заурядные лица, ничем не привлекающие внимания, взирали на Грегори с глянцевиных кусков картона.

— Это они, — произнес он. Две из этих фотографий были ему знакомы.

— Да.

— Но посмертных фотографий нет?

— Две мне удалось раздобыть. — Шеппард снова открыл ящик. — Они сделаны в больнице по просьбе семьи.

Это были фотографии двух мужчин. Удивительная вещь, смерть придала значительность их заурядным чертам, наделила застывшей задумчивостью. Они сделались более выразительными, чем при жизни, словно только теперь им стало что скрывать.

Грегори поднял глаза на Шеппарда и изумился. Сгорбленный, вдруг странно постаревший, он стоял со стиснутыми зубами, словно испытывая страдание.

— Господин инспектор?..— спросил он вполголоса с неожиданной робостью.

— Я предпочел бы не давать вам этого дела, но мне больше некому его поручить,— сухо отозвался Шеппард. Он положил руку на плечо Грегори.— Пожалуйста, поддерживайте со мной контакт. Я хотел бы вам помочь, хотя неизвестно, пригодится ли вам мой опыт.

Грегори подался назад, рука Шеппарда упала. Оба стояли теперь за пределами освещенного круга. Из темноты со стен на них взирали лица мертвецов. Грегори чувствовал себя более хмельным, нежели в начале вечера.

— Прошу прощения,— произнес он,— вы знаете больше, чем захотели мне сказать, не так ли? — Он тяжело дышал, словно ворочал тяжести. Шеппард молчал.— Вы... не можете или не хотите? — вопрошал Грегори. Он даже не удивился, откуда взялась у него такая смелость.

Шеппард отрицательно помотал головой, поглядывая на него с какой-то безмерной снисходительностью. А может, с иронией?

Грегори посмотрел на свои руки и увидел, что в левой он держит фотографии, сделанные при жизни, а в правой — посмертные. И тот же непонятный импульс, который минуту назад подтолкнул задать неожиданный вопрос, вдохновил его снова. Это было похоже на прикосновение невидимой руки.

— Какие из них... важнее? — едва слышно спросил он. Лишь в абсолютной тишине этой комнаты можно было его слышать.

Шеппард молча взглянул на Грегори, пожал плечами и подошел к выключателю. Белый свет залил комнату, все сделалось привычным и естественным. Грегори медленно спрятал фотографии в карман.

Визит подходил к концу. И однако, хотя они говорили уже только о конкретных вещах: о количестве и размещении постов, об осмотре всех моргов, о мерах предосторожности в перечисленных Сиссом населенных пунктах, о полномочиях Грегори, между ними осталась тень чего-то недосказанного.

Несколько раз главный инспектор замолкал и выжидающе смотрел на Грегори, как бы прикидывая, не следует

ли ему от этих деловых соображений вернуться к прежнему разговору. Однако он уже ничего не добавил.

Лестница от середины была погружена в абсолютную темноту. К выходу Грегори добрался ощупью. Неожиданно Шеппард окликнул его.

— Желаю успеха! — громко напутствовал его главный инспектор.

Грегори хотел прикрыть за собой дверь, но ветер захлопнул ее со страшным грохотом. На улице царил пронизывающий холод. Усиливался мороз, сковывал лужи, подмерзающая грязь похрустывала под ногами, капли дождя на ветру превращались в ледяные иголки. Они больно кололи лицо и с резким бумажным шелестом отскакивали от твердой ткани плаща.

Грегори хотел подвести итог всему, что произошло, но с таким же успехом он мог бы классифицировать невидимые тучи, которые ветер гнал над его головой. Воспоминания этого вечера противоборствовали в нем, рассыпались на отдельные картины, не связанные ничем, кроме мучительного чувства подавленности и растерянности. Комната, увешанная посмертными фотографиями жертв, с письменным столом, заваленным раскрытыми книгами. Он внезапно пожалел, что не заглянул ни в одну из этих книг или в разложенные там же бумаги. Ему и в голову не пришло, что это было бы бестактностью. Он находился на грани, за которой ни в чем нельзя быть уверенным. Любая, с виду самая пустяковая вещь способна явить ему одно из многих возможных значений, а попытайся он постичь ее, как она снова развеется, расплывется, растает. Он же в поисках разгадки будет погружаться в море многозначных деталей, куда не утонет в нем, так ничего и не поняв.

Кого он, собственно, собирается представить Шеппарду — создателя новой религии? Великолепная, испытанная на практике надежность следственного аппарата в этом деле оборачивалась против него самого. Ибо чем больше скапливалось тщательно измеренных, сфотографированных и описанных фактов, тем большей нелепостью казалась вся постройка. Если бы он искал убийцу, скрытого во мраке, он не испытывал бы такой беспомощности, не ощущал бы такой угрозы. Чем объяснялась эта неуверенность, эта тревога в глазах главного инспектора, который хотел ему помочь, но не мог?

Почему именно ему, начинающему, главный инспектор поручил это дело, разгадка которого (он сам об этом гово-

рил!) может оказаться неприемлемой? И только ли для того он вызвал его ночью?

Грегори не замечал ничего вокруг, не видел темной улицы, не ощущал скатывающихся по лицу капель. Он шел куда глаза глядят, сжимая в карманах кулаки, глубоко вдыхая холодный влажный воздух, и снова перед ним возникло лицо Шеппарда, перевернутые тени, дергающийся угол рта.

Он стал высчитывать, сколько времени тому назад он вышел из «Европы». Сейчас была половина одиннадцатого, значит, прошло почти три часа... «Я уже протрезвел», — сказал он себе и остановился. При свете фонаря прочел на табличке название улицы. Прикинул, где находится ближайшая станция метро, и направился в ту сторону.

Становилось все многолюднее, сияли красочные рекламы, светофоры на перекрестках мигали зеленым и красным. У входа в подземку толпилось множество людей. Грегори вступил на эскалатор и медленно заскользил вниз, погружаясь в нарастающий гул. Его оведал сухой, механически нагнетаемый воздушный поток.

На платформах было теплее, чем наверху. Он пропустил поезд на Айлингтон, проводил взглядом красный треугольник огней на последнем вагоне, обошел газетный киоск. Потом прислонился к колонне и закурил сигарету.

Подошел его состав. Двери с шипением раздвинулись. Он сел в углу. Вагон дернулся и поехал. Огни станции замигали все быстрее, потом начали проноситься бледные, слитые стремительным движением лампы тоннеля.

Он снова вернулся к встрече с Шеппардом. Ему казалось, что она имела какое-то второе, скрытое и более важное значение, до которого он наверняка докопался бы, если б только сумел сосредоточиться. Он бездумно скользнул взглядом по ряду лиц случайных попутчиков, освещенных рядом дрожащих ламп.

Какое-то беспокойство кружило в нем, как кровь, пока не выразилось в словах: случилось несчастье! Нечто крайне дурное и неотвратимое произошло в этот вечер... или в этот день? Внезапно поток его раздумий оборвался.

Он прищурил глаза. Ему показалось, что в противоположном углу вагона, вдалеке, возле двери, сидит кто-то знакомый. Физиономия ему что-то напоминала. Он видел теперь только старческое лицо со стертými чертами, с обвислой пористой кожей.

Откинув голову на перегородку, мужчина спал так крепко, что шляпа сползала ему на лоб, отбрасывая длинную тень до самого подбородка. Движения мчащегося вагона заставляли его вялое тело ритмично покачиваться, это покачивание усиливалось на поворотах. В какой-то момент его рука сползла с колен, безжизненная, как сверток, и повисла, раскачиваясь, большая, бледная и набухшая. Вагон мчал все быстрее, тряска не прекращалась, и наконец нижняя челюсть спящего, которого Грегори все никак не мог вспомнить, начала медленно опускаться. Рот раскрылся...

«Спит как убитый», — промелькнуло у Грегори в голове, и одновременно его резанул леденящий страх. На секунду перехватило дыхание. Он уже все понял. Фотография этого человека, выполненная после смерти, покоилась у Грегори под плащом в кармане.

Состав стремительно тормозил. Каледониан-роуд. В вагон вошло несколько человек. Огни станции дрогнули, сдвинулись, поплыли назад. Вагон двинулся дальше.

Снова блеснули рекламы и освещенные надписи. Грегори даже не взглянул на название станции, хотя ему пора было выходить. Он сидел неподвижно, сосредоточенно глядя на спящего. Слышалось резкое шипение, двери закрывались, горизонтальные линии люминесцентных ламп за окнами медленно уходили назад, исчезали как отсеченные, вагон несся по темному тоннелю, набирая скорость. Грегори не слышал стука колес, так сильно шумела кровь в голове. Вокруг все менялось от неподвижного всматривания в бледную, заполненную крутящимися искрами воронку, на дне которой покоилась голова спящего. Он как загипнотизированный смотрел в темную щель приоткрытого рта. Наконец это лицо, с бледной, опухшей кожей превратилось в его глазах в радужное пятно — так пристально он всматривался. Не отводя глаз от человека, он полез в карман, расстегивая пуговицы, чтобы достать снимок. Поезд с шипением притормаживал. Какая станция, уже Хайгейт?

Несколько человек встали, какой-то солдат, спеша к выходу, задел вытянутую ногу спящего, тот внезапно очнулся, молча и быстро поправил шляпу, встал и смешался с выходящими.

Грегори рванулся со своего места, обращая на себя внимание. Некоторые обернулись в его сторону. Он выскочил на платформу из тронувшегося поезда, силой придер-

жав дверь, которая уже закрывалась. На фоне бегущих вагонов он краем глаза заметил разгневанную физиономию дежурного по станции. Убегая, услышал за собой его голос:

— Эй, молодой человек!

В ноздри ему ударила струя холодного воздуха. Он остановился, сердце бешено колотилось. Смешавшийся с толпой человек из вагона направлялся к длинному железному барьеру у выхода. Грегори отпрянул назад. За спиной у него находился газетный киоск, из которого бил сильный электрический свет. Он ждал.

Старик прихрамывал, опережаемый волной пассажиров. Он припал на одну ногу. Поля промокшей шляпы свисали, помятый плащ вытерся возле карманов. Он смахивал на самого последнего бедняка. Грегори взглянул на фотографию. Никакого сходства не было.

Он потерял голову: случайная схожесть черт легла на подавленное настроение, в котором он находился. Умерший наверняка был значительно моложе. Ну конечно — это был совершенно другой человек.

Обмякнув мышцами, чувствуя щекочущее подергивание щек, Грегори смотрел то на фотографию, то на приближавшегося человека. Старик наконец заметил, что за ним внимательно наблюдают, и повернулся к детективу массивной, сползающей на углы воротника, одутловатой физиономией, покрытой седой щетиной. И невесть почему так на него уставился, что его лицо застыло в бессмысленном оцепенении, челюсть слегка отвисла, слюнявые губы снова приоткрылись, и в этой внезапной неподвижности он опять стал смахивать на мертвеца с фотографии.

Грегори хотел взять его за плечо, но едва протянул руку, как он что-то крикнул, точнее, испустил хриплый возглас и вскочил на эскалатор. Прсжде чем Грегори кинулся в погоню, между ними втиснулась семья с двумя детьми, загородившая проход. Старик проскользнул между безучастно стоящими пассажирами и исчез из виду.

Грегори начал расталкивать преграждавших ему путь людей. Послышалось несколько гневных реплик, какая-то женщина возмущенно бранилась. Он не обращал на это внимания. Наверху у выхода толпа оказалась такой густой, что протиснуться не удалось. Он попытался пробиться силой, но вынужден был отступить. Когда, медленно двигаясь в толпе, он наконец выбрался на улицу, человек из вагона пропал без следа. Напрасно он высматривал ста-

рика на тротуарах. Его разбирала злость на собственное бессилие, ибо он понимал, что виной всему секунда его оцепенения или попросту — страха.

Машины огибали двумя потоками площадку у выхода из метро. Поминутно ослепляемый автомобильными фарами, Грегори стоял у самого края мостовой, пока около него не остановилось такси. Шофер был уверен, что он ждет машину. Дверца распахнулась. Грегори сел и машинально назвал свой адрес. Когда автомобиль тронулся, он заметил, что все еще сжимает в руке фотографию.

Через десять минут такси остановилось на углу маленькой улочки возле Одд Сквер. Грегори вылез из машины почти уверенный в том, что ему все просто померещилось.

Вздыхнув, он искал в кармане ключи.

Дом, в котором жил Грегори, принадлежал семейству Феншоу. Это была старая двухэтажная постройка с порталом, достойным кафедрального собора, с крутой причудливой крышей, толстыми темными стенами, с длинными коридорами, изобилующими неожиданными поворотами и закоулками, и комнатами с такими высокими потолками, словно они предназначались для летающих существ. В этой мысли посетителя укрепляла и чрезвычайно богатая роспись потолков. Поблескивающие позолотой высокие своды, выложенная мрамором громада лестничной клетки, погруженной во мрак из соображений экономии; просторная, опирающаяся на колонны терраса; зеркальный салон с люстрами, скопированными с версальских; и огромная ванная комната, переделанная вроде бы из какой-то гостиной, — все это великолепие подействовало на воображение Грегори, когда он в обществе аспиранта Кинси осматривал владения супругов Феншоу. А поскольку супружеская чета также произвела на него довольно приятное впечатление, то он воспользовался предложением товарища и поселился в комнате, которую Кинси покидал, как он говорил, по причинам личного порядка.

Викторианские архитекторы, которые возводили этот дом, понятия не имели о бытовой технике, здание имело массу неудобств. В ванную Грегори должен был путешествовать через коридор и застекленную галерею, а чтобы попасть с лестницы в его комнату, требовалось пройти через салон с шестью дверями, почти пустой, если не считать потемневших барельефов с осыпающейся позолотой, хрустальной люстры и зеркал по углам. Вскоре, однако, оказалось, что бытовые неудобства — не самые существенные изъяны квартиры.

Живя в постоянной спешке, возвращаясь домой поздно и целые дни пропадая на работе, Грегори не сразу заметил скрытые достопримечательности новой резиденции. Исподволь, незаметно она начала вовлекать его в орбиту дел, которым, как он считал, нельзя было придавать ни малейшего значения.

Супруги Феншоу были не первой молодости, но надвигающейся старости оказывали упорное сопротивление. Сам Феншоу был поблекший, худой, с бесцветными волосами, которые седеют незаметно для глаза, с меланхолической физиономией и носом, словно позаимствованным у другого, гораздо более мясистого лица, так что нос производил впечатление приставленного. Феншоу держался по-старосветски, появляясь в поразительно сверкающих башмаках и черной тужурке, с непрременной длинной тростью. Его супруга, бесформенная женщина с маленькими черными глазами, в которые, казалось, накапали оливкового масла, ходила в темных платьях, странно пузатая (Грегори через какое-то время начал подозревать, что она нарочно чем-то набивает платья) и настолько неразговорчивая, что трудно было запомнить звук ее голоса. Когда Грегори спрашивал Кинси о хозяевах, тот вначале сказал: «Сам с ними управисься», а потом невразумительно добавил: «Они — обломки!» В тот момент Грегори ждал от него только поддержки в своем решении переехать в большой дом и не обратил внимания на это определение, тем более что Кинси любил загадочные выражения.

Первый раз после вселения Грегори встретил миссис Феншоу ранним утром, когда направлялся в ванную. Она сидела на маленьком, похожем на детский стульчике и обеими руками толкала перед собой ковер, сворачивая его в рулон. В одной руке она держала тряпку, а в другой какую-то заостренную пластинку и осторожно протирала открывающиеся из-под ковра планки паркета. Подобным образом она передвигалась вместе со стульчиком чрезвычайно медленно, так что, возвращаясь из ванной комнаты, он застал ее почти на том же месте, сосредоточенную и занятую тем же делом. В глубине большого салона она выглядела как черная головка медленно сжимающейся гусеницы, тело которой составлял узорчатый ковер. Он спросил, не может ли он ей чем-нибудь помочь. Она подняла к нему желтоватое, неподвижное лицо и ничего не ответила. После полудня, выходя из дому, он едва не столкнулся с ней с лестницы (лампы не горели), когда она переме-

щалась со своим стульчиком с одной ступени на другую. Он наткнулся на нее впоследствии в самое невообразимое время и в совершенно неожиданных местах. Когда он находился у себя и работал, до него доносилось поскрипывание стульчика, приближающееся по коридору с невероятной равномерностью и неторопливостью. Однажды это поскрипывание затихло под его дверью, он с неудовольствием подумал, что хозяйка подслушивает, и решительно вышел в коридор, но миссис Феншоу, которая осторожно скребла паркет под окном, вообще не обратила на него внимания.

Грегори догадался, что миссис Феншоу экономит на прислуге, а со стульчиком не расстанется ради удобства, чтобы не нагибаться. Это простое объяснение, вполне правдоподобное, не исчерпывало проблему, ибо появление миссис Феншоу и медленное передвижение стульчика с неизменным скрипом с рассвета до сумерек, за исключением двух обеденных часов, начало обретать в его глазах чуть ли не демонический характер. Он прямо-таки тосковал по той минуте, когда это скрипящее передвижение прекратится, а этого приходилось ждать иногда часами. Рядом с миссис Феншоу пребывали два больших черных кота, которыми вроде бы никто не занимался и которых Грегори терпеть не мог — без всякой причины. Все это вовсе не должно было его занимать; он повторял себе это десятки раз. Возможно, он и отключился бы от того, что происходило за стенами его комнаты, но оставался еще мистер Феншоу.

Днем Грегори не ощущал его присутствия. Пожилой господин занимал комнату рядом с Грегори, откуда вторая дверь также выходила на прекрасную террасу. Далеко после десяти, а то и после одиннадцати из-за стены, разделявшей комнаты, раздавались мерные постукивания. То сильные и звучные, то глухие, словно кто-то обстукивал стену деревянным молотком. Потом начинались иные акустические явления. Грегори сначала казалось, что их разнообразие неисчерпаемо, но он ошибался. Уже через месяц он знал, что наиболее часто повторявшихся звуков не больше восьми.

После вступительного постукивания за стеной, оклеенной обоями в розочках, раздавался гулкий звук, словно по голому полу катали деревянную трубу или пустую бочку. Пол энергично сотрясался, казалось, кто-то ступал по нему босыми ногами и при каждом шаге всей тяжестью тела надавливал на пятки: слышалось шлепанье, а точнее,

частые, неприятные шлепки, как бы наносимые ладонью по какой-то шаровидной, влажной, возможно наполненной воздухом, поверхности; возникало прерывистое шипение, и, наконец, бывали звуки, которые трудно описать. Эти настырные шорохи, прерываемые металлическим стуком, эти энергичные, плоские шлепки, словно удары хлопущи для мух или звук обрыва чрезмерно натянутых струн, следовали один за другим в разной очередности, подчас некоторые не были слышны несколько вечеров кряду. Но мягкие сотрясения, которые Грегори определил как хождение босиком, повторялись всегда; когда они убыстрялись, можно было ждать концерта особенно разнообразного и мощного. Большинство этих шумов и звуков не были особенно громкими, однако Грегори, лежавшему под одеялом в темной комнате, глядевшему в невидимый, высокий потолок, временами казалось, что они сотрясают его мозг. Поскольку он не вел никакого самонаблюдения, он не смог бы определить, когда его интерес к этим звукам из пустячного любопытства перешел в почти болезненное терзание. Возможно, на его восприятие ночных мистерий повлияло своеобразное поведение миссис Феншоу днем; он, однако, в то время был слишком поглощен своим очередным исследованием, чтобы размышлять об этом. Вначале он спал великолепно и, собственно, мало что слышал, но вскоре, однако, стал различать звуки в их загадочном своеобразии; темная комната была для этого идеальным местом. Тогда он твердо сказал себе, что ночные ритуалы господина Феншоу его ровным счетом не касаются, но было уже поздно.

Итак, он пытался объяснить их себе и напрягал воображение, дабы под эти ничего не говорящие, загадочные звуки подвести какой-нибудь логический смысл, но очень скоро оказалось, что это невозможно.

До этого он засыпал мгновенно и спал до утра каменным сном, а людей, сетовавших на бессонницу, выслушивал с вежливым удивлением, граничащим с недоверием. В доме супругов Феншоу он приучился принимать снотворное.

Однажды ему удалось заглянуть в спальню мистера Феншоу. Он пожалел об этом, поскольку с трудом построенная гипотеза о том, что хозяин занимается какими-то экспериментальными механическими работами, рухнула. В этой просторной, почти треугольной комнате кроме большой кровати, шкафа, ночного столика, умывальника и двух стульев не было ничего — никаких инструментов,

досок, баллонов, ящиков или бочонков. Даже книг.

Раз в неделю, в воскресенье, он обедал вместе с хозяевами. Приглашали они всегда в субботу. За воскресным столом царила скучная атмосфера. Супруги Феншоу принадлежали к людям, не имеющим собственного мнения. Они кормились убеждениями и мыслями, тиражируемыми «Дейли кроникл», были сдержанно вежливы, говорили о ремонтных работах, которые требуется произвести в доме, и о том, как трудно выкроить на это средства, либо рассказывали о своих далеких предках, составлявших романтическую — индийскую — часть родни.

Разговоры за столом были такими обыденными, что упомянуть о ночных звуках или перемещениях на стульчике не удавалось; какая-либо реплика или вопрос на этот счет просто застревали в горле у Грегори. Он внушал себе, что с этой дурью пора кончать, и если бы он только догадался или по крайней мере выдвинул гипотезу, чем по ночам занят его сосед, то не терзался бы, лежа с открытыми глазами в темной комнате. Но ни одна мысль, могущая объяснить происхождение странных звуков, не приходила ему в голову. Однажды, несколько одурманенный снотворным, которое вместо сна вызвало тяжелое оцепенение, он неслышно встал и вышел на террасу. Застекленные двери комнаты мистера Феншоу были, однако, прикрыты изнутри плотными занавесками. Он вернулся к себе, дрожа от холода, и скользнул под одеяло, чувствуя себя совсем скверно, будто совершил нечто, чего будет стыдиться долгие годы.

Его настолько поглощала работа, что днем он почти никогда не думал о загадочных ночных происшествиях. Пожалуй, раз или два ему показалось, что Кинси, встретив его случайно в главном управлении, поглядел на него выжидающе, с робким любопытством, но спросить ни о чем не решился, даже намеком. В конце концов, какая ерунда! Со временем он слегка изменил свое расписание — приносил домой протоколы и просиживал над ними до полуночи, а то и позже, и таким образом находил лживое оправдание своему недостойному поведению. Ибо в часы бессонницы, как это бывает, ему приходили в голову самые невероятные идеи; раза два он просто готов был куда-то сбежать — в какой-нибудь отель или пансионат.

В тот вечер, когда Грегори вернулся от Шеппарда, он больше чем когда-либо мечтал о тишине и покое. Спиртное окончательно выветрилось у него из головы, остался

только неприятный, терпкий вкус во рту, и воспалились глаза, словно засоренные песком. Лестница, погруженная во мрак, была пуста. Он быстро пересек салон, в котором холодно поблескивали по углам темные зеркала, и с облегчением затворил за собой дверь. По привычке — это уже был рефлекс — он замер, прислушиваясь. В такие минуты он не размышлял, а действовал инстинктивно. В доме царил мертвая тишина. Он зажег свет, почувствовал, что воздух душный, тяжелый, распахнул дверь на террасу и занялся приготовлением кофе в маленькой электрической кофеварке. Голова у него разламывалась. Боль, притаившаяся, пока он был занят делами, теперь как бы поднималась на поверхность. Он опустил на стул возле шипящей кофеварки. Ощущение, что его в этот день постигло несчастье, не проходило. Он встал. А ведь ничего не произошло. От него ускользнул человек, несколько напоминавший мертвеца на фотографии. Шеппард поручил ему дело, которое он сам жаждал расследовать. Инспектор наговорил массу странных вещей, но в конце концов это только слова, а Шеппард мог слегка почудить. Может, он на старости лет ударился в мистику? Что еще? Он вспомнил свое приключение в зеркальном тупике пассажа — встречу с самим собой — и невольно усмехнулся: ну и детектив из меня... «В общем, если я даже завалю дело, ничего не случится», — подумал он. Достал из ящика стола толстый блокнот и вывел на чистой странице: «МОТИВЫ. Жажда денег — страсть (религиозная, эротическая, политическая) — безумие».

Он начал вычеркивать пункт за пунктом, пока не осталась только «религиозная страсть». Какая чушь! Он отшвырнул блокнот. Подпер голову руками. Кофеварка шипела все более сердито. Это наивное выписывание мотивов в блокнот не так уж глупо. Снова где-то рядом замаячила мысль, которой он боялся. Пассивно ждал. В нем нарастала мрачная убежденность, что вновь разверзается нечто непостижимое, тьма, в которой он будет передвигаться беспомощно, как червь.

Он содрогнулся. Встал, подошел к столу и раскрыл внушительный том «Судебной медицины» в том месте, где между страницами торчала закладка. Раздел назывался «Гнилостное разложение трупов».

Грегори начал читать, но минуту спустя только его глаза послушно следовали за текстом. Механически продолжая читать, он отчетливо увидел комнату Шеппарда, ее стены с галереей застывших лиц. Он представил себе,

как этот человек прохаживается там от окна к двери, в пустом доме, как останавливается перед этой стеной и смотрит. Грегори содрогнулся, ибо дошел до предела. Он подозревал Шеппарда. Кофеварка уже долгое время пронзительно свистела. Кипяток пенился под стеклянным колпачком, кофе был готов.

Он захлопнул том, встал, налил кофе в чашку и пил большими глотками, стоя в открытых дверях, не замечая, что обжигает горло. Над городом висела тусклая луна. Машины двигались по мостовой, гася полосы падающих на асфальт, как бы погруженных в темное стекло огней. Он услышал из глубины дома едва различимый треск, словно бы мышь принялась за тонкую деревянную переборку, но он знал, что это не мышь. Он чувствовал, что проигрывает прежде начала игры. Он удрал на террасу. Опершись руками о каменную балюстраду, поднял глаза к небу. Оно было усыпано звездами.

ГЛАВА III

Грегори проснулся с убеждением, что во сне нашел ключ ко всему делу, только не мог этого осознать. Во время бритья он внезапно вспомнил: ему снилось, что он был в луна-парке и стрелял из большого красного пистолета в медведя, который при попадании с рыком вставал на задние лапы; потом оказалось, что это был не медведь, а доктор Сисс, очень бледный, накрытый черной пелериной. Грегори целился в него из пистолета, который сделался мягким, как пластилин, и ни на что не походил, а Грегори все продолжал нажимать пальцем в том месте, где должен был находиться спусковой крючок. Больше он ничего не помнил. Побрившись, Грегори решил позвонить Сиссу и договориться с ним. Когда он выходил из дому, миссис Феншоу сворачивала в холле длинный ковер. Под ее стульчиком сидел один из котов. Грегори не умел отличать их друг от друга, хотя, когда они были вместе, видел, что один на другого не похож.

Позавтракал он в баре на другой стороне площади, а потом позвонил Сиссу. Женский голос сообщил, что доктора нет в Лондоне. Это спутало планы Грегори. В нерешительности он вышел на улицу, побродил возле витрин, около часа неведомо зачем кружил по всем этажам «Вулвортса», в двенадцать покинул универмаг и направился в Скотленд-Ярд.

Был вторник. Он подсчитал, сколько еще дней осталось до срока, назначенного Сиссом. Проглядел сообщения из провинции, скрупулезно проанализировал метеосводки и долговременный прогноз для Южной Англии, поболтал с машинистками, а на вечер условился с Кинси пойти в кино.

После кино снова не знал, чем заняться. Ему чертовски не хотелось штудировать «Судебную медицину», не из лени, а потому, что иллюстрации в учебнике портили настроение. Он, конечно, никому не признался бы в этом. Грегори понимал: надо ждать. Лучше всего было бы подобрать себе какое-нибудь, по возможности интересное, занятие, тогда время не тянулось бы так медленно. Но это не так-то просто. Он выписал книги и номера «Криминалистического архива», которые собирался почитать, в клубе посмотрел по телевизору футбольный матч, дома часа два посидел над книгами и отправился спать с убеждением, что зря потратил день.

Утром он проснулся с твердым решением изучать статистику. Приобрел несколько учебников, из книжного магазина направился в Скотленд-Ярд, где пробыл до обеда, после чего оказался на станции метро Кенсингтон-гарденс и попытался развлечься, как иногда развлекался студентом. Сел в первый же подошедший поезд, потом наугад вышел из вагона и целый час бродил по городу, повинувшись абсолютно случайным импульсам. Когда ему было лет девятнадцать, его увлекала эта игра с самим собой. Он не понимал, как получается, что, стоя в толпе, он до последнего мгновения не знает, поедет или нет именно этим поездом. Ждал какого-то внутреннего сигнала, какого-то волевого толчка, иногда говорил себе: «Теперь ты не двинешься с места» — и вскакивал в вагон в тот момент, когда двери захлопывались. А иногда строго одергивал себя: «Поеду следующим» — и садился в тот состав, что стоял перед ним. Грегори в те времена увлекался загадкой так называемой «случайности» и пытался свою собственную психику превратить в объект изучения и наблюдения, правда, без заметных результатов. Видимо, в девятнадцать лет такой метод постижения тайн психики может показаться забавным. Но теперь он удостоверился, что стал совсем другим Грегори, начисто лишенным фантазии, потому что через час (под конец он просто заставлял себя совершать пересадки, зная, что больше заняться нечем) ему это надоело. Он заглянул в «Европу» около шести, но у стойки увидел Фаркварта и тотчас ушел,

прежде чем тот его заметил. Вечером Грегори снова отправился в кино и помирал там со скуки. Дома изучал статистику, покуда от чтения длиннющих примеров его не сморил сон.

Было еще темно, когда его сорвал с постели телефонный звонок. Шлепая босиком по холодному паркету, он сообразил, что телефон звонит уже давно. Спросонок он не нащупал выключатель. А телефон все звонил и звонил. Вслепую он отыскал трубку.

— Грегори,— отозвался он.

— Наконец-то! Думал, ты загулял. Ну и сон у тебя! Дай Бог каждому. Слушай, я получил донесение из Пикеринга. Там пытались похитить труп...

Он сразу по голосу догадался: докладывал дежурный по Скотленд-Ярду Эллис.

— Пикеринг? Пикеринг? — пытался он вспомнить. Впотымах его шатало от недосыпа, а дежурный бубнил в трубку:

— Патрульный, наблюдавший за моргом, угодил под машину. «Скорая помощь» уже должна быть на месте. Знаешь, какая-то запутанная история. Грузовик, переехавший этого констебля, врезался в дерево. Впрочем, сам все увидишь.

— Когда это произошло? В котором часу?

— Ну, может, с полчаса назад. Рапорт я получил только что. Если хочешь взять кого-нибудь с собой, говори, я сейчас высылаю машину.

— Дэдди на месте?

— Нет. Он дежурил вчера. Возьми Уилсона. Он ничуть не хуже. Заедете за Уилсоном по пути, я сейчас подниму его с постели.

— Ладно, пусть будет Уилсон. И дай мне техника из третьего отдела, лучше всего Томаса, слышишь? Пусть возьмет с собой все причиндалы. Да, а доктор? Что с доктором?

— Я же тебе сказал: туда выехала «скорая помощь». Врач должен быть уже на месте.

— Да от нас, пойми! Не лечащий врач, а совсем наоборот!

— Хорошо, я это улажу. Теперь поторопись, машину высылаю!

— Дай мне десять минут.

Грегори зажег свет. Возбуждение, которое его охватило в темноте, пока звонил телефон, бесследно исчезло после первых же слов дежурного. Он шагнул к окну. Еще не рас-

светало. Грегори прикинул, что успеет принять душ, прежде чем Томас уложит все свое хозяйство. И не ошибся. Он расхаживал у подъезда, подняв воротник плаща, а машина все не шла. Взглянул на часы: скоро шесть. Послышался шум мотора. Это был большой черный «олдсмобил». За рулем сидел сержант Коллз, с ним рядом фотограф Уилсон, сзади еще двое. Машина не успела остановиться, как Грегори вскочил в нее и плотно захлопнул за собой дверцу. Дернувшись, машина стремительно рванулась вперед с зажженными фарами.

Сзади сидел Сёренсен, возле него Томас. Грегори построился рядом. Было тесновато.

— Есть что-нибудь попить? — спросил Грегори.

— Кофе. Термос за спиной у доктора, — отозвался сидевший за баранкой Коллз. На пустынных улицах он выжимал до семидесяти, помогая себе сиреной. Грегори отыскал термос, выпил одним махом целую кружку и передал термос дальше. Пронзительно выла сирена. Грегори любил такую езду: вокруг сплошная темень, только снег высветляет улицы.

— Что там произошло? — поинтересовался Грегори. Никто не отозвался.

— Донесение, как и положено, из провинции, — заметил наконец Коллз. — Будто бы парня, который нес дежурство на кладбище, вытащил из-под колес наш мотопатруль. Пролом черепа или что-то в этом роде.

— Ну, а труп?

— Труп? — задумчиво повторил Коллз. — Труп, кажется, остался.

— Как остался? — удивленно спросил Грегори.

— Видимо, этого типа спугнули и он слинял, — вмешался сидевший в углу рядом с Сёренсеном техник Томас.

— Ну, увидим, — буркнул Грегори. «Олдсмобил» ревел, словно у него не было глушителя. Сплошная застройка осталась позади; они приближались к предметам. Возле какого-то парка попали в полосу тумана. Коллз сбросил скорость, потом, когда прояснилось, прибавил газу. В предместье движение было оживленнее; ехали массивные грузовики с бидонами и двухэтажные освещенные автобусы, набитые людьми. Коллз включил сирену, расчищая себе путь.

— Вы не спали в эту ночь? — спросил Грегори доктора. У Сёренсена под глазами были круги. Он сидел насупившись, казался разбитым.

— Я лег после двух. Вот всегда так. И скорее всего, я не понадоблюсь.

— Кто-то не спит, чтобы некто мог спать,— заметил Грегори философски.

Пронеслись через Фулхэм, немного сбавили ход перед мостом и проехали над Темзой в разреженном тумане. Свинцовая река текла внизу, проплывал какой-то пароходик, люди на палубе суетились как угорелые. Где-то рывкнула сирена. Промелькнула рощица на выезде с моста. Коллз вел машину очень уверенно. Грегори считал его лучшим шофером в Скотленд-Ярде.

— Шеф знает? — бросил Грегори.

— Знает, Эллис ему докладывал. Шеф и распорядился,— сообщил Томас.

Он был таким же низеньким и быстрым, как сержант, но носил усики, делавшие его похожим на парикмахера из предместья. Грегори подался вперед. Так ему было удобнее, кроме того, между плечами сидящих впереди, он мог глядеть на дорогу. Мокрый снег под колесами многочисленных грузовиков спрессовался в гладкую корку. Грегори с удовольствием наблюдал, как Коллз входил в вираж, тормозя только двигателем, который начинал задыхаться и чихать, и тогда в середине кривой он включал скорость и выходил на прямую на полных оборотах. Он не срезал поворотов: полиции не пристало так ездить, разве что при чрезвычайных обстоятельствах; впрочем, на столь укатанном снегу любое нарушение могло привести в кювет.

Они были уже за Уимблдоном, стрелка спидометра легко колебалась, доходила до цифры «90», поднималась к сотне, падала, подрагивая, снова мало-помалу ползла вверх по шкале. Впереди них шел тяжелый «бьюик». Коллз подал сперва обычный сигнал — тот как бы не слышал; видно было его увеличивающуюся тыльную часть вишневого цвета с пляшущим на заднем стекле игрушечным медвежонком, и Грегори вспомнился вдруг его позавчерашний сон. Он усмехнулся, потому что сейчас был полон сил, чувствовал себя хорошо и уверенно. Коллз нагонял переднюю машину. Когда они были метрах в пяти, включил сирену; она оглушительно взвыла. «Бьюик», резко затормозив, сбавил ход, снег из-под его задних колес брызнул в их ветровое стекло. Съезжая в глубокий снег, «бьюик» слегка накренился, его багажник оказался вдруг перед самым капотом полицейской машины, столкновение казалось неизбежным. Коллз коротким и точным поворотом

баранки бросил машину вправо — они успели заметить изумленное лицо молодой женщины за рулем — и были уже далеко. Когда Грегори глянул в заднее стекло, «бьюик» только еще выворачивал на середину шоссе.

Туман растаял. Вокруг простиралась белая равнина, из домов вертикально вверх тянулись дымки, небо казалось плоским, и цвет его был столь невыразительным, что непонятно было, пасмурная стоит погода или нет. Пересекли железнодорожный переезд, шины отозвались нервным гулом, выехали на автостраду. Коллз напрягся, сел пониже, плотнее уместив ноги на педалях, салон оглашался воем мотора. Выжимали уже сто десять.

Вдали показалось небольшое селение. Возле дорожного знака Коллз стал притормаживать. Влево от автострады уходила длинная полоса асфальта со шпалерой старых деревьев; двумястами метрами далее автострада закручивала серпантин развязки. Едва они остановились, Грегори привстал, упираясь головой в крышу, чтобы взглянуть на карту, которую сержант развернул на руле. Им следовало свернуть налево.

— Это уже Пикеринг? — поинтересовался Грегори. Коллз переключал скорости, словно забавляясь.

— Еще пять миль.

Свернули на боковую дорогу. Она плавно шла в гору. Вдруг сзади засияло солнце. Омытое остатками тумана, оно почти не отбрасывало тени. Стало тепло. Они миновали два-три дома, длинные застройки, далеко отстоящие от дороги, какой-то дощатый барак; подъем кончился. Сверху было видно все местечко, в солнечном свете розовели дымки, извилистой темной линией ручей перерезал снежную равнину. Они переехали через железобетонный мостик. Сбоку вынырнула фигура полисмена в мотоциклетном шлеме. Плащ у него был длинный, почти до щиколоток. Он остановил их красным щитком. Коллз затормозил и опустил стекло.

— Дальше придется идти пешком, — объявил он пассажирам, перебросившись несколькими словами с полисменом. Включил мотор и съехал на обочину шоссе.

Все вылезли из машины. Окрестности сразу показались другими — белизна, безмолвие, покой, первые лучи солнца на верхушках деревьев у самого горизонта; в холодном воздухе ощущалось приближение весны. Снег срывался с ветвей каштанов и падал вниз смерзшимися комьями.

— Туда,— показал рукой полисмен из дорожного патруля. От шоссе, плавно огибавшего следующий плоский холм, расходились едва различимые, прикрытые заснеженными кустами аллейки, внизу виднелась черепичная крыша; напротив, на расстоянии каких-нибудь трехсот шагов, заслоняемый рядами придорожных деревьев, маячил нечеткий силуэт сильно накренившейся машины. Подоаль у края дороги стоял человек. Они двинулись по обочине, как посоветовал им патрульный. Мокрый снег оседал под башмаками, налипая на них. Грегори, шедший впереди, заметил, что на шоссе, перегороженном натянутой между деревьями веревкой, отчетливо отпечатались следы автомобильных покрышек. Они вынуждены были перебраться через кювет на поле и так добрались до места аварии.

Там, въехав передними колесами на обочину, с разбитой вдребезги фарой, вмятой в древесный ствол, застыл длинный пепельного цвета «бентли». Переднее стекло перечеркивали лучевидные трещины. Дверцы были приоткрыты, а сама машина, насколько мог различить Грегори, пуста. Подошел полисмен из местного участка. Грегори с минуту глядел на то, в какой позиции находится «бентли», и, не поворачивая головы, спросил:

— Ну, так что здесь стряслось?

— «Скорая помощь» уже уехала, господин инспектор. Забрали Уильямса,— доложил полисмен.

— Уильямс — это тот, который нес службу при морге?

— Да, господин инспектор.

— А где здесь морг?

— Там.

Грегори только теперь заметил кладбище — без ограды, с равномерными прямоугольниками надгробий, занесенных снегом. До этого Грегори не видел его, поскольку лучи восходящего, низкого пока солнца слепили глаза. Кустарник почти заслонял строение, к которому от шоссе вела дорожка.

— Это морг?

— Да, господин инспектор. Я дежурил сегодня до трех, и Уильямс меня сменил. Когда это произошло, комендант собрал нас всех, потому что...

— По порядку. Расскажите все, что знаете. Уильямс дежурил вслед за вами, и что случилось дальше?

— Не знаю, господин инспектор.

— А кто знает?

Грегори трудно было вывести из себя. У него имелся опыт в такого рода беседах.

Понимая, что придется ждать, люди из Скотленд-Ярда устроились кто как мог. Фотограф и техник бросили свои вещи на снег у кювета, где, прислоненный к дорожному указателю, стоял мотоцикл полицейского патруля. Сёренсен пытался закурить. Ветер гасил спички. Полисмен, блондин с добрыми, навывкате глазами, откашлялся.

— Никто не знает, господин инспектор. Дело было так: Уильямс дежурил с трех часов. В шесть его должен был сменить Пэррингс. А в половине шестого какой-то шофер позвонил на пост и сказал, что сбил полисмена, который кинулся прямо ему под колеса. Шофер пытался его объехать и угробил машину. И тогда...

— Нет,— сказал Грегори,— расскажите подробнее, не спеша. В чем состояло дежурство возле морга?

— Ну... мы должны были ходить вокруг и проверять двери и окна.

— Вокруг постройки?

— Не совсем, господин инспектор, потому что там, позади, кусты до самой стены, так что мы ходили по более широкому кругу, до могил и обратно.

— Сколько продолжался такой обход?

— Когда как. В эту ночь, возможно, и все десять минут, потому что выпало много снега, идти было тяжело, да еще туман, каждый раз приходилось проверять двери...

— Хорошо. Значит, в участок позвонил шофер этой машины, так?

— Так точно.

— А где он?

— Шофер? В участке, господин инспектор. Доктор Адамс сделал перевязку — ему немного поранило голову...

— Понятно. Доктор Адамс — местный врач?

— Так точно.

Грегори, который неподвижно стоял у края шоссе, с неожиданной строгостью спросил:

— Кто тут лазил? Кто истоптал весь этот снег? Там побывали какие-то люди?

Полисмен захлопал глазами. Он был озадачен, но спокоен.

— Здесь никто не появлялся, господин инспектор. Комендант приказал огородить место происшествия веревкой, и никто не ходил.

— Как это никто? А когда «скорая» забирала Уильямса?

— О, Уильямс лежал дальше. Мы нашли его там, под деревом, — он указал рукой ров на противоположной стороне шоссе, в каких-нибудь десяти — двенадцати шагах за грузовиком.

Не говоря больше ни слова, Грегори двинулся с места и вступил в пределы огороженного пространства, держась, по возможности, на самом его краю. «Бентли» подъехал с той же стороны, откуда и они, — вероятно, из Лондона. Продвигаясь все время с предельной осторожностью, Грегори прошел несколько десятков шагов туда и обратно по шоссе вдоль следов машины. Их четкие линии в каком-то месте пропадали, снег был стерт с поверхности до самого асфальта и небольшими комками раскидан по сторонам. Было ясно, что шофер резко тормозил, и заблокированные колеса, не вращаясь, действовали как снегоочиститель. Дальше виднелась пропаханная в снегу широкая дуга, заканчивавшаяся у задних колес «бентли», — его, видимо, занесло боком, и он наскочил на дерево. Мягкий мокрый снег зафиксировал также следы других машин, особенно глубоко отпечатались на краю шоссе двойные следы какого-то большого грузовика с характерными ромбовидными насечками на покрышках. Грегори прошел немного обратно, в сторону Лондона, и без труда убедился, что последней машиной, проехавшей здесь, был «бентли»; следы его в нескольких местах затерли отпечатки протекторов других автомобилей. Теперь он принялся разыскивать человеческие следы и с этой целью отошел достаточно далеко в противоположную сторону, удаляясь от группки людей и машины в кювете. По этому рву прошла целая процессия, так много оказалось в нем следов. Он сообразил, что таким путем должны были вынести жертву аварии санитары «скорой помощи». Мысленно он отдал должное добросовестности коменданта полицейского участка Пикеринга. На шоссе виднелись только следы массивных ботинок. Человек, который оставил их, бежал короткими неловкими шажками, точно плохой бегун, пытаясь развить высокую скорость.

«Он бежал со стороны кладбища, — сообразил Грегори, — выскочил на шоссе и бросился к местечку прямо по середине шоссе. Полисмен удирал с такой прытью? От кого?»

Грегори искал следы преследователя. Их не было. Снег вокруг лежал нетронутым. Он прошел еще дальше, вплоть

до места, где от шоссе отходила проложенная в густых кустах кладбищенская аллея. Через каких-нибудь двадцать шагов от поворота в аллею он наткнулся на следы машины и людей. Снег четко запечатлел их. Машина подъехала с противоположной стороны, развернулась и остановилась (следы шин в этом месте были глубокие), двое вышли из машины, третий подошел к ним сбоку и повел их к «бентли». Они шли к нему по дну кювета. Потом вернулись тем же путем, возможно, у них возникли какие-то осложнения с тем, которого они доставили, потому что виднелись круглые маленькие отпечатки — они ставили носилки на снег, прежде чем сунули их в машину. Место это находилось поодаль от начала аллеи. Грегори пошел было по ней, но тотчас вернулся, так как все было понятно. Следы убежавшего, наполненные голубоватой тенью, прямехонько вели к моргу, свежепобеленная стена которого виднелась на расстоянии каких-нибудь ста метров.

Грегори вернулся к «бентли», внимательно изучая следы бежавшего. В восьми шагах от места аварии следы пошли в сторону — возможно, этот человек хотел резко свернуть, но дальше мало что можно было разобрать, — снег был изрыт и затоптан.

«Водитель успел объехать бегущего, но машину занесло боком, и она зацепила его багажником», — решил Грегори.

— Что с этим, с Уильямсом? Как его самочувствие?

— Он без сознания, господин инспектор. Врач со «скорой» очень удивился тому, что он смог пройти дальше, ведь он свалился здесь. В этом месте.

— Откуда вы знаете, что именно здесь?

— Потому что тут кровь...

Грегори нагнулся ниже над указанным местом. Три, нет, четыре затвердевших бурых пятнышка глубоко проникли в снег; заметить их было нелегко.

— Вы находились здесь, когда «скорая помощь» его забирала? Он был в сознании?

— О нет, совсем без сознания.

— Истекал кровью?

— Нет, то есть кровь шла, кажется, только немного, из раны на голове, из ушей.

— Грегори, когда вы сжалитесь над нами? — спросил Сёренсен, демонстративно зевая. Он швырнул в снег начальную сигарету.

— Жалость регламентом не предусмотрена, — бросил Грегори и огляделся еще раз. Уилсон с треском расставлял свой штатив, а Томас тихо чертыхался: у него в чемодане рассыпался тальк, перепачкав все инструменты.

— Ну, тогда принимайтесь за дело, ребята, — заключил Грегори, — следы, замеры и так далее, лучше больше, чем меньше, а потом приходите в морг. Эту веревку позже можно будет снять. Возможно, найдется кое-что и для вас, доктор... и очень скоро. Где комендант? — обратился он к полисмену.

— На месте, господин инспектор.

— Ну, тогда пошли.

Грегори расстегнул плащ, ему стало жарко. Полисмен в нерешительности переступил с ноги на ногу.

— Мне тоже идти?

— Идемте.

Сёренсен шел за ними, обмахиваясь шляпой. Солнце порядком припекало, снег уже исчез с ветвей, они выглядели темными и мокрыми на фоне голубого неба. Грегори считал шаги до кустов, получилось ровно сто шестьдесят. Дорога и кладбище за ней лежали в тени между двух пологих холмов. Деревушка отсюда была не видна — только вился дым от нее. Снег лежал тяжелый и мокрый, тянуло холодом. Морг — небольшой барак, кое-как побеленный, задней своей стеной примыкал к густым зарослям кустарника. Два окошка выходили на северную сторону, в торце — дощатая дверь, полуоткрытая, без замка, но со скобой. Вокруг была уйма следов. У самого порога лежало нечто плоское, прикрытое брезентом.

— Это труп?

— Да, господин инспектор.

— Его не трогали? Он так и лежал?

— Точно так. Никто не прикасался. Комендант, как только прибыл вместе с врачом, осмотрел его, не прикасаясь.

— А этот брезент?

— Комендант приказал накрыть.

— А мог ли прийти сюда кто-нибудь, когда вы находились на шоссе?

— Не мог, господин инспектор, шоссе перекрыто.

— С той стороны. А если от Хэкки?

— Там тоже установлен пост, только его отсюда не видать, он за пригорком.

— Ну а через поля?

— Если только полями,— согласился полисмен,— но ему бы пришлось пересечь речку.

— Какую речку?

— Ну ручей, вон с той стороны.

Грегори пока не приближался к брезенту. Продвигаясь понемногу, он разыскал следы ночного патруля. Узкой утоптанной тропинкой они окружали ближайшие памятники, дугой огибали барак и возвращались назад через заросли кустов. Ветки были поломаны и местами втоптаны в снег. Те же, что и на шоссе, следы массивных башмаков отчетливо отпечатались там, где полисмен в темноте сбивался с тропинки.

Совершив обход, Грегори засекает время: четыре минуты. «На ночь и метель можно накинуть еще столько же,— подумал он,— и еще минуты две на туман». Он углубился дальше в кусты, спускаясь вниз по склону. Тотчас же снег провалился под ним. Грегори успел ухватиться за ветки орешника и удержаться у самой воды. Это было самое низкое место долины, в которой лежало кладбище. Скрытый заносами и потому неразличимый даже вблизи, здесь протекал ручей; поверхность воды была покрыта рябью возле подмываемых корней кустарника. В илистом дне торчали осколки камней, некоторые камни походили на булыжники. Грегори повернулся, не сходя с места. Несколько выше он увидел тыльную стену морга, только верхнюю ее часть, без окон, выступавшую из кустов на расстоянии полутора десятков метров. Начал карабкаться обратно, раздвигая упругие ветки.

— Где у вас каменщик? — спросил он полисмена. Тот сразу понял, о чем речь.

— Он живет прямо у шоссе, возле того мостика. Первый дом, такой желтый. Каменотесом работает только летом, а зимой столярничает.

— А камни как он сюда доставляет? По шоссе?

— Если уровень воды в речке падает, то по шоссе, а когда вода поднимается, сплавляет их по воде со станции. Развлекается в свое удовольствие.

— И там, на противоположном берегу, он эти камни обтесывает?

— Иногда и там, но не всегда. По-разному.

— Этот ручей течет со стороны станции, не правда ли?

— Да, но берегом не пройти, все заросло.

Грегори подошел к боковой стене морга. Одно окно было открыто, точнее, выдавлено, стекло разбито, един-

ственный острый осколок торчал из сугроба. Он заглянул внутрь, но ничего не разглядел: слишком темно.

— Кто сюда входил?

— Только комендант.

— А доктор?

— Нет, доктор не входил.

— Как его звать?

— Адамс. Мы не знали, подоспеет ли в срок лондонская «скорая». Первой приехала бригада из Хэкки, доктор Адамс был там ночью, поэтому прибыл с ними вместе.

— Да? — произнес Грегори. Он не слышал полисмена. С рамы разбитого окна свисал светлый завиток стружки. У самой стены отпечатался глубокий, неотчетливый след босой стопы. Грегори наклонился. Снег здесь был изрыт, словно по нему волокли изрядную тяжесть. Местами можно было различить продолговатые вмятины с гладким дном, словно их сделали, вдавливая в снег большую, удлинненную буханку хлеба. В одной вмятине что-то золотисто поблескивало. Он нагнулся еще ниже и подхватил пальцами несколько свернувшихся стружек. Склонив голову, с минуту рассматривал другое, закрытое окно. Оно было заляпано известкой. Он ступил в глубокий снег, опустился на колено, откинув предварительно полу плаща, потом поднялся и снова все оглядел. Глубоко втянул воздух. Широко расставив ноги, засунув руки в карманы, он окинул взглядом белое пространство между кустами, моргом и первым надгробием. Бесформенные глубокие следы с гладкими вмятинами начинались у разбитого окна, делали петлю и вели к дверям. Они отклонялись по пути то в одну, то в другую сторону. Словно какой-то пьяница толкал перед собой мешок. Сёренсен стоял в стороне, приглядываясь к следам со сдержанным любопытством.

— Почему нет замка? — обратился Грегори к полисмену. — Был ли он?

— Был, господин инспектор, но испортился. Могильщик собирался отдать его кузнецу в ремонт, да забыл, потом наступило воскресенье, ну словом... — развел он руками.

Грегори молча приблизился к брезенту. Осторожно приподнял жесткий край и отбросил его в сторону.

У его ног лежал по боку голый человек с поджатыми руками и ногами, словно он опирался коленями на что-то невидимое или отпихивал это что-то от себя локтями и коленями. Он заполнял своим телом пропаханную в снегу

широкую колею, которая тянулась от окна. Примерно два шага отделяли его голову от порога. Там снег оставался нетронутым.

— Может быть, вы захотите его обследовать? — произнес Грегори, поднимаясь с колен. Кровь прилила ему к лицу. — Кто это? — обратился он к полисмену, который надвинул козырек пониже, так как солнце стало бить ему в глаза.

— Хансел, господин инспектор. Джон Хансел. Он был владельцем красильни.

Грегори не спускал глаз с Сёренсена, который крайне осторожно, в резиновых перчатках, извлеченных из плоского чемодана, касался ног и рук трупа, приподнимал веки, потом очень внимательно осмотрел позвоночник.

— Он — немец?

— Не знаю. Возможно, из немцев, но я об этом не слышал. Его родители были местные.

— Когда он умер?

— Вчера утром. Он давно уже жаловался на сердце. Врач запретил ему работать, но он не заботился о себе. Он абсолютно ни о чем не заботился с тех пор, как жена сбегала от него с одним типом.

— Были здесь еще какие-то трупы?

Сёренсен поднялся с колен, отряхнул брюки, носовым платком смахнул что-то с рукава и бережно уложил в футляр резиновые перчатки.

— Позавчера были, господин инспектор, но их уже схоронили. Похороны состоялись вчера, в полдень.

— Значит, вчера после полудня здесь находился только этот труп?

— Только он, господин инспектор.

— Ну что, доктор?

Грегори подошел к Сёренсену. Они стояли под стройным кустом; на его верхушке играло солнце, капель буравила снег.

— Что я могу сказать? — Сёренсен казался обиженным, сверх того — раздраженным. — Смерть наступила более двадцати четырех часов назад. Классические трупные пятна, полное отвердение жевательных мышц.

— А конечности? Ну что? Почему вы молчите?

Они разговаривали все тише, но все более нервно.

— Вы сами видели.

— Я не врач.

— Окоченения нет. Но кто-то и нарушил его. И баста.

— Оно наступит повторно?

— Должно наступить частично, но не обязательно.
Разве это важно?

— Но оно действительно было?

— Окоченение наступает всегда. Вам должно быть это известно. И прошу на меня не давить, так как я ничего больше не знаю!

— Благодарю,— произнес Грегори, не скрывая раздражения, и направился к двери. Она была приоткрыта, но, чтобы войти, требовалось перешагнуть, вернее, перескочить через труп, поэтому он сказал себе, что лучше не оставлять лишних следов, здесь и так все порядком затоптано. Он сбоку потянул за скобу. Дверь даже не дрогнула, плотно засыпанная снегом. Он дернул ее. Дверь резко закрипела, с грохотом ударив в стену. Внутри царилась тьма. Сквозь щель за порог нанесло немного снега, который растаял, образовав мелкую лужу. Грегори постоял с закрытыми глазами, ощущая неприятный холод, исходивший от стен, и терпеливо ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Разбитое окно пропускало немного света; стекло второго, замазанное известью, оказалось почти непрозрачным. Посредине стоял гроб, высланный стружками. На его край опирался венок из хвои, обвитый траурной лентой. Можно было прочесть выполненную золотом надпись: «Безутешная скорбь». В углу вертикально стояла крышка гроба. Полом служила плотно утрамбованная земля, под окном лежало немного рассыпанных стружек. У другой стены Грегори различил кирку, лопаты и связку свернутых, измазанных глиной веревок. Еще там валялось несколько досок.

Он вышел из морга и зажмурился — глазам стало больно от света. Полисмен, стараясь не коснуться покойника, осторожно прикрывал его брезентом.

— Вы дежурили в эту ночь до трех, верно? — спросил Грегори, приблизившись.

— Так точно,— вытянулся полисмен.

— Где находилось тело?

— Во время дежурства? В гробу.

— Вы проверяли?

— Так точно.

— Открывали дверь?

— Нет. Светил фонариком в окно.

— Стекло было разбито?

— Нет.

- А гроб?
- Что?
- Гроб был открыт?
- Так точно.
- Как лежал труп?
- Обычно.
- Почему покойник голый?

Полисмен оживился.

— Похороны должны были состояться сегодня, а с этой одеждой — целая история. С тех пор как жена Хансела сбежала два года назад, он жил вместе с сестрой. Характер у той скверный, никто не может с ней поладить. Одежду, бывшую на нем в момент смерти, которая случилась за завтраком, она отдавать не хотела, жалко ей стало: одежда, дескать, новая. Собиралась дать старую, но когда прибыл владелец похоронного бюро, не дала ничего, сказала, что покрасит в черное костюм похуже, а тот не собирался приезжать еще раз и забрал покойника в чем мать родила. Сегодня она должна была принести этот костюм...

— Грегори, я поеду, мне здесь уже делать нечего, — неожиданно заявил Сёренсен, который, казалось, прислушивался к разговору. — Вы мне дадите машину? Можете взять автомобиль в участке.

— Сейчас. Мы поговорим об этом, — бросил Грегори. Сёренсен раздражал его. Но все-таки добавил: — Постараюсь подыскать вам что-нибудь. — Он глядел на памятник брезент. Он хорошо запомнил покойника, хотя видел его один короткий миг: человек лет шестидесяти; натруженные руки, гораздо более темные, нежели лицо; почти лысый череп, только над затылком и на висках — седая щетина. Особенно врезалась в память печать удивления в несомкнутых, помутневших глазах. Ему захотелось сбросить плащ — становилось все жарче. Он нетерпеливо прикидывал, как скоро солнечные лучи проникнут в глубь этого пока что пребывающего в тени места. Надо обязательно успеть снять все отпечатки.

Он уже собирался послать полисмена на шоссе, когда увидел своих людей. Пошел им навстречу.

— Ну, наконец. Не теряйте времени, снег уже тает. Томас, больше всего меня интересуют следы между окном и дверью. Погуще посыпьте их тальком, снег мокрый. И легонечко, чтобы все не расползлось! Я отправляюсь в поселок. Измерьте все, что удастся, и расстояние до воды, там за кустами ручей. Нужно несколько снимков общего

плана, и хорошо обшарьте берег, может, я что-то там проглядел.

— Будьте спокойны, Грегори, — отозвался Уилсон. На ремне, переброшенном через плечо, он нес свой плоский чемодан, который ударялся о бедро, и создавалось впечатление, что его владелец хромает.

— Пришлите за нами машину, хорошо?

— Конечно!

Грегори направился к шоссе, забыв о Сёренсене. Когда он оглянулся, доктор шел за ним, стараясь не бежать. Веревки, огораживавшие место аварии, уже сняли. Два человека вытаскивали «бентли» из кювета. Возле моста виднелся «олдсмобил», обращенный в сторону Лондона. Ни слова не говоря, Грегори сел впереди, рядом с Коллзом. Доктор прибавил шагу, ибо мотор уже работал. Они проехали мимо полисмена из дорожного патруля и повернули к Пикерингу.

Полицейский участок размещался в двухэтажном доме на углу базарной площади. Полисмен провел Грегори наверх. Там был коридор с дверями по обеим сторонам и с окном в конце; через окно просматривались крыши одноэтажных домов на противоположной стороне площади.

Комендант поднялся при виде входящего. У него была вытянутой формы голова, на середине лба отпечата-лась красная полоска от каски, которая лежала на столе.

При первых же словах он несколько раз потер руки. Нервно, без признака веселости, улыбнулся.

— Ну, за работу, — вздохнул, усаживаясь, Грегори. — Как там дела у Уильямса, вы не в курсе? С ним можно будет побеседовать?

Комендант pokrutil головой.

— Исключено. Перелом основания черепа. Я минуту назад звонил в Хэки. Он в больнице, в бессознательном состоянии. Ему сделали рентген. Врачи говорят, что это протянется какое-то время, если он вообще выпутается.

— Да? Прошу вас, вы ведь знаете своих людей. Скажите, чего стоит этот Уильямс? Он давно в полиции? Ну, все, что вы о нем знаете.

Грегори говорил рассеянно, в мыслях он все еще находился возле морга и созерцал следы на снегу.

— Уильямс? Ну что ж, он тут у меня четыре года. До этого был на севере. Служил в армии. Был ранен, награжден орденом. Здесь женился, у него двое детей. Ничем особенно не выделялся. Увлекался рыбной ловлей. Уравнове-

шенный, неглупый. За все время службы — никаких серьезных нарушений.

— А несерьезные?

— Ну, может, был слишком... терпимый. Добрая душа, как говорится. Он по-своему толкует инструкции. Ведь в такой дыре все друг друга знают... Но речь шла о мелочах: слишком мало выписывал штрафов... Человек был спокойный, даже, я был сказал, слишком спокойный, то есть не был, а есть... — поправился комендант, и лицо у него дрогнуло.

— В привидения верил? — совершенно серьезно спросил Грегори. Комендант поглядел на него своими белесыми глазами.

— В привидения? — безотчетно повторил он. И неожиданно смешался. — В привидения?.. Нет, не думаю. Не знаю. Вы считаете, что он... — комендант не закончил фразу. С минуту они молчали.

— Вы можете себе представить, от чего он убегал? — тихо спросил Грегори, перегнувшись через стол. Он глядел коменданту прямо в глаза. Тот молчал. Медленно опустил голову, потом вновь ее поднял.

— Представить не могу, однако...

— Однако?..

Комендант изучал физиономию Грегори. Наконец, как бы разочаровавшись, пожал плечами.

— Ну хорошо. Перейдем к фактам. Пистолет Уильямса у вас?

— Да.

— И что?

— Он сжимал его в руке.

— Ах, так? Стрелял из него?

— Нет. Пистолет на предохранителе... Но... с патроном в стволе.

— Заряженный? А как ходят ваши люди? С незаряженным оружием?

— Да. У нас спокойно. Зарядить всегда успеется...

— Вы уверены, что Уильямс сам прошел или прополз несколько шагов от того места, где его сбила машина, до того, где его подобрала «скорая помощь»?

Комендант с удивлением глядел на Грегори.

— Он вовсе не поднимался на ноги. Смитерс, тот тип, который его сбил, показал, что сам перенес Уильямса тотчас же после аварии.

— Так. Ну, это упрощает дело. Скажем, что... упрощает, — добавил Грегори. — Он у вас, этот Смитерс?

— Так точно.

— Я хотел бы его допросить. Можно?

— Сию минуту.

Комендант открыл дверь и сказал кому-то несколько слов. Вернувшись, остановился у окна. Они ждали примерно с минуту. Вошел красивый мужчина в обтягивающих вельветовых брюках и пушистом свитере, стройный, узкобедрый, с физиономией героя-любовника из второразрядного фильма. Остановившись у порога, он с явным беспокойством смотрел на Грегори, который, повернувшись вместе со стулом, некоторое время приглядывался к нему, прежде чем сказать:

— Я провожу расследование по поручению Скотленд-Ярда. Вы сможете ответить на несколько вопросов?

Смитерс сдержанно кивнул.

— Я, собственно, уже все сказал... Я абсолютно не виновен.

— Если вы не виновны, ничего дурного с вами не случится. Вы задержаны, так как обвиняетесь в совершении аварии с угрозой для человеческой жизни. Вы не обязаны отвечать на вопросы, которые могут быть использованы против вас как основание для обвинения. Готовы ли вы отвечать?

— Конечно, да... мне нечего скрывать,— произнес молодой человек, больше всего напуганный официальной формулировкой, которую привел Грегори.— Я ничего не мог поделаться, уверяю вас. Он просто кинулся под колеса. Это шоссе, а не тротуар. Нельзя нестись ночью вслепую, да еще при таком тумане. Я ехал совсем потихоньку! Сделал все, что мог, по его вине разбил машину. Это он виноват! Понятия не имею, как выпутаюсь из этой истории, грузовик не мой...

— Прошу рассказать конкретнее, как это произошло. С какой скоростью вы ехали?

— Самое большее тридцать миль в час, клянусь Богом. Был туман, шел снег, я не мог зажечь верхних фар, потому что тогда еще хуже.

— Вы шли с выключенными фарами?

— Ничего подобного! Я зажег подфарники. И видел сдв на пять-шесть шагов. Разглядел его уже возле самого капота, говорю вам, он гнал, как слепой, как сумасшедший, просто лез под колеса!

— Что-нибудь в руках у него было?

— Не понял.

— Я спрашиваю: он держал что-нибудь в руке?

— Я не заметил. То есть потом, когда его поднял, заметил, что у него в руке пистолет. Но тогда не видел. Я со всей силы тормознул, меня завертело и развернуло задом наперед. Я напоролся на дерево и страшно изрезался,— он поднес руку к голове.

Запекшийся красный шрам тянулся через весь его лоб, исчезая в густой шевелюре.

— Я даже не почувствовал. Был смертельно напуган, мне показалось, что удалось его объехать, то есть я на самом деле миновал его, и даже не знаю, как зацепил, возможно, бампером, когда меня занесло. Он лежал и не двигался. Я принялся растирать его снегом, я вообще не думал о себе, хотя кровь заливала мне глаза. Он был без сознания, поэтому сначала я решил доставить его в больницу, но никак не мог завести машину стартером, что-то сломалось, не знаю что. Поэтому я бросился по шоссе и из первого дома позвонил...

— Вы перенесли его в кювет. Почему не в машину?

— Ну...— заколебался молодой человек,— потому... потому что вроде бы потерявшего сознание надо уложить ровно, а в машине места нет. Я сразу подумал, что если он будет лежать посреди дороги, то кто-нибудь может наехать...

— Хорошо. В каком часу произошел несчастный случай?

— Вскоре после пяти. Возможно, минут десять — пятнадцать шестого.

— Когда вы бежали к селению, кого-нибудь встретили на шоссе?

— Нет, никого.

— А до этого, когда ехали, вам никто не попадался? Пешеходы? Машины?

— Пешеходы — нет. Машины? Тоже нет. То есть я обогнал два грузовика, но это было еще на автостраде.

— Откуда вы ехали?

— Из Лондона.

Наступила тишина. Смитерс приблизился к Грегори.

— Господин инспектор... я могу сейчас уйти? И кстати, что будет с машиной?

— О машине не беспокойтесь,— бросил комендант от окна.— Если хотите, мы направим ее в какой-нибудь гараж. Сами перетащим. Тут неподалеку есть авторемонтная мастерская, можем доставить туда, они ею займутся.

— Благодарю. Это очень кстати. Только мне придется телеграфировать относительно денег. Можно... можно мне уйти?

Грегори, обменявшись с комендантом взглядами и слегка кивнув, произнес:

— Прошу оставить свои подробные персональные данные и адрес. Адрес, по которому вас можно разыскать.

Смитерс повернулся на каблуках и замер, сжимая пальцами дверную ручку.

— А... что с ним? — тихо спросил он.

— Может быть, выкарабкается. Пока неизвестно, — сказал комендант. Смитерс открыл рот, но ничего не сказал и вышел. Грегори повернулся к столу. Подпер голову руками. Его охватила непонятная усталость. Хотелось так и сидеть, ничего не говорить, не думать.

— От чего же он убегал? — вдруг громко произнес он, неожиданно для самого себя. — От чего, черт возьми, он бежал?

— Может, скорее, — от кого? — подсказал комендант, усаживаясь за стол.

— Нет. Если бы он кого-то видел, то в том состоянии, в каком находился, открыл бы стрельбу. Вам не кажется? Я-то думаю именно так. Стрелял бы, как дважды два.

— Вы осмотрели следы? — спросил комендант. Он старательно всовывал ремешок своей каски в пряжку. Грегори присмотрелся к нему: глубокие вертикальные морщины на щеках, мелкие морщинки вокруг покрасневших глаз, в рыжей шевелюре поблескивают седые волосы.

— Может, расскажете, как там все происходило, когда вы туда прибыли? И в каком часу? — ответил вопросом на вопрос Грегори.

Комендант сосредоточенно поправлял острие пряжки.

— Дежурил Пэррингс. Этот юнец позвонил в полшестого. Он разбудил меня, я живу тут, рядом. Я сразу приказал известить вас и поехал.

— Было еще темно, когда вы туда добрались?

— Немного прояснилось, но висел густой туман.

— Снег шел?

— Уже перестал.

Комендант отложил каску, расстегнутый ремешок стукнул о стол.

— Доктор занялся Уильямсом, я помог втащить его в «скорую», — малый ведь крупный, а прибыл только один санитар. Тем временем приехали двое из дорожной поли-

ции. Я поставил их с двух сторон шоссе, а сам отправился на кладбище.

— У вас был фонарь?

— Нет, я одолжил его у Хардли — это сержант дорожной полиции.

— В каком положении находился труп?

— Он лежал у дверей, головой к порогу, руки и ноги были скрючены.

— Откуда вы взяли брезент?

— Он был в морге.

— Значит, вы вошли туда?

— Да. Втиснулся боком. Перемахнул через порог, понимаете. Было все-таки темно, я мог что-то упустить из виду, а с другой стороны, я видел, что там — только следы Уильямса. Я подумал, что, возможно, внутри морга... — комендант замолчал.

— Вы решили, что он еще там?

— Да.

Решительный тон ответа поразил Грегори.

— Почему вы так решили?

— Потому что там, внутри, что-то шевелилось, когда я посветил фонариком.

Грегори, сгорбившись, боком сидел на стуле и глядел в лицо коменданта. Их разделяло, возможно, полметра, а может, чуть меньше. Комендант не спешил. Он поднял глаза, и на его губах появилась неуверенная улыбка, словно он стыдился того, что должен сказать.

— Это был кот.

Он дотронулся до стола и добавил:

— Он у меня здесь.

— Где?

Грегори быстрым взглядом окинул комнату, но комендант отрицательно повертел головой:

— Здесь...

Он выдвинул ящик стола. В нем лежал небольшой газетный сверток. Комендант поколебался, но затем выложил его на стол. Грегори легко отвернул край смятой газеты. Белый, исхудалый котик с черной отметиной на кончике хвоста, с мокрой, спутанной шерстью, с неестественно распрямленными лапками, глядел на него единственным узким, как восклицательный знак, помутневшим зрачком.

— Он мертв?.. — Грегори, ошеломленный, взглянул на коменданта.

— Когда я туда вошел, он еще был жив.

— А!..— У Грегори вырвался крик.— А когда он подох?

— Когда я его поднял, он уже остывал. Дико мяукал.

— А где вы его нашли?

— Возле гроба. Сидел... на венке.

Грегори прикрыл глаза. Открыл их, поглядел на кота, накрыл его газетой и отнес на подоконник.

— Надо будет прихватить его, произвести вскрытие или что-то в этом роде,— буркнул он. Потер лоб.— Зачем вы его взяли?

— Из-за кошачьих следов. Вы не заметили их, не так ли?

— Нет.

— Потому что их не было,— пояснил комендант.— У меня был только фонарь, но я все хорошо осмотрел. Этот кот не оставил на снегу никаких следов.

— Так откуда же он взялся?

— Не знаю. Наверное, он уже был там. До того как пошел снег.

— А когда он пошел?

— После одиннадцати. Или немного позже, можно узнать поточнее.

— Хорошо, но как он туда попал? Может, он сидел там все это время?

— Вечером его не было. Стикс дежурил до трех. С одиннадцати до трех. Да, именно в это время.

— Этот Стикс... открывал дверь?

— Открывал, когда пришел. Он невероятно дотошный. Заступая на смену, он хотел выяснить, все ли в порядке. Я спрашивал его.

— Ага, вы думаете, что кот тогда и проскользнул?

— Да, я так полагаю.

Вошли Томас и Уилсон.

— Готово, господин инспектор. Все выполнено. Коллз повез доктора на станцию, сейчас вернется. Поехали?

— Да. Положите это в багажник. Сёренсен получит дополнительную работу,— не без злорадства произнес Грегори и протянул коменданту руку.— Благодарю вас. Если это будет возможно, я хотел бы, чтобы Уильямса перевезли в лондонскую больницу. Прошу меня известить, если что случится, хорошо?

Они спустились вниз. Грегори взглянул на часы и изумился — полдень миновал. Он порядком проголодался.

— Перекусим? — обратился он к остальным.

Рядом был небольшой ресторанчик, вроде бара, с четырьмя столиками. Когда усаживались, подъехал Коллз.

Уилсон позвал его. Сержант, оставив машину на улице, присоединился к ним. Ели молча. Фотограф подкрутил свой черный, чересчур элегантный ус и заказал пиво.

— Выпьете, господин инспектор?

Грегори отказался. Сержант тоже.

— Я за рулем,— напомнил он.

Когда вышли на улицу, было около двух. По придорожным канавам текли мутные ручьи, весь снег превратился в грязную жижу, совсем немного серого льда поблескивало на крышах. Грегори неожиданно захотелось вести машину. Коллз сел рядом с ним, остальные — сзади. Тронулись, взметая фонтаны талой воды. Грегори взглянул искоса на сержанта (может, он против быстрой езды, как-никак отвечает за машину), но Коллз поглядывал через боковое стекло с сонным выражением сытости. Грегори прибавил газу. Водил он недурно, но, по собственному суждению, слишком резко. Он сожалел об этом, ибо жаждал обрести безмятежную самоуверенность и невозмутимое спокойствие настоящего водителя. Это ему удавалось, пока он об этом думал. Покрышки пронзительно шуршали, за несколько минут стекла покрылись тысячами темных восклицательных знаков. За Уимблдоном на шоссе стало тесно. Грегори так и подмывало включить сирену: приятен мгновенный эффект, открывающий свободный проезд. Но ему было совестно; в сущности, спешить было некуда. Меньше чем за час они добрались до Лондона. Уилсон и техник отправились в лабораторию. Грегори хотел заглянуть домой, сержант подбросил его. Когда машина остановилась, Грегори, вместо того чтобы вылезти, угостил Коллза сигаретой, закурил сам, а потом спросил:

— Вы видели там все это... Что скажете?

Коллз медленно поднял голову и стал опускать стекло.

— Сержант, мы знакомы не первый день. Как вам кажется, существует ли что-нибудь, от чего бы вы ударили... с пистолетом в руке?

Коллз быстро взглянул на Грегори, чуть приподнял брови и старательно стряхнул пепел. Казалось, он уже ничего не скажет, когда он вдруг вымолвил:

— Танк.

— Нет, нет, вы знаете, в чем дело.

Сержант с удовольствием затаился.

— Я внимательно все это осмотрел. Он ходил там все вокруг и вокруг, а потом заметил нечто такое, что ему не понравилось. Он не дернул сразу. Это существенно. Оста-

новился и... достал револьвер. Только взвести курок уже не успел.

— А он не мог выхватить пистолет уже на бегу? — спросил Грегори. Глаза у него блеснули. Он бросил на сержанта короткий взгляд. Тот неожиданно улыбнулся.

— Вы сами знаете, что нет. Эти наши железки сидят плотно. Вы видели следы? Он несея, как заяц! Кто так летит, не станет возиться с кобурой. Ему пришлось бы замедлить бег. В самом густом тумане фары машины видны за десять шагов, если бьют в лицо, а он их не заметил. Он совсем ничего не видел. Порядком его там припекло.

— От кого может убегать полисмен с пистолетом в руке? — повторил Грегори, глядя перед собой невидящим взглядом. Он не ждал ответа и не получил его...

ГЛАВА IV

— Слушаю, — произнес Шеппард.

Грегори положил перед ним исписанный листок.

— Я составил небольшую сводку, господин инспектор...

9.40. Хансел умирает во время завтрака от сердечного приступа. Доктор Адамс констатирует смерть.

14.00. Приезжает владелец похоронного бюро. Сестра Хансела отказывается дать ему костюм, тот увозит покойника без одежды, доставляя его в морг в гробу.

17.00. Констебль Аткинс заступает на свой пост у морга. Труп покоится в открытом гробу. Дверь заперта на скобу, в которую воткнута щепка.

23.00. Дежурство принимает констебль Стикс. Открыв дверь, он заглядывает в морг. Никаких перемен. Начинается снегопад. Возможно, что в тот момент, когда Стикс не смотрел на дверь, в морг проник кот.

3.00. Стикса сменяет Уильямс. Он не открывает дверь, только светит фонариком через окно в присутствии Стикса, который подтверждает, что внутри никаких перемен, после чего удаляется в городок.

5.25—5.35. Смитерс по телефону сообщает в полицейский участок в Пикеринге, что сбил полисмена.

5.50—6.00. Приезжает «скорая помощь» из Хэкки с доктором Адамсом и комендантом полицейского участка. Уильямса увозят в больницу. На шоссе на расстоянии 170 метров от морга стоит «бентли», который

врезался в дерево, ударив Уильямса багажником или задним бампером. У Уильямса перелом основания черепа, сломаны три ребра. Он без сознания. Комендант едет в морг, удостоверившись, что дверь полуоткрыта, в метре от нее лежит труп, одно из окон разбито, стекло выдавлено изнутри, его осколки торчат в снегу. В морге комендант обнаруживает кота, забирает его с собой. Кот сначала ведет себя беспокойно, а по пути в поселок издыхает.

Следы, зафиксированные возле морга:

1. Следы констебля Уильямса, соответствующие отпечаткам его башмаков, образовали круговую тропинку возле морга; следы эти отдаляются от тропинки, приближаются к разбитому окну, потом направляются к шоссе и обрываются на месте аварии.

2. Следы коменданта участка — трудно различимые, так как он шел, главным образом, по следам Уильямса, лишь смазав их внутренний рисунок.

3. Один достаточно четкий след босой ноги, отождествленный с левой стопой умершего, обнаруженный под выбитым окном мертвецкой. След обращен пальцами к стене слегка внутрь, глубокий, как бы отпечатавшийся под действием большой тяжести.

4. От окна к двери, огибая угол строения, тянутся следы как бы от переползания на руках или коленях, с углублениями, похожими на вмятины, остающиеся от коленей. В двух местах хорошо сохранившиеся в спрессованном снегу отпечатки с признаками оттиска кожи (словно бы колено было обнажено).

5. В глубоком снегу среди кустов в направлении ручья, в 28 метрах от морга, обнаружены единичные кошачьи следы, соответствующие величине лапок сдохшего кота. Следы исчезают, словно бы кот взобрался на один из кустов.

6. На илистом дне ручья (наибольшая глубина рядом с моргом — 40 сантиметров) в 43, 41 и 38 метрах от морга — крайне неотчетливые, размытые, затрудняющие их идентификацию следы человека, вероятно, в обуви. Время их появления точно указать невозможно; по мнению экспертов, от двух до шести дней.

Примечания:

а) в следах, упомянутых в пункте 4, и под окном обнаружены единичные стружки, точно такие же, какими был устлан гроб;

б) следы, описанные в пункте 4, обрываются там, где найдено тело (на расстоянии одного метра от дверей);

в) минимальное расстояние от края тропинки, протоптанной констеблем Уильямсом, до заросшего орешником берега ручья по прямой — 13 метров. Здесь полутораметровая разница уровней (не слишком крутой склон, начинающийся за моргом, завершается небольшим — с полметра — обрывом у самой воды). Обломки камней, остав-

шиеся с лета от камнетесных работ, разной величины, от размеров картофельны до размеров человеческой головы, а подчас и крупнее, можно обнаружить как на дне ручья, так и в кустах. Некоторые камни выступают из-под снега или на том же уровне зажаты между ветками кустарника, там, где он особенно густой.

Состояние трупа. Помимо того, что зафиксировано детально в протоколе осмотра, обращает на себя внимание факт отсутствия трупного окоченения, которое накануне констатировал владелец похоронного бюро. Поскольку за столь короткое время оно не могло исчезнуть — обычно это происходит через 50—70 часов после смерти, — его нарушили искусственно.

Шеппард поднял глаза на Грегори.

— Вы знаете, как бывает с этим окоченением?

— Да. Я специально беседовал по этому вопросу со специалистами. Окоченение удастся устранить искусственно, после чего оно может уже не повториться или же восстанавливается в ослабленном виде.

Шеппард отложил листок.

— Каковы же выводы?

— Вас интересует моя версия?

— И это тоже.

— Преступник должен был проникнуть в морг до того, как Аткинс заступил на дежурство. Он спрятался внутри, возможно, в углу за крышкой гроба, либо укрылся за досками и веревками, которые лежат в самом темном месте, у стены. Около пяти он извлек труп из гроба и стал выдавливать стекло, пока оно не треснуло, и окно оказалось открытым. Уильямс, услышав шум, приблизился, а увидев разбитое стекло и открытое окно, выхватил револьвер. В этот момент преступник выпихнул труп через окно таким образом, что показалось, будто покойник сам передвигается. Уильямс потерял голову и обратился в бегство. Затем преступник вылез через окно, подтянул труп к двери и, возможно, тогда услышал или увидел нечто такое, что его спугнуло; он бросил покойника и бежал.

— В каком направлении?

— Было примерно полшестого, а значит, уже занимался рассвет. По дорожке, проложенной Уильямсом, он дошел до края зарослей, а потом, идя частично по веткам, частично по камням, которые торчат в кустах, держась за ветки, спустился к ручью и по дну его, переступая с камня на камень, направился к железнодорожной станции.

— Это все? — спросил Шеппард.

— Нет. Есть второй вариант. Злоумышленник пришел около четырех или после четырех по руслу ручья. Выждал с минуту, пока Уильямс миновал его, и потом влез по склону. Он наверняка оставил следы и на снегу, но их замело снегопадом, который продолжался еще часа три. Тропинкой, протоптанной Уильямсом, выдерживая известную дистанцию, он дошел до дверей, снял скобу, пробрался внутрь, прикрыв за собою дверь. Дальше он действовал примерно так, как в первом варианте: извлек труп из гроба, выдавил стекло, чем привлек внимание Уильямса, просунул мертвеца в окно, а когда Уильямс убежал, перетащил тело к двери, закрыл ее на скобу и возвратился к ручью. И пошел не по направлению к станции, а туда, где ручей пересекается с автострадой. Там его ждала машина, на которой он уехал.

— Обнаружены ли следы на автостраде?

— Много следов автомашин, но ничего конкретного. Все это только домыслы. Решающим будет то, что сообщит Уильямс. Если он заметил, что дверь была только прикрыта, а затычки в скобе не было, значит, мы примем второй вариант.

— Каково самочувствие Уильямса?

— Он пока без сознания. По-прежнему ничего не известно. Врачи говорят, что все станет ясно через два-три дня.

— Ну ладно... — сказал Шеппард. — Вам следует тщательно поработать над своей версией, это единственная альтернатива... «Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет...»¹

Грегори перевел взгляд с лица главного на его руки, неподвижно лежащие на столе.

— Вы так считаете? — медленно выговорил он.

— Я предпочел бы, чтобы вы не считали меня своим противником, Грегори. Лучше представьте себя на моем месте. Что тут смешного? — спокойно спросил Шеппард, заметив, что Грегори улыбается.

— Нет. Мне просто кое-что вспомнилось. Я тоже... впрочем, это не важно. Будучи на вашем месте, я размышлял бы так же. Невозможно проникнуть за стену, если отсутствует дверь.

— Хорошо. Рассмотрим первый вариант. Преступник, говорите вы, проник в морг до одиннадцати, раньше,

¹ Евангелие от Матфея, 28, 4.

нежели первый полисмен заступил на пост. Передо мной план. Где тут можно спрятаться?

— Здесь в углу, за крышкой гроба, или в противоположном, за досками.

— Вы как-то проверяли это?

— Нет, это теория. Можно укрыться за этой крышкой, но достаточно посветить сбоку фонарем, и тайник раскроется. Вот почему я больше склоняюсь к версии с досками. Ни один из констеблей тщательно не обследовал морг, они только заглядывали в дверь.

— Ладно. Но чтобы вытолкнуть труп в окно, преступник должен был изменить его положение, ибо труп утратил гибкость, не правда ли?

— Да. Он должен был сделать это в темноте. Затем высадил окно и опустил тело наружу.

— Каким образом он оставил свой босой след у стены?

— Ну, это, пожалуй, было не так уж сложно.

— Вы ошибаетесь, это крайне трудная задача. Злоумышленнику приходилось заниматься своим делом украдкой от Уильямса, уже привлеченного звуком треснувшего стекла. Это едва ли не самый критический момент. Уильямс наверняка не удрал бы, увидев виновника преступления. Он не стал бы улепетывать от человека, пытавшегося вытащить труп, поскольку он ждал именно такого человека. Выстрелил бы или нет, но скорее всего попытался бы задержать его, а не обратился в бегство. Вы согласны со мной?

Грегори не спускал с главного инспектора глаз. Наконец коротким жестом дал понять, что согласен.

Шеппард продолжал:

— Если бы труп упал в снег, а преступник оставался невидимым, скажем, присел на корточки за окном так, что снаружи его невозможно было заметить, то и тогда Уильямс не удрал бы, а ждал с пистолетом в руке, что произойдет. Держал бы, вероятно, под прицелом дверь и окно, если предпочел бы не входить внутрь, что в конечном счете приемлемо. Но не удрал бы. Вы и с этим согласны?

Грегори снова кивнул, всматриваясь в рисунок на письменном столе.

— Та же трудность возникает и во втором варианте. Правдоподобно только проникновение преступника внутрь помещения, ибо ему не требовалось укрываться за досками. Снег действительно мог засыпать его следы. Пошли дальше. Теперь уже о развитии событий, одинаковом в

обоих вариантах. После бегства Уильямса преступник вышел из морга, подтянул труп к двери, а потом улизнул сквозь кусты и дальше по руслу ручья. Ради чего он волок труп по глубокому снегу? Собственно, даже не волок его, как нам обоим прекрасно известно, но совершал нечто странное. В результате чего остались следы, словно кто-то голый полз на руках и коленях. Не так ли?

— Да.

— Зачем он это сделал?

— Ситуация еще хуже, чем во время нашей первой беседы...— сказал Грегори уже совершенно другим тоном, словно делал неожиданное признание.— Человек действительно мог проникнуть в морг, если он все хорошо рассчитал. Он мог идти следом за полисменом, ибо валил снег, было темно, метель заглушала шаги; мог пробраться в морг и ждать там, скажем, три четверти часа или час, пока снег надежно заметет следы. Есть, однако, еще кое-что... Я думал, что он хотел добиться эффекта, о котором вы говорили. Я воображал, что дело прояснилось до конца, когда допустил существование человека, действующего ради того, чтобы полиция поверила в воскресение из мертвых. Но теперь даже эта версия отпадает. Преступник передвигал труп и даже бросил его. Преступника могло что-то напугать. Но чего ради он двигал покойника по снегу? Состояние трупа говорит о том, что никакого воскресения не происходило, он должен был знать, что это станет ясно, однако же бросил труп. Этого я не могу постичь — ни в категориях уголовного преступления, ни в категориях безумия.

— Возможно, его спугнули, как вы минуту назад говорили. Может быть, он услышал шум подъезжающего автомобиля?

— Да, он мог даже увидеть его, но...

— Увидеть? Каким образом?

— Когда на автостраде сворачиваешь в сторону Пикеринга, свет фар падает сверху на кладбище и крышу морга, — автострада проходит несколько выше. Я обнаружил это вчера ночью.

— Но, Грегори, это крайне важная деталь! Предположим, что свет этих фар спугнул преступника и он бросил труп. Тогда мы имели бы объяснение загадки! Это был бы первый случай, когда он допустил просчет, не завершил запланированную акцию. Бросил труп, поскольку потерял

голову, подумав, скажем, что подъезжает полиция. Это должно стать основой вашей реконструкции... по крайней мере какое-то объяснение.

— Да, действительно объяснение,— согласился Грегори,— но... я не смею прибегнуть к нему. Человек, который, начиная действовать, изучает метеосводку, который тщательно планирует свои действия так, чтобы они соответствовали сложному математическому уравнению, такой человек должен знать, что свет автомобильных фар на повороте автострады освещает всю округу, захватывая и кладбище.

— Вы о нем слишком лестного мнения.

— Это правда. Я просто не в состоянии поверить, что он испугался. Он не боялся стоявшего в нескольких шагах полицейского с револьвером в руке, а испугался света далеких фар?

— Такое случается. Последняя капля, которая переполнила чашу... Он, возможно, не был подготовлен к этому. Или его ослепило. Вы не считаете, что это возможно? Вы снова улыбаетесь? Похоже, вы восхищены этим человеком, берегитесь, еще шаг, и вы сделаетесь его приверженцем!

— Возможно,— сухо отозвался Грегори. Он протянул руку к листу бумаги и почувствовал, что дрожат пальцы. Он спрятал руки под стол.— Возможно, вы правы...— добавил он в раздумье.— Я считал, что в общем мне удалось восстановить ситуацию. Но, может, я уже теряю голову. Только... Уильямса ведь напугал не сам труп, а то, что с трупом происходило. А происходило нечто такое, что повергло его в панику. Может быть, мы узнаем, что это было, но — почему?..

— Остался еще кот,— буркнул Шеппард как бы самому себе.

Грегори поднял голову.

— Да. И должен признаться, это мой шанс.

— Как вас следует понимать?

— Это знак закономерности, который отличает все дело в целом, это общая черта, непонятная, но общая. Ситуация, несмотря ни на что, совсем не похожа на хаос. Тут есть какой-то смысл, только вот цель по-прежнему неясна. Господин инспектор, я... хотя, как вы заметили, я сам...

Он волновался, ибо никак не мог выразить свою мысль.

— Я считаю, что мы не в состоянии ничего сделать, кроме как усилить контроль. Пока ничего. Но мы

добьемся того, что у злоумышленника не останется никакой щели. Он действует с беспощадной методичностью, и эта методичность теперь обернется против него. Сисс поможет нам вычислить, где именно следует ждать следующего случая.

— Сисс? — повторил Шеппард. — Я получил от него письмо.

Он выдвинул ящик стола.

— Сисс пишет, что новых случаев он уже не ожидает.

— Не ожидает? — Грегори ошеломленно глядел на Шеппарда, который спокойно кивнул.

— То есть, по его мнению, эта серия уже исчерпалась, завершилась, либо надолго, либо навсегда.

— Он это утверждает? На каком основании?

— Он пишет, что это требует более широкого исследования, которое он как раз начал, и что до окончания работы предпочитает воздержаться от каких-либо дальнейших объяснений. Вот и все.

— Ах так...

Грегори пришел в себя. Глубоко вздохнул, выпрямился и задумчиво оглядел свои руки.

— Видимо, он знает больше, чем мы, если... Но известны ли ему все результаты нашего расследования?

— Да. Я сообщал их Сиссу по его просьбе. Считаю, что мы были обязаны это сделать, так как он помог нам определить место...

— Да. Да. Естественно, — повторил Грегори. — Это меняет положение. Значит, остается только...

Он встал.

— Вы хотите побеседовать с Сиссом? — спросил Шеппард.

Грегори сделал неопределенный жест, он хотел прежде всего покинуть Скотленд-Ярд, быстрее прекратить этот разговор. Шеппард поднялся со своего стула.

— Я предпочел бы, чтобы вы не были столь нетерпеливы, — буркнул он, подняв на Грегори глаза. — Во всяком случае... не обижайтесь. Я прошу вас.

Грегори, застигнутый врасплох, отступил к дверям. Он видел ожидание на лице Шеппарда, сглотнул слюну и с усилием произнес:

— Я постараюсь, господин инспектор. Но не знаю, буду ли я сейчас с ним разговаривать. Не знаю. Мне необходимо еще...

Не dokonчив фразы, он вышел. В коридоре горел свет. Этот день тянулся невыразимо долго. Ему казалось, что с момента вчерашнего происшествия прошли недели. Он свернул к лифту и спустился вниз. Неожиданно для самого себя остановил лифт на втором этаже. Здесь находились лаборатории. Мягкая ковровая дорожка заглушала шаги. Обитые латунью двери блекло отражали свет ламп. Старомодные ручки блестели, отполированные бесчисленными прикосновениями рук. Он шел медленно, не задумываясь над тем, что сейчас сделает. Глухое бульканье доносилось из открытого помещения, в глубине темнели покрытые чехлами спектрографы на штативах. Какой-то человек в рабочем халате суетился возле бунзеновской горелки. Другие двери были настежь распахнуты; весь перепачканный чем-то белым, как пекарь в муке, Томас, склонившись над доской, устанавливал неуклюжие гипсовые отливки. Здесь все напоминало мастерскую скульптора-абстракциониста. Причудливо-узловатые глыбы застывшего гипса тянулись ровной шеренгой, а маленький техник, аккуратно обстукивая формы деревянным молотком, извлекал из них все новые куски гипса. Миска с растворенной полужидкой массой стояла на полу. Грегори оперся о косяк и глядел на суеющегося Томаса.

— А, это вы? Я уже закончил. Вы хотите это взять? — Томас начал перебирать отливки, приглядываясь к ним без профессионального удовлетворения. — Чистая работа, — буркнул он.

Грегори кивнул, взял в руки стоявшую на краю доски белую, неожиданно легкую глыбу и удивился, заметив отливку босой стопы, — длинной, худой, с широко расставленными пальцами. Местами гипс вспучивался грибообразными вздутиями.

— Нет, благодарю, не сейчас. — Грегори отложил отливку и вышел, провожаемый несколько изумленным взглядом Томаса, который расстегивал заляпанный гипсом халат. Уже в коридоре Грегори остановился и спросил через плечо: — Доктор у себя?

— Был с минуту назад. Возможно, уже ушел, точно не знаю.

Пройдя до конца коридора, Грегори без стука открыл двойные двери. На столе перед зашторенным окном горели маленькие лампы, дающие свет микроскопам. В пробирках и бутылках на полке поблескивали разноцветные растворы. Сёрнсена не было, только молодой доктор Кинг сидел за столом и писал.

— Добрый вечер. Сёренсена нет? — спросил Грегори и, не дожидаясь ответа, засыпал Кинга новыми вопросами: — Вы не знаете, что с этим котом? Сёренсен его исследовал?

— Кот? Ах, кот!

Кинг поднялся.

— Этим ведь занимался я. Сёренсена нет, он ушел. Сказал, что у него нет времени, — произнес он с многозначительной интонацией, которая как нельзя лучше свидетельствовала о его преданности своему начальнику. — Вот здесь. Хотите взглянуть?

Он распахнул маленькую дверцу в углу и зажег верхний свет. В узкой клетушке стоял лишь деревянный стол, заляпанный реактивами, в пятнах грязи и ржавчины. Грегори взглянул через дверь на лежавшую на нем распятую окровавленную тушку и попятился.

— Чего мне осматривать, — сказал он, — я в этом деле не понимаю. Итак, что вы обнаружили, доктор?

— Ну, в принципе... Я не ветеринар, — начал Кинг, слегка выпрямившись. Машинально он коснулся ряда ручек и карандашей, торчавших из верхнего кармана его сюртука.

— Да, да, я знаю, но я специально просил, проволочка нежелательна. Итак, доктор, как вы думаете, почему этот кот сдох?

— Он сдох от голода. Взгляните, какой он тощий. Вдобавок он, видимо, здорово промерз.

— Как это?..

Кинга, неизвестно почему, разозлило недоумение Грегори.

— А чего вы ждали? Яда? Нет, нет. Ручаюсь вам, что нет. Кто бы стал его травить? Пробу на мышьяк я тоже делал, только у него в кишках вообще ничего не было. Почему вы так разочарованы?

— Да нет. Вы правы. Разумеется. Ничего другого... — говорил Грегори, бессмысленно глядя на разложенные под краном инструменты. Там среди пинцетов лежал скальпель с прилипшим к острию клочком шерсти.

— Простите. То есть спасибо. Спокойной ночи.

В коридоре он повернулся и пошел обратно. Доктор Кинг уже сидел над своими бумагами.

— Простите, доктор... это был молодой котик?

— Какое там! Старый, только маленький. Такая порода.

Грегори чувствовал, что ничего нового не узнает, но продолжал спрашивать, держась за дверную ручку:

— Стало быть... другие причины смерти вы исключаете? Я имею в виду... какие-то необычные?..

— Что это значит? Какие, по вашему мнению, существуют необычные причины?

— Ну, может, какая-то редкая болезнь... ах нет, собственно, вы уже мне об этом сказали, я болтаю глупости. Простите,— отрывисто бросил он, ибо в прищуренных глазах Кинга уловил явную иронию.

Грегори прикрыл двери с истинным облегчением. С минуту постоял возле них, пока не услышал легкое насвистывание Кинга. «Это я привел его в такое хорошее настроение,— подумал он.— С меня достаточно».

Грегори сбежал вниз по лестнице.

В здании зажгли электрическое освещение, на улице был ранний вечер. Сильный южный ветер подсушивал тротуары. Грегори шел и насвистывал, ловя себя на том, что повторяет мелодию, которую исполнял Кинг. Он сжал губы. Перед ним на расстоянии нескольких шагов шла женщина. На спине у нее виднелось какое-то пятнышко, похожее на приставшую пушинку или клочок ваты. Обгоняя ее, он поднес руку к шляпе и уже почти открыл рот, чтобы сообщить ей об этом, однако промолчал, снова сунул руку в карман и прибавил шагу. Только минуту спустя он понял, почему ничего ей не сказал. У нее был острый, некрасивый нос. «Какой ерундой я забиваю себе голову»,— с раздражением подумал Грегори.

Он спустился в метро и первым поездом отправился на север. Стоя у стены, просматривал газету и поверх нее машинально отмечал названия станций, проносившихся за окнами. Он сошел на Вудел Хиллз. Поезд укатил, наполнив грохотом туннель. Грегори вошел в открытую кабину телефона-автомата и открыл телефонный справочник. Внимательно стал водить пальцем вдоль колонки фамилий, пока не нашел: «Сисс Харви, доктор философии, магистр гуманитарных наук, Бриджуотер, 876951». Он осторожно снял трубку, набрал номер, затем притворил дверь и стал ждать. С минуту слышны были лишь ровные гудки, потом — короткий щелчок и женский голос.

— Слушаю?

— Доктор Сисс дома?

— Его нет. Кто говорит?

— Грегори из Скотленд-Ярда.

Наступила краткая пауза, женщина, похоже, колебалась. Он слышал ее дыхание.

— Доктор будет через четверть часа.

— Через четверть часа? — оживленно повторил он.

— Вероятно. Передать, что вы звонили?

— Нет, благодарю. Я, возможно...

Не закончив фразы, он повесил трубку и стал рассматривать собственную руку, лежавшую на телефонном справочнике.

Сквозь стекло мигнули огни, к платформе подходил поезд. Он вышел, бросил рассеянный взгляд на светящиеся под бетонным сводом названия станций этого направления и сел в последний вагон.

Дорога в Бриджуотер заняла около двадцати минут. Все это время Грегори раздумывал над тем, кто эта женщина, чей голос он услышал по телефону. Сисс не женат. Мать? Голос слишком молодой. Прислуга? Он пытался вспомнить звук голоса, глухой и вместе с тем звучный, словно от этого невесть что зависело. Только бы не думать о беседе с Сиссом. Он не жаждал ее, он просто боялся, что и эта, наверняка уже последняя, нить оборвется в его руках. Станция метро выходила на широкую улицу со множеством больших магазинов, сверху тянулся железнодорожный виадук, слышался грохот проносящихся электричек. Сисс жил неподалеку. На этой улочке было почти темно, никакого движения; одинокая реклама фотопластинок вспыхивала зеленым огнем над одним из домов. Тот, в который вошел Грегори, выделялся — в полумраке, казалось, бесформенной — массой выступавших над тротуаром карнизов и балконов. Грязно-землистый отблеск рекламы, отраженный в окнах напротив, проникал в вестибюль; лестница была погружена во тьму. Он нажал кнопку осветительного автомата и двинулся наверх. Сисс наверняка обескуражит его своими сухими дедукциями. Он уйдет от него не только с ощущением краха, но еще и убежденный в собственной глупости. Ученый никогда не упускал случая доказать окружающим свое превосходство. Грегори уже собирался позвонить, когда заметил щель в дверях, впрочем, совершенно темную. Дверь была не заперта. «Я должен позвонить», — подумал он и осторожно толкнул ее. Дверь неслышно поддалась. Он вошел. Втянул ноздрями хорошо прогретый сухой воздух с едва уловимым ароматом пыльной, нагретой кожи, к которому примешивался

легкий прелый запах подвала. Этот запах был столь неожидан, что удивленный, ослепленный темнотой Грегори долго изучающе вдыхал воздух, пока не заметил впереди горизонтальную полоску света и ощупью двинулся в ее направлении.

Он наткнулся на чуть приоткрытую дверь комнаты. Там, заслоненная краем шкафа, горела стоявшая на полу настольная лампа. Громадная тень мерно двигалась по потолку то в одну, то в другую сторону, словно какая-то уродливая птица попеременно распрямляла то левое, то правое крыло.

Это была большая квадратная комната с эркером — трехстворчатым окном, закрытым черной, чуть раздвинутой шторой. Все стены занимали книги.

За спиной Грегори, со стороны передней, слышалось переходящее в свист шипение газовой горелки, перемежаемое стуком ударяющих по жести капель. Казалось, только эти звуки нарушали абсолютную тишину, но нет — Грегори уловил тяжелое человеческое дыхание.

Он двинулся вперед и увидел Сисса, который, сидя на полу возле стола, при свете лампы укладывал в стопки толстые папки с бумагами. Здесь было еще теплее, чем в прихожей, воздух сохранял характерную сухость, свойственную помещениям с центральным отоплением, но неприятный подвальный запах отчетливо давал себя знать.

Грегори долго стоял около дверей, не зная, как поступить. Странная ситуация затянулась сверх всякой меры. Сисс сидел спиной к нему и планомерно работал, складывая папки, извлекаемые из выдвинутых ящичков письменного стола. Одни он отряхивал, с других сдувал пыль, отгоняя ее от себя рукой и недовольно фыркая. За спиной Грегори, вероятно, в кухне, продолжал шуметь газ. Он подумал, что там должна находиться женщина, чей голос он слышал в телефонной трубке. Он сделал еще один шаг, пол скрипнул, но Сисс не обратил на это внимания. Поддавшись внезапному порыву, Грегори энергично постучал в распахнутую дверь шкафа.

— Кто там? — произнес Сисс, и его треугольная голова с растрепанными волосами повернулась к детективу.

— Добрый вечер и... простите меня, — чуть громче, чем нужно, сказал Грегори. — Не знаю, помните ли вы меня, я — Грегори из Скотленд-Ярда. Мы виделись в главном управлении, у инспектора Шеппарда... Входная дверь была открыта, и я...

— Да. Помню. Что вам угодно?

Сисс поднялся с некоторым усилием, оттолкнул ногой ближайшую стопку папок и присел на стол, вытирая пальцы носовым платком.

— Я веду расследование по делу этой... серии,— с некоторым затруднением произнес Грегори.— Инспектор Шелпарт ознакомил меня с вашим последним письмом. Вы не предвидите в нем возможности дальнейших... дальнейших случаев. В связи с этим я и пришел...

— Ну да. Но я упомянул, что смогу представить разъяснения только через некоторое время. Я работаю один и не знаю, смогу ли...

Он оборвал разговор. Это было не в его манере. Сунув руки в карманы, он твердым длинным шагом прошел мимо детектива, приблизился к окну, повернулся на каблуках, неожиданно присел на батарею, охватил руками колени и уставился на стоящую на полу лампу. Какое-то время длилось молчание.

— Впрочем, может, это и не важно,— неожиданно сказал Сисс.— У меня изменились планы... весьма существенно изменились.

Грегори стоял в плаще и слушал, сознавая в то же время, что Сисс обращается не к нему, а говорит в пространство.

— Я был у врача. Я уже давно плохо себя чувствую. Моя продуктивность значительно снизилась. На основании средней продолжительности жизни моих родителей я предполагал, что у меня в запасе около тридцати пяти лет. Я не учел влияния интенсивного интеллектуального труда на кровообращение. У меня... значительно меньше времени. Это меняет дело. Я не знаю еще, смогу ли...— оборвав свою речь на полуслове, Сисс встал так быстро и порывисто, словно намеревался удалиться и оставить Грегори,— тот не удивился бы этому. Детектив не знал, с какой миной ему следует выслушивать эти признания. Но в правдивости их не сомневался. Спокойствие, холодная сдержанность, с какой говорил Сисс, не соответствовали его порывистым движениям — он срывался с места, делал несколько шагов и присаживался где придется, как раздраженное, измученное насекомое, в этом было нечто трогательное, как и в сухости его голоса, выдававшей отчаяние. Он не покинул комнаты, а присел на маленькую кушетку у противоположной стены. Над его птичьей головой, с клочками седых волос на висках, темнела большая репродукция «Сумасшедшей» Клее.

— У меня были планы на два ближайших десятилетия. Третье оставалось в резерве. Теперь придется это изменить. Я должен пересмотреть свои планы, отбросить все второстепенное, компилятивное. Не хочу оставлять после себя незавершенные работы.

Грегори молчал.

— Не знаю, продолжу ли я это дело. Ход дальнейшего расследования — тривиальная проблема: поиск гипотез. Я не терплю этого. Меня это не интересует. На тщательную обработку статистических данных потребовались бы долгие недели. А возможно, и месяцы из-за отсутствия соответствующих компьютеров.

— Наши люди... — начал Грегори, но не успел закончить.

— Ваши люди не годятся, ибо требуется не следствие, а научная работа, — оборвал его Сисс и встал. — Чего вы хотите? Объяснений? Вы их получите.

Он взглянул на часы.

— Я намеревался отдохнуть. Это дело не имеет ничего общего с криминалистикой. Никакого преступления не было — как в том случае, когда метеорит убивает человека.

— Вы полагаете, что причиной случившегося надо считать... силы природы? — спросил Грегори, но тотчас пожалел об этом и решил помалкивать, чтобы дать Сиссу возможность выговориться.

— Прошу не прерывать! У меня нет времени на дискуссии. Вы знаете, что такое силы природы? Я — нет. Перед нами проблема чисто методологического свойства, а ее внешне уголовная окраска перестала меня занимать. Впрочем, это никогда меня не интересовало.

Продолжая говорить, он подошел к стене, включил верхний свет и поглядел на Грегори. На его тонких губах мелькнула улыбка.

— Поглядите сюда. — Он указал на открытый шкаф. Грегори приблизился и увидел карту Англии, как бы покрытую мелкой красной сыпью. Алая крапчатость не была равномерной, в некоторых местах она сгущалась, охватывая города пятнистыми валами. Самыми бледными были участки внизу, на правой стороне, у побережья Ла-Манша, размером примерно в две ладони.

— Эта проблема не для вас, поэтому и объяснение, вероятно, не поможет, но другого нет, — произнес Сисс по-прежнему с холодной, слабой усмешкой. — Вы узнаете это наиболее бледное место?

— Да, это графство Норфолк, район, где похищали трупы.

— Нет. Эта карта отражает распространение раковых заболеваний в Англии за последние девятнадцать лет. Район с пониженной заболеваемостью, на тридцать процентов меньше среднего показателя за полвека, совпадает с районом, в котором исчезали трупы. Другими словами, здесь перед нами обратнo пропорциональная зависимость, которую отражает сформулированная мной закономерность. В данный момент я умолчу о ней, так как она мало что вам скажет.

В его едва уловимой улыбке таилось что-то оскорбительное.

— Первая наша обязанность — уважение к фактам, — продолжал Сисс. — Я, признаюсь вам, исходил из фактов. Трупы исчезали. Каким образом? Вероятно, куда-то уходили. Кто-то оказывал им в этом помощь? Да, если, как полицейский, вы жаждете подобной формулировки. Им помогал тот, кто помещает среди десяти миллионов правовинтовых улиток один экземпляр левовинтовой. Фактор статистической закономерности. Моей задачей было обнаружить связь одних явлений с другими. Наука никогда ничем другим не занималась и не будет заниматься. До окончания века. Воскресение? Вовсе нет. Это слишком сильно сказано. Я не утверждаю, что эти трупы оживали, что сердца начинали биться, мозг — функционировать, а запекаясь кровь разжижалась. Совершающиеся в трупах изменения в этом смысле необратимы. Другое дело, если бы вы спросили, передвигались ли они, меняли ли свое положение в пространстве? На это я отвечаю утвердительно. Но это всего лишь факты. А вот и объяснения.

Он подошел ближе к карте, поднял руку. И уже не улыбался. Он говорил быстро, энергично, своим высоким голосом, который минутами звучал торжественно.

— Изучить можно только то, что в структуре случайностей выявляет свою закономерность. Такого рода закономерность имела место. Следовало выявить связь этого явления с другими явлениями, и мне это удалось. Это естественный порядок действий в науке. Почему падают камни? Потому что существует гравитация. А что такое гравитация? Мы этого не знаем, но можем определить ее закономерности. Камни падают всегда, люди привыкают к этому. Явление, оставаясь непонятным, тем не менее становится обычным. Если бы трупы людей или животных по

обыкновенно удалялись от места смерти, если бы это происходило всегда, полиция не заинтересовалась бы происшествиями в Норфолке. Мне предстояло определить место этой серии редких, необычайных явлений, а потому привлекающих внимание в ряду случаев, уже наблюдавшихся, известных и давно существующих. Настолько давно, что они перестали вызывать удивление прохожих и любопытство полиции. Такого рода явление — заболеваемость раком. В моем распоряжении были приходские книги всего округа, а также больничные записи смертей за последние полвека. Я столкнулся со значительными трудностями, поскольку пятьдесят лет назад рак не был болезнью, которую врачи умели определить так, как теперь. В меру возможностей я получил данные о количестве смертей от рака и нанес их на эту карту, а результат перед вами.

Он погасил свет и вернулся к столу. Только теперь Грегори сообразил, откуда исходит этот неприятный запах: за дверцей шкафа, в углу, стояли низкие, длинные ящики, заполненные громадными фолиантами, потемневшими от старости, с заплесневелыми и вздувшимися переплетами.

— В самом кратком изложении дело обстоит так. Заболеваемость раком имеет свою собственную циклическую повторяемость, которая ею управляет. С конца девятнадцатого века наблюдается ее рост, не совсем регулярный. Все больше людей заболевают раком и умирают. Район графства Норфолк с окрестностями образует остров с самой низкой заболеваемостью. Это означает, что за последние три десятилетия число болезней удерживалось примерно на одном уровне. Зато в окрестных районах заболеваемость по-прежнему возрастала. Когда разница между этим островком и окрестными районами превысила некоторую величину, стали исчезать трупы. Центром, то есть местом первого исчезновения, является не геометрический, пространственный центр острова, но как раз то место, где заболеваемость раком минимальна. Оттуда явление распространялось как волна, определенным образом, с постоянной скоростью, в зависимости от температуры и так далее. Об этом я уже говорил, и вы должны это помнить. В последнем случае явление достигло границ острова. Формула, которую я вывел из численных данных заболеваемости раком, исключает возможность исчезновения трупов вне района острова. Исходя из этого я и написал Шеппарду.

Сисс умолк, повернулся и медленно поднял с пола лампу. С минуту он держал ее в руке, словно плохо понимая, как с ней поступить, и наконец поставил ее на стол.

— Только на этом вы и основывались?.. — вполголоса, принуждая себя к величайшей осторожности, спросил Грегори.

— Нет. Не только на этом.

Сисс скрестил руки на груди.

— Если в предыдущих случаях трупы исчезали, так сказать, насовсем, то есть удалялись на неизвестное расстояние и в неизвестном направлении, то в последнем случае их перемещение было относительно незначительным. Почему? Потому что феномен имел место в границах острова. Это помогло мне уточнить коэффициент моей формулы, поскольку уровень заболеваемости раком в пределах острова переходит к уровню заболеваемости в окружающих районах не скачкообразно, а постепенно.

Воцарилось молчание, до Грегори снова донесся шум газовой горелки.

— Да, — произнес он наконец. — А какова, по вашему мнению, сама причина этих исчезновений? Этих передвижений?

Сисс едва заметно улыбнулся, поглядывая на детектива с видом добродушного весельчака.

— И это все я уже изложил. Пожалуйста, не ведите себя, как ребенок, которому показали схему радиоприемника и уравнение Максвелла, а он спрашивает «да, но почему этот ящик говорит?». Ведь ни вам, ни вашим начальникам не приходит в голову начать следствие против того, кто вызывает заболевание людей раком? Не так ли? Точно так же вы, насколько мне известно, не искали виновника азиатского гриппа?

Грегори сжал челюсти и заставил себя вопреки всему сохранять спокойствие.

— Хорошо, — проговорил он, — с вашей точки зрения вы правы. Однако сам феномен воскресения, нет, простите, передвижения, вставания, хождения человеческих трупов вы уже в силу своих объяснений считаете полностью понятным, очевидным, не нуждающимся в дальнейших исследованиях?

— Вы принимаете меня за идиота? — удивительно кротким тоном произнес Сисс, усаживаясь на батарею. — Разумеется, здесь еще уйма проблем для биохимиков, физиологов, но не для полиции. Другое дело, что эти исследования могут продолжаться полвека и не дать окон-

чательного результата — как и исследования рака. Некоторые результаты может дать сразу только моя область — статистика. Точно так же, как при исследовании рака. Наверняка возникнут несколько конкурирующих друг с другом гипотез. Возникнут и такие, которые импонируют толпе и обеспечат тиражи бульварным газетам. Явление увяжут с летающими тарелками, со звездами, трудно сказать, с чем еще. Но меня это не касается.

— А какое место в вашем статистическом объяснении занимает эта... пададь, которую обнаруживают в местах исчезновения? — спросил Грегори, словно не слыша гневных нот, нараставших в голосе Сисса.

— Вас это интересует? Хорошо... — с неожиданным спокойствием произнес Сисс. Он охватил колено худыми сплетенными руками. — Я не исследовал этого математическими методами. Самое простое и примитивное объяснение — признать этих зверьков *vehiculum*, переносчиками фактора, приводящего труп в движение. Можно, скажем, признать этот фактор специфическим *agens* — возбудителем биологического характера — в том смысле, в каком подобным фактором мы считаем то, что вызывает болезнь. Скажем так: нечто, вызывающее раковую опухоль, может при известных обстоятельствах преобразоваться в наш фактор. Оно пользуется мелкими домашними животными для перемещения с места на место. Подобную роль выполняют, например, крысы во время эпидемии чумы.

— Род бактерий? — осторожно подсказал Грегори. Он оперся рукой о створку шкафа и, глядя не на Сисса, а на его огромную тень, лежавшую на полу, слушал, хмуря брови.

— Этого я не говорил. Не знаю. Ничего не знаю. Это гипотеза на глиняных ногах. *Hypotheses non fingo*. Я не терплю и не измышляю гипотез. Возможно, я и занялся бы проблемой, если бы располагал временем.

— Может, микроорганизмы, наделенные интеллектом. Значительным интеллектом. По осмысленности действий очень напоминающим человеческий.

— Кажется, вы первый хотите заработать на этой истории. Можно уже состряпать недурную статейку для прессы об этих разумных микробах, не правда ли? — В голосе Сисса вибрировала уже не насмешка, а злость.

Грегори, как бы не слыша, очень медленно приближался к нему, говоря все выразительнее и все быстрее, словно охваченный пламенем внезапной веры.

— В глубине района с пониженной заболеваемостью фактор начал действовать разумно, словно сознательное существо, но еще не обладал опытом. Не знал, например, что нагим трупам, как бы это выразиться, неловко появляться среди людей, что на этой почве могут возникнуть осложнения и трудности. Приводя в движение следующего покойника из серии, он позаботился об одежде. Зубами умершего он сорвал занавес и прикрыл непристойную даже после смерти наготу. Позже он научился читать, иначе как бы он сумел проштудировать метеорологические сводки? Но этот свет разума омрачился из-за чрезмерного приближения к границе района с низкой заболеваемостью раком. Там он мог лишь заставить застывшие конечности совершать плохо скоординированные движения, своего рода чудовищную гимнастику: вставать и плутовски выглядывать из окна кладбищенской мертвецкой...

— Как вы это хорошо знаете. Вы сами видели? — спросил Сисс, не глядя на него.

— Нет, не видел, но знаю, что может привести в ужас английского констебля. Танец трупов. Теряя слабеющий интеллект, он, видно, вспомнил Гольбейна и средневековые пляски смерти.

— Кто?

Грегори едва узнал голос ученого.

— Как, — удивился он, — как это кто? Биологический фактор, открытый статистикой. Я повторяю это за вами.

Грегори вплотную подошел к Сиссу, почти касаясь его коленей, так что тому пришлось слезть с батареи. Детектив видел перед собой лицо доктора так близко, что различал только глаза с сузившимися зрачками, тусклые и неподвижные. Так они стояли какую-то минуту, потом Грегори отступил и рассмеялся. Его смех прозвучал почти непринужденно и мог ввести в заблуждение своей естественностью. Сисс глядел на Грегори, пока лицо его судорожно не дрогнуло; он тоже начал смеяться.

Внезапно наступила тишина. Сисс подошел к столу, уселся в кресло и, откинувшись, стал барабанить пальцами по столешнице.

— Вы убеждены, что это я, не так ли? — заявил он.

Грегори не ожидал такой откровенности. У него не было ответа. Он стоял молча, — высокий, нескладный, с отчаянием пытаясь сориентироваться в новой ситуации.

— И следовательно, вы принимаете меня не за болвана, как я был склонен минуту назад предполагать, но за

сумасшедшего. Итак, мне грозит или арест, или опека психиатра. Обе возможности крайне нежелательны, особенно теперь, учитывая состояние моего здоровья. Впрочем, мне всегда было жаль потерянного времени. Я совершил ошибку, позволив Шеппарду уговорить меня сотрудничать. Но это случилось. Что я могу сделать, чтобы убедить вас в ложности этой гипотезы?

— Вы сегодня были у врача? — тихо спросил Грегори, подойдя к столу.

— Да. У профессора Вогема. Он принимает с четырех до шести. Я договорился о визите неделю назад по телефону.

— Что касается результатов обследования, существует врачебная тайна...

— Я позвоню профессору и попрошу его, чтобы он сообщил вам все, что сказал мне. А дальше?

— Это ваша машина стоит во дворе возле гаража?

— Не знаю. У меня серый «крайслер». Во дворе часто стоит несколько машин, в доме общий гараж.

— Я хотел бы... — начал Грегори, но тут раздался телефонный звонок. Сисс поднял трубку и склонился над аппаратом.

— Сисс, — сказал он. В трубке звучал возбужденный голос. — Что? — проговорил Сисс. И громче: — Где? Где?

Потом он уже только слушал, не отзываясь. Грегори медленно подошел к столу и, как бы нехотя, взглянул на часы. Было около девяти.

— Хорошо. Да, — отозвался наконец Сисси, двинул рукой, словно собирался положить трубку, однако тотчас снова приложил ее к уху и добавил: — Да, да, мистер Грегори у меня, я сообщу ему. — Он бросил трубку на рычаг, встал и подошел к карте, висевшей в шкафу. Грегори последовал за ним.

— Найдено тело, как представляется, одно из тех, которые исчезли, — проговорил Сисс так тихо, словно думал о чем-то другом. Он приблизил глаза к карте, вынул из кармана ручку и нанес значок у границы острова.

— В Беверли Корт, на дне бассейна после спуска воды. Тело мужчины.

— Кто звонил? — спросил Грегори.

— Что? А, не знаю. Я не интересовался. Он назвал фамилию, но я не обратил внимания. Вероятно, кто-то от вас, из Скотленд-Ярда. Какой-то сержант или кто-то в этом роде. Ну, так и должно быть. Они должны обнару-

житься — по очереди, как снаряды, выпущенные из орудия, хотя...

Он замолчал. Грегори стоял над ним, несколько сбоку, глядя ему в лицо прищуренными глазами. Он словно вслушивался в ритм дыхания Сисса.

— Вы считаете, что вернутся все? — произнес он наконец. Сисс поднял на него глаза и стремительно выпрямился. Он дышал громче, на щеках у него появились красные пятна.

— Не знаю. Это вполне возможно. Если такое произойдет, вся эта серия замкнется... и завершится, а вместе с ней и все остальное. Возможно, я слишком поздно сориентировался. Фотоаппараты, работающие в инфракрасных лучах, могли бы дать снимки настолько однозначные, что я был бы избавлен от этой... этой смешной роли.

— Беверли Корт уместается в вашей формуле? То есть — эта локализация вытекает из нее? — спросил Грегори неохотно.

— Вопрос неудачно сформулирован, — возразил Сисс. — Место, где обнаружатся тела, то есть где прекратится их движение, их перемещение, я определить не могу. Приблизительно можно вычислить только время с момента исчезновения вплоть до той минуты, когда явление прекратится. И то относительно. Позже всего должны обнаружиться тела, которые исчезли раньше. Вы можете объяснить себе это, например, тем, что фактор уделил им наибольшее количество двигательной энергии, в то время как на границе района он был ничтожен и мог вызвать только ряд нескоординированных движений. Но вы считаете, что я несу бред. Или что я лгу. В конечном итоге это одно и то же. Вы можете оставить меня сейчас одного? У меня сегодня полно дел. — Сисс указал на ящик с заплесневелыми книгами. Грегори кивнул.

— Сейчас я уйду, еще один вопрос. Вы ездили к врачу на машине?

— Нет, я ездил туда и обратно на метро. У меня тоже есть к вам один вопрос: каковы ваши планы по отношению ко мне? Речь только о том, чтобы я имел возможность как можно дольше работать без помех. Это понятно, не так ли? — Он просил.

Застегивая плащ, который давил на него так, словно превратился в свинцовый панцирь, Грегори вдохнул воздух, еще раз ощутив слабый запах подвала.

— Мои планы? Пока что у меня их нет. Хотел бы обратить ваше внимание на то, что я не высказал никаких

подозрений или обвинений и даже не упомянул о них ни единым словом.

Кивнув, Грегори вышел в темную переднюю. В полумраке он различил бледное пятно женского лица, которое тотчас исчезло. Дверь захлопнулась. Он разыскал выход и, спускаясь вниз, еще раз проверил время на светящемся циферблате наручных часов. Из подъезда он, вместо того чтобы выйти на улицу, направился в противоположную сторону, во двор, где стоял длинный серый автомобиль. Он медленно обошел вокруг, но в слабом свете, падавшем из окон дома, ничего подозрительного не обнаружил. Машина была темной, с запертыми дверцами, только зеркальные отражения окон дома передвигались хороводом уменьшенных огоньков на никелированном бампере в такт шагам Грегори. Он потрогал капот, тот был холодным. Однако это ни о чем не говорило, а до радиатора было трудно добраться. Ему пришлось сильно нагнуться, чтобы просунуть руку в глубь широкой щели, окруженной хромированными накладками, наподобие толстых губ какого-то морского чудовища. Он вздрогнул и выпрямился, услышав легкий стук. В окне второго этажа стоял Сисс. Он подумал, что ему нет надобности продолжать обследовать машину, поскольку Сисс своим поведением подтвердил его подозрение. Одновременно он почувствовал замешательство, словно его уличили в чем-то недостойном, и это чувство усилилось, когда он, внимательно следя за Сиссом, заметил, что тот вовсе не смотрит во двор. Он стоял в открытом окне, потом медленно, неловко сел на подоконник, подтянул колени и усталым жестом подпер рукой голову. Эта поза до такой степени не соответствовала представлениям Грегори о Сиссе, что он попятился на носках под прикрытие густой тени и наступил на какой-то кусок жести, который разогнулся под его ногами со страшным шумом. Сисс посмотрел вниз. Грегори стоял неподвижно, мокрый от испарины, злой, не зная, что предпринять. Он не был уверен, что его видно из окна, но Сисс продолжал глядеть вниз, и, хотя Грегори не видел ни его глаз, ни его лица, он все отчетливее ощущал на себе его презрительный взгляд.

Не смея даже и думать о дальнейшем осмотре машины, он опустил голову, сгорбился и с позором удалился.

Но прежде чем Грегори успел спуститься в метро, он остыл настолько, что почувствовал себя способным оценить нелепое происшествие во дворе — достаточно нелепое, чтобы вывести его из равновесия. Ибо Грегори был

почти уверен, что видел машину Сисса на исходе дня в городе. Кто сидел за рулем, он не заметил, но успел узнать характерную вмятину на заднем бампере, след какого-то давнего столкновения. Тогда он, занятый собственными мыслями, не придавал значения этой встрече. Она приобрела интерес, когда Сисс заявил, что ездил к врачу на метро, а машиной не пользовался. Ведь открытие, что Сисс лгал, само по себе не очень существенное, позволило бы ему (он ясно это чувствовал) преодолеть угрызения совести и почтение, которое он испытывал к ученому. Более того, оно разрушило бы сочувствие, охватившее его во время неудачного визита. Тем не менее и сейчас он не знал ничего, достоверность его послеполуденных наблюдений по-прежнему была отмечена злополучным «почти», которое лишало эти наблюдения всякой ценности. Он мог утешиться только тем, что обнаружил несоответствие между уверениями Сисса, стремящегося от него избавиться под предлогом крайней занятости, и его бессмысленным сидением на окне. Он, однако, слишком хорошо помнил позу Сисса, наклон головы и то, как устало он опирался на оконную раму. А что, если эту усталость вызвал их словесный поединок? Что, если из-за своего глупого рыцарства Грегори не сумел воспользоваться минутной слабостью противника и спасовал секундой ранее, чем прозвучали решающие слова?

Донельзя распалив себя этими мыслями, Грегори в бесильной злости мечтал теперь только о том, чтобы вернуться и подытожить данные в своем толстом блокноте.

Когда он выходил из метро, было около одиннадцати. Сразу же у поворота, за которым находился дом семейства Феншоу, в нише стены постоянно обретался, поджидая прохожих, слепой нищий с огромной облезлой дворнягой у ног. У него была губная гармошка, в которую он дул только при чьем-нибудь приближении, даже не пробуя делать вид, что играет,— он просто сигнализировал. Старость этого человека угадывалась скорей по его одежде, нежели по физиономии, покрытой растительностью неопределенного цвета. Возвращаясь домой поздно ночью или уходя на рассвете, Грегори встречал его всегда на том же месте, как вечный укор совести. Нищий принадлежал уличному пейзажу наравне с эркерами старой стены, между которыми он сидел. Грегори и в голову не пришло бы, что, молчаливо мирясь с его присутствием, он совершает должностной проступок. Он был полицейским, а, согласно полицейским инструкциям, нищенство воспрещалось.

Он никогда особенно не думал об этом человеке, однако старик, кажется, занимал какое-то место в его сознании и даже возбуждал какие-то чувства, проявившиеся в том, что Грегори, проходя мимо, немного ускорял шаг. Он не признавал подавания, но это не объяснялось ни его характером, ни его профессией. По неведомым ему самому причинам, он ничего не подавал нищим; думается, здесь срабатывала какая-то не совсем понятная застенчивость. Однако в этот вечер, уже миновав старика (впрочем, он заметил в свете далекого фонаря только караулившую собаку, которой подчас сочувствовал), он совершенно неожиданно для себя вернулся и подошел к темному углу, держа в пальцах извлеченную из кармана монету. И тогда произошел один из тех пустяковых случаев, о которых не рассказывают никому и вспоминают с ощущением жгучего стыда. Грегори, убежденный, что нищий протянет руку, несколько раз совал монету в неразличимый сумрак закутка между стенами, но каждый раз наталкивался только на неприятные в соприкосновении лохмотья; нищий вовсе не спешил получить подавание, но как-то неуклюже, с трудом прижимая к губам гармошку, дул ни в склад ни в лад. Преисполненный отвращения, не в состоянии нащупать карман в драной одежде, прикрывавшей скрюченное тело, Грегори вслепую положил монету и двинулся дальше, как вдруг что-то негромко звякнуло возле его ноги. В слабом свете фонаря блеснул катящийся вдогонку за ним его собственный медяк. Грегори безотчетно поднял его и швырнул в темный излом стен. Ответом ему был хриплый, сдавленный стон. Грегори, близкий к отчаянию, устремился вперед большими шагами, словно убегая. Весь этот эпизод, продолжавшийся, пожалуй, с минуту, привел его в дурацкое возбуждение, которое прошло лишь перед самым домом, когда он заметил свет в окне своей комнаты. Не прибегая к обычным предосторожностям, он взбежал на второй этаж и, слегка задыхаясь, остановился у двери. С минуту постоял у порога, внимательно вслушиваясь в тишину; было абсолютно тихо. Он еще раз взглянул на часы, которые показывали четверть двенадцатого, и распахнул дверь. У застекленного выхода на террасу за его столом сидел Шепард. При виде Грегори он оторвал взгляд от книги, которую читал.

— Добрый вечер, — произнес главный инспектор, — как хорошо, что вы уже вернулись.

Грегори был настолько ошеломлен, что не ответил на приветствие и не снял шляпы. Он застыл на пороге, кажется, с довольно глупым видом, ибо Шеппард слегка улыбнулся.

— Может быть, вы прикроете дверь? — произнес он наконец, прервав затянувшуюся немую сцену. Грегори опомнился, повесил плащ, пожал руку инспектора и выжидающе поглядел на него.

— Я пришел узнать, что вы совершили у Сисса, — проговорил Шеппард, вновь устроившись на своем месте и положив руку на книгу, за чтением которой застал его Грегори. Инспектор как всегда говорил абсолютно спокойно, но в слове «совершили» Грегори уловил иронию, поэтому он ответил, стараясь выдержать тон простодушной искренности:

— Но, господин инспектор, достаточно было мне сказать, и я позвонил бы вам; это, разумеется, не означает, что я не рад вашему приходу, но зачем же вы специально... — бойко зачастил он.

Однако Шеппард отказался принять эту наивную игру и коротким жестом оборвал словесный поток.

— Не будем играть в прятки, — изрек он. — Вы правильно предположили, я явился не только за тем, чтобы выслушать вас. Считаю, что вы допустили ошибку, и достаточно существенную, устроив эту штуку с телефонным звонком. Да, с телефонным звонком к Сиссу в то время, когда вы были у него. Вы велели Грегсону позвонить и сообщить о якобы обнаруженном теле, чтобы проверить реакцию Сисса. Итак, опережая ваш рассказ, рискну предположить, что вы ничего не узнали и этот блеф не дал результатов. Я не ошибся, не правда ли?

Последние слова он произнес резко. Грегори помрачнел и сразу утратил пыл. Потирая озябшие руки, он сел верхом на стул и буркнул:

— Да.

Все его красноречие улетучилось. Шеппард тем временем пододвинул к нему пачку «Плейерс», сам взял сигарету и продолжил:

— Это давно известный ход, типично книжный и чертовски проигрышный. Вы не узнали ничего или почти ничего, зато Сисс знает либо узнает завтра, что одно и то же, о ваших подозрениях. Не очень-то благородно с вашей стороны подстраивать ему ловушку. Кроме того, если стать на вашу точку зрения, что Сисс виновник либо со-

участник преступления, вы, предупредив его, оказали ему услугу. Ведь такой осмотрительный преступник, получив столь явное предупреждение, удесятерит свою предусмотрительность. Думаю, вы не сомневаетесь в этом?

Грегори молчал, потирая застывшие пальцы. Шеппард продолжал с тем же спокойствием, которому противоречила только глубокая складка между сведенными бровями:

— То, что вы ни слова не сказали мне о своем плане,— дело ваше. Я всегда стараюсь не стеснять свободу действий, которая необходима инспектору, ведущему у меня следствие. Но то, что вы не поделились со мной своими подозрениями относительно Сисса, просто глупо: я мог сообщить вам о нем многое не как начальник, а как человек, который знает его достаточно давно. От подозрений же по поводу моей особы вы, пожалуй, успели за это время избавиться, не так ли?

Щеки Грегори мгновенно покрылись румянцем.

— Вы правы,— ответил он, подняв глаза на Шеппарда.— Я вел себя, как идиот. Мое единственное оправдание — это то, что я никогда, никогда не поверю в чудеса, хотя бы мне пришлось лишиться рассудка.

— В этом деле мы все вынуждены поступать, как Фома неверующий, таково жалкое преимущество нашей профессии,— сказал Шеппард. Лицо его прояснилось, словно румянец молодого человека принес ему некоторое удовлетворение.— Во всяком случае, я пришел не с целью устраивать вам головомойку, а чтобы по возможности помочь. Итак, к делу. Как развивались события у Сисса?

Грегори с ощущением внезапно обретенной легкости духа принялся, ничего не утаивая, излагать подробности своего визита, который сам он считал провалом. Примерно в середине рассказа, когда Грегори дошел до странной сцены напряженного молчания, после которой они с Сиссом неожиданно рассмеялись, он услышал за стеной приглушенный, далекий звук и внутренне напрягся. Это мистер Феншоу начал свою ночную акустическую мистерию.

Грегори продолжал быстро, с воодушевлением говорить; ему делалось не по себе, ведь не было сомнения, что главный инспектор рано или поздно обратит внимание на эти невероятные в своей загадочности и нелепости звуки и тогда невольно окажется вовлеченным в орбиту необъяснимого бреда. Впрочем, Грегори не думал ни о чем кон-

кретно и не представлял, что может произойти. Он прислушивался к мистеру Феншоу, который расходился за стеной с упорством, с каким трогают нарывающий зуб. Серия стуков, затем мягкие и жидкие шлепки. Грегори, повысив голос, рассказывал все более энергичным тоном, с преувеличенным пылом — только бы Шеппард не обратил внимания на эти звуки. Вероятно, поэтому, закончив свой рассказ, он не умолк, но, испытывая неодолимое желание заглушить мистера Феншоу, позволил себе то, чего при иных обстоятельствах никогда бы не сделал, а именно обстоятельный анализ статистической гипотезы Сисса.

— Не знаю, как он вышел на эту историю с раком, — продолжал Грегори, — но существование такого «острова» с низкой заболеваемостью можно считать фактом. Естественно, следовало бы произвести сравнительные исследования в широких масштабах, скажем, по всей Европе, чтобы установить, нет ли где-нибудь еще таких «островов», как в графстве Норфолк. Это подорвало бы саму основу его гипотезы. Я не говорил с ним на эту тему, впрочем, он прав в том смысле, что это действительно не наша задача. Полиция, проверяющая достоверность научной гипотезы, в самом деле становится смешной. Что касается дальнейших логических выводов, то Сисс, разумеется, достаточно умен, чтобы не ошеломить меня фантастическими вариантами, наоборот, он сам их высмеивал. И что же остается? Я раздумывал над этим и вот до чего додумался. Первый вариант — осторожное предположение; мы исходим из того, что появился видоизменившийся возбудитель рака, скажем, какой-то малоизученный вирус. Тут можно размышлять так: рак создает в организме хаос; сам же организм — противоположность хаосу, это упорядоченность, гармония жизненных процессов. И вот фактор хаоса, раковый вирус, при неких обстоятельствах преобразуется, и хотя он по-прежнему существует в данной среде, люди перестают болеть раком. Он остается в их телах, но в результате изменяется до такой степени, что обретает совершенно новые возможности, превращаясь из фактора хаоса в фактор некой посмертной гармонии, то есть как бы временно подавляет хаос распада, который несет смерть, и стремится продлить жизненные процессы в мертвом организме. Проявлением такого действия вируса и служит перемещение покойников, движение трупов — результат необычайного симбиоза живого, то есть видоизменившегося вируса, с мертвым, с трупом. Правда, рассудок вос-

стает против такого объяснения и оно выглядит весьма неполным. Ведь вирус вызывает не какие-то произвольные движения, а чрезвычайно собранные, скоординированные. Что же это за вирус, под влиянием которого труп встает, находит себе одежду и удаляется столь ловко, что никто не успевает за ним уследить?!

Грегори оборвал свою речь, как бы ожидая реакции Шеппарда, однако в этот момент стена, приковывавшая его внимание, зазвучала чистой, легкой барабанной дробью, словно в комнате мистера Феншоу на нее падал невероятный, горизонтальный дождь крупных капель; поэтому он заговорил еще быстрее и громче:

— Вирус рака — это нечто вполне правдоподобное, однако нельзя в принципе объяснять невозможное правдоподобным, здесь скорее нужны неправдоподобные причины, и поэтому, естественно, Сисс как бы мимоходом упомянул о летающих тарелках, то есть о внеземных причинах. В этом варианте проблема обретает космический размах; перед нами как бы первый контакт Земли и ее обитателей с явлением звездного характера. К примеру, какие-то разумные создания, функционирующие непонятным для нас образом, стремятся познать людей и засылают непостижимым путем на Землю нечто вроде исследовательской аппаратуры. Эта аппаратура — микроскопический субстрат, его сбрасывают с тарелки в виде незримой взвеси. Он не атакует живые организмы, а ориентирован на мертвые. Почему? Скажем, чтобы не повредить живым телам, — свидетельство гуманности звездных пришельцев. Как проще всего механик может изучить конструкцию и действие машины? Очевидно, приведя ее в движение и изучая ее работу, не правда ли? Фактор — или неведомая аппаратура — так и действует: на время приводит в движение мертвое тело, добывая при этом необходимые пришельцам знания. Однако даже так нельзя объяснить все до конца. Во-первых, фактор ведет себя как бы осмысленно, это не орудие в нашем понимании, как, например, молоток, — скорее что-то вроде дрессированных бактерий, натасканных, как наши охотничьи собаки; во-вторых, наблюдается непонятная связь с раковыми заболеваниями. Если бы мне нужно было любой ценой подогнать гипотезу под это явление, я бы сформулировал примерно такую концепцию. В районе низкой заболеваемости раком люди не болеют не потому, что там нет вируса рака, а потому, что тамошние жители невосприимчивы к нему, и тогда мы можем сказать, что восприимчивость к раку обратно про-

порциональна восприимчивости к посланному со звезд фактору; тем самым спасены и статистика, и наше объяснение...

Грегори остановился. В комнате и в примыкающей к ней спальне мистера Феншоу воцарилась тишина. Шепард, который молча слушал и время от времени поднимал глаза на детектива, удивляясь не столько тому, что тот говорит, сколько его горячности, недовольно заметил:

— Во все это вы, разумеется, не верите...

— Ни минуты,— ответил Грегори, ощутив какую-то странную слабость. Ему вдруг стало безразлично, сохранится ли за стеной тишина или нет; захотелось снова, как после ухода от Сисса, остаться одному. Он молчал, пока не заговорил главный инспектор:

— Вам, очевидно, довелось много читать и изучать, у вас совсем не полицейская манера выражаться. Ну да, необходимо детально изучить язык врага... Сисс, во всяком случае, был бы вами доволен. Вы все еще его подозреваете, не так ли? Какие мотивы приписываете его поведению?

— Не то чтобы я его подозревал. Это означало бы, что я наступаю, а я по-прежнему в состоянии отступления, к тому же отчаянного. Я как крыса, загнанная в темный угол. Я только защищаюсь от невероятности этого дела. Ведь, господин инспектор... Если развивать такого рода гипотезы, можно договориться до чего угодно — например, объявить, что вмешательство фактора повторяется периодически, через значительные промежутки времени, что последний спад заболеваемости раком был приблизительно две тысячи лет назад, и не в Англии, а в Малой Азии, и в связи с этим произошел ряд воскресений: Лазарь, как вы знаете, ну и еще кое-кто... Если мы хоть на миг отнесемся к подобным историям всерьез, земля разверзнется у нас под ногами, почва превратится в студень, люди смогут появляться и исчезать, все станет возможно, а полиция должна побыстрее сбросить мундиры, разойтись, исчезнуть... впрочем, не только полиция. Мы должны иметь виновника, но если эта серия завершилась на самом деле, она будет теперь отодвигаться все дальше и дальше в прошлое, и останется лишь несколько гипсовых отливок, несколько противоречивых донесений не слишком интеллигентных служителей моргов и могильщиков — и что нам с этим делать? Последнее, что остается, это сосредоточиться на возвращении тел. Я теперь абсолютно

убежден, что вы правы: мой блеф действительно не дал никакого результата, телефонный звонок не вызвал у Сисса ни малейшего удивления, и, однако, сейчас... вы позволите?

Он сорвался со стула, глаза у него сверкали.

— Сисс после этого звонка сказал мне нечто конкретное. Он не только ждет появления трупов, но может даже подсчитать по своей формуле, когда они обнаружатся, то есть когда исчерпается их двигательная энергия, как он это называл... Нужно сделать все, чтобы это произошло при свидетелях! Хотя бы однажды!

— Одно только слово,— вставил Шепшард, который уже давно пытался что-то сказать, но Грегори, казалось, не замечал этого, он словно вообще забыл об инспекторе. Он кружил, вернее, бегал по комнате.

— Вы выдвигаете альтернативу: Сисс или фактор. И при этом сразу отклоняете ее вторую часть — фактор, так что остается лишь вульгарный обман, жуткая игра в мертвецких. А если обе части ложные? Если это не Сисс и не фактор? Если кто-то открыл, синтезировал, создал нечто и привил это нечто трупам ради научного эксперимента?

— Вы в это верите?! — воскликнул Грегори, подбегая к столу. Он остановился и, прерывисто дыша, уставился на спокойного, почти довольного Шепшарда.— Если вы верите, это... это... Абсурд! Никто ничего не открыл! Открытие, достойное Нобелевской премии, не меньше! Весь мир знал бы о нем. Это раз. А во-вторых, Сисс...

Грегори внезапно замолчал. Воцарилась полная, абсолютная тишина, в которой пронзительно отчетливо была слышна медлительная череда размеренных поскрипываний, доносившихся не из-за стены, а из глубины комнаты, в которой они находились. Звуки эти Грегори слышал не раз, со значительными, многонедельными интервалами, однако прежде это случалось лишь в темноте, когда он лежал в кровати. В первый раз череда скрипов, приближающихся к его постели, даже разбудила его; тогда он очнулся с полной уверенностью, что в комнате кто-то есть и босиком приближается к нему. Он тотчас зажег свет, но никого не было. Вторично это случилось в поздний час, почти под утро — он, измученный бессонницей, в которую ввергли его забавы мистера Феншоу, лежал в оцепенении, не похожем ни на сон, ни на явь. И тогда он тоже зажег свет, но, как и в первый раз, безрезультатно. В третий раз он не обратил на скрип особого внимания, сказав себе, что

в старом доме паркетные полы высыхают неравномерно, и их слышно только ночью, при полной тишине. Теперь, однако, комната была хорошо освещена; мебель, несомненно столь же старая, как и паркет, безмолвствовала. Зато паркет возле печи опять издал легкий и отчетливый треск. Потом скрипнуло дважды — ближе, где-то посередине комнаты, возле Грегори и за его спиной. И снова установилась тишина. Грегори застыл с поднятыми руками, и тут из комнаты мистера Феншоу слабо, будто издали, донесся хохот... или плач? — немощный, приглушенный, может быть, одеялом и завершившийся обессиленным покашливанием. И снова стало тихо.

— Во-вторых, Сисс частично противоречил себе...

Грегори тщетно пытался связать прерванную нить разговора, пауза была слишком значительной, он уже не мог делать вид, что ничего не случилось. Он несколько раз беспомощно мотнул головой, словно пытаясь вытрясти воду из уха, и сел на стул.

— Понимаю, — произнес Шеппард, наклоняясь и внимательно глядя на него. — Вы подозреваете Сисса, так как считаете, что к тому есть причины. Вероятно, вы пытались выяснить, где Сисс находился во время всех критических ночей? Если бы хоть однажды он имел абсолютно надежное алиби, подозрение рухнуло бы — или пришлось бы принять гипотезу о соучастии, сотворении чуда *per procigam*¹. И так?

«Он ничего не заметил? Возможно ли это? — молниеносно подумал Грегори. — Но это невозможно, разве что... разве что он глуховат. Ну конечно, возраст». Любой ценой он пытался сосредоточиться, вспомнить еще звучавшие в ушах слова Шеппарда, смысла которых он, однако, так и не осознал.

— Ну, конечно, разумеется... — пробормотал он. И, опомнившись: — Сисс такой отшельник, что о надежном алиби трудно говорить. Следовало его допросить, а я не сделал этого. Да, я провалил расследование. Провалил... Даже женщину, которая ведет его хозяйство, я не допросил...

— Женщину?.. — с явным удивлением произнес Шеппард. Он смотрел на Грегори с таким выражением, словно сдерживал смех. — Это его сестра! Нет, право, Грегори, нельзя сказать, что вы преуспели! Если вы не захотели допросить ее, следовало хотя бы допросить меня! В день,

¹ По доверенности (*лат.*).

когда исчезло тело в Льюисе, вы помните, между тремя и пятью часами ночи, Сисс был у меня.

— У вас? — шепотом спросил Грегори.

— Да. Я уже тогда привлек его к сотрудничеству, сначала приватно, то есть предложил ему материалы, имевшиеся у меня дома. Он ушел сразу после полуночи: не могу сказать точно, то ли в пять минут первого, то ли ближе к половине первого, но, даже предполагая, что полночь едва миновала, он должен был бы, сев в машину, мчаться на бешеной скорости до самого Льюиса, и то я сомневаюсь, что он успел бы прибыть на место к трем часам утра. Скорее, около четырех. Но не это самое главное. Вы знаете, есть различные формы материального неправдоподобия, например, когда сотню раз бросают монету и девяносто девять раз выпадает орел. Есть, однако, и неправдоподобия психологические, граничащие с абсолютной невозможностью. Я знаю Сисса много лет, это человек трудновыносимый, резкий и колючий эгоцентрик, при всем блеске ума, абсолютно лишенный такта или, может быть, просто не считающийся с тем, что нормы поведения соблюдаются не столько из вежливости, сколько ради простого удобства общежития. Насчет него у меня нет никаких иллюзий, но чтобы он мог прятаться на четвереньках под старыми гробами в мертвецких, чтобы подклеивал пластырем отвалившиеся челюсти покойников, чтобы выдавливал в снегу следы, ломал голову над тем, как устранить посмертное окоченение, чтобы тряс мертвым телом, словно куклой, пытаясь напугать полицейского, — все это абсолютно не вяжется с Сиссом, которого я знаю. Прошу учесть: я не утверждаю, что он не смог бы совершить преступления и даже злодеяния; считаю только, что он не способен осуществить его в столь ужасающе тривиальных обстоятельствах. Реален только один из этих двух Сиссов — либо тот, который провернул весь этот кладбищенский трагифарс, либо тот, которого я знаю. То есть, чтобы суметь срежиссировать такое, он должен был постоянно играть роль совсем другого человека, чем он есть на самом деле, или, выражаясь осмотрительнее, каким он оказался бы, совершив то, в чем вы его подозреваете. Неужели такая последовательная игра кажется вам возможной?

— Я уже сказал: мне кажется возможным все, что избавляет меня от необходимости верить в чудеса, — глухо произнес Грегори и принялся потирать руки, словно внезапно почувствовал озноб. — Я не могу позволить себе рос-

кошь заниматься психологическими опытами. Я должен найти виновника, найти любой ценой. Может, Сисс безумец, может, маньяк, страдающий распадом личности и раздвоением сознания, может, у него есть сообщник и своей теорией он лишь прикрывает подлинного виновника — вариантов множество, это дело экспертов.

— Вы можете ответить на один вопрос? — мягко спросил Шеппард.— Я хотел бы подчеркнуть, что отнюдь не собираюсь ничего вам внушать, ничего не предполагаю заранее и откровенно признаюсь, что в этом деле ничего, совершенно ничего не понимаю.

— Что это за вопрос? — резко, почти грубо бросил Грегори, чувствуя, что бледнеет.

— Почему вы не допускаете возможности иного объяснения, кроме чисто криминального?

— Но ведь я уже говорил, говорил неоднократно! Потому что альтернатива здесь одна — чудо!

— Вы так считаете? — произнес Шеппард, как бы вдруг опечалившись. Он встал, пригладил полы сюртука.— Ну что ж, пусть так. Алиби Сисса, о котором я говорил, необходимо еще проверить, не так ли? Я имею в виду случай в Льюисе, ибо в тот день я видел доктора только до полуночи. Мой плащ, кажется, здесь? Благодарю вас. Пожалуй, надо ожидать перемены погоды, мой ревматизм дает себя знать и мне тяжело поднимать руку. Благодарю вас. Уже за полночь. Я засиделся. До встречи! Да, еще одно: может быть, в свободное время, для разминки, вы разберетесь и сообщите мне, кто здесь, в кабинете, так скрипел, когда мы беседовали? Это-то не было чудом, не так ли? О, прошу, прошу не изображать удивления, вы это хорошо слышали! Может быть, даже слишком хорошо? Выход на лестнице, прямо вниз и через гостиную с зеркалами, я не путаю? Нет, прошу, не провожайте меня. Входная дверь на замке, но я заметил, что там торчит ключ. Вы можете позже ее запереть, воры не свирепствуют в этом районе. Спокойной ночи, а прежде всего спокойствия и благоразумия.

Он вышел, а Грегори поплелся за ним, не совсем отдавая себе отчет в том, что делает. Шеппард, не колеблясь, проследовал через анфиладу комнат и сбежал по лестнице к подъезду. Детектив спускался за ним медленно, держась за перила, словно пьяный. Входная дверь неслышно захлопнулась. Грегори дошел до нее, замкнул на ключ, дважды повернув его в замке, потом вернулся наверх — с гудящей головой, с воспаленными, словно от огня, гла-

зами. Он так и рухнул одетым на постель. В доме теперь царила полная тишина, в окнах маячили далекие огни, часы тикали тихо; так он лежал довольно долго.

Через некоторое время ему показалось, что лампа на столе светит слабее, чем раньше. «Вероятно, я страшно переутомился,— подумал он,— надо заснуть, иначе завтра буду ни на что не годен». Но не пошевелился. Что-то похожее на облачко или полоску дыма промелькнуло над пустым креслом, в котором недавно сидел Шеппард, но Грегори не удивился; он продолжал лежать неподвижно, вслушиваясь в собственное дыхание. Неожиданно послышался стук.

Три четких, отдельных удара заставили его повернуть голову к двери. Но он все равно не встал. Стук повторился. Он порывался сказать: «Войдите», но не мог; в горле у него пересохло, словно после попойки. Он встал, направился к двери и, взявшись за дверную ручку, замер, ибо неожиданно — это было как вспышка — его осенило. Он понял, кто стоит по ту сторону. Рванув ручку на себя, Грегори высунулся в темноту — за дверью никого не было. Он выбежал в длинную полосу света, падавшую из распахнутых дверей; руки он вытянул, чтобы не налететь на того, кто должен был стоять за порогом,— но там никого не было.

Он шел дальше и дальше, эхо его шагов становилось все громче. «Как огромен этот дом»,— подумал Грегори и сейчас же заметил высокую фигуру, отступавшую в боковой коридор. Он устремился туда — послышался легкий, стремительный топот ног, кто-то убегал от него. Неожиданно прямо перед собой он увидел закрывающуюся дверь, влетел в нее и с трудом остановился перед кроватью, застланной голубым одеялом. Он смущенно попятился, ибо узнал комнату мистера Феншоу. Лампа с алебастровым в прожилках абажуром висела низко над столом, почти касаясь его; стол был придвинут к кровати, в глубине комнаты высился шкаф с выпуклыми дверцами, а у стены, смежной с комнатой Грегори, стояли два женских манекена, какие можно видеть в салонах мод. Они были обнажены, свет лампы отражался на их кремовых туловищах. У обоих были красивые настоящие волосы; один из них, стоявший лицом к Грегори, с учтивой, мертвой улыбкой мерно постукивал пальцем в стену. Грегори оторопел.

В этот самый момент он увидел старого мистера Феншоу, сидевшего на полу за манекеном. Феншоу тихонько

хихикал, словно кашлял. В обеих руках он держал нитки, тянущиеся к рукам и туловищам манекенов, и ловко двигал ими с помощью небольших коромысел — как в театре марионеток.

— Нет, нет,— говорил он,— не надо бояться. Вы ничего не знали? Вероятно, эти звуки мешали вам спать? Я крайне сожалею, но я могу заниматься этим только по ночам. Я вызываю духов, знаете?

— Но для этого, кажется, необходим столик,— ту-по произнес Грегори, недоуменно обводя взглядом комнату.

— Столики — это уже старо, теперь это делается так,— сказал мистер Феншоу, продолжая дергать за нитки.

Грегори ничего не ответил. За спиной мистера Феншоу висела, достигая пола, оконная штора с желтой бахромой; с одной стороны она немного выпячивалась, словно была осторожно натянута на какой-то большой вертикальный предмет.

Грегори тотчас же обратился к мистеру Феншоу с каким-то необыкновенно глупым вопросом, чуть ли не об изготовлении манекенов, похвалил Феншоу за умение ловко двигать ими и, говоря это, одновременно передвигался не то задом, не то боком по направлению к шторе, пока не коснулся ее плечом. Выпуклость на шторе подалась — до упора. Грегори уже знал, что там стоит человек. Он глубоко вздохнул и секунду стоял напрягшись, потом начал ходить по комнате, увлеченно разглагольствуя. С какой-то пошлой откровенностью он исповедовался мистеру Феншоу в своих ночных страхах и, не будучи уверен, что усыпит в достаточной степени его подозрительность, без колебаний заговорил о своем расследовании. Он останавливался то перед манекенами, то перед шторой, говоря это им или прямо ей, словно уже не замечал мистера Феншоу. Эта игра давала ему ощущение возрастающего преимущества; он сознательно усугублял риск ситуации, приправляя свою речь двусмысленностями, швыряя их с торжествующим и сжавшимся сердцем в неподвижную оттопыренную желтую ткань. Громко смеясь, он обводил комнату решительными взглядами, словно бездарно играл детектива, а не был им на самом деле. В голове у него бился крик: «Выходи! Я вижу тебя!» Он говорил все быстрее и бессвязнее, выпаливая в спешке беспорядочные фразы. Он повернулся спиной к укрывавшемуся — тот был так близко, что Грегори ощутил тепло неподвижного тела; в глазах поднимающегося с пола старого мистера Феншоу

он уловил сострадание и удивление. Что-то вдруг схватило его, он не смог вырваться и замахал руками, теряя дыхание; леденящее, холодное острие пронзило его грудь, а все вокруг превратилось в застывшую фотографию. Он падал мягко, с ожесточением размышляя: «Вот, значит, как оно бывает: все останавливается, но где же боль?» — и остатком сознания ждал наступления агонии, стремясь открыть пошире глаза. В широко распахнутой желтой шторе, которую он видел снизу, стоял седой человек. Он склонился над Грегори и внимательно всматривался в него. «Я уже не вижу, — подумал инспектор в отчаянии, хотя еще видел, — и так и не узнаю, кто же из этих двоих?..» Окружающее приобрело очертания огромного, гудящего колокола, и в этот момент он понял, что человек, которого он уже было одолел, убил его, стал победителем. И это был конец сна — в темной комнате с остывшим, горьковатым запахом табачного дыма звонил телефон. По мере пробуждения, тяжелого, как сам кошмар, Грегори все отчетливее осознавал, что монотонный сигнал повторяется уже давно.

— Грегори, — прохрипел он в трубку, со всей силой опираясь на вытянутую руку; комната плыла у него перед глазами.

— Это Грегсон. Я уже полчаса как звоню. Слушай, старик, поступило донесение из Биверс Хоум, там нашли труп того типа, который исчез три недели назад.

— Что? — проговорил Грегори со страхом. — Где? Какой труп?

— Что с тобой, да ты еще спишь! Речь идет о теле того моряка, по фамилии Элони, которое исчезло из прозекторской. Его нашли на свалке, среди всякой ржавой рухляди, в ужасном состоянии; оно, должно быть, порядком там пролежало.

— В Беверли... — тихо произнес Грегори; у него шумело в голове, как после попойки.

— Нет, в Биверс Хоум, проснись наконец! Это десятью километрами дальше на север. Там, где большой конный завод лорда Олтрингема, знаешь?

— Кто нашел?

— Рабочие, вчера вечером, но только сейчас полицейский пост дал нам знать. Ты поедешь?

— Нет. Не могу, — неожиданно выпалил Грегори и спокойнее добавил: — Я ужасно себя чувствую, возможно, у меня грипп. Пусть едет Коллиз, вызови его, хорошо? И доктор Сёренсен, вероятно, не поедет, не захочет. Пусть

поедет Кинг. Обеспечь это, Грегсон, прошу тебя, слышишь?! Ну, Коллз прекрасно со всем справится. Да, и пусть прихватят с собой фотографа. Впрочем, ты и сам знаешь. Я действительно не могу.

Но замолчал, чувствуя, что слишком много говорит. С минуту в трубке царило молчание.

— Как хочешь,— наконец заявил Грегсон.— Если ты болен, то ясно, что не можешь ехать. Я полагал, что для тебя это крайне важно.

— Ну, разумеется! Я хотел бы знать, что там нашли. Я тотчас примусь за лечение, аспирин и так далее, думаю, что поставлю себя на ноги. В Скотленд-Ярд постараюсь прибыть около... около часа. Скажи Коллзу, что буду ждать его.

Повесив трубку, Грегори подошел к окну. Светало, он знал, что уже не заснет. Он широко распахнул дверь на террасу и, стоя в потоке пронизывающего, влажного воздуха, который шевелил занавеску, всматривался в бесцветное небо наступавшего дня.

ГЛАВА VI

Было около четырех, когда Грегори оказался перед рестораном «Ритц». Он бросил взгляд на уличные часы возле трамвайной остановки и задержался перед освещенным киоском, внутри которого медленно двигались подсвеченные кадры нового фильма. Он рассеянно смотрел на длинноногих женщин в порванном нижнем белье, на замаскированных гангстеров и разбивающиеся в клубах пыли машины. К ресторану подкатывали длинные американские автомобили. Из черного «паккарда» высадилась туристская пара, явно из-за океана; она — старая, отвратительно размалеванная, в накидке из соболей, сколотой бриллиантами, он — стройный, молодой, скромно одетый в серое. Держа дамскую сумочку, он терпеливо ждал, пока она выйдет из машины. За волной непрерывного движения на противоположной стороне улицы, над кинотеатром, засверкала неоновая реклама, отбрасывающая сизоватые отблески в окнах окрестных домов. Часы показывали ровно четыре; Грегори направился к выходу. Первая половина дня прошла так, как он и предполагал. Долгожданный Коллз привез протокол осмотра трупа и отчет о его находке; и то и другое, собственно говоря, было бесполезно. Ловушки для трупов, разумеется, оказались фик-

цией. Не мог же Грегори так расставить полицейских, чтобы контролировать площадь в двести квадратных километров.

Портье в щегольской livрее распахнул перед ним двери. Перчатки на его руках выглядели элегантнее, чем у Грегори. Инспектор чувствовал себя неловко, он плохо представлял, как пройдет эта встреча. Сисс позвонил ему около двенадцати и предложил вместе пообедать. Он был подчеркнуто любезен и, казалось, совершенно забыл о предыдущем вечере, даже не упомянул о злополучном блефе с телефонным звонком. «Второй акт», — подумал Грегори, оглядывая большой зал. Увидел Сисса, уклонился от приближавшихся официантов во фраках и подошел к столику между пальмами. Он удивился — вместе с Сиссом сидели двое незнакомых людей. Они поздоровались, Грегори сел. Он почувствовал себя довольно скованно на фоне ярко-алой обивки между майоликовыми горшками и пальмами. Столик находился на возвышении, отсюда виден был весь зал «Ритца»: изысканные женщины, разноцветные, подсвеченные фонтаны, колонны в псевдомавританском стиле. Сисс протянул ему меню; Грегори, делая вид, что читает, морщил лоб. Он чувствовал себя одуроченным.

Предположение, что Сисс жаждет искренней беседы, не оправдалось. «Осел, он намерен произвести на меня впечатление своими знакомствами», — подумал он, глядя на собеседников с подчеркнутым безразличием. Это были Эрмер Блэк и доктор Мак Кэтт. Блэка он знал по его книгам и фотографиям в газетах. Писатель лет пятидесяти, в зените славы... Несколько повестей после долгих лет безвестности принесли ему наконец признание. Он находился в отличной форме, было видно, что газетные фотографии, представляющие его на теннисном корте или с удочкой, сделаны совсем недавно. У него были большие, ухоженные руки, крупная голова с копной темных волос, мясистый нос и толстые веки, более темные, чем лицо, которое казалось старше, когда он закрывал глаза. Он делал это не раз и подолгу, словно оставляя собеседника в одиночестве. Второй мужчина выглядел значительно моложе, но только с виду: крайне сухощавый, моложавый, с близко посаженными голубыми глазами, с выступающим кадыком, который как бы переламывал ему шею, в слишком просторном воротничке. Он вел себя довольно эксцентрично — то устремлял взгляд через очки на стоявшую перед ним рюмку, то сутулился, то вновь, как бы опомнившись,

распрямялся и с минуту сидел с чопорным видом. Оглядывал зал с приоткрытым ртом, переводил глаза на Грегори и сверлил его пристальным взглядом, после чего внезапно улыбался, как нашкодивший мальчуган. Он походил на Сисса, возможно, поэтому Грегори подумал, что он тоже ученый. Но если Сисс напоминал длинноногую птицу, то Мак Кэтт скорее имел нечто общее с грызуном.

Ход этих зоологических сопоставлений Грегори превала мелкая стычка между Блэком и Сиссом.

— Нет, только не «Шато Марго», — категорически заявил писатель, потрясая картой вин. — Это отобьет любой аппетит. Оно лишает пищу вкуса и подавляет желудочный сок. И вообще, — он с отвращением взглянул на меню, — тут ничего нет. Ничего! Впрочем, это не мое дело. Я призываю к лишениям.

— Но позволь! — Сисс был всерьез озабочен. Появился метрдотель, напомнивший Грегори известного дирижера. Когда подали закуски, Блэк все еще ворчал и бурчал. Сисс упомянул было о каком-то новом романе, но его слова утонули в молчании. Блэк даже не делал попытки ответить; с набитым ртом он глядел на Сисса, а в его блестящих глазах был укор, словно доктор допустил Бог весть какую бестактность. «Этот знаменитый приятель держит его в ежовых рукавицах», — удовлетворенно подумал Грегори. Итак, они ели в молчании, фоном ему был гул, нараставший в зале. Мак Кэтт между супом и жарким закурил, неловко уронил обгоревшую спичку в бокал с вином и с трудом ее выловил. Грегори от нечего делать следил за его усилиями. Обед успешно двигался к завершению, когда Блэк подал голос:

— Я умиротворен. Но, Харви, будь я на твоём месте, я испытывал бы угрызения совести. Кто знает, что происходило с этой уткой в последние дни ее жизни! Погребения замученных всегда таят в себе нечто отравляющее аппетит.

— Но, Эрмер, — бормотал Сисс, не зная, что сказать. Он попытался рассмеяться, однако у него не получилось. Блэк медленно покачивал головой.

— Впрочем, я замолкаю. Эта наша встреча — встреча стервятников, слетевшихся с четырех сторон света. Ну и еще эти яблоки! Какая изощренная подлость — набивать беззащитные создания яблоками! Не правда ли? Кстати, ты, кажется, занят статистикой сверхъестественных кладбищенских случаев?

— Могу тебя с ней ознакомить. Ничего сверхъестественного в ней нет, уверяю тебя. Сам увидишь.

— Ничего сверхъестественного? Но это ужасно! Дорогой мой, тогда я не хочу знать эту статистику. Ни за что!

Грегори недурно забавлялся, видя, какие муки претерпевает Сисс, оказавшийся совершенно беззащитным перед писателем.

— Ну это же любопытно, — добродушно заметил Мак Кэтт. — Как проблема это действительно любопытно.

— Как проблема? Я слышал. Плагиат из Евангелия, ничего больше. Что же еще?

— Ты можешь хоть минуту быть серьезным? — с нескрываемым нетерпением спросил Сисс.

— Но я никогда не бываю более серьезным, чем тогда, когда шучу!

— Знаешь, что мне напомнила эта история? — спросил Мак Кэтт, обращаясь к Сиссу. — Дело о лошадях из Эберфельда. Ну, те лошади, что читали и считали. Там тоже смахивало на альтернативу: чудо или мошенничество.

— А ведь это не было мошенничеством, правда? Так оказалось в результате, — бросил Блэк.

— Разумеется, не было. Этот тип, который дрессировал лошадей, не помню его фамилии, вовсе не обманывал. Он тоже верил, что лошади в самом деле разговаривают и считают. Они выстукивали копытами или цифры, или буквы алфавита и не ошибались благодаря тому, что наблюдали за своим хозяином! Одним словом, читали не по его губам, а по всему его поведению, по мимике, произвольным жестам, позе, по движениям, столь незначительным, что они были неприметны для человеческого глаза. Ведь эти сеансы проходили под крайне жестким контролем ученых!

— И лошадям этого было достаточно?

— Трудно поверить, но это так. Следовательно, традиционная позиция, при которой признается одна из двух возможностей — чудо либо блеф, — оказалась ошибочной. Имелся третий выход.

— Я нашел более удачную аналогию, — заявил Сисс, опершись локтями о стол. — Вертящиеся столики. Известно, что такой столик начинает постукивать и пританцовывать даже под руками у людей, не верящих в спиритизм. С традиционной точки зрения перед вами снова либо обман, либо демонстрация духа. Между тем нет ни духа, ни обмана, а столик постукивает! Его движения — суммарный результат отдельных, микроскопических

мускульных импульсов людей, держащих руки на столе-шнице. Каждый из них — это сходный организм с аналогичной нервно-мышечной структурой. И вот перед нами специфический коллективный процесс, определяемый колебаниями тонуса, напряженностью мышц и ритмом нервных импульсов. Эти явления протекают у людей подсознательно, а в результате возникают значительные силы, периодически оказывающие давление на поверхность стола.

— Но позволь,— с истинным интересом отозвался писатель,— что же ты хочешь сказать? Что эти трупы были подчинены общим колебаниям кладбищенского мира? Что мертвые время от времени встают, ибо это следствие процессов разложения? Дорогой мой, по мне, лучше чудеса без статистического гарнира.

— Эрмер, тебе просто необходимо все высмеять! — вспыхнул Сисс. Его лицо покраснело.— Я провел только элементарную, приблизительную аналогию. Серию так называемых воскресений можно представить в виде специфической кривой. Все началось не с того, что трупы вдруг начали исчезать; сначала были случаи незначительных передвижений, потом эти явления стали нарастать, их число достигло максимума и начало уменьшаться. Что касается коэффициента корреляции с раком, то он выше, нежели коэффициент корреляции скоростных смертей с количеством пятен на солнце. Я тебе уже говорил, что...

— Знаю! Знаю! Я помню. Это просто рак а гебуурс¹, который не только не убивает, но, наоборот, воскрешает. Это очень хорошо, это симметрично, это по-гегельянски,— воскликнул Блэк. Его левое веко нервно задергалось, стало похожим на темного мотылька. Впечатление усиливал жест, которым писатель нетерпеливо придерживал веко пальцем. Очевидно, тик его раздражал.

— Нынешний рационализм — это мода, а не метод, и ему присуща вся поверхностность моды,— сухо изрек Сисс, пропустивший мимо ушей ироническое замечание писателя.— В конце девятнадцатого века восторжествовало всеобщее убеждение, что в здании реальности в основном все открыто, и теперь необходимо, закрыв ставни, составить опись вещей. Звезды движутся согласно тем же уравнениям, что и части парового двигателя, то же касается атомов и всего прочего, вплоть до образцового общества, построенного, как дворец из кубиков. В точных

¹ Наоборот (фр.).

науках эти наивные оптимистические гипотезы давно похоронены, но в рационализме повседневного существования они продолжают процветать. Так называемый здравый смысл состоит в принципиальном игнорировании, замалчивании или высмеивании всего, что не соответствует традиционной концепции мира, будто бы полностью объясненного в девятнадцатом веке. А тем временем на каждом шагу можно столкнуться с явлениями, структуру которых не понимаешь и не поймешь без применения статистики. Например, чем объясняются прославленная *duplicitas casuum*¹ врачей, или поведение толпы, или циклические флуктуации смысла снов, или случаи, происходящие с вертящимися столиками?

— Ну хорошо. Ты прав, как обычно. Но как ты объяснишь эти происшествия на кладбищах? — мягко поинтересовался Блэк. — Послушав тебя, я понял, что вопрос о столиках для меня уже не проблема. Не могу, увы, сказать того же о твоих воскресших.

Грегори пошевелился на стуле, настолько по душе были ему слова писателя. Он выжидательно смотрел на Сисса. Возбуждение уже оставило доктора, и он поглядывал теперь на них с улыбкой, как бы приклеенной к губам; углы его узких губ при этом опустились, как всегда, когда он собирался произнести нечто возвышенное; он выглядел наивно беззащитным и торжествующим одновременно.

— Мак Кэтт недавно продемонстрировал мне электронный мозг, с которым можно объясняться посредством слов. Когда он включил устройство, то по мере нагревания лампы микрофон начал хрипеть, бормотать, ворчать, а потом изрекать бессвязные фразы. Так бывает, когда слишком медленно крутится пластинка и слышны хрипы, сквозь которые возникает речь или пение. Здесь впечатление было куда сильнее, ибо машина просто бредила. Я не был подготовлен, и помню это до сих пор. Такая побочная жуть часто затемняет образ. В данном случае морг, трупы представляют шокирующие аксессуары, которые...

— Значит, ты утверждаешь, что с помощью твоей формулы проблема уже решена? — неторопливо поинтересовался Блэк устремив тяжелый взгляд на Сисса. Тот сделал энергичное протестующее движение головой. — Я еще не закончил. Я проанализировал статистический массовый костяк явления. Анализ отдельных случаев, выяснение процессов, вызывающих движения мертвых тел, требует

¹ Двойная ошибка (лат.).

дальнейших исследований. Но такая частная выборочная трактовка проблемы — за пределами моей компетенции.

— Наконец я понял. По-твоему, сам факт, что множество покойников встает, уже объяснен; загадкой, однако, остается, почему встает каждый отдельно взятый покойник?

Сисс плотно сжал рот, потом уголки его губ еще больше опустились. Он ответил спокойно, но эта мелкая гримаса означала пренебрежение:

— Существование двух уровней событий — факт, которого насмешками не устранишь. В большом городе, скажем, каждые пять дней производится выстрел из огнестрельного оружия. Так утверждает статистика. Но, когда сидишь возле окна и пуля разбивает стекло над головой, ты не можешь рассуждать следующим образом: «Выстрел уже прозвучал, и другой будет произведен не ранее, чем через пять дней, поэтому я могу чувствовать себя в безопасности». Ты сообразишь, что напротив появился некто вооруженный, возможно, сумасшедший, и лучше спрятаться под столом. Вот вам наглядная разница между статистическим, то есть массовым прогнозом¹ и единичным случаем, только частично от него зависящим.

— Ну а вы как реагируете на такого рода dictum?¹ — спросил Блэк, переводя взгляд на Грегори.

— Ищу преступника, — спокойно ответил тот.

— Ах вот как? Разумеется... разумеется, как специалист по отдельным случаям. Следовательно, вы не верите в вирус?

— Да нет, верю. Это вирус особого рода. К счастью, у него много особых примет. Он, например, любит темноту и пустоши, поэтому появляется только ночью, в глухих местах. Полисменов боится как огня, видимо, они обладают особым иммунитетом. Зато он обожает падаль, преимущественно дохлых кошек. Кроме того, у него есть литературные интересы, хотя они ограничиваются чтением метеорологических прогнозов.

Стоило видеть, с каким возрастающим весельем писатель слушал Грегори. Его лицо преобразилось, оживилось, когда он начал быстро говорить:

— Эти приметы носят настолько общий характер, что для вашего объявления о розыске мог бы подойти далеко не единственный объект, инспектор. Например, тот, кто

¹ Речи (лат.).

забрасывает землю камнями. Метеориты тоже чаще всего падают на пустоши, вдали от людских глаз, вдобавок ночью, а вернее, перед рассветом, в чем проявляется особое коварство, поскольку сторожа, изнуренные ночным бдением, тогда крепко спят. Сисс, если вы его об этом спросите, скажет, что чаще всего подвергается бомбардировке метеоритами часть Земли, которая лежит в полосе отступающей ночи, тем самым она являет собой нос нашего космического корабля, а известно, что на переднее стекло машины всегда попадает больше листьев, чем на заднее. Однако если вам требуется преступник...

— Речь не о том, что падают метеориты и действуют вирусы, а о том, что такие явления способен имитировать некто живой и конкретный. Я ищу только такого злоумышленника, по-своему, приземленно, вовсе не заботясь о создателе метеоритов и звезд...— ответил Грегори тоном выше, чем намеревался. Писатель, не двигаясь, взирал на него.

— О, вы его получите. Ручаюсь вам. Это наверняка. Впрочем... впрочем, вы уже получили его.

— Да? — Грегори поднял брови.

— Ну, возможно, вы его не поймаете, то есть не соберете достаточного количества улики и вещественных доказательств, чтобы схватить его за руку, но не в этом дело. Непойманный преступник — это было бы ваше поражение, еще одна папка, сданная в архив без заключительного резюме. Однако преступник, которого нет и никогда не было, — это нечто совсем другое, это пожар архива, смещение языков в драгоценном содержимом папок, конец света! Наличие виновника, пойманного или нет, для вас не вопрос успеха или поражения, это смысл — или обесмысливание — ваших действий. А поскольку этот человек — ваш покой, исцеление, спасение, он так или иначе будет в ваших руках, вы схватите мерзавца, хоть бы его и не было!

— Одним словом, я жертва мании преследования, маньяк, действующий вопреки фактам? — спросил Грегори, прищурившись. С него было достаточно этой беседы, и он готов был закончить ее, хотя бы и дерзостью.

— Теперь вся пресса с нетерпением ждет сенсационных показаний того констебля, что бежал от мертвецкой, — сказал Блэк. — Вы тоже? Многого ли вы ждете от этого?

— Нет.

— Так я и знал, — сухо парировал писатель. — Если он,

придя в себя, заявит, что собственными глазами видел воскресение, вы подумаете, что ему это привиделось, что нельзя доверять показаниям человека, который перенес тяжелое сотрясение мозга, и это подтвердит вам любой врач. Либо вы скажете, что виновник действовал еще более ловко, чем вы предполагали, что он прибег к помощи невидимых нейлоновых нитей либо был покрыт абсолютно черным веществом и его невозможно было заметить. Для вас, инспектор, существуют одни Вараввы, и поэтому, если бы вы сами увидели подобную сцену и услышали голос, возвещающий «восстань, Лазарь!», вы остались бы самим собой. С собой, то есть жертвой галлюцинации, или ошибки, или ловкого обмана. Заявляю вам: никогда, никуда вы не откажетесь от виновника, ибо от его существования зависит ваше!

Грегори, который приказал себе равнодушно выслушать все, что будет сказано, пытался улыбнуться, но не мог. Он чувствовал, что бледнеет.

— Итак, я один из стражей, которые охраняли гроб Господень? — заявил он. — А может, я похож на апостола Павла — до его обращения? Вы не оставляете мне такой возможности?

— Нет, — возразил писатель. — Это не я, это вы не оставляете ее себе. Это вопрос не методологии, не статистики, не правил следствия, а веры. Вы верите в преступника, и так должно быть. Должны существовать такие стражи и такие гробы.

— Еще лучше, — сказал Грегори и деланно расхохотался. — Я даже не делаю, что хочу, а лишь заполняю схему трагедии? А может, трагифарса? Что ж, если вы настолько любезны, что готовы исполнять роль хора...

— Ну разумеется. Это моя профессия, — выпалил писатель.

Сисс, который с растущим нетерпением прислушивался к разговору, не выдержал.

— Эрмер, дорогой мой, — произнес он умоляющим тоном, — не доводи дело до абсурда. Я знаю, что ты это обожаешь, парадоксы для тебя, словно вода для рыбы.

— Рыба не создает воды, — вставил Блэк, но доктор не слушал его.

— Речь идет не о лирике или драматургии, речь идет о фактах. *Entia non sunt multiplicanda*¹ — всдь ты знаешь. Выявление структуры событий ничего общего с верой не

¹ Единичное не есть множественное (лат.).

имеет. В конце концов, рабочая гипотеза, с которой начинается исследование, может оказаться ошибочной. Такой ошибочной гипотезой и есть утверждение, что существует некий виновник в человеческом образе...

— Факты существуют только там, где отсутствуют люди,— возразил писатель.— Когда люди появляются, остаются одни интерпретации. Факты? Но тысячу лет назад точно такое же событие положило бы начало новой религии. И наверняка какой-нибудь антирелигии. Возникли бы толпы верующих и жрецов, массовые видения, пустые гробы растащили бы на реликвии, слепые прозрели бы, а глухие стали бы слышать... Ныне, признаю, действие носит более прозаический характер, меньше мифологизирования, и палач не грозит тебе пытками за твою статистическую ересь, зато на ней зарабатывает бульварная пресса. Факты? Дорогой мой, это дело твое, а также инспектора. Вы оба верующие, такие, каких заслуживает наша эпоха. Господин инспектор, надеюсь, вы не сердитесь за наш небольшой спор. Я вас не знаю, поэтому не могу категорически утверждать, что вы не станете Павлом. Но даже если это произойдет, Скотленд-Ярд будет существовать. Потому что полиция никогда не поддается обращению. Не знаю, заметили ли вы это?

— Ты все превращаешь в шутку,— неодобрительно буркнул Сисс.

Мак Кэтт что-то шепнул ему, и они встали. У входа в гардероб Грегори оказался рядом с Сиссом; тот неожиданно обратился к нему, понизив голос:

— Вы хотите что-нибудь мне сказать?

Грегори заколебался, наконец непроизвольно протянул ему руку и изрек:

— Работайте спокойно и забудьте обо мне.

— Благодарю,— произнес Сисс. Голос у него дрогнул, так что Грегори удивился и смешался.

Эрмер Блэк приехал в «Ритц» на своей машине; Сисс сел рядом с ним. Грегори остался с Маком Кэттом и уже собирался попрощаться, когда ученый предложил немного пройтись.

Оба были одинакового роста и, идя рядом, несколько раз поймали себя на том, что как бы против воли искоса присматриваются друг к другу. Уместно было бы улыбнуться, но ни один, ни другой этого не сделали. Мак Кэтт остановился возле лотка с фруктами и купил банан. Снимая кожуру, он взглянул на Грегори.

— Вы любите бананы?

— Не очень.

— А вы торопитесь?

— Нет.

— Может быть, сыграем? — спросил Мак Кэтт, указывая на вход в пассаж, освещенный рекламой зала игровых автоматов.

Идея показалась Грегори забавной, он кивнул и вслед за ученым вошел в зал.

Несколько подростков с лоснящимися шевелюрами хмуро следили за пареньком, который голубыми искрами стрелял по маленькому самолету, кружащему в окошке за стеклышком. Мак Кэтт направился прямо в глубь зала, минуя ряды колес счастья и механических рулеток. Автомат, возле которого он остановился, был застекленным сверху металлическим ящиком, под стеклом лежал миниатюрный зеленый пейзаж. Ученый ловко бросил монету, дернул за рукоятку и сказал:

— Вы знакомы с этим?

— Нет.

— Готтентоты ловят кенгуру. В Австралии нет готтентотов, но разве это помеха? Я буду кенгуру. Внимание!

Он нажал на ручку. Крохотный кенгуру выскочил из темного отверстия и затаился в чаще кустов. Грегори потянул за рычаг — сбоку появились три уродливые черные фигурки. Он манипулировал рукояткой, приближая готтентотов к кенгуру. В последний момент кенгуру выскочил, прорвал линию облавы и снова пропал в чаще. Готтентоты еще несколько раз пересекли пластиковую местность, а кенгуру в последний момент всегда ускользал. Наконец Грегори сообразил, в чем хитрость; одного из готтентотов он придвинул к месту, где укрылся кенгуру, а двух держал на расстоянии, расставив их так, что Маку Кэтту некуда было бежать. Следующим движением рычага он настиг кенгуру.

— Для первого раза вы сыграли отлично, — похвалил Мак Кэтт. Глаза у него блестели, он сиял как ребенок.

Грегори пожал плечами; ему было как-то неловко.

— Может быть, это профессиональное. Ведь я сыщик.

— Нет, это не то — здесь надо работать головой. Вы уже не смогли бы в это играть, вы уловили принцип. Эта игра поддается математическому анализу, вы знаете? Сисс не выносит подобных игр, это его изъян, существенный изъян...

Произнося это, Мак Кэтт медленно передвигался вдоль рядов автоматов: опустил пенс в музыкальный, потом при-

вел в движение радужные мишени лотереи, дернул рукоятку, и внезапно поток медяков высыпался в его подставленную ладонь. Мальчишки возле авиатира обратили на это внимание и подтянулись к ним, наблюдая, как Мак Кэтт небрежно опускает в карман монеты. Но Мак Кэтт вторично не стал испытывать счастье. Они вышли, минуя парня, который с ожесточенным и тупым выражением лица опускал в аппарат все новые пенсы и стрелял, стрелял...

В полутора десятках шагов виднелся другой пассаж со множеством магазинов. Грегори узнал его — там он недавно заплутал; в глубине он увидел громадное зеркало, замыкающее проход.

— Там нет прохода, — заметил он, останавливаясь.

— Знаю. Вы подозреваете Сисса, не так ли?

Грегори ответил не сразу.

— Это ваш друг?

— Можно сказать и так. Хотя... у него нет друзей.

— Ага, он не позволяет любить себя, — с неожиданным нажимом произнес Грегори. — Только... вы не должны задавать мне такие вопросы.

— Даже риторические? Ведь ясно, что вы его подозреваете. То есть не обязательно в том, что он виновник этих исчезновений, но, скажем так, в том... что он сообщник. Однако и это несерьезно, вы сами в этом удостоверитесь спустя какое-то время. Вот только прекратите ли вы расследование, если сами, своими глазами увидите нечто вроде воскресения? Мертвеца, который садится, передвигается...

— Это Сисс просил вас задать мне этот вопрос? — сухо поинтересовался Грегори. Вдруг оказалось, что они стоят посредине пассажа. Было непонятно, как они там очутились. Остановившись возле витрины, в которой декоратор без башмаков, в одних носках, стягивал платье со стройной, златовласой куклы, Грегори неожиданно вспомнил сон. Он внимательно следил за тем, как из-под золотистой парчи появляется неестественно розовое изящное тело манекена.

— Жаль, что вы так истолковали мои слова, — медленно произнес Мак Кэтт. Он кивнул, повернулся на каблуках и исчез, оставив Грегори перед витриной.

Грегори сделал несколько шагов в глубь пассажа, увидел свое отражение, повернул. На улице зажигалось все больше витрин, движение, как обычно к вечеру, возрастало; он брел в рассеянности, его толкали, наконец он свернул в боковую улицу. Минуту спустя он сообразил,

что стоит перед подъездом, с обеих сторон увешанным рамами с фотографиями. Окинул взглядом свадебные снимки прильнувших друг к другу пар, обезличенных ретушью; беспомощные улыбки из-под фаты и показная бодрость мужчин в смокингах. Со двора доносился стрекот автомобильного мотора. Он вошел во двор. Возле старой машины с поднятым капотом сидел на корточках с зажмуренными глазами человек в распахнутой кожаной куртке. Он вслушивался в нарастающий вой двигателя. Через открытую дверь гаража видны были капоты других машин. У стены валялись пустые канистры и колеса. Мужчина в куртке открыл глаза, словно ощутив присутствие постороннего человека, и вскочил на ноги. Его физиономия утратила выражение неземной отрешенности.

— Чем могу служить? Вы хотите взять напрокат машину?

— Что? А можно... ее взять напрокат? — почти непринужденно поинтересовался Грегори.

— Разумеется. Пожалуйста! Желаете новую марку? У меня имеется «бьюик» последнего выпуска с автоматическим управлением, обкатанный, ходит как часы. Вам по часовому тарифу?

— Нет, то есть да. На один вечер. Хорошо, я возьму «бьюик», — принял решение Грегори. — Вы берете залог?

— Смотря у кого...

Грегори предъявил удостоверение. Тот улыбнулся и поклонился.

— Для господина инспектора без залога, само собой... Уплатите пятнадцать шиллингов. Значит, «бьюик»? Хорошо. Залить вам бак?

— Да. А много времени это займет?

— Что вы, один момент.

Мужчина в куртке скрылся в темном гараже. Одна из машин дрогнула и тихо выехала на бетонную площадку. Грегори расплатился, положив монеты на огрубевшую, лоснящуюся от масла руку хозяина. Захлопнул дверь, поудобнее устроился на сиденье, попробовал, как отжимаются педали, включил скорость и осторожно выехал на улицу. Было еще достаточно светло.

Машина действительно была новая и легкая в управлении. Под красным светом на перекрестке он обернулся, чтобы через заднее стекло примериться к непривычной длине машины. Какое-то время он ехал в толкучке, потом стало свободнее. Он увеличил скорость. Приятно было чувствовать мощный двигатель. Теперь вокруг него было

меньше личных машин, зато больше трехколесных мотоциклов, развозящих товары, старых фургонов и окрашенных в яркие цвета пикапов с фирменными надписями. Он уже находился в пределах Ист-Энда, когда обнаружил, что забыл купить сигареты.

Он проехал несколько узких улочек с запретом на парковку, пока не нашел маленькую площадь с высокими сухими деревьями и старым металлическим колодцем, напоминавшим своими очертаниями большую птичью клетку. Дал задний ход, ощутил мягкое прикосновение шин к бордюру и тогда вылез из машины. Но табачной лавки, которую заметил по пути, обнаружить не смог. Он не знал этого района, никогда здесь не бывал.

Грегори углубился в соседнюю улицу. Начинало смеркаться. Под яркими лампами небольшого кинотеатра крутились по двое, по трое стройные мальчики с жирными волосами. Руки они держали в карманах мятых узких брюк, стояли перед витринами с кинокадрами и терпеливо ждали, пока вращающийся вертикальный барабан продемонстрирует следующую сцену. За кинотеатром Грегори попал в струю горячего воздуха. Там располагался бар, за открытыми настежь дверьми шипели на противнях колбаски, в дыму маячило несколько точно таких же, как и перед кинотеатром, пареньков. Наконец он разыскал табачный магазин. Хозяин, плосколицый коротышка без шеи, протянул ему пачку американских сигарет. Выходя, Грегори натолкнулся на другого лилипута, тот казался ушедшим в себя, руки и ноги у него были непомерно толстые и короткие, зато голова казалась маленькой; он как раз слезал с мотороллера, набитого подносами с пирожными, обсыпанными сахарной пудрой. Грегори разорвал целлофановую обертку, зажег сигарету и глубоко затянулся. Ему захотелось вернуться к машине иным путем, он перешел на другую сторону и двинулся вперед в поисках поперечной улицы, чтобы свернуть направо. Миновал еще один бар, также открытый нараспашку, с красно-зелено-белым флажком, свисавшим над входом, как тряпка; зал автоматов, полный людей, узкий, словно кишка; продуктовую лавку и еще одну — с кухонной посудой, где жестяные тазы и ведра занимали половину прохода. У дверей на желтом деревянном стульчике сидел хозяин в черном свитере и, покуривая трубку, спокойно взирал на детскую коляску, стоявшую у тротуара напротив. Из нее доносилась бравурная музыка. Грегори приостановился. В коляске, высунувшись до половины груди, сидел безру-

кий инвалид; быстро вертя головой, он выдувал из укрепленной на проволочном штативе губной гармошки веселый марш. Пальцы Грегори нервно перебирали горстку монет в кармане. Наконец, сделав над собой усилие, он пошел дальше. Высокие звуки губной гармошки еще долго преследовали его. Он вздрогнул, представив себе музыканта. И вдруг осознал, что и этот похож на карлика. «Улица лилипутов?» — подумалось ему. Как не раз случилось в подобных ситуациях, ему показалось, что в этом таится скрытый смысл. В конечном счете трудно сваливать все на случайность. Становилось все темнее — никаких уличных фонарей, только из окон магазинов падали полосы света. Среди этих светлых полос чернел разрыв — поперечная улочка, которую он искал.

Она казалась безлюдной. Единственный газовый фонарь, прикрепленный к стене на изогнутом металлическом кронштейне, светил где-то в середине ее, отражаясь в темных окнах напротив, как в мутной воде. Грегори шел не торопясь, время от времени затягиваясь сигаретой, пока влажный табак раза два не оказался у него на зубах. На углу, как извещала вывеска, была антикварная лавка, однако на пыльной витрине виднелись лишь стопки серых картонных коробок и фотографии кинозвезд, рассыпанные, словно колода карт. Тут начиналась улочка, выходящая на площадь.

Возле железного колодца носились дети; прячась за напоминающим клетку строением в форме епископской митры, они швыряли обломки веток в его «бьюик».

— Ну, хватит баловаться, слышите?! — повысил голос Грегори, выходя из полосы тени. Дети с криком, в котором слышалось больше радости, нежели страха, бросились врассыпную. Он сел и завел мотор. Но едва стекла отделили его от площади, он испытал такое чувство, словно оборвал какие-то связи, о чем пожалеет, но не сейчас. Как будто ему предстояло бросить не завершленное, а только начатое дело. Секунду он колебался, включать ли скорость, но пальцы сами нажали рычаг, и машина плавно покатила по спуску. Он осторожно притормозил и свернул на широкую улицу. Перед глазами мелькнуло ее название, прочесть которое он не успел.

Его серая, слишком длинная машина, кружащая по извилистым улочкам, приковывала взоры прохожих. Впрочем, возможно, ему это только казалось.

Часы под рулем розовели в свете лампочек, скрытых под панелью, зеленые стрелки показывали семь. Время для

него сегодня летело быстро. Пришло воспоминание о деле, но Грегори отмахнулся от него. Хотелось отодвинуть его подальше, как будто, оставленное в покое, оно разрешится само собой, все будет хорошо и все уладится.

Он уже выехал из Ист-Энда, когда посреди широкой улицы заметил поворачивающий направо ритмичный проблеск заднего огня, отраженный от темного кузова машины с вмятиной на бампере. Он узнал эту вмятину и автоматически сбросил скорость, чтобы держаться сзади. Сделать это было нетрудно.

Темно-серый лимузин свернул еще раз — в пустую улочку, обсаженную деревьями. Грегори отстал на несколько десятков метров, чтобы не обращать на себя внимания, и погасил все огни. Такая езда продолжалась достаточно долго. Несколько раз на перекрестках, опасаясь, что лимузин ускользнет от него, он прибавлял газу, но старался не приближаться. Впрочем, на улицах по-прежнему машин было мало, а красноватые отблески тормозных огней, — достаточно частые, ибо Сисс ехал осторожно, — служили хорошим ориентиром. Грегори несколько раздражало то, что он никак не мог понять, где они едут. Внезапно он различил высоко вверху синие буквы рекламы, и все сразу встало на свои места. Это был филиал «Сити Бэнк», рядом находилось кафе, которое он знал с давних пор. Темный лимузин подкатил к тротуару. Грегори принял быстрое решение: рискуя потерять из виду Сисса, который уже высаживался, он проехал до следующего квартала, остановился под большим каштаном, заслонившим «бьюик» от дуговых ламп, захлопнул дверцы и ускоренным шагом вернулся, высматривая Сисса. Того уже не было. Перед кафе Грегори заколебался, попытался заглянуть в окно, но ничего не разглядел из-за афиш, наклеенных на стекло. Он поднял воротник и вошел внутрь с неприятным ощущением, что совершает глупость. В кафе было несколько залов — три или четыре, он не помнил, сколько именно. Это были обширные комнаты, заставленные мраморными столиками. Их разделяли невысокие перегородки, обитые вытертым красным бархатом, таким же, каким покрыты были продавленные кушетки.

В узком зеркале в проходе из первого зала во второй он заметил Сисса, который, сидя за столиком, что-то говорил официанту. Грегори тотчас же отпрянул назад. Попробовал найти укромный уголок, откуда мог бы наблюдать за Сиссом, но это не очень-то получалось. Когда он уселся на выбранном месте, перегородки, похожие на открытые с

одной стороны игрушечные домики, заслонили от него столик ученого. Но уже подходил официант, поэтому пере-сесть он не смог. Он заказал грог и развернул воскресное приложение к «Таймс». То, что он не видит Сисса и сидит, как пес перед лисьей норой, раздражало его. Он начал разгадывать кроссворд, поглядывая поверх перегородки. Минут через десять, когда он потягивал тошнотворный, пересахаренный грог, Сисс неожиданно поднялся от своего столика и быстро прошел через все залы, глядя по сторонам, словно высматривая кого-то. Грегори едва успел заслониться вставленной в рамку газетой. Сисс не заметил Грегори и вернулся за свой столик, но теперь сел так, что Грегори видел его длинные ноги. Прошло еще двадцать минут, в глубине возле бильярда шумели, вяло препираясь, несколько студентов. Двери лязгали, и каждый раз Сисс выглядывал из своего укрытия, покуда не встал с праздничной улыбкой. Девушка, появившаяся в дверях, на секунду замешкалась, потом двинулась к нему; плоская сумочка на ремешке, перекинутом через плечо, ударялась о ее бедро. На ней был лиловый плащ с капюшоном, из-под которого выбивались очень светлые волосы. Лица ее Грегори не успел разглядеть. Теперь она стояла перед Сиссом, который что-то быстро говорил ей. Он коснулся рукой ее плаща, девушка протестующе покачала головой, проскользнула между стенкой и столиком, и они оба скрылись из поля зрения. Воспользовавшись тем, что внимание посетителей привлекла перепалка студентов в задней комнате, Грегори как бы невзначай обошел кафе и возвратился по другому проходу, маневрируя так, чтобы висящее здесь зеркало позволило ему заглянуть в уголок, где сидели Сисс и девушка. Переходя от столика к столику, он делал вид, что ищет какой-то номер газеты, пока не нашел подходящий наблюдательный пункт. Он пристроился на красной кушетке, набитой, казалось, одними пружинами. Зеркало было скверное, но слабое освещение и плохое отражение в какой-то мере мешали и Сиссу заметить инспектора. Грегори смотрел чуть сверху, глядя в зеркало, как на картину. Сисс придвинул свой стул к кушетке и оживленно говорил. Он сидел так близко к девушке, что глядел не на нее, а на столик, словно обращался к нему. У девушки было детское выражение лица, полные губы, на вид ей было лет семнадцать, не более. Она расстегнула плащ, но не сняла его, а лишь сбросила капюшон, и ее волосы рассыпались по плечам. Она сидела прямо, упершись спиной в красную обивку, и смотрела перед собой, но не на Сисса, а как бы

мимо. Она была необычайно напряжена и скованна; казалось, что ей неловко, что она даже тяготится собеседником. Сисс говорил не умолкая. Он наклонился к ней, потом неохотно, словно его оттолкнули, отодвинулся, потом снова приблизил свой подвижный, маленький рот к ее лицу, все еще не глядя на нее. Его костлявая рука, лежавшая на столике, двигалась в такт словам, слегка поднималась и опускалась, пальцы то сжимались, то уступчиво разжимались. Раза два он погладил столик, словно бы с тайной нежностью, — выглядело это глупо, жалко, и Грегори захотелось отвести взгляд, но он продолжал смотреть. Девушка улыбнулась одними губами, взгляд ее по-прежнему был неподвижен. После этого она сидела тихо, с опущенной головой, и только слушала.

Грегори глядел в зеркало снизу, а видел ее сверху: тени от волос на щеках, короткий, вздернутый носик. На мгновение он уловил блеск ее глаз. Но только однажды. Сисс умолк, словно вдруг оказался в одиночестве — сгорбившийся, с напряженным выражением лица, которое появилось, когда он говорил, и которое теперь развеивалось, исчезало, как тающий лед. Глядя на поверхность стола, он потянулся за бумажной салфеткой, стремительно набросал на ней несколько слов, сложил вчетверо и сунул девушке. Она не хотела ее брать. Он явно просил ее, умолял. Наконец она взяла бумажку, но положила ее на стол, не развернув, и подтолкнула кончиками пальцев к нему. Сисс схватил ее за руку. Она глядела на него широко раскрытыми глазами; Грегори показалось, что ее лицо потемнело. Сисс выслушал ее, кивнул, потом наклонился к ней и начал говорить медленно, с нажимом, подчеркивая слова жестами руки — сильно, настойчиво, словно что-то вдавливал ладонью в мраморную столешницу. Он закончил, держась за край стола обеими руками, словно собирался оттолкнуть его от себя. Губы девушки зашевелились, и Грегори угадал слово «нет». Сисс откинулся на стуле, повернув голову в зал.

Грегори силился разглядеть, что стало с салфеткой. Он не видел ее, но внезапно заметил что-то белое под столиком, прямо возле ног девушки.

Сисс встал. Не дожидаясь официанта, бросил на стол несколько монет и медленно побрел к дверям. Там он остановился. Она шла за ним, натягивая капюшон на голову, даже не пытаясь собрать рассыпавшиеся волосы. У нее были длинные тонкие ноги, и вся она была по-детски хрупкой. Дверь еще не захлопнулась за ними, когда Грегори

подошел к их столику, наклонился над салфеткой и сунул ее в нагрудный карман.

Он вышел на улицу. Лимузин только что тронулся. Девушка сидела рядом с Сиссом. Не пытаясь укрыться, Грегори кинулся к своему «бьюику». Возясь с дверцей, он заметил удалявшиеся по противоположной стороне огня — Сисс разворачивался. Грегори вскочил в машину и, резко газанув, сразу включил вторую скорость. Очень долго он не мог догнать лимузин Сисса и почувствовал облегчение, отчаянное удовлетворение, когда в бегущих пятнах света перед ним вынырнул серый багажник «крайслера». Сначала Сисс выехал на верхний уровень сквозной северной трассы, потом свернул с него, воспользовавшись сложной развязкой. Они ехали друг за другом, Грегори мог себе это позволить среди множества других машин; он силился высмотреть, что происходит в лимузине. Иногда удавалось увидеть два темных человеческих силуэта и больше ничего.

Открылся район новостроек с рядами освещенных домов. Сисс внезапно остановился, никуда не сворачивая. Грегори поневоле объехал его, сбавив скорость, и обернулся, чтобы видеть Сисса через заднее стекло. Тот неожиданно прибавил газу, обогнал Грегори и выехал на круглую площадь. Теперь он возвращался тем же путем, каким приехал, а Грегори следовал за ним на расстоянии десяти — пятнадцати метров. Шестиэтажные блоки, с широкими газонами между ними, тянулись друг за другом вперемежку с более низкими домами, окруженными проволочной сеткой и живыми изгородями. Сисс подъехал к тротуару и вместе с девушкой вышел из машины. Грегори наблюдал за ними, пока они не скрылись в полумраке; молочного цвета шары над подъездами домов светили слабо, и детектив тщетно пытался высмотреть эту пару в каком-нибудь освещенном месте. Полисмен подошел к машине Сисса и с неодобрением осмотрел ее со всех сторон, так как одна из задних фар едва горела — видимо, ослаб контакт; но полисмен все же удалился. Ожидание продолжалось более пяти минут, но Грегори, неизвестно почему, был уверен, что Сисс, ничего не добившись, скоро вернется. Он вылез из машины и медленно прохаживался по тротуару, наконец услышал шаги. Сисс возвращался в расстегнутом плаще, без шапки, волосы торчали у него над ушами как крылья летучей мыши, развевались на ветру. Грегори сел в машину, не захлопывая дверцы, дабы не привлечь внимания Сисса, и наблюдал за ним, одновре-

менно разыскивая в карманах сигареты: ему вдруг захотелось курить. Сисс довольно долго стоял возле своей машины, опустив руки, потом провел пальцами по капоту, словно проверяя, нет ли на нем пыли, но, не взглянув на руки, сел за руль и погасил огни. Грегори тотчас завел мотор и стал ждать. Сисс не трогался с места. Грегори заглушил двигатель. Он вспомнил о салфетке, поискал ее в кармане, расправил вслепую и, не желая зажигать в машине свет, поднес бумагу к циферблату часов. В розоватом отблеске слова были едва различимы; это был адрес Сисса с номером телефона и его фамилией. Грегори пришло в голову, что, возможно, девушка переодевается, а Сисс ждет ее, но он тотчас отверг эту мысль. Он был уверен, что Сисс ничего не ждет и ни на что не надеется. Фосфоресцирующие зеленоватым светом стрелки показывали девятый час, ожидание длилось уже минут тридцать. Грегори выкурил две сигареты, окурки выбросил в окно, какое-то время возился с радио, наконец, когда ему это надоело, он вылез из машины, демонстративно стукнул дверцей и направился к машине Сисса. За несколько шагов до нее он заколебался, но все-таки пошел дальше.

Сисс сидел, уронив голову на руки, скрещенные на руле. Падавший сбоку свет уличного фонаря поблескивал в его серебристых волосах. Грегори стоял слегка наклонившись, не зная, что предпринять. Внезапно он подался назад, стремительно вернулся к «бьюику», глянул через плечо — Сисс с места не сдвинулся, — сел за руль, быстро отъехал, сделал левый разворот, разогнался на широкой, в тот момент пустой мостовой и на большой скорости стал возвращаться на прежнее место. Темная масса «крайслера» стремительно приближалась; когда столкновение оказалось неизбежным, Грегори внезапно нажал на тормоза, они взвизгнули. После короткого, неуправляемого скольжения «бьюик» остановился, сильно ударив в заднее крыло машины Сисса. Раздался скрежет металла, Грегори выскочил из своей машины и бросился к «крайслеру».

— Приношу самые искренние извинения! — воскликнул Грегори. — У меня тормоза не держат, надеюсь, вы не пострадали. Ах, это вы... — закончил он тише, останавливаясь.

Сисс, которого удар бросил вперед, распахнул дверцу, выставил одну ногу, как бы намереваясь вылезти, но не вылез. Он смотрел на Грегори, выглядевшего довольно глупо.

— А, это вы? Ваше имя — Грегори, да? Полиция грозит мирных граждан...— сказал он.

Они вместе отправились осматривать заднюю часть машины; она была практически цела, удар, как и рассчитывал Грегори, пришелся в бампер.

— Как это, собственно, произошло? — спросил, распрямляясь, Сисс.

— Я взял машину в прокате и переоценил тормоза. Честно говоря, лихая езда — моя слабость, может быть, потому, что я не перебесился. У меня нет собственной машины.

Грегори показалось, что он слишком много говорит, и он резко оборвал себя.

— У вас нет машины? — спросил Сисс. Он говорил механически, думая о чем-то другом. Затем натянул правую перчатку, застегнул ее и медленно сдернул с руки левую. Они продолжали стоять возле сцепившихся машин.

«Теперь я его приглашу», — подумал Грегори.

— Машины нет, — произнес он. — Бедность — добродетель, поощряемая полицией. Во всяком случае, я виноват, а может, судьбе было угодно, чтобы мы провели вечер вместе, раз уж мы вместе пообедали. Сейчас время ужина.

— В кафе-автомате, учитывая вашу бедность, — буркнул Сисс. Он осматривался вокруг, словно кого-то искал.

— Ну, я не настолько беден. Предлагаю шикануть в «Савое». Что вы на это скажете? Наверху там имеются тихие уголки. И недурное вино.

— Нет, благодарю. Я не пью. Не могу. Не знаю, право. Впрочем...— Сисс подошел к «крайслеру», сел и совсем тихо проговорил: — Мне все равно.

— Прекрасно, тогда едем. Вы следуете первым, хорошо? — быстро говорил Грегори, делая вид, что истолковал слова ученого как согласие.

Сисс поглядел на него изучающе, высунулся из машины, как бы желая лучше взглядеться в его лицо, неожиданно захлопнул дверцу и нажал стартер. Двигатель не заводился, Сисс забыл повернуть ключ. Грегори это заметил, однако ничего не сказал. Сисс добрую минуту вращал мертвый мотор, пока наконец понял, в чем дело. Грегори, садясь за руль, не был вполне уверен, что Сисс поедет в «Савой», и, когда тронулся за его лимузином, внезапно захотел, чтобы Сисс передумал. Но уже на первом перекрестке убедился, что он принял приглашение.

До ресторана «Савой» было минут десять езды. Машины они оставили на автостоянке. Была уже половина

десятого, на первом этаже играл оркестр, в центре зала, на вращающейся эстраде, подсвеченной снизу разноцветными лампочками, танцевали. Им пришлось пройти под колоннами, чтобы попасть на балкон, откуда был виден весь зал. Висящие на длинных цепочках подсвечники слепили глаза. Грегори не послушал официанта, который намеревался проводить их к столикам, занятым веселой компанией, и провел Сисса почти до самого конца балкона. Там, в отдалении от других, между капителями двух колонн, стоял небольшой столик. Сразу подошли два официанта во фраках, один с меню, второй с картой вин; она выглядела как довольно толстая книга.

— Вы разбираетесь в этом? — спросил Сисс, закрывая кожаный переплет. Грегори улыбнулся ему.

— Более или менее. Для начала, думаю, не повредит вермут. Вы пьете с лимоном?

— Вермут? Это горько. А, пускай! Можно и с лимоном.

Грегори только взглянул на официанта, говорить ничего не требовалось. Второй терпеливо ждал в стороне. После долгого раздумья Грегори сделал заказ, предварительно спросив Сисса, любит ли он салат из сырых овощей и не вредно ли ему жареное.

Сисс, наклонившись к балюстраде, от нечего делать поглядывал вниз на круговерть дергающихся голов. Оркестр исполнял слоу-фокс.

Грегори тоже с минуту глядел туда, потом поднял к свету рюмку с вермутом.

— Думаю, я должен это сказать, — проговорил он с некоторым трудом. — Я... хотел перед вами извиниться.

— Что? — Сисс взглянул на него с некоторой рассеянностью. — А... — сообразил он. — Нет, нет. И говорить не о чем. Это пустяк.

— Я лишь теперь узнал, почему вы оставили свою должность в генеральном штабе.

— Так, значит, теперь вам это известно? — спросил Сисс равнодушно. Он выпил свой вермут, как чай — тремя глотками. Ломтик лимона попал ему в рот. Сисс вынул его, подержал в пальцах и положил в пустую рюмку.

— Да.

— Это старая история. Вам следовало бы знать, раз уж вы за меня взялись...

— Вы принадлежите к числу людей, о которых ходят только полярно противоположные сплетни, — произнес Грегори, словно не расслышав его последних слов. — Все либо горячее, либо холодное. Ничего умеренного. Так и в

этом деле. Все зависело от информатора. Могли бы вы рассказать мне сами, почему вас освободили от руководства оперативной группой?

— И объявили красным, — добавил Сисс; вопреки ожиданиям Грегори он не оживился. Сгорбившись, он вытянутой рукой опирался о балюстраду. — Чего ради говорить об этом? Занятие столь же бессмысленное, как эксгумация.

— Правда ли, что вы неопровержимо предрекали гибель человечества? — спросил Грегори, понизив голос. — Для меня это крайне важно, прошу вас. Вы знаете, как люди искажают и извращают все, любую правду, любую вещь. Могли бы вы рассказать, как обстояло дело?

— Зачем это вам?

— Я хотел бы узнать... узнать еще подробнее, кто вы.

— Это такая старая история, — недовольно повторил Сисс. Он все время поглядывал сверху на танцующих. Внизу зажгли красный свет, в котором пламенели обнаженные плечи женщин. — Нет, речь шла не о гибели. Вы в самом деле хотите, чтобы я об этом рассказал?

— В самом деле.

— Настолько вас это интересует? Ну что же, это было примерно в сорок шестом году. Началась атомная гонка. Я знал, что, когда будет достигнута граница — я имею в виду максимум уничтожающей силы, — начнется развитие средств по транспортировке бомбы... То есть ракет. И здесь будет достигнут предел, то есть обе стороны станут располагать ракетами с ядерными боеголовками, и где-то возникнут хорошо замаскированные пульта с пресловутыми кнопками. Когда кнопку нажмут, ракеты взлетают. Через каких-нибудь двадцать минут наступает *finis mundi ambilateralis* — обоюдный конец света.

Сисс улыбался. Официант принес вино, открыл бутылку, налил несколько капель в рюмку Грегори — тот попробовал и кивнул.

Официант наполнил рюмки и удалился.

— Таково было ваше мнение в сорок шестом году? — спросил Грегори, чокаясь с Сиссом. Тот кончиком языка попробовал рубиновую жидкость, осторожно потянул, потом почти залпом выпил вино, вздохнул и с некоторым удивлением или смущением поставил рюмку на стол.

— Нет, это были только предпосылки. Гонка вооружений, однажды начавшись, не может остановиться, понимаете? Она должна продолжаться. Когда одна сторона изобретает мощную пушку, другая отвечает на это созданием более мощной брони. Пределом этого становится

только столкновение, война. Поскольку в этой ситуации она означает *finis mundi*, гонка должна продолжаться. Однажды заданное ускорение усилий порабощает людей. Но предположим, что они достигли предела. Что остается? Мозги. Мозги командного состава. Человеческий мозг совершенствовать невозможно, поэтому необходимо и здесь перейти на механизацию. Последующая стадия — автоматизированный генеральный штаб или компьютеры стратегического характера. И тут возникает чрезвычайно любопытная проблема, собственно, сразу две проблемы. Мак Кэрт обратил на это мое внимание. Во-первых, существует ли граница развития таких мозгов? Они подобны устройствам, способным играть в шахматы. Устройство, которое способно предугадать действия противника на десять ходов вперед, всегда выиграет в противоборстве с таким, которое предугадывает ходы на восемь или девять вперед. Чем предвидение глубже, тем совершеннее должен быть мозг. Это первое.

Сисс говорил все быстрее. Грегори казалось, что он забыл обо всем, даже о том, кому он это говорит. Грегори налил вина. Сисс играл рюмкой, передвигая ее по ска-терти. В какой-то момент рюмка опасно наклонилась. Сисс выровнял ее и тут же снова выпил залпом. Внизу вспыхнули желтые юпитеры, мандолины заиграли гавайскую мелодию.

— Создание все больших по объему устройств для стратегических решений означает, хотим мы этого или нет, необходимость увеличения количества данных, закладываемых в мозг. Это, в свою очередь, означает возрастающее господство таких устройств над массовыми процессами в обществе. Мозг может решить, что эту пресловутую кнопку следует расположить иначе. Или что следует изменить покрой мундиров у пехотинцев. Или что необходимо увеличить производство определенного вида стали — и потребует на это кредитов. Если подобный мозг создали, нужно ему подчиняться. Если какой-нибудь парламент начнет дискутировать о том, отпустить ли на это кредиты, произойдет задержка во времени. В этот момент противная сторона может вырваться вперед. Отмена парламентских решений через какое-то время сделается неизбежной. Контроль людей за решениями электронного мозга будет сужаться по мере того, как в нем будут концентрироваться знания. Понятно ли я говорю? По обе стороны океана возникают два все разрастающихся мозга. Каково самое первое требование подобного мозга, когда в условиях все воз-

растающей гонки вооружений понадобится сделать следующий шаг?

— Повышение его компетенции,— вполголоса произнес Грегори. Из-под полуприкрытых век он наблюдал за Сиссом, щеки которого покрылись красными пятнами. Внизу наступила внезапная тишина, потом раздались аплодисменты. Послышалось женское пение. Юноша в смокинге поставил рядом с их столиком еще один, поменьше, официанты принесли поднос, заставленный серебряными блюдами. Появились старательно нагретые тарелки, салфетки, столовые приборы.

— Нет,— ответил Сисс.— Первое требование — это увеличение его самого, то есть увеличение мозга! А все остальное — производное.

— Одним словом, вы предвидите, что земля станет шахматной доской, а мы — пешками, которыми будут играть вечную партию два механических игрока?

Гордость сияла на лице Сисса.

— Да. Но это не предвидение. Я только делаю выводы. Первый этап подготовительного процесса близится к концу, ускорение все возрастает. Все это звучит неправдоподобно, я знаю. Но это так на самом деле. Это реально существует!

— Да,— буркнул Грегори. Он наклонился над тарелкой.— А в связи с этим — что вы тогда предлагали?

— Договоренность любой ценой. Несмотря на то, что это звучит странно, гибель — меньшее зло, нежели эта шахматная партия. Это ужасно — не иметь иллюзий, знаете? — сказал он и налил себе вина.

Неохотно, почти принуждая себя, он пил, пил все больше и больше. Грегори уже не приходилось заботиться о рюмках. Оркестр внизу снова заиграл. Мимо их столика шла пара: стройный мужчина с тонкими усиками, которые эффектно подчеркивали бледность его лица, и девушка, очень молодая, на обнаженных плечах — белая шаль с золотой нитью цвета ее волос. Сисс глядел на удаляющуюся девушку, провожая ее взглядом, его губы скривились гримасой. Он отодвинул тарелку, прикрыл глаза и спрятал руки под скатерть. Грегори показалось, что он считает пульс.

— И как мы продолжим столь прекрасно начатый вечер? — спросил Сисс минуту спустя, подняв веки. Он пригладил седые, топорщившиеся над ушами волосы и поудобнее расположился на стуле. Грегори положил столо-

вый прибор крест-накрест на тарелку. Тотчас появился официант.

— Выпьете кофе? — спросил Грегори.

— Да. Хорошо, — согласился Сисс. Он опять спрятал руки под скатерть. — Кажется, я напился, — проговорил он, смущенно улыбаясь, удивленно осматриваясь.

— Время от времени это необходимо. — Грегори вылил остатки вина себе в бокал.

Кофе был горячий и крепкий. Грегори пил молча. Становилось душно. Грегори искал глазами официанта и, не найдя, встал. Разыскал его возле бара и попросил открыть окно. Когда он вернулся, мягкое, холодное дуновение уже колыхало пар, поднимающийся над чашками. Сисс сидел, плотно привалившись к балюстраде, глаза у него запали и покраснели. Он глубоко дышал, мелкие, твердые жилки вздулись на висках.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил Грегори.

— Я не выношу алкоголя. — Сисс говорил с закрытыми глазами. — То есть мой организм не выносит его. Я становлюсь мутным внутри, просто мутным, больше ничего.

— Я очень сожалею, — сказал Грегори.

— О, это пустяки. — Сисс все еще сидел с закрытыми глазами. — Не будем говорить об этом.

— Вы были противником превентивной войны? Я имею в виду тогда, в сорок шестом?

— Да. Впрочем, никто не верил в ее успех, даже те, кто ее пропагандировал. Не были психологически подготовлены, знаете. Общая мирная эйфория. Но постепенно даже конклав можно приучить к каннибализму. Только надо действовать последовательно, шаг за шагом. Именно так, как это делается теперь.

— Чем вы занимались позже?

— Различными делами. Начинал много, но, собственно, ничего не успевал закончить. Я обычно оказывался тем камнем, на который находят косы, знаете, а это мало что дает. Это последнее дело я тоже, видимо, не завершу. Я во всем доходил до мертвой точки. Да, если бы я был фаталистом... но это вопрос характера. Я не выношу компромиссов.

— Вы не женаты, не так ли?

— Нет. — Сисс недоверчиво поглядел на Грегори. — Почему вы спрашиваете?

Грегори пожал плечами.

— Мне просто... хотелось знать. Простите, если я...

— Семья — это устаревший институт... — буркнул

Сисс.— Детей у меня тоже нет, если вы хотите знать точно. Ну, если бы их производили головой... Я не люблю этой лотереи генов, знаете. Мне кажется... мне кажется, что я тут гость. Пожалуй, нам пора идти.

Грегори расплатился. Когда они спускались, оркестр проводил их оглушительным джазом, они вынуждены были пробираться по краю танцевального ринга, задевая пары. За вертящимися дверьми Сисс с облегчением вдохнул холодный воздух.

— Благодарю вас за все,— вяло произнес он.

Грегори шел за ним к машинам. Сисс долго разыскивал в кармане ключик, открыл дверцу, расстегнул плащ, потом снял его и бросил, смятый, на заднее сиденье. Сел за руль. Грегори продолжал стоять.

Сисс не заклопывал дверцу и не двигался.

— Не могу вести машину...— признался он.

— Я отвезу вас,— предложил Грегори.— Может быть, вы подвинетесь?

Он наклонился, чтобы сесть в машину.

— Но у вас тут свой автомобиль.

— Ерунда! Я вернусь за ним.

Грегори опустил на сиденье, захлопнул дверцу и резко рванул с места.

ГЛАВА VII

Оставив машину во дворе, Грегори следом за Сиссом вошел в вестибюль. Сисс стоял, опершись о перила лестницы, глаза его были закрыты, на губах бродила неясная, несколько страдальческая улыбка. Грегори не стал прощаться — он ждал. Сисс вздохнул, или показалось, что вздохнул. Неожиданно он открыл глаза и посмотрел на Грегори.

— Не знаю,— пробормотал наконец Сисс,— есть ли... у вас время?

Грегори кивнул и молча двинулся мимо Сисса наверх. Оба молчали. Возле дверей, нажав на ручку, Сисс замер, хотел что-то сказать, даже придержал дверь, которая уже приоткрывалась, но потом решительно ее распахнул.

— Я пойду первым, здесь темно.

В прихожей горел свет. Дверь на кухню была распахнута, но там никого не было, только чайник тихо посвистывал на маленьком огне. Они повесили плащи на вешалку.

Комната, освещенная белым шаром под потолком, имела чистый и праздничный вид. На письменном столе стоял длинный ряд книг одного формата; карандаши и ручки располагались симметрично; под книжными полками к стеклянному столику были придвинуты два очень низких клубных кресла зеленого цвета, на них — яркие подушки с геометрическим узором. Столик уставлен стаканами и рюмками, подносами, полными фруктов и пирожных. Ложечки, вилочки — все накрыто на две персоны. Сисс потер свои костлявые, вспухшие от артрита руки.

— Садитесь под книгами, там удобнее, — произнес Сисс с наигранным воодушевлением. — Днем у меня был гость, могу угостить остатками.

Грегори хотел ответить легко, весело, чтобы подыграть Сиссу, но ничего не придумал, — отодвинул кресло и присел на его подлокотник, повернувшись лицом к книгам.

Перед ним было внушительное собрание разноязычной научной литературы — несколько полок заполняли труды по антропологии, на нижней полке была пластиковая табличка с надписью «Математика». Краем глаза он заметил какие-то таблицы с пятнами телесного цвета, торчавшие из открытого ящика стола, но, когда он взглянул в ту сторону, Сисс двинулся, а вернее, метнулся туда, коленом вернул на место ящик и с треском захлопнул дверцу стола.

— Непорядок, беспорядок, — пояснил он с деланной непосредственностью, еще раз потер руки и устроился на батарее под окном. — Ваш вновь вспыхнувший интерес к моей особе я должен признать равно подозрительным, как и тот, первоначальный, — проговорил Сисс. — Он носит слишком всесторонний характер.

— Вы, наверно, испытали в жизни много тяжелого, — заметил Грегори. Он доставал с полки наугад толстые тома и пропускал под пальцами поток страниц, на которых вздрагивали, прыгали алгебраические формулы.

— Скорее — да. Хотите кофе или чаю? — вспомнил Сисс об обязанностях хозяина дома.

— Я выпью то же, что и вы.

— Хорошо.

Сисс отправился на кухню. Грегори водрузил на место «Principia Mathematica» и с минуту глядел на захлопнутую дверцу письменного стола. Он охотно заглянул бы в ящик, но не решился. Через открытые двери слышно было, как Сисс возится на кухне. Он возвратился с чайником,

тонкой струйкой разлил чай по стаканам и сел напротив Грегори.

— Осторожно, горячо,— предостерег он.— Итак, вы говорите, что исключили меня из числа подозреваемых? — заговорил он минуту спустя.— А знаете что? Я мог бы подбросить еще один подозрительный мотив, который вы упустили из виду. Скажем, что я стремился скрыть какого-нибудь покойника. Предположим, мою жертву. А для того чтобы укрыть этот конкретный труп, я решил придать ситуации необычный характер и организовал целую серию эпизодов с трупами, внес замешательство, создал ситуацию, в которой моя жертва запропаستится окончательно. Что вы на это скажете?

— Слишком литературно,— возразил Грегори. Он просматривал тяжелый, с гладкими, плотными страницами том психометрии.— Существует рассказ Честертона на подобную тему.

— Честертон я не читал. Не люблю его. Значит, нет? А почему же тогда я должен был это сделать, по вашему мнению?

— Я не знаю, зачем вы стали бы это делать. Не могу приписать вам никакого мотива. Именно поэтому я перестал вас подозревать.

— А поинтересовались ли вы моим прошлым? Сопоставляли ли календарные даты с картой моих передвижений? Искали следы и отпечатки? Я не заметил ничего такого, за исключением одного случая.

— Я сразу же отказался от этого, ибо мозаика не складывалась в нечто целое. Впрочем, я не придерживаюсь системы, производя расследование. Я импровизирую, или, если угодно, я разбрасываюсь,— признался Грегори. Он почувствовал что-то твердое между страницами книги и медленно начал листать их назад.— Я даже разработал теорию, вытекающую из моей нерадивости: из коллекционирования следов нельзя делать никаких выводов, пока не нащупаешь определенное направление.

— Вы интуитивист? А вы читали Бергсона?

— Да.

Страницы раскрылись. Между ними лежал негатив большого формата. На фоне просвечивавшей сквозь него белой бумаги обозначился человеческий силуэт, откинувшийся назад. Грегори медленно поднес книгу к глазам и поверх нее взглянул на Сисса, который сидел ниже, чем он. Пальцем он двигал пленку по не заполненной печатным текстом полоске между столбцами, продолжая разговор:

— Шеппард сообщил мне, что вы были у него, когда исчез труп в Льюисе. Так что у вас алиби. Я вел себя, как пес, разыскивающий спрятанную кость, я перебегал от дерева к дереву и рыл, хотя рыть было негде. Я сам себя обманывал. Не было почвы, чтобы рыть, ничего...

Он планомерно передвигал негатив между колонками текста, пока наконец изображение на негативе не стало разборчивым. Это был снимок обнаженной женщины, полулежащей на столе. Рассыпавшиеся темные — значит, на самом деле светлые — волосы, спадавшие через плечо, которым она опиралась на груды темных кирпичей, почти касались сосков, обозначенных молочного цвета пятнышками. Длинные ноги, спущенные со стола, опутывала нить белых бус. В руке она сжимала неопределенной формы предмет, пересекающий черноту сжатых бедер. Губы, раскрытые в непонятной гримасе, обнажали темные точки зубов.

— Я думаю, что в достаточной степени посрамлен в ваших глазах, — продолжал Грегори.

Он перевел взгляд на Сисса. Тот, слабо улыбнувшись, медленно кивнул.

— Не знаю. Вы высказали иную точку зрения. Живимы во времена инквизиции, возможно, вам удалось бы достичь своей цели.

— Как вы это понимаете? — быстро спросил Грегори. Он еще раз взглянул на негатив, плотно прижатый к странице, и неожиданно понял: то, что он принял за бусы, было цепочкой. Щиколотки девушки были скованы. Он сморщил брови, захлопнул том, водрузил его на место и легко соскользнул с подлокотника кресла на сиденье.

— Я крайне восприимчив к боли, знаете ли. Пытками вы выжали бы из меня любое признание. Вы поломали бы мне кости, но сохранили бы свой душевный покой. Или, вернее, душевный порядок.

— Я не понимаю Шеппарда почти так же, как и самого дела, — медленно проговорил Грегори. — Он поручил мне это безнадежное расследование и вместе с тем с самого начала не давал никаких шансов. Но вас это, пожалуй, вряд ли интересует?

— Собственно говоря, нет. — Сисс поставил пустой стакан на стол. — Я сделал, что мог.

Грегори встал и прошелся по комнате. На противоположной стене висела фотография в рамке, большой снимок какой-то скульптуры в нижнем ракурсе, с резко очерченными границами света и тени.

— Это вы снимали?

— Да.— Сисс не повернул головы.

— Очень хорошо.

Грегори окинул взглядом комнату и узнал письменный стол, запечатленный на негативе. «Те кирпичики — книги»,— подумал он. Оглядел окна; помимо обычных занавесок, на них были и плотно свернутые черные шторы, поднятые сейчас вверх.

— Я не думал, что у вас художественные склонности,— сказал он, возвращаясь к столу. Сисс заморгал и с некоторым трудом приподнялся.

— Когда-то это меня занимало. У меня уйма этого добра, хотите посмотреть?

— С большой охотой.

— Сейчас,— пошарил он в карманах,— где ключи? Вероятно, в плаще.

Он вышел, оставив дверь открытой, и зажег в передней свет. Долго не возвращался. Грегори хотел еще раз заглянуть в том психометрии, но боялся рисковать. В этот момент до него донесся звук какой-то возни, что-то треснуло, словно разорвали ткань. В дверях появился Сисс. Он разительно изменился. Распрямившийся, неестественно большими шагами он направлялся к Грегори, словно собираясь броситься на него. Он тяжело дышал. В двух шагах от Грегори он разжал руку, из нее вывалилось что-то белое, смятый клочок бумаги. Грегори узнал салфетку из ресторана. Она завертелась в воздухе и упала на пол. Углы маленького рта Сисса сжались с невыразимым отвращением. Щеки, все лицо Грегори внезапно вспыхнуло как ошпаренное.

— Чего тебе нужно, червяк? — фальцетом выкрикнул Сисс. Он давился словами.— Показания?— Получай показание: это я! Слышишь? Это я! Все я! Я все подстроил, я воровал трупы. Я забавлялся трупами, словно куклами, так мне хотелось, понимаешь? Только не прикасайся ко мне, гадина, у меня может начаться рвота!!! — Лицо его посинело. Он попятился, добрался до письменного стола, ища опоры, упал на стул, трясущимися руками извлек из кармашка стеклянную трубочку, зубами выдернул пробку и тяжело задышал, слизывая жирные капли жидкости. Постепенно его дыхание сделалось чуть ровнее и глубже. Опершись затылком о книжную полку, широко расставив ноги, он ртом хватал воздух; глаза были закрыты. Постепенно он взял себя в руки и сел. Грегори глядел на него, не двигаясь с места. Лицо его продолжало гореть.

— Уходи. Я прошу уйти,— хрипло сказал Сисс, не открывая глаз.

Грегори словно в землю врос. Он молчал и ждал неведомо чего.

— Нет? Значит, нет! — Сисс встал, внезапно раскашлялся, жадно глотая воздух. Потянулся, поправил ворот рубашки, который перед этим расстегнул, одернул пиджак и вышел в прихожую. Через минуту хлопнула наружная дверь.

Грегори остался один в квартире. Он мог обшарить все ящики, весь стол, он даже подошел к нему, но знал, что ничего не сделает. Он закурил и теперь ходил широким шагом от стены к стене. Он вообще не способен был размышлять. Погасил сигарету, огляделся, покачал головой и направился в переднюю. Его плащ валялся на полу. Подняв его, он увидел, что спина разорвана почти до половины, петля с клочком материала осталась на крючке. Он стоял с плащом в руках, когда зазвонил телефон. Грегори прислушался. Телефон продолжал звонить. Он вернулся в комнату, подождал, пока умолкнет сигнал, но тот не унимался. «Слишком много угрызений и слишком мало последовательности,— подумал он.— Я тряпка. Нет, не тряпка, а как он сказал? Червяк!» Он приложил трубку к уху.

— Алло?

— Это вы? Значит, все-таки... — Он узнал голос Шеппарда.

— Да, это я. Как... как вы узнали, что я здесь? — спросил Грегори. Колени у него были как ватные, только сейчас он это почувствовал.

— Где вы можете быть в двенадцать ночи, если дома вас нет? — ответил Шеппард. — Вы еще долго там пробудете? Сисс с вами рядом?

— Нет. Его нет. Его вообще нет в квартире.

— А кто дома? Сестра? — Голос Шеппарда зазвучал резче.

— Нет, вообще никого...

— Как это вы одни? Как вы туда попали? — Голос главного инспектора звучал неприязненно.

— Мы пришли вместе, но он... вышел. У нас произошла... наступило роковое столкновение,— выговорил с огромным трудом Грегори.— Я... позже, то есть завтра, когда смогу... впрочем, это не важно. Что-то случилось? Почему вы звоните?

— Да, случилось. Уильямс скончался. Вы знаете, о ком я говорю?

— Знаю.

— Он пришел в себя перед смертью и хотел дать показания. Я пытался вас разыскать, даже прибег к помощи радио.

— Я... простите, я не знал...

— Не стоит извиняться. Его показания мы записали на пленку. Я хотел бы, чтобы вы ознакомились с ними.

— Сегодня?

— А почему бы нет? Вы ждете Сисса?

— Нет, нет... я как раз собирался уходить.

— Вот и прекрасно. Вы можете прийти ко мне сейчас? Я предпочел бы не откладывать на завтра.

— Могу прийти сейчас,— произнес Грегори без энтузиазма. Он вспомнил про плащ и поспешно добавил: — Я должен только заскочить домой. Это займет полчаса.

— Хорошо. Жду!

Шеппард положил трубку. Грегори вернулся в переднюю, поднял плащ, перекинул его через плечо и сбежал по лестнице. Заглянул во двор: серого «крайслера» не было. За углом он поймал такси и поехал к «Савою», там пересел в «бьюик». Остывший двигатель долго не желал заводиться. Вслушиваясь в урчание стартера, Грегори думал только об одном: что он скажет Шеппарду?

У дома супругов Феншоу парковать машины запрещалось, но Грегори пренебрег этим. Он побежал к подъезду по мокрому асфальту, отражавшему, как зеркало, далекие огни. Довольно долго он пытался повернуть ключ в замке, пока не понял с удивлением, что парадная дверь не заперта. Такого еще никогда не бывало. Громадный холл не был погружен в темноту; он был заполнен колеблющимся полусветом, отблеск которого то угасал, то снова разгорался на сводчатом перекрытии высоко над лестницей. Грегори на цыпочках проследовал до зала с зеркалами и замер на пороге.

Там, где прежде стоял стол, находилось возвышение, покрытое коврами. По обеим его сторонам горели свечи, ряды которых отражались в угловых зеркалах. Воздух заполнял запах растаявшего стеарина, желтоватые и голубоватые язычки пламени хаотично подрагивали, одна из свечей шипела. Картина была столь неожиданная, что Грегори надолго замер, вглядываясь в пустое пространство между рядами свечей. Он медленно поднял взгляд; казалось, он считает радужные искры, вспыхивающие и исчезающие в низко висящей хрустальной люстре. Он огляделся, вокруг было пусто.

Ему предстояло пройти через зал, он двинулся вдоль стены на носках, как вор, задел ногой едва заметную, белую, тонкую, скрученную, как пружина, деревянную стружку. Возле открытых дверей он услышал приближающиеся шаги. Он заторопился в надежде, что успеет добраться до своей комнаты, избежав встречи, и тут увидел впереди, во мраке, дрожание золотых искр. Из коридора выплыла миссис Феншоу. Она двигалась медленно, на ее черное платье была наброшена лиловая шаль, украшенная золотыми цехинами, они раскачивались при каждом движении. Грегори, не зная, как поступить, хотел обойти ее, но она не уступила дороги. Шла, точно слепая, и он вынужден был податься назад. Он пытался, а она шла навстречу, словно не замечала его. Грегори споткнулся о край ковра и остановился. Они были уже среди зеркал.

— Моя жизнь! — зарыдала миссис Феншоу. — Жизнь моя! Все! Все! Его увезли! — Она подступила так близко, что Грегори ощутил на лице ее дыхание. — Он знал, что не выдержит, знал, знал и еще сегодня мне говорил! Но все было как обычно, почему так не могло продолжаться и дальше? Почему?! — повторяла она, опалая его дыханием, пока наконец слова, произносимые с душераздирающей болью, не перестали для него что-либо значить.

— О... не знаю... правда ли... Я страшно сожалею... — беспомощно бормотал Грегори, погружаясь в какой-то абсурд, в какое-то непостижимое несчастье, в театр неожиданных событий и подлинного отчаяния. Из-под шали, в которую куталась миссис Феншоу, высунулась темная, скрюченная рука и крепко схватила его за запястье.

— Что случилось? Неужели мистер... мистер... — он не закончил. Она утвердительно закивала, беззвучно рыдая. — Ох, так внезапно, — промямлил он.

Это словно отрезвило ее. Она посмотрела на него с напряжением, пристально, почти с ненавистью.

— Нет! Не внезапно! Не внезапно! Нет! Это длилось много лет, много лет, но он постоянно отодвигал это от себя, мы вместе оттягивали, у него было все самое лучшее, что может иметь человек. Я каждую ночь массировала его, а когда ему было плохо, до рассвета держала его за руку, сидела рядом с ним, он мог оставаться один только днем, днем он не нуждался во мне, но теперь ночь, ночь!!!

Она снова страшно кричала, ее голос отзывался неестественно звонким эхом. Надломленное, искаженное, оно несло откуда-то из глубины дома, из мрачной анфилады

комнат, открывавшейся за лестницей. «Ночь...» — гремело над головой женщины. Одной рукой она судорожно вцепилась в запястье Грегори, другой колотила его в грудь. Удивленный, подавленный такой откровенностью, такой искренностью и силой отчаяния, Грегори начинал понемногу осознавать происшедшее; он молча глядел на подвижные огоньки, освещавшие пустое, устланное коврами место в центре зала.

— О Господи, Господи! О Господи! — прокричала миссис Феншоу; ее возгласы потонули в рыданиях. Слезинка блестящим светлячком упала на лацкан пиджака Грегори; он почувствовал облегчение от того, что она наконец заплакала. Вдруг миссис Феншоу затихла и удивительно спокойно, чуть всхлипывая, произнесла: — Спасибо. Простите. Идите, сударь. Идите. Вам никто не будет мешать. О, никто! Никому, никому...

При последних словах ее голос опять стал опасно смахивать на безумный крик. Грегори испугался, но миссис Феншоу, плотнее запахнувшись в складки лиловой шали, направилась к дверям. Грегори дошел до коридора и почти побежал по нему, пока не нащупал рукой дверь своей комнаты.

Старательно и крепко прикрыв ее за собой, он зажег лампу, присел на стол и уставился на свет — до рези в глазах.

Значит, мистер Феншоу был болен и умер? Какое-то продолжительное, странное, хроническое заболевание? Она ухаживала за ним? Только ночью? А днем? Днем он предпочитал оставаться один. Что у него было? Может быть, какие-то удушья? Она говорила про массажи. Что-то с нервами? И бессонница? Возможно, что-то с сердцем? А ведь он казался здоровым. Во всяком случае, ничто не говорило о тяжелом недуге. Сколько лет ему могло быть? Наверняка под семьдесят. Когда же это произошло? Сегодня, то есть вчера. Меня не было дома почти сутки; скорее всего, это произошло утром или днем, а увезли его вечером. Иначе для чего понадобились бы эти свечи?

Грегори согнул ноги: они начали затекать. «Значит, это объясняется так, — размышлял Грегори. — Феншоу был болен, ему требовался уход, какие-то длительные, сложные процедуры, а когда же она спала?..»

Он вскочил на ноги, вспомнив, что Шеппард все еще его ждет. Достал из шкафа старый плащ, оделся и на цыпочках вышел. Дом был погружен в тишину. В гостиной догорали свечи; в их замирающем свете он сбежал по лест-

нице. Все это продолжалось не более тридцати минут, с удивлением отметил он, садясь за руль. Когда он проезжал возле Вестминстера, пробило час.

Шеппард открыл ему сам, как и в первый раз. Они молча поднялись наверх.

— Простите, что вам пришлось меня ждать,— сказал Грегори, вешая плащ,— но умер хозяин моей квартиры, и я должен был... э... принести свои соболезнования.

Шеппард холодно кивнул и движением руки указал на открытую дверь. Комната не изменилась; при свете коллекция фотографий на стенах выглядела как-то иначе, и Грегори пришло в голову, что в них есть нечто претенциозное. Шеппард сел за письменный стол, на котором возвышалась груда бумаг и папок. Он довольно долго молчал. Грегори был еще весь во власти атмосферы темного, затихшего дома — с внезапно умолкнувшей стеной у кровати, с угасающими свечами. Он непроизвольно коснулся запястья, как бы стремясь стереть след прикосновения миссис Феншоу. Сидя напротив главного инспектора, он впервые за эту ночь ощутил страшную усталость. Ему внезапно пришло в голову, что Шеппард ждет доклада о его визите к Сиссу. Эта мысль вызвала у него такое сопротивление, словно он собирался предать кого-то близкого.

— Я сегодня весь вечер следил за Сиссом,— начал он не спеша и пытливо взглянул на Шеппарда.— Мне продолжать?

— Думаю, это необходимо.

Шеппард был само спокойствие.

Грегори кивнул. Ему тяжело было рассказывать о том, что произошло вечером, поэтому он старался хотя бы не комментировать событий. Шеппард слушал, откинувшись на стуле, только однажды, когда он услышал о фотографии, у него дрогнуло лицо.

Грегори сделал паузу, но главный инспектор промолчал. Когда Грегори закончил доклад и поднял голову, он увидел на лице Шеппарда улыбку, тотчас исчезнувшую.

— Итак, в конечном итоге вы располагаете его признанием,— сказал Шеппард.— Но, как я понял, вы перестали подозревать Сисса едва ли не тогда, когда он оставил вас одного? Не так ли?

Грегори удивился. Он сидел нахмурив брови, не зная, что ответить. Так оно и было, хотя до сих пор он не отдавал себе в этом отчета.

— Да,— буркнул он.— Вероятно, так. Впрочем, я и до этого не рассчитывал на успех. Я действовал по инерции,

прилип к этому несчастному Сиссу,— никого другого под рукой не было, я никого не находил; впрочем, не знаю, возможно, я пытался его скомпрометировать. Может быть. Ради чего? Ну, чтобы возвыситься в собственных глазах,— запутывался он все больше.— Я понимаю, все это лишено смысла,— заключил он.— В конечном счете я ничего не знаю о Сиссе, не знаю даже того, что он может делать сейчас.

— А вам хотелось бы знать? — сухо спросил Шеппард.— Возможно, вы нашли бы Сисса на могиле его матери на кладбище либо на Пикадилли в поисках какой-нибудь юной проститутки. Примерно таков его диапазон. Не хотел бы вас поучать, но к таким переживаниям, к моральному похмелью, следует всегда быть готовым. Что вы собираетесь делать дальше?

Грегори пожал плечами.

— Несколько недель назад я подгонял всех, пугая реакцией прессы и общественности,— продолжал Шеппард, сгибая и разгибая в руках металлическую линейку.— Однако того, чего я опасался, не произошло. Две-три статьи связывают дело с летающими тарелками, и — парадокс! — это и положило конец шумихе. Несколько писем в редакцию — и все! Я не представлял себе, какие размеры обрело в наши дни безразличие к необычному. Стала возможной прогулка по Луне, значит, возможно все. Мы остались один на один с этим делом, инспектор, и преспокойно могли бы сдать его в архив...

— За этим вы меня и вызвали?

Шеппард промолчал.

— Вы хотели, чтобы я послушал показания Уильямса, не так ли? — минуту спустя спросил Грегори.— Может быть, сделать это сейчас? Потом я уйду. Уже поздно, я не хочу отнимать у вас время.

Шеппард встал, раскрыл плоский футляр магнитофона, включил его, заметив:

— Запись сделана по просьбе Уильямса. Техники торопились, аппарат был не совсем исправен, и качество звука не на высоте. Присаживайтесь ближе. Внимание!

Зеленый глазок несколько раз мигнул. Из динамика донесся размеренный шум, какой-то стук, треск и далекий голос, искаженный, словно доносящийся через жестяной рупор:

— Я уже могу говорить? Господин комиссар, господин доктор, можно мне говорить? У меня был отличный фонарь, жена купила мне его год назад для ночной

службы. Первый раз, когда я там проходил, этот лежал в том же положении, с руками вот так, а в следующий раз я услышал шум, словно свалился мешок картошки. Я осветил фонарем через то, второе окно — он лежал на полу, я подумал, что он вывалился из гроба, а он уже шевелился, у него ноги двигались. Медленно так. Я подумал, что, может, это мне снится, и протер глаза снегом, но он продолжал шевелиться и все пытался перевернуться. Пожалуйста, уберите это, я буду говорить. Пожалуйста, не мешайте. Господин комиссар, я не знаю, как долго это продолжалось, но довольно долго. Я светил фонарем и не знал, входить мне туда или нет, а он там изгибался и переворачивался и так добрался до окна, и мне стало хуже видно, поскольку он находился под самым окошком, у стены, и продолжал там шуметь. А потом створка открылась...

Неразборчивый голос спрашивал о чем-то, чего нельзя было понять.

— Этого я не знаю,— слышался более близкий голос.— Я не заметил, что стекло разбито. Может, так оно и было, не знаю. Я стоял с той стороны... нет... не смогу показать. Я стоял там, а он вроде бы сидел, виднелась только голова, я мог до него дотронуться, господин комиссар, расстояние между нами было как до той табуретки, я осветил внутрь, но там ничего не было, только стружки сверкнули в пустом гробу, и ничего, и никого. Я наклонился, он был ниже, ноги у него разъезжались, и он шатался, господин доктор, словно пьяный, весь ходил ходуном и постукивал, как слепые палкой стучат, это он так руками стучал. А может, у него что было в руках. Я ему говорю: «Стой! Что ты делаешь? Что это такое?» Вроде я ему так и сказал.

Наступила короткая пауза, заполненная тихим треском. словно кто-то иглой скреб мембрану.

— Он так карабкался, что снова опрокинулся. Я ему приказываю, говорю, чтобы он прекратил это, но ведь он был мертв. Вначале я было подумал, что он пробудился, но он был неживой, глаза у него не смотрели, а так... он ничего не видел и не чувствовал ничего, а если бы чувствовал, не стучал бы так в эти доски, но он стучал как проклятый, поэтому не помню, что я ему кричал, а он и так и этак, зубами за этот подоконник уцепился...

Снова кто-то неразличимым, приглушенным голосом задал вопрос, разобрать можно было только последнее слово: «Зубами?»

— Да, я ему совсем близко в лицо посветил, глаза у него мутные, ну как у снулой рыбы, а что было дальше, не знаю.

Другой, более близкий голос произнес:

— Когда вы выхватили револьвер? Вы собирались стрелять?

— Револьвер? Я выхватил револьвер? Этого не могу сказать, не помню. Я убежал? С чего бы мне убежать? Не знаю. Что у меня с глазами? Господин доктор...

Более отдаленный голос:

— ...ничего нет, Уильямс. Закройте глаза, вот теперь хорошо, теперь вам будет лучше.

Женский голос, из глубины:

— Ну вот и все, вот и все.

Снова задыхающийся голос Уильямса:

— Я не могу так. Разве я... разве уже конец? А где моя жена? Ее нет? Почему? Она здесь? Что мне инструкция, если в инструкции о таких вещах ни слова...

Послышались отголоски короткого спора, кто-то громко проговорил:

— Ну, достаточно!

Но вторгся другой голос:

— Уильямс, вы машину видели? Фары машины?

— Машины?.. Машины? — повторил протяжным, невнятным голосом Уильямс.— У меня стоит перед глазами, как он этак раскачивался с боку на бок, а сделать ничего не мог и стружки за собой... тащил, я смекнул бы, если бы увидел веревку. Но веревки там не было.

— Какой веревки?

— Рогожа, нет? Веревка? Не знаю. Где? Эх, кто такое видел, тому свет не мил, ведь такого быть не может, правда, господин комиссар. Стружки — нет. солома... не... удержится...

Длительная пауза, нарушаемая треском и неразборчивыми отзвуками, словно в отдалении от микрофона несколько человек вели шепотом ожесточенный спор. Короткий горловой спазм, звук икоты и неожиданно огрубевший голос:

— Я все отдам, а мне самому ничего не надо. Где она? Это рука? Ее рука. Это ты?

Снова скрежет, стук, словно передвигали что-то тяжелое, звук лопнувшего стекла, короткий звук выпущенного газа, резкий треск и сказанные оглушительным басом слова:

— Ну ты, выключай. Конец!

Шеппард остановил бобины, пленка замерла. Он возвратился за стол. Грегори сидел сгорбившись, всматриваясь в побелевшие костяшки своей руки, вцепившейся в подлокотник. Он забыл о Шеппарде.

«Если бы я мог все повернуть вспять,— подумал он.— Хотя бы на несколько месяцев назад. Мало? На год? Глупость. Мне не выкрутиться...»

— Господин инспектор,— неожиданно сказал он,— если бы вы выбрали другого, не меня, возможно, сегодня виновный был бы уже в камере. Вы меня понимаете?

— Возможно. Продолжайте, пожалуйста.

— Продолжать? В учебнике по физике, в разделе об оптических обманах, был рисунок: можно увидеть либо белую вазу на черном фоне, либо два черных человеческих профиля на белом фоне. Мальчишкой я думал, что настоящим должно быть лишь одно изображение, да не мог определить, какое именно. Разве это не смешно, господин инспектор? Вы помните нашу беседу в этой комнате о порядке? О естественном порядке вещей. Такой порядок, как вы тогда сказали, можно имитировать.

— Нет, это ваши слова.

— Мои? Возможно. А если все не так? Если имитировать нечего? Если мир — не разложенная перед нами головоломка, а всего лишь бульон, где в хаотическом беспорядке плавают кусочки, иногда, по воле случая, слипающиеся в нечто единое? Если все сущее фрагментарно, недоношено, ущербно, и события имеют либо конец без начала, либо середину, либо начало? А мы-то классифицируем, вылавливаем и реконструируем, складываем это в любовь, измену, поражение, хотя на деле мы и сами-то существуем только частично, неполно. Наши лица, наши судьбы формируются статистикой, мы случайный результат броуновского движения, люди — это незавершенные наброски, случайно запечатленные проекты. Совершенство, полнота, завершенность — редкое исключение, возникающее только потому, что всего неслыханно, невообразимо много! Грандиозность мира, неисчислимое его многообразие служат автоматическим регулятором будничного бытия, из-за этого заполняются пробелы и бреши, мысль ради собственного спасения находит и объединяет разрозненные фрагменты. Религия, философия — это клей, мы постоянно собираем и склеиваем разбегающиеся клочки статистики, придаем им смысл, лепим из них колокол нашего тщеславия, чтобы он прозвучал одним-

единственным голосом! А на деле это всего лишь бульон... Математическая гармония мира — наша попытка заколдовать пирамиду хаоса. На каждом шагу торчат куски жизни, противореча тем значениям, которые мы приняли как единственно верные, а мы не хотим, не желаем это замечать! На деле существует только статистика. Человек разумный есть человек статистический. Родится ли ребенок красивым или уродом? Доставит ли ему наслаждение музыка? Заболит ли он раком? Все это определяется игрой в кости. Статистика стоит на пороге нашего зачатия, она вытягивает жребий конгломерата генов, творящих наши тела, она разыгрывает нашу смерть. Встречу с женщиной, которую я полюблю, продолжительность моей жизни — все решит нормальный статистический распорядок. Может быть, он решит, что я обрету бессмертие. Ведь вполне понятно, что кому-то достанется бессмертие, как достаются красота или уродство? Так как нет однозначного хода событий, и отчаяние, красота, радость, уродство — продукт статистики, то она определяет и наше познание, которое есть слепая игра случая, вечное составление случайных формул. Бесчисленное количество вещей смеется над нашей любовью к гармонии. Ищите и обрящете, в конце концов всегда обрящете, если будете искать рьяно; ибо статистика не исключает ничего, делает все возможным, одно — менее, другое — более правдоподобным. История — картина броуновских движений, статистический танец частиц, которые не перестают грезить об ином мире...

— Может, и Бог существует время от времени? — подал негромкую реплику Шеппард. Подавшись вперед, он отрешенно слушал то, что Грегори, не смея поднять глаз, с трудом выдавливал из себя.

— Возможно, — равнодушно ответил Грегори. — А периоды его отсутствия весьма продолжительны, не правда ли?

Он встал, подошел к стене и невидящими глазами принялся всматриваться в какую-то фотографию.

— Возможно, и мы... — начал он и замаялся. — И мы возникаем только время от времени. Подчас мы просто исчезаем, растворяемся, а потом внезапной судорогой, внезапным усилием, соединяя на минуту распадающееся вместилище памяти... на день становимся собой...

Он замолк. Минуту спустя произнес другим тоном:

— Простите. Я договорился сам не знаю до чего. Может быть... хватит на сегодня. Я, пожалуй, пойду.

— У вас нет времени?

Грегори остановился. Удивленно посмотрел на Шеппарда.

— Есть у меня время. Но, пожалуй, уже хватит...

— Вы знаете машины Мейлера?

— Мейлера?

— Такие большие грузовики, на толстых шинах, выкрашенные в золотистые и красные полосы. Вы должны были видеть их.

— А, это транспортная фирма. «Мейлер проникает всюду...» — вспомнил Грегори рекламу. — А что?

Шеппард, не поднимаясь с кресла, протянул ему газету и указал на заметку в самом низу.

«Вчера, — читал Грегори, — грузовой автомобиль фирмы «Мейлер компани» столкнулся под Амбером с товарным составом. Шофер, который въехал на железнодорожный переезд, несмотря на предупредительный сигнал, скончался на месте происшествия. Жертв среди персонала поезда не было».

Он посмотрел на инспектора, ничего не понимая.

— Предположительно он возвращался порожняком в Танбридж-Уэлс. У Мейлера там база, — сказал Шеппард. — Около ста машин. Они развозят продукты, главным образом мясо и рыбу в рефрижераторах. Ездят всегда ночью, чтобы доставлять товар к утру. Отправляются в путь поздним вечером, вдвоем, шофер с помощником.

— Здесь сказано только о шофере, — медленно произнес Грегори. Он все еще ничего не понимал.

— Да, потому что, добравшись до цели, шофер оставляет помощника, чтобы тот помогал носить товар на склад, и возвращается один.

— Помощнику повезло, — безразлично сказал Грегори.

— Вероятно. Труд этих людей не легок. Они ездят в любую погоду. Обслуживают четыре трассы, напоминающие в плане крест: на севере Броумли и Лоуверинг, на востоке Дувр, на западе Хоршем и Льюис, а на юге Брайтон.

— Что это означает? — спросил Грегори.

— У каждого шофера свое расписание. Они ездят каждую третью или каждую пятую ночь. Если условия тяжелые, получают дополнительные отгулы. Этой зимой им не везло. Начало января выдалось бесснежным, помните? Осадки начались только в третьей декаде, а в феврале они были уже значительными. Чем большие трудности с уборкой снега возникали у дорожной службы, тем меньшей становилась средняя путевая скорость машин. С шестидесяти

километров в час в начале января она снизилась до сорока в феврале, а в марте начались оттепели и гололед, так что скорость упала еще на десять километров...

— Почему вы об этом говорите? — сдавленным голосом произнес Грегори. Широко расставленными руками он оперся о стол и смотрел на Шеппарда. Тот поднял глаза и спокойно спросил:

— Вы когда-нибудь водили машину в густом тумане?

— Водил. А что?..

— Значит, вы знаете, какое это изнурительное занятие. Часами приходится всматриваться в густое молоко за стеклом. Некоторые открывают дверцу и смотрят на дорогу сбоку, но и это не помогает. Ширина шоссе ощущается только интуитивно, туман поглощает свет фар, в результате непонятно, едешь ли вперед, в сторону или вверх, туман плывет, движется, глаза слезятся от напряженного всматривания. Через какое-то время наступает состояние, в котором видятся удивительные вещи... Какие-то шестивия теней, какие-то знаки, подаваемые из глубины тумана, в темной кабине ничего нельзя различить, утрачивается ощущение собственного тела, неизвестно, лежат ли еще руки на баранке, человека охватывает апатия, из которой его выводит страх. Едешь, обливаясь потом, слышишь однообразный шум мотора, то засыпая, то просыпаясь в спазматической судороге. Это как кошмар. Представьте себе, что вас издавна одолевают странные образы, странные мысли, которые вы никому не решились бы поверить... может быть, это мысли о мире, о том, как он невероятен, каким может быть, о том, как следовало бы поступать с иными людьми при жизни... или после смерти. Наяву, днем, на работе, вы отдаете себе отчет, что это бред, фантазмагория, вы запрещаете себе думать об этом, как всякий нормальный человек. Но мысли живут в вашей душе, являются ночью, становятся навязчивой идеей. Вы учитесь скрывать их, вы заботитесь, чтобы глупцы не пронюхали о них, это могло бы вам навредить. Вы ничем не должны отличаться от других. Потом вы получаете хорошо оплачиваемую работу, которая требует ночного бодрствования и напряженного внимания. Ночами по пустынным местам вы ведете громадный восьмитонный грузовик, у вас много, очень много времени для размышлений, особенно когда вы едете в одиночку, без напарника, и не должны возвращаться к обыденной реальности, отзываясь на его реплики, разговаривая о мелких, банальных вещах, которые заполняют жизнь других людей, в то время как у вас...

И так вы курсируете долго, пока не пройдет осень и не наступит зима. Тогда вы первый раз въезжаете в туман. Вы пытаетесь отогнать бредовые видения, останавливаете машину, выходите, трете щеки и лоб снегом, едете дальше. Проходят часы в тумане. Молоко, густое молоко, бесконечная, разлитая вокруг белизна, словно никогда не существовало обычных дорог, грязных освещенных улиц, деревьев, домов. Вы один, вечно один со своим темным, неуклюжим грузовиком; из черной кабины вы смотрите вперед, мигая, силясь отогнать то, что возникает все отчетливее, все назойливее. Вы едете, и это продолжается, может быть, час, может, два, может, три часа, пока не наступает минута, когда это становится неодолимым, это захватывает вас, становится вашей сутью, и уже все в порядке, вы точно знаете, что следует теперь предпринять... Остановив машину, вы высаживаетесь из нее...

— Что вы говорите! — выкрикнул Грегори. Он дрожал.

— На базе работают двести восемнадцать шоферов. В таком скоплении людей всегда найдется один, который... который немножко отличается от других? Который, скажем, не совсем здоров? Что вы об этом думаете?

Голос Шеппарда был по-прежнему спокоен, он говорил размеренно, почти монотонно, но в этом ощущалось нечто безжалостное.

— То, что происходило во второй половине ночи в мертвецких и прозекторских маленьких, провинциальных городков, разнилось деталями; оставалось, однако, нечто, объединявшее их в единое целое: регулярность, которая не могла быть запланирована человеком, ни одним человеком. Никто, ни один мозг не был бы на это способен. Это мы установили, не правда ли? Но эту регулярность могли навязать внешние обстоятельства. Во-первых, график движения машин. Во-вторых, то, что место каждого последующего происшествия находилось все дальше от центра. Танбридж-Уэлс, база Мейлера, куда возвращаются порожние машины во второй половине ночи, расположена очень близко от нашего центра. Почему место каждого последующего случая находилось все дальше от нее? Потому что средняя скорость машин падала — шоферы, хотя и выезжали из Танбридж-Уэлса всегда в одно время, позже добирались до конечного пункта, позже начинали обратный рейс, а поэтому за одинаковый отрезок времени они преодолевали все меньшее расстояние.

— А почему это случалось в одни и те же часы? — проговорил Грегори.

— Да ведь чтобы туман вызвал видения, надо около двух часов. За эти два часа машина прошла первый раз, при сухой погоде, расстояние большее, нежели за следующий рейс, и так далее. Тем самым, в результате возрастающего сопротивления, которое создавал снег для колес грузовых автомашин, проявилась дополнительная регулярность. Снег же устилал дорогу тем обильнее, чем ниже падала температура; моторы работали на морозе хуже, значит, произведение расстояния от центра до места происшествия и времени между двумя происшествиями следует умножить на разницу температур, чтобы получить постоянную величину. По мере ухудшения условий поездки диспетчер фирмы Мейлера устанавливает шоферам рейсы со все возрастающими интервалами. Хотя в течение двухчасовой езды в тумане шофер проезжал каждый раз все более короткую дистанцию, второй сомножитель — время, исчисляемое в днях между двумя рейсами, — пропорционально возрастал, и поэтому произведение осталось приблизительно неизменным.

— И следовательно, это значит... что какой-то шофер-параноик... да?.. ездил ночью, останавливал машину, воровал труп и — что делал с ним?

— Под утро, когда он выезжал из зоны тумана, к нему возвращалось сознание, он вступал в обычный мир и пытался, как мог, избавиться от последствий безумной ночи. Он ехал по обширной территории, полной холмов, неглубоких оврагов, зарослей, рек, кустов... Его охватывал страх, он не мог поверить в то, что произошло, убеждал себя, что будет лечиться, но боялся потерять место, и, стало быть, когда диспетчер назначал ему следующий рейс, он без лишних слов снова садился за руль. А так как он должен был знать наизусть топографию района, все дороги, селения, перекрестки, постройки, он хорошо знал, где расположены кладбища...

Взгляд Грегори скользнул с лица Шеппарда на развернутую газету.

— Это он?

— Безумие должно было прогрессировать, — медленно продолжал Шеппард. — Воспоминание о совершенных поступках, страх перед разоблачением, растущая подозрительность к окружающим, болезненная интерпретация невинных замечаний и слов коллег на работе — все это должно было осложнять его состояние, усиливать напряжение, в котором он жил. Можно думать, что ему все труднее было приходить в себя, что все хуже, с меньшим внима-

нием он водил машину, легко мог попасть в аварию. Например — такую...

Грегори внезапно отошел от стола, сел на стоящий возле книжного шкафа стул и провел рукой по лицу.

— Значит, так? — сказал он. — Так. А имитация чуда... ха-ха... И это правда?

— Нет, — спокойно ответил Шеппард, — это лишь допустимо. Или, точнее говоря: правда может оказаться такой.

— Что вы говорите, инспектор? Вы играете со мной?

— Это не игра. Остыньте, Грегори. Было шесть происшествий, вы помните? Было шесть происшествий, и этот шофер, — он хлопнул по газете, — трижды, без сомнения, проезжал во второй половине ночи мимо места, где исчезал труп.

— А другие случаи? — спросил Грегори. С ним творилось нечто странное. Неожиданная волна облегчения, надежды распирала ему грудь, ему казалось, будто легче стало дышать.

— Другие? Об одном происшествии... В Льюисе... сведений нет. Еще в одном случае у шофера алиби.

— Алиби?

— Да. Он тогда не только не работал, но три дня находился в Шотландии. Это точно.

— Значит, это не он! — Грегори встал, он должен был встать; газета соскользнула с края стола и упала на пол.

— Нет, это не он. Наверняка не он, разве что мы рассмотрим это происшествие отдельно. — Шеппард спокойно глядел на Грегори, лицо которого исказилось гневной гримасой. — Но если мы откажемся от Мейлера, точнее, от шофера Мейлера, есть еще другие циркулирующие по ночам транспортные средства, есть почтовые машины, есть больничный транспорт, «скорая помощь», аварийная служба, пригородные поезда, автобусы... есть множество явлений, которые, налагаясь друг на друга, дают искомую регулярность.

— Вы смеетесь надо мной?

— Да нет же, я пытаюсь вам помочь.

— Благодарю.

Грегори наклонился и поднял с полу газету.

— Следовательно, этот шофер был, то есть должен был быть, — поправился он, — параноиком, больным, действующим на основе уравнения: туман, помноженный на мороз, помноженный на снегопад... — Он поглядел на Шеппарда со странной улыбкой.

— А если бы в остальных случаях он имел другой маршрут — благодаря случайности, чистой случайности, — то стал бы козлом отпущения...

Грегори сардонически улыбнулся, расхаживая по комнате.

— Я, кажется, знаю, — заявил он. — Конечно... минутку!

Он снова схватил газету, расправил ее.

— Там не хватает первой полосы, с датой, — заметил Шеппард, — но я могу ее вам представить. Это вчерашний номер.

— А!

— Нет, я не выдумал это сию секунду. То, о чем шла речь, вчера было проверено. Это заняло весь день. Проверяли местная полиция и Фаркварт, который полетел в Шотландию, если это вас интересует.

— Нет, нет, но... я хотел бы знать, почему вы это сделали?

— В конце концов... я тоже работаю в Скотленд-Ярде, — сказал Шеппард.

Грегори, казалось, не слышал его ответа, взволнованный, он расхаживал по комнате и поглядывал на фотографии.

— Вы знаете, о чем я думаю? Это действительно было бы удобно, очень, очень удобно... чрезвычайно подходяще! Виновник есть, но он мертв. Словом, ни допросить его, ни обследовать невозможно... Гуманное решение, ошибка правосудия исключена, никто не пострадает... Вы подозревали его? Или вы тоже хотели подогнать факты, которые имелись в нашем распоряжении и вынуждали нас действовать, чтобы организовать этот хаос с его мнимым порядком, чтобы закрыть дело из-за стремления к порядку? Об этом идет речь?

— Я не вижу альтернативы, — неохотно проговорил Шеппард. Казалось, с него было довольно. Он уже не глядел на Грегори, который остановился, пораженный новой мыслью.

— А можно и так, — заявил Грегори. — Разумеется. Я знаю, верю, что вам хотелось мне помочь. Казалось, ничего нельзя было сделать, совсем ничего, а теперь вдруг можно. Можно отместить алиби. Либо исключить неподходящий случай из всей серии. Или все остальные, вместе с ним, и следствие сдвинется с мертвой точки! Во всяком случае, имеется шанс — болезнь! Болезнью можно объяснить самые удивительные вещи, даже видения и стигматы,

даже... даже чудо! Вам, вероятно, известны работы Гуггенхаймера, Холпи и Уинтершильда? Наверняка вы их читали, хотя их и нет в нашем архиве...

— Этих психиатров? Они написали много работ. Какие из них вы имеете в виду?

— Те, в которых они на основе анализа Евангелия доказывали, что Иисус был безумен. В свое время они вызвали много шума. Психиатрический анализ текстов, который привел к гипотезе паранойи...

— Если бы я мог дать вам совет,— заметил Шепард,— то просил бы вас отказаться от библейских аналогий, они ни к чему не приведут. Это можно было позволить себе в начале дела, когда щепотка соли, обострявшая проблему, была полезна... но теперь, в заключительной фазе следствия...

— Вы так считаете? — тихо спросил Грегори.

— Да. Ибо я надеюсь, я убежден, что вы не захотите оказаться вопиющим в пустыне...

— Что я должен делать теперь? — спросил Грегори с несколько демонстративным рвением и вытянулся, глядя на старого человека, который поднялся с кресла.

— Мы должны обсудить планы на будущее. На ближайшее будущее. Жду вас в Скотленд-Ярде завтра утром.

— Как в прошлый раз, в десять? — В голосе Грегори звучала скрытая ирония.

— Да. Вы придете? — будто невзначай спросил Шепард. Они стояли и смотрели друг на друга. Губы Грегори дрогнули, но он ничего не сказал. Шагнул к дверям. Он повернулся спиной к Шеппарду, взялся за ручку и все еще чувствовал на себе его непоколебимо спокойный взгляд. И, уже открывая дверь, бросил через плечо:

— Я приду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Автобиографическое эссе «*МОЯ ЖИЗНЬ*» написано по-немецки и опубликовано в журн.: *Neue Rundschau*, 1983, Н.4.

Перевод выполнен по изданию: Lem S. *Science-fiction: Ein hoffnungsloser Fall mit Ausnahmen*. Frankfurt a/M., 1987.

Первая публикация на русском языке (в пер. К. Душенко) в кн.: Лем С. *Маска*. М., 1990.

«*ЭДЕМ*»: первая публикация — *Trybuna Robotnicza* (Kato-wice), 1958, № 212—271. Книжная публикация: Lem S. *Eden*. Warszawa: Iskry, 1959.

Первая публикация на русском языке (в пер. Дм. Брускина): *Звезда*, 1966, № 9—10; а также в кн.: Вахта «*Арамиса*». Л., 1967. В настоящем собрании восстановлены фрагменты текста, опущенные в прежних изданиях.

Роман переведен на пятнадцать языков.

«*РАССЛЕДОВАНИЕ*»: первая публикация — *Przekrój* (Krakow), 1958, № 698—711. Книжная публикация: Lem S. *Śledstwo*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1959.

Первая публикация на русском языке (в пер. С. Ларина): *Детектив и политика*, 1989, вып. 3—4. Роман выходил также в пер. Л. Цывьяна под названием «*Следствие*» (в кн.: Лем С. *Следствие*. Л., 1990).

Роман переведен на шесть языков.

К. Д.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

- 1921, 12 сентября. Во Львове, в семье врача, родился Станислав Лем.
1936. Первые литературные опыты.
1939. Окончание гимназии. Начало учебы во Львовском медицинском институте.
- 1941—1944. Участие в годы немецкой оккупации в польском движении Сопротивления. Работа автослесарем, сварщиком. Написана повесть «Человек с Марса».
1944. Продолжение учебы в медицинском институте.
1946. Семья репатрируется в Польшу, поселяется в Кракове. Учеба в Ягеллонском университете. Первые публикации в периодике — стихи, рецензии, повесть «Человек с Марса».
1948. Окончание медицинского факультета университета. Работа в Научно-исследовательском семинаре М. Хойновского. Завершение романа «Больница Преображения» (впоследствии — первая часть трилогии «Неутраченное время»).
1951. Первые книги: «Яхта «Парадиз» (в соавторстве с Р. Хуссарским), «Астронавты». Комедия «Яхта «Парадиз» поставлена в Лодзи и Ополс.
1952. Завершение работ над трилогией «Огненная река» (впоследствии — «Неутраченное время»).
1953. Женитьба на Барбаре Лесьняк. Публикация первого рассказа из цикла «Звездные дневники» в еженедельнике «Жизнь литератора».
- 1953—1954. Журнал: первая публикация романа «Магелланово облако».
1954. Сборник «Сезам» и другие рассказы.
1955. Книги: «Магелланово облако», «Неутраченное время». Награждение «Золотым крестом за заслуги».
1957. Книги: «Звездные дневники», «Диалоги». Литературная премия города Кракова за трилогию «Неутраченное время» и другие творческие достижения.
1958. Газетная публикация «Эдема» и журнальная — «Расследования».
1959. Книги: «Эдем», «Расследование», «Вторжение с Альдебарана». Награждение Крестом офицерского ордена Возрождения Польши.
1961. Книги: «Солярис», «Возвращение со звезд», «Рукопись, найденная в ванне», «Книга роботов».
1962. Сборник эссе и рецензий «Выход на орбиту». Газетная публикация фрагментов из «Суммы технологий». Первая поездка в СССР.

1963. Сборник «Лунная ночь».
1964. Книги: «Непобедимый» и другие рассказы», «Сказки роботов», «Сумма технологий».
1965. Книги: «Кибериада», «Охота». Литературная премия II степени министра культуры и искусства за творчество в целом. Вторая поездка в СССР.
1966. Книги: «Высокий Замок», «Звездные дневники» (дополненное издание).
1968. Рождение сына Томаша (14 марта). Книги: «Рассказы о пилоте Пирксе», «Глас господ», «Философия случайности».
1969. Премия Комитета по делам радио и телевидения за сценарий телефильма «Слоеный пирог». Третья поездка в СССР.
1970. Книга «Фантастика и футурология».
1971. Книги: «Абсолютная пустота», «Бессонница». Награждение Командорским крестом ордена Возрождения Польши.
1972. Второе, дополненное издание «Диалогов».
1973. Сборник «Мнимая величина».
1974. Газетная публикация повести «Маска».
1975. Книги: «Высокий Замок. Ранние стихи», «Критические статьи и эссе».
1976. Книги: «Маска», «Насморк». Государственная премия ПНР за литературное творчество. Гран-при за 1974—1976 гг. на европейском конгрессе по научной фантастике в Познани.
1980. Переезд в Западный Берлин.
1981. Отдельное издание «Голема XIV».
1982. Роман «Осмотр на месте». Присвоение степени почетного доктора Вроцлавского политехнического института.
1983. Переезд в Вену.
1984. Сборник «Провокация».
1985. Публикация романа «Мир на земле» — на шведском языке.
1986. Сборник «Библиотека XXI века». Публикация романа «Фиаско» — на немецком языке. Присуждение Государственной премии Австрии в области литературы за 1985 г.
1987. Польские издания романов «Мир на земле», «Фиаско». Книга «Беседы с Лемом» (ответы С. Лема на вопросы литературоведа С. Береса).
1988. Возвращение в Краков. Второе, переработанное издание «Философии случайности».
1991. Литературная премия им. Франца Кафки (Австрия).

СОДЕРЖАНИЕ

Читаем Лема — значит, не все потеряно	5
МОЯ ЖИЗНЬ. <i>Перевод К. В. Душенко</i>	7
ЭДЕМ. Роман. <i>Перевод Д. М. Брускина</i>	29
РАССЛЕДОВАНИЕ. Роман. <i>Перевод С. И. Ларина</i>	257
Библиографическая справка. <i>К. Д.</i>	412
Даты жизни и творчества	413

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 10 ТОМАХ
Т. 1

Редактор *В. В. Петров*
Художественный редактор *В. Б. Прицена*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *Т. В. Калишина, Н. М. Пуцина*

Лем С.
Л44 Моя жизнь: Эссе. Эдем. Расследования: Романы. Собр. соч. в
10 тт. Т. 1.— М.: «Текст», 1992.— с. 415.

Л 4703010100-032 подп.
92

ISBN 5-87106-054-4

Сдано в набор 02.07.92. Подписано в печать 01.11.92. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л.
21,84. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 24,53. Тираж 200 000 экз. Заказ
№ 8506. С 17.

Издательство «Текст»
125190, Москва, А-190, а/я 89

Редакционно-издательская фирма «РИФ»
101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12-а.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва, Сушевский вал, 49

S T A N I S Ł A W

L E M

